

The background is a painting of a man's face with dark, wavy hair. The face is partially obscured by a yellow banner and has several red, starburst-like splatters. The man's expression is somber.

АЛЕКСАНДР ШУБИН

ПРЕДАННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

СССР и неформалы

1986–1989

европа.

Annotation

Это книга в жанре свидетельства. Демократическая среда 80-х – неформалы – сначала искренне стремилась к «правильному» социализму, затем столь же искренне увлеклась – реконструируя себе идеологию по книгам – кто анархо-синдикализмом, кто линией конституционных демократов, кто еще чем-то. Неформалы составляли реальную демократическую среду в период бури и натиска горбачевской перестройки. Они шли на улицы, они обеспечивали успешность массовых акций. Старшие товарищи грамотно воспользовались энергией этой восторженной молодежи и столь же грамотно отодвинули ее в сторону, когда заняли ключевые позиции в Межрегиональной группе уже подзабытого Съезда народных депутатов. Автор был в самой гуще краткого по времени движения идеалистов-неформалов конца семидесятых – восьмидесятых годов прошлого века и пережил все стадии этого движения.

This book belongs to the genre of testimony. The democratic milieu of the '80s, the informal youth groups (as opposed do Komsomol) were at the beginning quite candid in their aspirations for the «correct» socialism, but then – while reconstructing ideologies from the old books – with equal candidness they all took different paths: some were attracted by the anarcho-syndicalism while others became constitutional democrats or something else altogether.

The unofficial organizations constituted an authentic democratic environment at the time of the Sturm und Drang that marked the late period of Gorbachev's Perestroika. They took out to the streets securing the success of mass actions. The elder comrades have intelligently explored the energy of that rapt youth and managed to smartly divert it when they occupied key positions in the Interregional Group of that almost forgotten Congress of Peoples Deputies. The author was in the plain centre of the short-lived informal idealists' movement of the late '70s and through the '80s of the past century and he witnessed that phenomenon in all of its stages.

-
- [Александр Шубин](#)

- ПРЕДИСЛОВИЕ
- ВВЕДЕНИЕ
- ГЛАВА ПЕРВАЯ
 - ИСТОКИ
 - ЖИВОЕ ОБЩЕСТВО
 - «ПОИСКИ»
 - И «ВАРИАНТЫ»
 - «МОЛОДЫЕ СОЦИАЛИСТЫ»
 - РОЖДЕНИЕ ПОКОЛЕНИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ
 - «ОБЩИННЫЕ СОЦИАЛИСТЫ»
 - С ЧЕГО НАЧАТЬ?
 - КЛУБ СОЦИАЛЬНЫХ ИНИЦИАТИВ
 - КАК ВОЙТИ В ИСТОРИЮ?
 - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕАТР
 - ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СДВИГ
- ГЛАВА ВТОРАЯ
 - КОМСОМОЛЬСКАЯ КАМПАНИЯ
 - АТАКА НА АППАРАТ
 - КАК ПРОРВАТЬ ИНФОРМАЦИОННУЮ БЛОКАДУ?
 - СТРАНА ПОЛНА НЕФОРМАЛАМИ
 - БРАТЬЯ ПО РАЗУМУ
 - НЕФОРМАЛЫ И ДИССИДЕНТЫ
 - ЗАОЧНИКИ
 - ФИЗИКИ И ЛИРИКИ
 - «ПЕРЕСТРОЙКА»
 - ВОЗНИКНОВЕНИЕ «ОБЩИНЫ»
 - ДИСКУССИИ И ДОКУМЕНТЫ
 - ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИЦО
 - ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
 - БЫТЬ СВОБОДНЫМ
 - ДВА ПОКОЛЕНИЯ
 - ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
 - ЯДРО И ПЕРИФЕРИЯ
- ГЛАВА ТРЕТЬЯ
 - ЯСЛИ ДЕМОКРАТИИ
 - ПЕРЕГОВОРЩИКИ

- [КОНФЕРЕНЦИЯ «ЗАОЧНИКОВ»](#)
 - [ВСТРЕЧА-ДИАЛОГ](#)
 - [ПЕРВЫЕ КРИКИ МЛАДЕНЦА](#)
 - [ФЕДЕРАЦИЯ НАЧИНАЕТ ЖИТЬ](#)
 - [МОЛОДЕЖНАЯ ГРУППА «АЛЪЯНС»](#)
 - [ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ](#)
 - [НОВЫЙ САМИЗДАТ](#)
- [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [КОНСТРУКТИВИСТЫ И РАДИКАЛЫ](#)
 - [ОСЕННЯЯ РЕАКЦИЯ](#)
 - [ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ](#)
 - [ЧЕМ ХОРОШ ЕЛЬЦИН?](#)
 - [КАК ПРЕВРАТИТЬСЯ В ФАКТОР ПОЛИТИКИ](#)
 - [УЛИЧНЫЕ ВЫЛАЗКИ](#)
 - [ПРИМИРЕНИЕ](#)
 - [ПУШКИНСКАЯ ПЛОЩАДЬ. ДЕНЬ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА](#)
 - [РАЗМНОЖЕНИЕ ДЕЛЕНИЕМ](#)
 - [РАСКОЛ «ПЕРЕСТРОЙКИ»](#)
 - [ОТ «ПАМЯТНИКА» К «МЕМОРИАЛУ»](#)
- [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
 - [ЯНВАРСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ФЕДЕРАЦИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ КЛУБОВ](#)
 - [ЗА КУЛИСАМИ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ](#)
 - [МОСКВА...](#)
 - [... И РЕГИОНЫ](#)
 - [ПОПЫТКА «РАЗВОДКИ»](#)
 - [ЛЕВОЕ ПОЛЕ](#)
 - [РАСКОЛ ВСПК](#)
 - [«ОБЩИНА» И СОСЕДИ](#)
 - [КАК ПРОЙТИ НА УЛИЦУ?](#)
 - [ВТОРОЙ ПРИЗЫВ](#)
 - [ПОЯВЛЕНИЕ НЕОФИТОВ](#)
 - [ПОИСКИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ НИШИ](#)
 - [МАЕВКА](#)
 - [ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЮЗ](#)
 - [КОНСТРУКТИВНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ](#)

- ГЛАВА ШЕСТАЯ
 - НА ПУТИ К УЛИЧНЫМ ДЕЙСТВИЯМ
 - ЭКОЛГИЯ И ПОЛИТИКА
 - НАЧАЛО МИТИНГОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ
 - «ГАЙД-ПАРК» И СТРАНА
 - НА ТОМ ЖЕ МЕСТЕ, В ТОТ ЖЕ ЧАС
 - РАЗГОН
 - РЕВОЛЮЦИЯ, КОТОРУЮ ОНИ НАЧАЛИ
- ГЛАВА СЕДЬМАЯ
 - ПРИГЛАШЕНИЕ В БОЛЬШУЮ ПОЛИТИКУ
 - НУЖЕН ФРОНТ
 - НАРОДНЫЙ ИЛИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ?
 - НОВАЯ ВОЛНА
 - ОБЩЕСТВЕННЫЙ НАКАЗ НЕФОРМАЛОВ
 - РАСКОЛ «ФРОНТА»
 - ЭСКАЛАЦИЯ КОНФЛИКТА
 - АТАКА НА ПОПУЛИСТОВ
 - СОЦИАЛИЗМ И ПОПУЛИЗМ
 - НИШИ И ЛЮДИ
 - ТЕОРИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ НИШ
 - НИШИ НЕФОРМАЛОВ
 - БОРЬБА ЗА НИШИ
- ГЛАВА ВОСЬМАЯ
 - ОБЪЕДИНЕНИЯ И РАЗМЕЖЕВАНИЯ
 - АВГУСТОВСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ
 - ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОХОЛОДАНИЕ
 - РАСПАД ФСОК И СОЮЗ НЕЗАВИСИМЫХ СОЦИАЛИСТОВ
 - ФРАКЦИОНЕРЫ
 - ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОНФЕДЕРАЦИИ АНАРХО-СИНДИКАЛИСТОВ
 - «ОБЩИНА» И АНАРХИЗМ
 - ПОД ЧЕРНО-КРАСНОЕ ЗНАМЯ
 - К СВОБОДЕ СЛОВА
- ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
 - ТЕХНОЛОГИЯ КОНТРВЛАСТИ
 - ПРИНЦИП ПАРОВОЗА

- [«ВТОРАЯ ПАРТИЯ»](#)
- [ЭЛИТАРНАЯ ПАРТИЯ – «МЕМОРИАЛ»](#)
- [ПОПУЛИСТСКАЯ ПАРТИЯ – «МОСКОВСКИЙ НАРОДНЫЙ ФРОНТ»](#)
- [ЛУЖНИКИ](#)
- [СТРАТЕГИЧЕСКАЯ РАЗВИЛКА – СОЮЗ ИЛИ РОССИЯ](#)
 - [НАВСТРЕЧУ ВЫБОРАМ](#)
 - [«ПАТРИОТЫ» И «ДЕМОКРАТЫ»...](#)
 - [ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ](#)
 - [ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И «ВТОРАЯ ПАРТИЯ»](#)
- [КОНЕЦ ВРЕМЕНИ НЕФОРМАЛОВ](#)
 - [ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ МАШИНА](#)
 - [КУРС НА «ТРЕТИЙ МИР»](#)
 - [ЕДИНСТВО ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ](#)
- [ОТ «КРУГЛОГО СТОЛА» – К «ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РОССИИ»](#)
 - [РЫЦАРИ «КРУГЛОГО СТОЛА»](#)
 - [ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РОССИЯ](#)
 - [СМЕНА ВЕХ](#)
- [ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)

- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)

- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)

- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)

- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)

- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)

- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)

- [274](#)
 - [275](#)
 - [276](#)
 - [277](#)
 - [278](#)
 - [279](#)
 - [280](#)
 - [281](#)
 - [282](#)
 - [283](#)
-

Александр Шубин

**Преданная демократия. СССР и
неформалы (1986-1989 гг.)**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга о демократической среде тех, кого в конце 80-х – начале 90-х годов называли «неформалами» или «политическими неформалами». Ввел термин «неформалы» во всеобщий оборот, если не ошибаюсь, Юрий Щекочихин в одной (или не одной) своей статье в «Литературной газете» года примерно 85-го. Сначала его применяли в основном к хиппи и рокерам, а потом и к новым низовым общественным движениям, объединениям, группам. Слово было настолько на слуху, что не требовало никаких разъяснений.

Сейчас никто не назовет «неформалами» таких персонажей современной государственной и политической сцены, как Анатолий Чубайс, Алексей Кудрин, Андрей Исаев, Глеб Павловский, Сергей Митрохин, Владимир Рыжков. В конце же 80-х все они были именно «неформалами». Как минимум два «неформала» стали президентами – правда, не в России, а в Закавказье (Звиад Гамсахурдиа и Левон Тер-Петросян).

Книга А. Шубина позволяет уточнить многие детали нашей недавней истории, истоки всем известных событий. Например, идеи выделения России из СССР, успех которой привел к распаду Советского Союза.

Недавно я принимал участие в сугубо академической полемике на тему «кто и как развалил Советский Союз», где напомнил об участии в процессе развала тех, кто любит называть себя «патриотами». Еще в июне 1989 года народный депутат СССР, писатель Валентин Распутин выдвинул идею выхода РСФСР из состава Советского Союза. (Эту подзабытую обществом цитату из Распутина читатель встретит на страницах книги А. Шубина).

По собственному опыту знаю, как трудно избежать искажения воспоминаний. Книга у А. Шубина получилась на удивление объективной – что вообще редко бывает. Учитывая, к тому же, что автор – не только историк, но и политический деятель с весьма определенными взглядами, довольно левыми (по европейской шкале), и он их отнюдь не скрывает.

Кто-то, возможно, захочет упрекнуть автора книги в «общиноцентризме» – клуб «Община», в котором автор состоял и фактически был одним из двух (наряду с Исаевым) лидеров, действительно занимает в повествовании много места. Однако это вполне оправданно. И не только тем, что все перипетии событийной и интеллектуальной истории этого клуба Шубин, естественно, знает лучше всего. Поэтому А. Шубин избирает именно «Общину» для исчерпывающей по своей подробности характеристики внутреннего мира неформалов. И это – удачный выбор.

Опираясь на классические неформальные группы как на точку отсчета, автор представляет широкую палитру низовой демократии, подробно останавливается на драматичных конфликтах неформальных лидеров, в которых формировались истоки политической культуры многопартийности нашей страны. На страницах книги мы найдем и КСИ (Клуб социальных инициатив), и «Перестройку» (сначала одну, а потом две – «Демократическую» и «П-88»), и «Мемориал», и «Федерацию социалистических общественных клубов» (ФСОК), и Московский народный фронт (МНФ), и Конфедерацию анархо-синдикалистов (КАС), в создании которых роль «Общины» была или немалой (в случае с ФСОК и МНФ), или решающей (в случае с КАС).

Тот стиль политического действия «неформалов» – со всеми его противоречивыми чертами, в том числе «детскими» и смешными, – в наибольшей степени в московской политической среде концентрировался именно в «Общине» и «Гражданском достоинстве». Как раз удачно, что первая попытка обобщения истории неформального движения сделана историком, который про «Общину» знает просто все, а с «Гражданским достоинством» тесно взаимодействовал и поэтому тоже знает немало.

Если учесть, что в движении участвовали десятки историков по профессии или образованию, то даже удивительно, что о нем написано так мало. Кроме прежних публикаций А. Шубина, который обращается к теме уже не в первый раз, стоит, например, отметить вышедшую микроскопическим тиражом работу Юрия Скубко, описавшего историю создания «Демократического союза».

А. Шубин замечает об обстоятельствах складывания идеологии общественных деятелей и их дальнейшей политической траектории: «многое зависело от того, какую книгу ты прочитал сначала, а какую

потом» (сразу хочется предложить примеры: «Архипелаг ГУЛАГ», «К суду истории», «Протоколы сионских мудрецов»...). Но это относится не только к идеологическим и политическим сюжетам, а и к истории, литературе, культуре.

Я полагаю, что те, у кого стартовой площадкой изучения политики России конца 80-х годов окажется новая книга Александра Шубина, об этом не пожалеют.

*Владимир Прибыловский,
президент информационно-исследовательского центра
«Панорама»*

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга для тех, кому интересна эпоха перемен. Кто видит в переменах не только бедствие, но и возможность что-то изменить к лучшему. И у первых, и у вторых своя правда, но каждому важно понять, как складывается соотношение бедствия и освобождения, индивидуальных амбиций и человеческой солидарности. А для этого нужно знать реальную анатомию событий, реальные факты, а не мифы, достаточные для обывателя. Эта книга для тех, кому важно знать, как «раскручиваются» перемены.

Эта книга и для тех, кто мечтает о революции, или о «бархатной» революции, или о «бархатной революции» (даже простая перестановка кавычек позволяет нам понять разницу между имитацией событий и реальными переменами). Эта книга и для тех, кто видит в революциях и массовых выступлениях опасность, кто желает противостоять натиску толпы.

Эта книга о чем-то более важном, чем просто период конца 80-х годов. Здесь описан образ жизни, который отличается от привычной большинству наших современников повседневности. Эта книга – о решающем этапе становления советского гражданского общества, когда оно в наибольшей степени стало образом будущего, когда оно «потянуло» советское общество к этому будущему. Сегодня футурологи спорят, как будет выглядеть постиндустриальное общество. Будет ли оно информационным, манипулятивным, креативным, основанным на горизонтальных корневых сетях или виртуальной разобщенности? Насколько оно использует наследие консервативной, либеральной и социалистической мысли. Неформальное движение 1986—1989 годов было полигоном, который позволял заглянуть в будущее на примере конкретного опыта.

История неформалов состояла из событий, которые в жизни этого поколения (а то и предыдущего) происходили впервые. Первое публичное оппозиционное выступление, которое не ведет к репрессиям, первая демонстрация, первая легальная независимая газета, первая конференция оппозиционных сил. То, о чем сегодня мы говорим как об обыденности, тогда было маленьким подвигом с

огромным риском и непредсказуемым результатом. Сегодня мы привыкли к полетам на самолетах, и аэропланы начала XX века кажутся нам нелепыми этажерками. Но без этой рискованной нелепости был бы невозможен современный мир.

Советские люди того времени жили в условиях информационного вакуума, и если они не соглашались с прочно сколоченной догматической общепринятой точкой зрения, им приходилось искать мировоззрение на ощупь. Многое зависело от того, какую книгу ты прочитал сначала, а какую потом. Мировоззрение вольномыслящих людей напоминало пустую комнату, в центре которой стоит огромных размеров марксистско-ленинский стол. Его можно было выкинуть или, отпилив куски, разместить в углу. Но, освободив комнату от обломков, дальше следовало как-то обставлять ее, причем в условиях дефицита мебели где-то выискивать «стулья» социальных и философских доктрин, «шкафчики» исторических тайн, которые теперь знает каждый школьник. Неформалы СССР завидовали бы нам, нынешним, перегруженным информационными потоками. Они не слушали исторических передач Эдварда Радзинского, не читали книг математика Фоменко, отрицающего существование Древнего мира, не видели крикливых дебатов по телевидению о текущих политических событиях.

С другой стороны, поколению, мировоззрение которого формируется на грани XX и XXI веков, есть в чем позавидовать им – ведь прежде чем обустроить комнату, из нее следует вынести мусор. А нынешние мировоззренческие комнаты завалены информационным мусором. И если расчищать завалы своего сознания, то полезно присмотреться к опыту тех, кто в совершенно иных условиях преодолевал идеологические мифы, выносил мусор догматов, образовавшихся в ходе этого нелегкого ремонта, жил в восхищении от чуть ли не ежедневных открытий, от самого поиска истины. Той истины, которая тогда была скрыта за дверями запретов, а сегодня – за потоком информационного мусора, мифов эпохи постмодерна.

Описывая опыт неформального движения 1986—1989 годов, автор сталкивается с несколькими трудностями, неизвестными большинству историков прошедших эпох. Он знает события, о которых повествует, «изнутри». И в то же время не желает писать мемуары. Ибо мемуары одного человека слишком субъективны, чтобы на их

основе можно было понять ход событий. Память услужливо искажает события в пользу говорящего. Поэтому автор предпочитает предоставлять слово себе как участнику событий лишь постольку, поскольку сохранились документы того времени, которые помогают проверить память. Посмотрим на это время глазами других свидетелей, которых легко поправить, когда со стороны заметна их тенденциозность. Поправить себя в таких случаях сложнее. Автор оставляет за собой одно преимущество – участника, «инсайдера»: он знает, где искать свидетельства, связи событий и людей, знает, кто склонен приукрасить свою роль и возвести напраслину, а кому можно доверять в большей степени, даже если он говорит нечто неприятное. Автор не ставит перед собой задачу оправдать неформалов или обвинить их. Он не юрист, он – историк.

Еще одна сложность – угол зрения. Обычно история пишется «извне» события, а не «изнутри». Картина «с птичьего полета» более объективна – каждому фрагменту событий отмерено свое место и свой объем информации. Никто не упрекнул бы меня в этом случае в том, что я «выпячиваю» роль одних в ущерб другим. Но при взгляде «с птичьего полета» потеряется множество деталей – ведь объем книги ограничен. А без этих штрихов исчезнет неповторимый аромат истории, микросреда, в которой вываривались события, «человеческий фактор», который в действительности не сводится к «великим личностям» Михаилу Горбачеву, Борису Ельцину, Андрею Сахарову и т. п.

Нет, как хотите, но я поведу вас другой дорогой.

Наша экскурсия углубится в самые недра общественного движения 1986—1989 годов. Мы пройдем тем путем, которым в юности шел автор, будем встречаться с его знакомыми, а также со знакомыми его знакомых. Это – выигрышная позиция для наблюдения реальной истории. Здесь и микросреда конкретной и во многих отношениях типичной общественной группы того времени – «Общины». Именно на примере этой группы мы рассмотрим микромир неформальных организаций, что позволит нам лучше понять жизнь этого сообщества в целом. «Община» расположена в непосредственной близости от центра, мейнстрима неформального движения. Отсюда вы сможете все хорошо разглядеть. Рядом тянутся нити к народной стихии и к загадочному тогда (но очень хорошо

известному в начале XXI века по мемуарам) миру ЦК и «прорабов перестройки». Но это – не мир неформалов, и мы осмотрим эти связи пунктирно. Также в общих чертах или на примере наиболее ярких эпизодов мы увидим движения, расположенные в стороне от основного потока – будь то Демократический союз, педагоги-коммунары и так далее.

И еще одно. Это экскурсия по Москве. События в Ленинграде, Прибалтике, Закавказье, Молдавии, Средней Азии, в каждом из городов России, Украины, Белоруссии, таких в сущности похожих в то время, достойны отдельного повествования. Но согласимся: в то время главное политическое сражение шло в Москве. И поэтому если о чем-то говорить подробно, то сначала о столице.

В эпицентре нашего повествования мы встретим людей с идеями. В истории идеи иногда значат больше, чем действия, и мы внимательно рассмотрим, что тогда предлагали эти люди стране. Это тем более интересно, что авторы проектов 1986—1989 годов не знали того, что мы знаем сегодня. Но революционная эпоха требует внимания и к идеям, и к действиям. Нас будут прежде всего интересовать идеи тех, кто действовал.

У многих из этих людей уже тогда было большое общественное прошлое, в том числе диссидентское. У многих из них будет заметное будущее – они станут журналистами, бизнесменами, чиновниками, депутатами и другими «телевизионными головами». Они станут очень разными, пройдя неформальную школу. Но звездный отрезок их биографии состоялся в то время, когда они пытались сыграть свою партию в оркестре исторических Событий. Не всем это дано. Хотя все готовы судить игру тех, кто действовал. Но если вы думаете, что смотрелись бы лучше – попробуйте хотя бы повторить, сыграть свою роль в новом Событии. Но тем, кто остался пассивным наблюдателем, нечего обижаться, если не нравится результат Истории. Она зависит от людей, в ней участвующих, от их опытности и неопытности, рассудка и эмоций, ошибок и мудрости. От знания опыта предшественников и умения учитывать его. Эта книга – об опыте.

ГЛАВА ПЕРВАЯ ИНИЦИАТИВЫ И ПОДПОЛЬЕ

ИСТОКИ

ЖИВОЕ ОБЩЕСТВО

В СССР, ВОПРЕКИ современным мифам и легендам о нем, существовало множество автономных общественных движений. В 1956 году стартовало коммунарское педагогическое движение, в 1958—1960 годах – движение дружин охраны природы, в 60-е бурно развивалось песенное движение, причем сразу двумя потоками – рок-движение и клубы самодеятельной песни. А еще существовали многочисленные краеведческие клубы, литературные течения и религиозные секты. Эти движения были массовыми, вступали в сложные и иногда конфликтные отношения с властями, вырабатывали собственную систему взглядов.

Вспоминает В. Л. Глазычев^[1]: *«Наряду с неформалами существовали полуформалы. Это была никак не отстроенная полусеть полуформальных структур, в которой люди хорошо знали друг друга. Они ютились в самых неожиданных местах, кочевали, давали убежище друг другу. Когда лидер Московского методологического кружка Г. П. Щедровицкий был изгнан из партии и был вынужден уйти с работы во ВНИИ технической эстетики за то, что подписал письмо в защиту диссидентов, его приютили в Центральной учебно-экспериментальной студии Союза художников СССР, обеспечивавшей этому союзу графу отчетности „связь с жизнью“. Кстати, Щедровицкий не был диссидентом. Я ему задавал вопрос: почему ты подписал, ты не должен был подписывать, ведь твоя функция – тащить свое дело, и ты подставляешь это дело. Он ответил, что это – друзья, давление среды, которое заставило этого абсолютно логического человека поступать по велению сердца, а не разума. И отдел теории дизайна ВНИИ технической эстетики, и Центральная учебно-экспериментальная студия, и молодежная секция*

Союза архитекторов были очагами этой сети мощных дискуссионных клубов, летних школ и семинаров, где под предлогом теории дизайна или чего-то еще обсуждалась структура общества, взаимодействия между экспертами и властью, тысячи вопросов абсолютно внецензурных, хотя все чуть-чуть „блюли приличия“, не называя вещи своими именами. Эти дискуссионные очаги были связаны с целым рядом изданий. Среди выделялись „Знание – сила“ с его отделом фантастики, „Декоративное искусство“, где была напечатана первая статья Льва Гумилева. Редакции этих журналов фактически были дискуссионными клубами. И все эти „очаги“ более или менее друг о друге знали»^[2].

Разделение на неформалов и «полуформалов» до начала перестройки фактически отсутствовало. Полуформалы были неформалами, которые смогли обзавестись статусом, позволявшим использовать государственные учреждения в интересах неформальных структур. Но через очаги общественного движения проходило множество людей, которые были не организаторами, а «потребителями» этой творческой среды, и их круг был куда шире, чем собственно неформальный актив. Позднее, уже в ходе перестройки, между разными поколениями общественности обнаружится существенное поколенческое различие, где важную роль будет играть социальный статус. Политические неформалы 80-х вступят в сложные отношения с шестидесятниками, представителями статусной либеральной интеллигенции, некоторые из которых сами в прошлом прошли через структуры, аналогичные неформальным.

Накануне перестройки в кругах интеллигенции кипели идейные дискуссии, тысячи людей передавали друг другу самиздат самого разного (не всегда оппозиционного) содержания, обращали внимание друг друга на «наши» статьи в официальной прессе. Наконец, открыто оппозиционные взгляды выдвигало диссидентское движение. Все это позволяет говорить о том, что в СССР существовали сектора гражданского общества^[3].

Из-за авторитарного характера режима полноценное гражданское общество не могло возникнуть, так как каждый сектор был изолирован от большинства других. Были ограничены возможности выдвижения

обществом самостоятельных социально-политических задач. А без этого отсутствует важнейший признак гражданского общества – гражданственность, социально-политическое давление на государство.

Диссидентское движение пыталось выполнять эту миссию, но оно было изолировано от остальных движений в силу своей идеологии, методов деятельности. Диссиденты воспринимали остальное общество как часть враждебной им «системы».

Вспоминает Г. О. Павловский^[4]: *«Диссиденты жили в противостоянии Системе. Сама идея противостояния предполагала, что ничего другого нет – есть Система и ее люди, и есть героические и малочисленные участники того, что называлось по-разному: „Движение“, „Сопротивление“, „Демократическое движение“, „диссидентство“. Больше ничего нет и быть не может.*

В силу успешной по-своему модели юридического противостояния диссидентское движение не могло расширяться. Когда приходили люди с предложениями политической борьбы, диссидентская среда их не принимала.

Диссиденты по идее Вольпина отстаивали существующую конституцию, а потом Хельсинкские соглашения. А если люди хотели бороться не за юридические поводы – было неясно, куда их прищипандорить – при чем здесь конституция. Мы политикой не занимаемся, мы права защищаем»^[5].

В конце 70-х – начале 80-х годов предпринимались попытки оппозиционных групп выйти из изоляции. Характерно, что позднее некоторые участники этих событий станут лидерами неформалов.

«ПОИСКИ»

ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕОДОЛЕТЬ разрыв инакомыслящих с окружающим миром обсуждались в московском самиздатском журнале «Поиски», где печатались такие люди, как П. Абовин-Егидес, П. Пыжов (Г. Павловский), В. Абрамкин и другие. В журнале собрались люди преимущественно левосоциалистических взглядов, но

сотрудничали и либералы. В дальнейшем мы будем употреблять это слово в кавычках – «либералы» (или «либеральные коммунисты») – сторонники некоторой «либерализации» советской системы, расширения в ней свобод. Понятно, что «либералы» не являются собственно либералами – сторонниками западной экономической (капитализм, частная собственность, финансовый рынок и так далее) и политической (многопартийность и так далее) системы. Либералы без кавычек появляются из диссидентской среды и будут действовать в неформальном движении сначала как его меньшинство. В диссидентском движении либерализм в собственном смысле слова только вызревал и не стал господствующим течением.

Вспоминает Г. О. Павловский: *«Нельзя забывать, что диссидентское движение – это движение советско-идеалистическое. В ранней фазе оно себя очень четко дистанцировало от антисоветских групп. Оно отказывалось определиться как антикоммунистическое. Были лишь отдельные люди и кружки, стоявшие на антикоммунистических позициях, но они не составляли большинства. Резковатых на словах людей подозревали в том, что они связаны с Комитетом. В этом была некоторая провокационность, больше полезная для наших противников, чем для нас. Это касается и действий, и разговоров, и антикоммунизма. Во время диссидентского движения Виктор Сокирко под псевдонимом Буржуадемов был почти единственным ходатаем буржуазного развития. С ним не соглашался практически никто, включая академика Сахарова. Все хотели чего-то другого. А когда капитализм пришел, он его настолько ужаснул, что Сокирко закрылся от этого нового мира, пытаясь и сейчас жить по-диссидентски. Он даже свои памфлеты против меня сейчас печатает на гектографе».*

«Поиски» искали синтез идей, которые могли бы лечь в основу плавного реформирования «системы» и в то же время получить поддержку хотя бы части советского общества, включая и реформаторское крыло правящей элиты. Это был не единственный

мозговой центр того времени, но обсуждение в «Поисках» было характерным для этого времени.

Вспоминает Г. О. Павловский: *«Мы с Гефтером и Игруновым^[6] искали возможность открыть более широкую реальность. И в это же время польские и чешские диссиденты, Гавел и Михник, развернули дискуссию о компромиссе, позволяющем выйти за пределы изолированной среды. Советский Союз для меня был продуктом компромисса реальной политики и социального идеализма, которым я никак не хотел пожертвовать. Для меня советское общество – это было общество равных. В этом был некий смысл всей остальной политики. Иначе зачем мы этим занимаемся, если исчезает социальное равенство и империя знания, образованности? Ведь источником русского марксизма является в том числе и русская классическая литература с ее идеалом справедливости. Это наша идентичность.*

Мне тогда рассуждения сторонников экономического либерализма казались труднопроверяемыми. Но я старался не думать об этом, как и многие. Я был сторонником постепенной либерализации Советского Союза. Политическая свобода не казалась мне достаточной ценностью, чтобы ради нее можно было пожертвовать государством. Я был государственным, и всегда очень настороженно относился ко всему, что может разрушить государство. У нас по этому поводу была в 1981—1982 годах большая полемика в самиздате с Игруновым и Сокирко. Я считал, что Андропов был гарантом системности советского строя. Пока вы рветесь к пульту, но не знаете, на какие кнопки будете нажимать, то пусть пока будет Андропов.

Буржуадемов выступал за создание буржуазно-либеральной партии, которая выступала бы как оппонент КПСС за развитие экономических свобод. А где тогда окажутся СМИ? А СМИ дадут коридор наиболее речистым и экономически сильным, причем в каждой республике. А что

вы будете делать с проблемами Грузии, Абхазии и Армении? Уже после разгрома «Поисков» я пытался создать «третью силу», писал открытые письма Андропову и Черненко, призывая здоровые силы в недрах Политбюро к проведению ответственной государственной политики».

Так формировалась стратегия общественного движения, ориентированная на связь независимого интеллектуального центра с реформаторами в партии. Интеллектуалы в силу своей независимости лучше понимают ситуацию и выступают в качестве ответственных советников. Но что заставит реформаторов слушать именно их, а не своих штатных советников из академиков и аппаратчиков?

И «ВАРИАНТЫ»

С ДРУГОЙ СТОРОНЫ к этому вопросу подошли «молодые социалисты», группировавшиеся вокруг журнала «Варианты». Он издавался кружком знакомых, который сложился еще в университетские годы и начал участвовать в нелегальной работе с 1976 года. В него входили А. Фадин, П. Кудюкин^[7], М. Ривкин, В. Чернецкий, Ю. Хавкин, И. Кондрашев. Группа «Вариантов» контактировала с диссидентами и членами зарубежных компартий.

Павел Кудюкин^[8] так определяет свои взгляды того времени: *«Левая социал-демократия с элементами революционной социал-демократии. Мы с Фадиным западное общество не воспринимали как что-то изолированное, оно было тесно связано с третьим миром. В этом отношении наша революционность была направлена как против СССР, так и против Запада, который имеет свои тупики, эволюционным путем не разрешимые. Хотя революция не связывалась для нас с насилием. Здесь была несомненная параллель с западными „новыми левыми“. Мы признавали, что в СССР кризис может привести к разрушительному насильственному взрыву. Мы стремились к тому, чтобы советская империя заменилась неким содружеством, чтобы возникла многосекторная экономика*

с государственным, самоуправленческим и частным секторами, переход к гибким формам воздействия на экономику – индикативному планированию. Нашими целями были экономическая демократия, свободные профсоюзы, политическая демократия в западном смысле и развитие прямой демократии на низовом уровне, возможность простым людям как можно больше участвовать в решении общественных дел»^[9].

С «Вариантами» сотрудничал Борис Кагарлицкий, который в 1978 году стал издавать самиздатский журнал «Левый поворот» (первый номер вышел в 1979-м). В 1980 году журнал вышел под названием «Социализм и будущее». Взгляды Бориса Кагарлицкого могут быть определены как вариант еврокоммунизма.

Идеологический спектр обоих изданий был относительно широк – от правой социал-демократии до еврокоммунизма, хотя левосоциалистическая тенденция была доминирующей. «Молодые социалисты», как позднее стали называть издателей «Вариантов» и «Левого поворота», сходились на том, что необходимы реформы сверху под давлением снизу, придание социалистической модели большей эффективности и демократизма.

Эти идеи соответствовали официальной линии перестроечного руководства в 1985—1989 годах. Но именно поэтому они представляли реальную опасность для монополии КПСС на власть и ее преобразование. Особые опасения вызывали тактические планы «молодых социалистов». Они резко критиковали существующий строй, высказывая сомнения в его социалистичности, с надеждой всматривались в польский опыт, обсуждая возможности повторения подобных же событий в СССР. В качестве организационного ядра будущей революции они намеревались создать Федерацию демократических сил социалистической ориентации. Традиционные диссиденты уже давно не предпринимали попыток создания всесоюзных политических организаций. Не удивительно, что КГБ пошло на разгром «левых». Но идея создания левой Федерации, лояльной КПСС, но оппонировавшей ей, осталась в «копилке идей».

«МОЛОДЫЕ СОЦИАЛИСТЫ»

В АПРЕЛЕ 1982 ГОДА были арестованы «молодые социалисты» Б. Кагарлицкий^[10], П. Кудюкин, А. Фадин, Ю. Хавкин, В. Чернецкий, А. Шилков, а позже – М. Ривкин. В донесении Федорчука Андропову (формально уже не руководившему КГБ) говорилось, что арестованные «предпринимали меры к созданию в стране организованного антисоветского подполья в виде т. н. „Федерации демократических сил социалистической ориентации“ для активной борьбы с Советской властью, утверждая при этом в одном из „теоретических“ документов, что „... коммунизм советского образца – преступление против человека и человечества, а СССР – нравственный застенки миллионов“... Как выяснилось в ходе следствия, Фадин систематически передавал Майданнику, Шейнису, Ворожейкиной, Ржешевскому, Данилову, Ивановой, Скороходову различную антисоветскую литературу для ознакомления»^[11].

Связь «молодых социалистов» с научной интеллигенцией, которая в свою очередь имела выходы на придворных либералов, могла расцениваться КГБ как поощрение последними создания «подрывной» организации по образцу польского КОС-КОРа. Поскольку двое арестованных (Фадин и Кудюкин) работали в ИМЭМО, их арест был использован противниками директо-ра института Николая Иноземцева для травли «гнезда ревизионистов». Конфликт в высшем экспертном сообществе СССР придал делу Фадина – Кудюкина дополнительный резонанс^[12].

Работу КГБ облегчала неопытность «молодых социалистов». Б. Кагарлицкий, А. Фадин и П. Кудюкин во время допросов сообщили сведения, которые позднее были использованы судом для «изобличения» М. Ривкина. Суд над «молодыми социалистами» был назначен на 12 февраля 1983 года, но отменен (в значительной степени в связи с заступничеством зарубежных компартий). По мнению А. Фадина, «Андропов... не хотел начинать царствование с громкого процесса»^[13].

Б. Кагарлицкий, А. Фадин, П. Кудюкин и другие участники группы были освобождены в соответствии с Указом о помиловании 25 апреля 1983 года, после того как подписали заявление об отказе от продолжения антисоветской деятельности. Решение о помиловании до суда было вынесено Президиумом ВС СССР (во главе с Юрием Андроповым) – уникальный случай в советской юридической

практике. Не подписавший заявление М. Ривкин был в июне 1983 года осужден (семь лет лагерей и пять лет ссылки). Вызванные на суд над Ривкиным в качестве свидетелей «молодые социалисты» отказались подтвердить показания, способные изобличить подсудимого. Но показания, данные во время следствия, были использованы для его осуждения. Эти события наложили тяжелый отпечаток на отношения их участников. Кагарлицкий обвинял в происшедшем Фадина и Кудюкина. Ривкин, освобожденный в 1987 году, перед отъездом в Израиль в 1989-м выступил с резкими обвинениями против Кагарлицкого, Фадина и Кудюкина, но затем нормализовал отношения с двумя последними. Кагарлицкий отрицает справедливость обвинений Ривкина и утверждает, что вообще не знал его до ареста. «Дело Ривкина» неоднократно использовалось политическими противниками Кагарлицкого, Фадина и Кудюкина для их дискредитации. Поскольку участники событий продолжали активно участвовать в общественной жизни, их конфликт влиял на развитие общественного движения во второй половине 80-х годов^[14].

Глеб Павловский, также «зачищенный» в апреле 1982 года (в эту волну арестов попало более ста человек), так комментирует этические проблемы, с которыми приходилось сталкиваться в начале 80-х: «Я не склонен делить диссидентов на „кошерных“ и „некошерных“. Меня больше травмировали телелокация видных диссидентов. Тем более, мое поведение тоже не было вполне „кошерным“. Я был арестован в январе 1980 года и поставлен перед выбором – посадка или эмиграция. Ни то ни другое меня не устраивало, поэтому я заключил с ними соглашение – прекратить вести общественную деятельность. Это соглашение я нарушил.

Апогеем моего диссидентства стала такая «журналистская авантюра» – мы с крыши фотографировали суд над Абрамкиным. А потом мне захотелось выразить свое отношение, и я камнем швырнул в окно суда. Меня преследовали, я прыгнул с крыши и сломал ногу. Милиция меня не нашла, я был прооперирован по чужому паспорту. Вскоре меня вычислили по оперативным

данным, но доказательств у них не было. Они меня просто вызвали и сказали, что наши договоренности не действуют. Моя позиция становилась все более умеренной как раз в это время. Если бы я сидел тихо, меня, может быть, и оставили бы в покое, но я писал открытые письма вождям СССР. А тут решили присоединить к списку на зачистку. 6 апреля 1982 года была большая посадка. Дочистили «Поиски» и посадили «Варианты».

После ареста я дал показания на себя и тех, кто уже уехал из СССР. В итоге мне дали пять лет ссылки, но после года в тюрьме мне оставалось сидеть три. Уже в 1984 году, приехав в отпуск из ссылки, я застал диссидентское движение разрушенным. Люди эти существовали, продолжали жить, но среда исчезла».

Посадки 1982—1983 годов добились диссидентское движение и надломали многие характеры. Горстка оппозиционеров, державшая на своих плечах инфраструктуру диссидентства, устала быть героями. Когда перестройка откроет перед общественным движением новые возможности, большинство из них останется в стороне от активной деятельности. И те, кто вернутся к оппозиционной жизни, решатся на это после того, как неформалы сделают процесс необратимым.

РОЖДЕНИЕ ПОКОЛЕНИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ

«ОБЩИННЫЕ СОЦИАЛИСТЫ»

ВЗГЛЯДЫ БОЛЬШИНСТВА неформальных лидеров формировались вне связей с диссидентским движением. В этом отношении история левых диссидентов важна, но для неформалов нетипична. Первому поколению неформалов приходилось конструировать взгляды, опираясь на доступную открытую литературу. Последовательность фактов, становившихся известными человеку, во многом определяла его дальнейшее развитие на весь период. Дальнейшие факты уже сортировались этой матрицей. Либеральная матрица ставила на первое место ценность индивидуальной свободы.

Если человек был шокирован информацией о «преступлениях против личности» времен сталинизма, то страх перед повторением террора и подавления индивидуальности перевешивал угрозы социальных бедствий. В этом случае главным злом становился коммунистический режим, искоренение которого решало важнейшие проблемы общества. Если же сначала человек приходил к осознанию, что советское общество не соответствует идеалам социального равноправия, обнаруживал социальные язвы на его теле, то главное зло виделось в социальном устройстве, как правило – в эксплуататорском бюрократическом классе. Эта логика вела к социалистическим убеждениям, противостоящим как сталинизму, так и либеральному западничеству. Этот второй путь мы рассмотрим на примере основателей группы «общинных социалистов», с которыми мы часто будем встречаться на страницах этой книги. Они важны для нас еще и потому, что развитие их группы относится уже не к предыстории, а к истории перестройки. Они оказались неформалами первого поколения, первоначально практически лишенными связи со старшими товарищами по общественному движению.

Система идей «общинного социализма» была выработана в дискуссиях двух студентов истфака Московского государственного педагогического института – Андрея Исаева и Александра Шубина, автора этой книги. Так что дальше я иногда позволю себе говорить от

первого лица. В наших обсуждениях-марафонах часто участвовал наш одноклассник Владимир Гурболиков. Истфак МГПИ был одним из оазисов вольномыслия, каких было уже немало в первой половине 80-х. Высокое качество гуманитарного образования сочеталось здесь с демократизмом – МГПИ был гораздо менее элитарным вузом, чем МГУ, студенты были ориентированы на подвижническую профессию школьного учителя. Эта среда была сродни разночинской и отчасти народнической по своим господствовавшим ценностям и психологическим стереотипам.

Конечно, обстановка в МГПИ не была диссидентской, здесь существовал полный набор структур авторитарного контроля за умами, характерный для доперестроечного СССР. Но в то же время в самый разгар андроповского времени на истфаке велись публичные дискуссии об «азиатском способе производства», ставившие под сомнение официальную историософскую схему, шла борьба между западниками и славянофилами, иногда выливавшаяся в открытые конфликты даже в профессорской среде. На этой благоприятной почве произрастали коммунарские, патриотические, либеральные плоды. Мы пошли по пути социалистической идейной традиции.

В становлении взглядов Андрея Исаева большую роль сыграл подпольный кружок, в котором он состоял с 1982 года, основанный юными радикалами Николаем Кузнецовым и Алексеем Василевским в 1979—1980 годах и постепенно принявший марксистскую ориентацию (при этом Николай Кузнецов был плехановцем и антиленинцем). После возвращения из армии Андрей Исаев, «радикализированный» армейской обстановкой, настаивал на активизации работы кружка. Подпольное сообщество получило политизированное наименование «Оргкомитет Всесоюзной революционной марксистской партии (ОК ВРМП)» и даже внедрило своего человека (бывшего однополчанина Исаева) на завод им. Ленина. Здесь члены кружка (прежде всего Алексей Василевский) читали некоторое время «подрывные» лекции (вскоре администрация быстро прекратила доступ лектора к рабочим). Одновременно ОК ВРМП даже выпустил программный бюллетень в единственном экземпляре (его давали читать сочувствующим).

К середине 1985 года двадцатилетний Исаев прошел идейную эволюцию, уже включавшую несколько революций. Первые, еще

детские свои политические пристрастия он характеризовал как стихийный анархизм, неприятие существующих порядков. Затем его увлекла стройность марксистского учения. Юношеский радикализм и темперамент придали марксизму Исаева левацкую направленность. Он считал необходимым бороться с мещанством и капиталистическими чертами общества сверху. Однако в институте, общаясь с оппозиционно настроенными товарищами (Алексеем Василевцем и Владимиром Губаревым), Исаев стал склоняться к идее революции против сложившегося режима.

Его оппозиционность укрепилась после призыва в армию. В 1983 году он считал, что в стране сложился диктаторский государственно-капиталистический режим, который может быть свергнут демократической социалистической революцией. По взглядам он был близок к идеям Владимира Ленина, изложенным в работе «Государство и революция». Идеи этого периода оценивались им позднее как антигосударственные, но и антианархические. В армии Исаев и его сослуживцы создали небольшой кружок, занимавшийся нелегальной пропагандой. Офицеры догадывались о его существовании и даже нашли секретную тетрадь с иносказательными записями оппозиционного содержания, но дальше устных обвинений в троцкизме дело не пошло^[15].

В качестве легальной трибуны кружок использовал комсомольскую организацию, которая в результате стала действовать как профсоюзная, отстаивавшая права солдат.

Вспоминает А. Исаев: *«Мы служили в роте охраны. Дедовщины там не было, но была эксплуатация всей роты как таковой. Через день ходили то в караул, то на стройку. „Офицер“ очень „рвал“ перед начальством – ему что-то обещали за досрочную сдачу объекта. Выспаться не давали. Поэтому солдаты засыпали прямо на стройке, падали, опаздывали везде. И все это трактовалось как нарушения, а комсомольскую организацию заставляли выносить взыскания. Я был в бюро ВЛКСМ. И тогда комсомольское собрание, признав нарушение воинской дисциплины у очередного проштрафившегося, вынесло „частное определение“ в адрес командования части о том, что*

солдатские нарушения являются следствием нарушения устава офицерами. Это вызвало свирепую реакцию, мы некоторое время вообще не могли собрать комсомольское собрание. Активность свою нам пришлось свернуть, но и командование посылки на стройку прекратило»^[16].

После возвращения из армии Исаев под влиянием Кузнецова на некоторое время увлекся Плехановым (не в ущерб авторитету Ленина). Одновременно он размышлял над проблемой бюрократизации рабочего движения, когда реальная власть от имени рабочих переходит в руки вождей. Исаев считал необходимым периодическое свержение вождей в пролетарской партии. Но как избежать при этом расколов и распада организации? Ответ пришел с неожиданной стороны – обучаясь на историческом факультете, Исаев взялся готовить доклад о Сергее Нечаеве и задел тему бакунизма. Первое же знакомство с работами Михаила Бакунина показало, что этот теоретик решал как раз те проблемы, которые стояли перед Исаевым. По мере изучения бакунинских работ (начиная с фрагментов «Государственности и анархии», опубликованных в сборнике «Утопический социализм в России», и кончая собранием сочинений, выпущенным анархистами в 20-е годы) Исаев все яснее осознавал себя бакунистом. Первое время это не мешало ему считать себя также марксистом и ленинцем.

Возвращение Андрея Исаева спровоцировало острую дискуссию в ОК ВРМП, которая велась вокруг вопроса: «Могут ли рабочие контролировать государственный центр в социалистическом обществе будущего?»

Андрей Исаев привлек к спору в ОК ВРМП меня. Прежде ни в каких оппозиционных группах я не участвовал и представлял собой тип потенциального академического ученого. Мои однокурсники – участники ОК ВРМП первоначально не верили в возможность привлечения такого «научного червя» к оппозиционной активности. Однако научные поиски в это время как раз сделали из меня оппозиционера-одиночку, который жадно искал «братьев по разуму». Еще в школьные годы (в 1981—1982 годах) я пришел к некоторым крамольным выводам.

Из дневника А. Шубина, июнь 1982 года: *«Мы очень недалеко поднялись от того фундамента, который заложили Маркс, Энгельс и Ленин. А время идет, и старый фундамент начинает кое-где давать трещины...»*

Пытаясь рационально переосмыслить наследие классиков, превратить историю в точную науку, способную не только интерпретировать, но и прогнозировать события, я все в большей степени расходился с догматами официальной идеологии. Этому способствовали унаследованная от старших неприязнь к сталинизму, служба в армии, интерес к формационной теории, который очень быстро вывел меня на проблему бюрократии при социализме. Тогда же начались мои теологические поиски.

Из дневника А. Шубина, август 1982 года: *«... Я впервые точно сформулировал свое представление о возможности Высшего разума. Его существование совсем не исключается объективными законами развития природы и общества».*

Служба в армии способствовала быстрому развитию моих революционных настроений. Столкнувшись в армии с дедовщиной, я попытался применить революционную теорию на практике и создал подпольную организацию «молодых» против «дедов». Организация была раскрыта, и от серьезных травм спасло только то, что в этот момент меня в числе группы «строптивых москвичей» перебросили на другое место службы. Там история повторилась, но после нескольких драк все как-то улеглось. Я смог предаться научным размышлениям и даже написал курсовую работу. В армии я пришел к выводу о том, что для преодоления гипертрофии бюрократии в советском обществе необходимо разделение КПСС и создание двухпартийной системы. С этой, как потом оказалось, не оригинальной идеей я и вернулся из армии.

Андрей Исаев нашел во мне благодатный объект агитации, быстро разрушив его многопартийные иллюзии (две партии также будут бюрократическими). Для того чтобы начать разговор на «запретные темы», годился любой повод, любая тема, обсуждавшаяся на занятиях.

Вспоминает А. Исаев: *«Как я тебя вовлекал в подпольную работу? Да ты начал вовлекаться сам. У нас разгорелась дискуссия о „Государстве и революции“ Ленина. Мы шли по улице, и на какое-то мое замечание об этой вещи ты ответил: „Ну, „Государство и революцию“ вообще можно воспринимать как антисоветское произведение“. На что я подумал: „Ого, чувак мыслит в нужном направлении. Нужно продолжать вести с ним разъяснительную работу“.* После чего мы разговаривали где-то две недели, в основном на станциях метро. После чего я тебе сказал, что есть такая подпольная организация. Но тебя тогда волновала не столько организационная форма, сколько теоретическая дискуссия». Организационная форма тоже интересовала, но не подпольный кружок, а что-то более существенное.

Несколько позднее из армии вернулся еще один будущий участник кружка В. Гурболиков. Он придерживался марксистско-ленинских взглядов, но с интересом относился к восточной культуре и религиозным поискам таких мыслителей, как Лев Толстой и Леонид Андреев. К тому же он побывал в Северной Корее, и потому был кладезем информации о крайних проявлениях марксистской практики.

Вспоминает В. Гурболиков: *«В армии у меня составилось четкое представление о том, что то, как строится общество здесь, – это совершенно неправильно. Что-то нарушено»*^[17].

Как мы видели, подобный же декабристский эффект – осознание неприемлемости «системы» во время службы в армии – был характерен и для других участников «заговора». Разумеется, не все люди приходят в оппозицию через армию, и не все, кто проходит военную службу, обязательно дозревают до социальных выводов, но во всяком случае армия в 80-е очень способствовала созреванию революционеров.

Вспоминает В. Гурболиков: *«Я тогда воспринимал это в религиозных терминах. Во мне многое было намешано, но я верил в Бога как смысл всего. Формула моя была такова:*

„Наука дает ответ на вопрос „как?“, а религия задается вопросом «почему?» Это была вера в Абсолют. Но религиозным человеком я стал во многом в результате размышлений о несправедливости мироустройства.

Первым моим учителем был очень странный сверхсрочник Анатолий, который был верующим человеком. Мы с ним подружились, и он мне давал читать псалмы и официальные публикации на религиозные темы. Потом это стало известно КГБ, и стало предметом неприятного разбирательства.

Когда я вернулся домой, особенно после Кореи, я ждал контраста – после нищеты – богатства, после темноты – света, а увидел родственность двух режимов. Эта родственность ощущалась не только мною. Когда я переживал по поводу корейцев, заместитель парторга тихо так мне сказал: «А чего ты за них переживаешь, ты хоть знаешь, что у нас в стране творится?» Поскольку я служил в Ансамбле песни и пляски внутренних войск, я сталкивался и с КГБ, которое бдительно контролировало настроения среди выезжающих в командировки за рубеж, не останавливаясь перед провокациями. Сильное впечатление производили и картины тренировок внутренних войск, предназначенных для подавления волнений. Поэтому я не думал, что систему можно будет относительно бескровно победить. Но именно благодаря этому я не мог симпатизировать такой системе и стал таким стихийным анархистом».

После возвращения из армии Гурболиков знакомится с «подпольщиками» как бы вторично, поскольку до армии он был хорошо знаком лишь со мной. Мы участвовали в историческом кружке, где обсуждался «азиатский способ производства», и вместе писали тогда пьесу о Сальвадоре Альенде.

В. Гурболиков играл на гитаре и пел. Его пение было украшением студенческих посиделок, на которых «подпольщики» осторожно пропагандировали оппозиционные идеи. Песни, под стать идеям, тоже были «подрывными» – из диссидентского цикла Булата Окуджавы, из

времен гражданской войны, из казспэшного репертуара. Участники кружка интересовались и рок-культурой, но здесь их привлекало прежде всего оппозиционное социальное содержание, поэтому любимой рок-группой был «Облачный край». Кружок общения, созданный троицей, был весьма притягателен как место духовного общения студентов и критического обсуждения советской действительности.

Вспоминает А. Исаев: *«Володя пригласил нас сам к себе домой после моего доклада о баптистах, потом приглашал несколько раз. В конце концов мы даже заподозрили, а не является ли он агентом КГБ, и потребовали, чтобы он дал честное слово, что таковым не является. Он категорически отказался, чем вызвал новые подозрения. Но потом мы решили, что Володя – не гебист. Кагебэшники, по нашему мнению, дают слово, не моргнув глазом. „Я тогда посчитал, что давать такое слово – ниже моего достоинства“, – пояснил мне позже В. Гурболиков».*

Разговоры о КГБ не были шуткой или игрой. Все воспринималось достаточно серьезно.

В. Гурболиков вспоминает, *что после того как недоразумение выяснилось, друзья обсуждали перспективы своей подпольной работы и пришли к выводу о том, что скорее всего придется «пострадать за правду»: «Речь шла о красном терроре, о психиатрических репрессиях и о том, что может быть за то, чем мы занимаемся, даже за эти разговоры и чтение этих книжечек. Они ушли, а я мыл на кухне посуду и ясно понял, что все очень серьезно, и что отступить некуда, что никуда уже не деться. Ощущение некоторой безысходности».*

В ноябре 1985-го – июле 1986 года приятели находились в состоянии ежедневных многочасовых споров. Этому способствовало то, что мы с Исаевым устроились работать в ночную смену на телевизионный завод «Темп», где можно было спорить ночи напролет. Проанализировав отечественное общество, друзья пришли к выводу о

том, что оно не является социалистическим и советским, что в нем присутствует эксплуатация, и эксплуататорским классом является бюрократия. Впоследствии была создана соответствующая формационная теория, рассматривавшая роль бюрократии с древнейших времен.

Естественно, встал вопрос об альтернативе бюрократической диктатуре. Юные теоретики оставались сторонниками социализма, то есть посткапиталистического общества. В тот период подпольные мыслители социалистического направления обычно обращались к опыту революции в поисках первичной ошибки, которая привела к отклонению общественного развития от правильного пути и последующему перерождению революционной партии.

Спор в ОК ВРМП оказался весьма кстати. Исаев показал мне текст одного из участников дискуссии, в котором утверждалось: «Если управители начнут зарываться, то вооруженные рабочие дадут им по ушам». Я написал статью «К вопросу об ушах», сохранившуюся в моем архиве. В этот период подпольные теоретики еще искали пункт перерождения революционеров где-то после 1917 года, лишь постепенно выздоравливая от иллюзий, которыми общество будет болеть несколько лет спустя. Отдавая дань этому антисталинизму, я писал: «В ходе контрреволюционного (и совершенно закономерного) переворота 1923—1938 годов принципы бюрократизма укрепились настолько, что дальнейшее „битие по ушам“ 1953, 1957, 1964 годов имело лишь один результат — всем стало очевидно, что сколько по ушам ни бей, они все равно вылезут.

На первый взгляд, этот экскурс не имеет отношения к точке зрения тов. Неизвестного: там же речь идет о вооруженных рабочих. Но этой грозной силе, если она последует по указанному тов. Неизвестным пути, придется контролировать гигантский склад, в который все ввозится и все, что не сгнило и не растащили, распределяется. Тонкие и неимоверно сложные правила его функционирования знают лишь бюрократы, только этим и занимающиеся. Чтобы контролировать их, вооруженным рабочим придется выделить из своей среды тех, кто только тем и будет заниматься. Вскоре в их сторону из склада потянется им одним ведомая тропинка и они сольются с классом-собственником. Об этом красноречиво свидетельствует опыт 1920—1929 годов». По ходу

написания этого текста дата начала перерождения сдвинулась с 1923 на 1920 год. Этот сдвиг указывает на направление эволюции, которое приведет к отказу от марксистско-ленинских рамок идеологии.

Мы с Исаевым под влиянием как собственных исторических штудий, так и работ Михаила Бакунина и Георгия Плеханова (а также разговоров с плехановцем Николаем Кузнецовым) пришли к выводу, что большевики были обречены на перерождение, что причина сталинской «контрреволюции» крылась в фундаментальных особенностях марксистско-ленинской теории.

В марте 1986 года, когда начались публикации о жертвах сталинизма – большевиках-ленинцах, каждый из которых верно служил Сталину до последнего вздоха, Исаев спросил: «Послушайте, а кто эти революционеры, против которых совершался переворот в 1934—1938 годах?» Ни Сергей Киров, ни прочие деятели сталинского политбюро под это определение не подходили. Николай Бухарин и тем более Лев Троцкий, которого участники кружка уже тогда считали предтечей Сталина, на эту роль также не годились. Дата «переворота» со всей очевидностью переносилась к началу 20-х. Но здесь нам пришлось остановиться перед монументом Ленина, работа которого «Государство и революция» во многом питала наши идеи. Пути Господни неисповедимы. Незадолго до разочарования в ленинской гвардии был совершен первый подкоп под фигуру, более фундаментальную, чем сам Ленин. Занимаясь историей I Интернационала, Андрей Исаев обнаружил, какими беспринципными методами Карл Маркс вел борьбу против Михаила Бакунина. Все это настолько напоминало сталинизм, что сработал привычный стереотип – здесь пахнет бюрократией. К февралю 1986 года марксова модель социализма была «разоблачена» как совершенно бюрократическая. Далее рука потянулась к философским и экономическим глубинам марксова учения. Если проработка марксистской философии привела меня к выводам, сильно расходящимся с философской концепцией классиков, то Андрей напал на золотую жилу ранних произведений Маркса

и принялся разрабатывать теорию отчуждения. Это спасло престиж: основателя «научного социализма» в наших глазах хотя бы как большого ученого вплоть до весны 1987 года, когда удалось с карандашом в руках прочитать «Капитал».

Авторитет Ленина в глазах членов кружка был окончательно разрушен после прочтения переданного В. Прибыловским «Архипелага ГУЛАГ» Александра Солженицына весной 1987 года. К этому времени мы уже не были и марксистами. Я принялся писать философскую работу «Ф. Энгельс и конец марксистской классической философии», которую потом зачитывал в пропагандистских целях участникам полуподпольных кружков. Я изобличал Энгельса в отступлении от философского монизма и историсофских натяжках, по ходу формулируя собственные представления об основном вопросе философии, соотношении материи и психики, месте сознания в истории, отчуждении и других вопросах.

Таким образом, участники группы быстро прошли путь иллюзий, который официальная публицистика преодолевала в 1988—1991 годы. В то же время теоретики с истфака «отставали» от большинства диссидентской интеллигенции, поскольку продолжали оставаться социалистами. Впрочем, мы увидим, что либерально-западническая позиция также была проанализирована «общинниками» и отвергнута. Печальный опыт западнических реформ начала 90-х годов показывает, что отрицание либерального пути было небезосновательным.

В декабре 1985 года началась выработка модели «общинного социализма». В основе концепции лежала идея самоуправления. Оба «отца-основателя» пришли к выводу, что права трудящихся не должны опосредоваться ни бюрократией, ни буржуазией. Поскольку производство осуществляется коллективно, то и распоряжаться предприятиями должны коллективы (общины) трудящихся. Низовой ячейкой территориальной самоорганизации должна была стать община жителей начиная с собрания жителей дома. Эта идея вытекала из нескольких источников. Большое влияние на нас оказали «Ранние экономико-философские рукописи» Карла Маркса. Критика «отчуждения» была развита Исаевым при моем участии в концепцию преодоления отчуждения в самоуправляющемся коллективе. В 1987

году мы обнаружили, что эти идеи разрабатывались во множестве полуподпольных теоретических кружков. Мы были типичным явлением времени, и затем узнавали «братьев по разуму» по одному слову, своего рода паролю левых социалистов – «отчуждение».

Направление теоретических изысканий студентов истфака во многом зависело от учебной программы.

К каким бы занятиям они ни готовились, в центре внимания были возможности самоуправления и преодоления бюрократизма (позднее – и этатизма). В центре внимания оставались не только история, но и педагогика. Студентам повезло с преподавателем педагогики Н. М. Магомедовым, который устраивал экскурсии в различные экспериментальные школы и обсуждал на семинарах социальные темы.

Вспоминает А. Исаев: *«Еще Николай Михайлович (Магомедов – А. Ш.) любил ставить острые задачи. Он нас послал изучать религиозных детей. Я тогда попал в молитвенный дом к баптистам и сделал на этот счет несколько сообщений, – вспоминает Андрей Исаев об осени 1985 года. – А потом мы ходили в „интересную“ школу на Бронной. Там были бассейны, столы с подогревом, УПК в Государственном радиокомитете и КБ. Мы напоролась на то, что большая часть детей была из привилегированных семей. Предложили Д. Олейникову сделать доклад об элитарной школе и использовали его обсуждение для постановки вопроса о неравенстве в нашем „социалистическом“ обществе».*

Исаев написал реферат о самоуправлении школьников, который (как и реферат Олейникова) занял призовые места на студенческих олимпиадах 1986 года. Он доказывал, что школьников необходимо приучать к самоуправлению с детства. Эта идея соответствовала духу времени и могла помочь выйти в народ под благовидным предлогом педагогической работы. Весной 1986 года преподавательница школы № 734 обратилась к А. Исаеву (когда-то он учился в этой школе и жил по соседству) с предложением создать дискуссионный клуб «К человеку». Идея дискуссионного клуба как формы агитации уже

обсуждалась «заговорщиками», и они приняли предложение. Работа клуба началась осенью. Весной Исаев читал в школе свой пропагандистский рассказ «Исповедь общественного насекомого», сравнивавший бюрократический социализм с муравейником, доклад о Сергее Нечаеве с намеками на коммунистов XX века.

Занимаясь педагогическими изысканиями, я подошел к проблеме самоуправления с другой стороны, нежели Исаев. Культурные стереотипы нынешнего авторитарного общества передаются по наследству от поколения к поколению. Я пришел к выводу о необходимости создания воспитательных коллективов, основанных на передовых достижениях педагогики. В реферате, посвященном этой теме, я писал, что «общественные учреждения должны интегрировать семью в союзе с коммуной путем здорового свободного соревнования».

Педагогическая община (коммуна) должна была стать авангардом социально-культурной трансформации общества. По мнению юных педагогов, социальные изменения должны были идти рука об руку с формированием нового сознания, культурной адекватности нового поколения новым отношениям. Как показали последующие события, этот элемент нашей идеологии оказался вторичным, и «общинники» были готовы бросить свою теорию в массы до того, как сформирован культурный слой, способный адекватно воспринять эти идеи. Педагогические эксперименты воспринимались нами как вспомогательное направление, поскольку социальная система была враждебна неказарменной педагогике и неизбежно разрушила бы ее очаги. Социально-политическая революция должна была расчистить место и для педагогических инициатив. (По окончании революционных событий конца 80-х – начала 90-х я вернулся к идеям педагогического поселения как анклав будущего социального устройства, участвуя в работе общины «Китеж».)

Пока теоретики вели поиск модели общества, которая могла бы обеспечить демократические и справедливые отношения в масштабах целой страны, а не одного «детского дома». Это должно было быть общество (социум), в котором будет отсутствовать господствующая олигархическая группировка, общество, контролируемое не олигархией (феодальной, буржуазной или бюрократической), а

объединениями (сообществами, социумами) тружеников. То есть социализм.

В поиске ответа на вопрос о том, как может быть устроено новое социалистическое общество, как можно избежать перерождения, которое постигло прошлую попытку достичь такого общественного устройства, сыграли большую роль профессиональные интересы молодых историков. Изучение народнических идей и практики общинного самоуправления убедило нас в преимуществах общинного социализма для России (тем более что против этого не возражал и Маркс). Оба юных теоретика поддерживали идею рыночного социализма, но Исаев в большей степени склонялся к поддержке рыночных механизмов, а я – регулирующих, и даже предложил идею демократического планирования, когда все население и предприятия сдают информацию о своих потребностях и способностях в единый банк информации, специалисты которого вырабатывают единый план путем калькуляции этих данных. Исаев относительно быстро разрушил эту модель, показав, что точное описание свойств потребительской продукции в таких масштабах невозможно, оценка качества продукции спорна, а изменение потребностей во времени приведет к навязыванию потребителю ненужного ему продукта. Позднее, в 1987 году, «общинные социалисты» познакомились с работами Я. Корнай, подтверждавшими выводы Исаева.

В январе – феврале 1986 года Исаев склонялся к идее немедленной ликвидации бюрократической надстройки и революционного перехода к свободной конкуренции коллективизированных предприятий. Я категорически воспротивился этому, указывая на социальные последствия быстрого перехода к свободному рынку – расслоение коллективов, разорение предприятий, безработица и так далее. В этот период дискуссия больше всего приблизилась к либеральным выводам. Но не надолго.

В рукописи 1988 года я вспоминал по неостывшим следам событий, что тогда «засел за литературу о западных странах. Бюрократизм, психическая эксплуатация человека, подавление инакомыслия и, что самое главное, – неспособность решить проблемы стран третьего мира... Но одним стереотипом стало меньше – стереотипом

принципиального отличия западной и восточной систем. Но стоило мне во время очередного спора начать резко критиковать капиталистическую систему, Андрей тут же согласился и перешел к другому вопросу. Мне даже стало обидно – оказывается, все это время он прорабатывал тот же вопрос».

В начале 1986 года мы согласились, что социализм будущего будет рыночным, но рынок при этом должен быть не свободным, а регулируемым. Самоуправляющиеся коллективы трудящихся и организации потребителей должны предварительно согласовывать свои интересы. Для таких согласований необходимо было бы создать федерации жителей (потребителей) и производителей (поэтому члены группы часто идентифицировали себя как «федералисты»). Для того чтобы система была работоспособной, Исаев предложил бакунинскую систему делегирования – формирование вышестоящих органов из делегатов нижестоящих с правом отзыва и императивным мандатом. Этот своего рода постоянно действующий референдум организованных групп был призван «растить» корпоративный интерес бюрократии на интересы нижестоящих организаций и в то же время скоординировать их. Чтобы каждый орган был достаточно компактен и работоспособен, система предполагалась ступенчатой. (Несколько позднее выяснилось, что подобным образом были устроены Советы первых лет революции (хотя им не хватало стройности, что, по мнению «общинных социалистов», стало важнейшим фактором перерождения советской системы), да и вообще любые федеративные органы. С этого времени система делегирования стала одной из ключевых идей «общинников».)

Осознав себя в качестве рыночных социалистов, подпольщики начали изучать все, что можно было достать о восточноевропейских теоретиках рыночного социализма Э. Карделе и О. Шике. Но основное внимание обращалось на наследие народников, и прежде всего Михаила Бакунина. Это, впрочем, не означает, что все идеи, почерпнутые из литературы, принимались будущими «общинниками». Даже Бакунин, в наибольшей степени повлиявший на их взгляды в этот период, воспринимался критически и выборочно. Его революционная тактика и поэтизация революционного взрыва были

признаны устаревшими. Это неудивительно, поскольку одновременно шло изучение практики российской революции. Философские поиски шли с учетом наследия Бакунина, но не в рамках его выводов. В то же время Бакунин завораживал яркостью образов и лозунгов, непривычным свободомыслием, поэтикой свободы. Даже не соглашаясь с ним, ему хотелось подражать, обрубая марксистские корни своих взглядов.

Еще зимой Исаев склонял меня к тому, чтобы присоединиться к ОК ВРМП. Весной 1986 года он пригласил меня на семинар ОК ВРМП, посвященный философии Э. Ильенкова. Но поскольку в марксистской философии я уже разочаровался, то и к участию в ОК ВРМП интереса не проявил. Бакунистские поиски Андрея Исаева также не вызвали поддержки в ОК ВРМП, и центр тяжести его теоретической работы переместился в микрокружок, состоявший из нас двоих и Гурболикова. Мы ходили по Москве, сидели в кафе и обсуждали проблемы общества, социализма, возможности политической деятельности в СССР.

Перенос активности Андрея Исаева вне ОК ВРМП привел к фактическому развалу этой организации. Часть ее членов углубленно занялась философией, А. Василевский и В. Губарев позднее участвовали в общинно-социалистическом движении. Мы с Исаевым продолжали свои ночные споры на заводе «Темп».

По выражению нашего напарника, мы напоминали братьев Стругацких, которые решили, что их роман ляжет в основу государственного устройства. (Точнее сказать, безгосударственного.) Это было своего рода сражение антиутопий, в котором мы не скупилась на ярлыки. В конечном итоге позиции заострились настолько, что мы начали обвинять друг друга в ужасных замыслах порабощения трудящихся самыми разными новыми классами. Когда под утро я предложил некий выход из тупика, разгоряченный Исаев вскричал: «Это экономический маразм!» Взбешенный, я поехал домой и начал собирать материал в подтверждение своей версии. Но Андрей опять разочаровал меня. Когда, готовый к бою, я встретился с ним

днем, Исаев сообщил, что, пожалуй, мы достигли консенсуса.

Суть разногласий, которые 23-25 июля 1986 года чуть не привели к разрыву между друзьями, заключалась в принципе построения координирующих органов. Исаев склонялся к идее преобладания отраслевых органов координации, подобных профсоюзам (синдикализм), а я считал предпочтительной территориальную координацию (коммунализм). Соответственной была и критика друг друга: я обвинял Исаева в намерении заменить государственную бюрократию профсоюзной, а Исаев меня – в стремлении насадить коммуны с натурализированным хозяйством. Выход был найден в сетевой структуре, когда каждый коллектив входит как в отраслевую, так и в территориальную федерацию, но при стремлении к формированию территориально-производственных комплексов (это должно было обеспечить демократический контроль за экономикой со стороны населения, ограничить глобализацию рынка и со временем сделать размещение производства более рациональным).

С ЧЕГО НАЧАТЬ?

В НАЧАЛЕ 1986 ГОДА были разработаны и основные тактические идеи «подпольщиков». Авторы идеи чувствовали себя робинзонами в бескрайнем океане СССР. Необходимо было распропагандировать еще несколько человек, чтобы можно было создать агитационную группу.

Ключевой методикой пропаганды считалась ломка стереотипов, то есть разоблачение основных мифов официальной идеологии с постепенным заполнением образовавшегося вакуума альтернативными идеями.

«Отцы-основатели» перешли к осторожной агитации на семинарах, ломая стереотипы под видом академических дискуссий. Наступление на официальную позицию нравилось студентам, и молодые радикалы приобрели первую популярность, пока в качестве удачливых спорщиков с преподавателями. Одновременно троица искала организационные формы выхода из подполья.

Атмосферу дискуссий между приятелями передает листок бумаги, на котором друзья обсуждали во время семинара по педагогике проблему школьного дискуссионного клуба, вкрапляя в невинную тему намеки на вопросы, обсуждавшиеся во время «подпольных» разговоров:

«Гурболиков. Что такое школьный клуб как новая форма внеурочной работы?

Исаев. Ничего принципиально нового нет. Детские коммуны в стиле Иванова – то же самое (имеется в виду коммунарское педагогическое движение. – А. Ш.). Разница в том, что он при школе в соответствии с традициями и потребностями данной школы.

Гурболиков. Понимаешь, нужно точно определить, что мы имеем в виду. А то все формы работ – кружки и так далее – перечислены, ясны, разбиты в пух и прах, а что же, собственно, предлагается взамен конкретно?

Шубин. Конкретно – синтез их всех, а не сумма...

Исаев. Никому Магомед (преподаватель педагогики Магомедов. – А. Ш.) ничего сказать не дает. Всех вас он изведет под корень! (Справедливости ради надо отметить, что Магомедов покровительствовал «подпольщикам», и фраза Исаева связана с минутной ситуацией на семинаре. – А. Ш.) И вообще, «не давайте святыни псам и не мечите бисера своего перед свиньями, дабы они поворотившись к вам не растерзали вас». (Имеется в виду предложение Шубина изложить «общинную» идею в виде педагогического реферата. – А. Ш.)

Гурболиков. Шура! А может быть, пророк Исайя прав? И нам стоит объявить политическую стачку и отказаться от публичного чтения рефератов? Как истинные борцы, мы должны занять самую решительную, революционную позицию! Нет буржуазному либерализму! Нет кунинско-oleyниковской реакции и тоталитаризму Горского (Е. Кунин, Д. Олейников, В. Горский – приятели «подпольщиков» по группе, скептически относившиеся к их «подрывной» активности. – А. Ш.)! Ура! За Родину! Вперед!!!

Шубин. Исайя не пророк. Политическая стачка исчерпала себя в 1979 году (в Никарагуа), на данном этапе – мы все вместе – не истинные борцы – леваков – на мыло...

Исаев...Пророк не роскошь, а средство социального продвижения – политическая стачка неисчерпаема как средство борьбы, но в данном случае неуместна. Вам обоим надо выступить, но в стиле: мы вскрываем проблемы и указываем основные пути разрешения. Никаких конкретных форм назвать не можем, да и не нужно (к ним привяжутся, а не в этом суть)... Горский очень опасен, с идеей клуба он знаком от меня, считает его практическим воплощением бакунизма. Видимо, будет драться...»

Последние слова относились уже не столько к школьному клубу, сколько к более общей идее дискуссионного клуба, который «революционные борцы» хотели создать для перехода к открытой агитации.

Было решено создать дискуссионный клуб, на котором легально обсуждать общественно-политические проблемы, постепенно прощупывая рамки дозволенного. Затем планы «революционеров» пошли дальше. При клубе необходимо было создать лекционное общество (ЛО), через которое агитаторы группы могли бы вести работу с рабочими и служащими. По мере успеха этой работы предполагалось создать трудовые общественные союзы (ТОСы) и развернуть с их помощью оппозиционную работу по образцу польской «Солидарности» – с демонстрациями, забастовками и так далее. Вся система некоторое время именовалась «Лотос». «Лотосы» должны были создаваться и в других городах страны, в результате чего должна была возникнуть всесоюзная организация.

Юные теоретики считали, что параллельно в условиях кризиса возникнет вооруженное движение против коммунистов («Антибюрократическая армия»), к которому «Лотос» не должен присоединяться, но которое может стать важным аргументом в давлении на власти (тактика либералов и умеренных народников в период народовольческого террора). Ненасильственный характер предполагавшегося оппозиционного движения сначала был обусловлен тактическими соображениями, осознанием мощи

репрессивного аппарата, но позднее, в ходе философских дискуссий 1987 года, идеологи движения пришли к выводу, что ненасилие – дело принципа и что насильственное социалистическое движение приведет к тоталитарным результатам. Также предполагалось, что после первых успехов ненасильственной революции коммунистам удастся одержать победу. Основываясь на опыте революций в России, Никарагуа и Польше, молодые леваки полагали, что в ходе первого натиска удастся создать систему связей между различными гражданскими движениями и добиться большего уровня свободы, чем до революции. Это позволит затем перегруппироваться в полуподпольных условиях и нанести режиму окончательный удар где-то на грани веков.

Самое удивительное, что тактическая схема 1986 года была частично осуществлена. Во второй половине этого года был создан дискуссионный клуб и началась агитация, тогда же я начал работать в обществе «Знание», под прикрытием которого в 1986—1989 годах провел несколько сот лекций оппозиционного содержания на заводах и в учреждениях Тимирязевского района Москвы (в 1989—1993 годах жители этого района устойчиво голосовали против коммунистов). Союз оппозиционных социалистических политклубов был создан в 1988 году. В 1987-м началась пропаганда на предприятиях. В 1989-м установились устойчивые связи с рабочим движением. В 1988—1989 годах оппозиционное движение, в котором «общинные социалисты» играли одну из ключевых ролей, стало массовым. По счастью, не возникло никакой «Антибюрократической армии». Зато в части свержения коммунистического режима оппозиционеры даже переусердствовали. Впрочем, бюрократический режим, изменив форму, устоял.

Пока «общинные социалисты» продумывали стратегию создания революционного движения «из себя», старшие товарищи принялись формировать гражданское общество из того, что было.

КЛУБ СОЦИАЛЬНЫХ ИНИЦИАТИВ

ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ формирование гражданского общества было успешно завершено, его элементы должны были соединиться в целое. Соединить их могла только политизированная структура, переплетающая в единый травяной покров корни пробивающихся к

небу травинок. Поле гражданского общества нужно было собрать воедино.

Эту задачу взял на себя Клуб социальных инициатив, возникший в Москве в сентябре 1986 года. Клуб не мог не возникнуть, так как для него созрела социальная ниша. Символично, что при его рождении в качестве повивальных бабок присутствовали практически все такие разные общественные течения: самое древнее неполитическое неформальное движение – коммунарское, осколки диссидентства, социологическая наука и даже «компьютерная революция». Точкой, где им суждено было сойтись, сначала стал Арбат.

М. В. Малютин рассказывает о Клубе социальных инициатив: «Началось все с того, что на Арбате была создана в 86-м году эта пешеходная зона... И это самим фактом своего возникновения создало некую новую среду для общения»^[18].

Здесь закипели дискуссии на темы культуры (пока без явного оппозиционного содержания). Рядом находился «красный уголок», где по инициативе программиста С. Патчикова был создан компьютерный детский клуб «Компьютер» на базе районного детского клуба «Наш Арбат». Компьютеры предоставил Гарри Каспаров, купивший их после очередного матча с Анатолием Карповым. Это было первое в Москве скопление персональных компьютеров, доступное простым гражданам. Никакой политики в этом начинании пока не было. Программисты писали программные продукты, дети осваивали первые виртуальные игрушки. Но в удобно расположенный клуб стали заходить люди, искавшие общественного «дела». Так сказать, «на огонек». Образовалось несколько секций клуба «Наш Арбат» – компьютерная, театральная, художественная.

«Там собирались всякие новаторы – педагогические, общественные»^[19], – вспоминает математик и социолог Григорий Пельман.

Пельман пришел в «Наш Арбат» по компьютерной линии – у него был один из первых в Москве ноутбуков, подаренный знакомым

швейцарским математиком О. Парно. Профессор Парно был троцкистом, и через него к Пельману стали приезжать французские троцкисты, готовые работать на дело русской революции. Сначала они привозили антисталинскую литературу, затем стали знакомить неформалов и левых диссидентов.

Г. Пельман вспоминает: *«У была интересна картотека, они вели мониторинг западной прессы, приходили и говорили: „А ты знаешь такого Кагарлицкого?“ – Отвечаю: „Нет, не знаю“. – „Давай, мы тебя познакомим“ [20].*

Троцкисты контактировали с кругом «Поисков», от которых теперь остались посиделки на квартире М. Гефтера. Вероника Гарос («Веро») познакомили Г. Пельмана с Б. Кагарлицким и Г. Павловским. Павловский «подтянул» в Москву своего старого товарища В. Игрунова.

Вспоминает Г. Павловский, *который был в то время связным с кругом либеральной интеллигенции, собиравшимся у Гефтера: «Квартиру тогда посещали Левада, Шейнис, Лен Карпинский и другие будущие участники клуба „Московская трибуна“. С соблюдением всех правил конспирации стал наведываться Юрий Афанасьев – с качестве связного от советника Горбачева Черняева, за которым стоял Александр Яковлев. Через квартиру Гефтера прокручивались вопросы, интересовавшие либеральное крыло Политбюро, включая Горбачева, – например, нужно ли выпускать фильм «Покаяние». Из участников обсуждения фильма не видел никто».*

Кагарлицкий к этому времени воссоздал небольшой кружок, собиравшийся в каморке лифтера – новом месте его работы. Туда ходил М. Малютин, кандидат в члены КПСС. В «лифтерку» заходил В. Корсетов, студент-историк, работавший на заводе и потому располагавший реальными знаниями о производстве. Впрочем, у него были и свои выходы на диссидентскую среду. Общими знакомыми кружок в «лифтерке» был связан и с другими кружками подобного

рода. Кагарлицкий, благодаря своему знакомству с Р. Медведевым и некоторыми зарубежными социалистами, интересовавшимися судьбой бывших «молодых социалистов», получал тамиздат, что привлекало к нему «ищущую» интеллигенцию.

Приход бывших диссидентов обогатил Клуб социальных инициатив политическим опытом. Но клуб стал не новой диссидентской группой, а организацией нового типа. В отличие от лидеров других группировок, появившихся в это время, клуб поставил своей задачей не убедить остальных в своей правоте, а перезнакомить «неформалов» между собой, создать сеть координации общественного движения.

По-настоящему Клуб социальных инициатив начался с горы писем.

Один из основателей клуба Глеб Павловский вспоминал: *«Первое, что я увидел, когда вошел, – это была гигантская куча писем. Для меня как для диссидента и человека с историческим образованием это было очень сильное впечатление. Советская власть тщательно оберегала нас от писем трудящихся. Это был охраняемый стратегический ресурс. Я кинулся к этим письмам. Над ними уже трудился Боря Кагарлицкий».*

Эти письма имели такую историю. В рамках политики «нового мышления» был создан официальный Фонд за выживание человечества с участием Велихова. Горбачевцы подумывали, что это будет площадка сближения с США, туда записали множество официальных деятелей двух стран, включая американских сенаторов и академика Андрея Сахарова. В рамках этого фонда планировалось поддерживать всякие творческие начинания. В частности, была высказана для обсуждения идея строительства города будущего – как бы он мог быть устроен. Вот в рамках этих обсуждений новосибирский энтузиаст поддержки балета Геннадий Алференко написал статью, которая даже привлекла внимание Горбачева.

Точнее, сначала статья попала на глаза Раисе Горбачевой, которой понравилась идея поддержки социальных изобретений, высказанная в статье. Михаил Горбачев поддержал создание при «Комсомольской правде» Фонда социальных изобретений. Алференко оперативно создали возможности для работы в Москве.

Фонд социальных изобретений мог стать структурой отбора идей, лабораторией реформ, привлекающей интеллектуальный потенциал местных энтузиастов, а возможно – и центром выстраивания структуры гражданского общества, лояльной Горбачеву. Но не стал. Во-первых, Горбачев вообще мало заботился о создании своей партии за пределами КПСС (что станет одной из причин его дальнейшего поражения). Во-вторых, Алференко оказался непригодным человеком для сложных политических игр. Он сторонился «опасной» политики, предпочитая бизнес. «В 1987 году он ходил вокруг встречи неформалов в клубе „Ударник“, но войти в здание так и не решился» – вспоминал позже Г. Павловский. В следующий раз Алференко влез в политику только в 1989 году, участвуя в организации американского турне Бориса Ельцина^[21]. А в 1986-м официальная структура Алференко не взяла на себя миссию поддержки социального изобретательства, которая могла бы придать его фонду исторический смысл, и история протекла мимо официальных структур.

Письма, пришедшие в ответ на статью Алференко в редакцию «Комсомольской правды», хотелось как-то обработать – а вдруг там содержатся какие-то интересные «социальные изобретения». Алференко не стал этим заниматься, собственных сил для этого в редакции не было, и тогда обозреватель Валерий Хилтунен^[22], который знал цену таким письмам, решил передать их социологам-неформалам. Они перетащили на Арбат семь пятидесятикилограммовых мешков с корреспонденцией «Комсомолки».

Вспоминает Г. Павловский: *«Хилтунен всю жизнь искал ростки нового и их поддерживал. А лучший способ поддержать – это об этом написать. Тут пришел вал писем. Что с ними делать? Хилтунен предложил „Нашему Арбату“ взять письма на обработку. Компьютерицики на каспаровской технике занимались компьютерным обучением,*

значение которого мы тогда не очень понимали, а неформалы разбирали письма. Мы читали эти письма, группировали их. Я выходил через них на различные группы». Пельмана как социолога увлекли письма, и Хилтунен мог с чистой совестью заняться еще чем-нибудь интересным. Дело потянул Пельман, который создал в «Нашем Арбате» секцию по обработке писем.

Письма открыли «отцам-основателям» Клуба социальных инициатив бескрайний мир народной инициативы. Подавляющее большинство инициатив, вышедших тогда на клуб, представляли собой или типичные группы старого неформального движения, которые не желали политизироваться и просто хотели обзавестись контактами в Москве. Было много людей с идеями-однодневками или не социальными, а техническими изобретениями вроде необходимости высаживать строевой лес вдоль железной дороги, чтобы можно было спиливать и загружать его с помощью специальных поездов. Большинство авторов писем не были готовы бороться за воплощение своих идей в жизнь и тем более рисковать ради этого. Как только выяснялось, что речь идет об оппозиционной политической деятельности, респонденты прекращали контакт. Но и в этих условиях коэффициент полезного действия работы с письмами был очень велик. Они позволили создать костяк широкой системы контактов. На эту сеть инициативные люди уже выходили сами через общих знакомых и по собственной инициативе.

Клуб на Арбате унаследовал социальную микросреду неформального движения, которая разительно отличалась от диссидентской.

Г. Павловский вспоминает: *«Разница между диссидентской и неформальной средой для меня была абсолютной. Когда в 1986 году я обнаружил неформальную среду, для меня это был совсем другой мир. В философии диссидентства сама возможность существования этого мира исключалась.*

В 1986 году я нашел живое опровержение характерной для диссидентства концепции противостояния – живую

среду вне этих двух полюсов, претендующих на монополию. Эта среда была третьей и не нуждалась в том, чтобы позиционировать себя в отношении двух других. Причем было очевидно, что она существовала уже долго, не первое десятилетие».

Приход бывших диссидентов, отрицавших традиции диссидентства, предопределял изменение характера работы. Политикам было тесно в «Нашем Арбате». «Мотивом создания Клуба социальных инициатив был распад клуба „Наги Арбат“ в его прежнем качестве. Каспаров выбил помещение для клуба „Компьютер“, он переезжал. А чем должен был остаться клуб „Наш Арбат“? Районным культурным очагом с шестидесятилетним налетом. Ах, Арбат, мой Арбат. А хотелось политически укрупнить это дело». Словосочетание «социальные изобретения» преобразовалось в политическое «социальные инициативы». В этой метаморфозе тоже чувствуется политический подтекст. Мы не изобретатели, мы собиратели инициативных групп и их идей.

Первое свое мероприятие клуб провел в октябре 1986 года – это было обсуждение проекта закона о кооперативах с приглашением видных социологов из Советской социологической ассоциации – Т. Заславской и Л. Гордона (у которого Г. Пельман был аспирантом). «Они легко откликнулись, пришли, и с этого началась у нас большая дружба с Советской социологической ассоциацией. Это тоже была большая самостоятельная история, и это был наш большой зонтик»^[23]. При обсуждении приходилось пользоваться эзоповым языком. «Что будет, если джинн выйдет из бутылки?», – ставила вопрос Заславская, имея в виду то ли рыночную стихию, то ли общественное движение.

Сопредседателями клуба стали Г. Пельман, Б. Кагарлицкий, М. Малютин и Г. Павловский. Президентом стал Пельман.

Вспоминает Г. Павловский: *«Но президент был аксессуаром клуба, не имевшим дополнительных прав. Мы ходили в ноябре в райком и потребовали помещение для*

клуба. И с нами разговаривали. Нам дали возможность собираться в зальчике на Волхонке. Мы чувствовали себя в своем праве – как советские люди».

Клубу помогли и связи Пельмана с президентом Советской социологической ассоциации Татьяной Заславской, у которой он когда-то учился. Она стала патронировать клуб. Г. Пельман вспоминает: «Мы вели себя очень непринужденно, используя наш контакт с Советской социологической ассоциацией, часто заходили в разные райкомы комсомола и райкомы партии, говорили: „Мы за перестройку, мы за гласность, мы хотим работать, дайте нам помещение“. И тогда Ленинский район, райком партии, предоставил нам возможность проводить наши мероприятия в Доме культуры „Промстройматериалы“ на Волхонке, где сейчас музей Глазунова... Надо сказать, что помещение – это был в то время основной ресурс»^[24]. Еще одно полуподвальное помещение было у клуба в детском клубе, куда перешел работать Пельман.

Вспоминает Б. Кагарлицкий: *«В это время мы не осознавали, насколько по-разному смотрим на проблему. Оба хотели, чтобы была какая-то точка общения, которая способна приманивать людей определенного типа и создать более широкую общественную среду, открытую на границе легальности и нелегальности. Это позволило бы затягивать и статусную интеллигенцию типа академика Заславской, и люмпен-интеллигенцию, вытесненную из официальной системы, вроде меня. В итоге я хотел создать что-то вроде польского КОС-КОРа, чтобы выйти на широкие массы, уже не чисто интеллигентские. Статусная интеллигенция может собрать людей легально, а мы – взять на себя организационную работу. Параллельно велась работа такого же плана клубом друзей журнала „Эко“, где инициатива исходила как раз от статусных. Из этого в 1987 году выросла „Перестройка“. Я хотел, чтобы это была сеть клубов социальных инициатив, которые не имели бы явной идеологической окраски. Люди должны были*

перезнакомиться на этом открытом месте. Что и произошло»^[25].

КАК ВОЙТИ В ИСТОРИЮ?

МЕЖДУ ТЕМ социальные инициативы рвались на поверхность общественной жизни. Летом развернулась оборона палат купца Щербакова и других зданий в Лефортове от разрушения в ходе строительства третьего транспортного кольца. Жители блокировали строительные работы, устроили в палатах музей, созывали сходы, апеллировали к властям разного уровня^[26].

В этих событиях приняли участие и «общинные социалисты» с истфака МШИ. Это был их первый опыт публичной кампании. Особенно активно в защите палат участвовал В. Гурболиков, который жил близ места событий.

Вспоминает В. Гурболиков: *«Я увидел, что на старых домах появились таблички с историей дома, а затем узнал, что в бывшей пивной – с палатах Щербакова – засели люди, которые требуют, чтобы этот дом объявили памятником архитектуры. Лидерами движения были студент-журналист Рустам Рахматулин, Кирилл Парфенов и архитектор Олег Журин. Он был такой огневой активист охраны памятников, прорвался на телевидение, рассказал об угрозе Кузнецкому мосту и палатам Щербакова.*

Среди реставраторов я увидел своего знакомого, он рассказал мне о палатах. Я водил людей в соседние дома, рассказывая о них, а затем эти дома стали разрушать строители.

Я пометался в толпе, которая благодушно наблюдала за происходящим процессом разрушения, не нашел в них сочувствия и побежал в библиотеку к Андрею и Саше. Но, поскольку акция не была политической, я тоже достаточного сочувствия не нашел. Не революция же».

Вспоминает А. Исаев: *«В читальный зал ворвался разгоряченный Гурбол и стал рассказывать о Лефортове. Я*

читал что-то об отчуждении – очень важное. Выслушали мы Володю довольно равнодушно, после чего он ушел возмущенный со словами: „Желаю успеха, господа!“

Ситуация напоминала сюжет анекдота, который Исаев придумал про классиков. Бакунин зовет Маркса и Энгельса на баррикады, а они выпроваживают его со словами: «Он так и не понял, что настоящая революция происходит именно здесь» – и продолжают писать фолианты. Долго играть такую противоестественную роль Исаев не мог, и по здравом размышлении «политики» решили все же помочь движению «культурников».

Вспоминает А. Исаев: *«Мы стали продумывать возможности политической поддержки – решили составлять петиции».*

«Подпольщики» работали на субботнике лефортовцев, участвовали в составлении документов, в частности обращения к Борису Ельцину. Этот первый опыт петиционной активности уже несет на себе следы таких тактических приемов федералистов, как стремление столкнуть одни группировки бюрократов с другими, апелляция к историческим и экологическим ценностям.

В моем архиве сохранилось это письмо в Московский городской комитет КПСС: *«Как и все советские люди, мы с глубоким удовлетворением восприняли решения XXVII съезда КПСС. Запомнились нам и ваши слова о том, что вопрос о сохранении архитектурного исторического лица Москвы является вопросом политическим.*

Однако последние месяцы показали, что многие градостроители ведут себя так, будто бы не было XXVII съезда. Складывается ощущение, что проект строительства нового автокольца разрабатывался так, чтобы нанести максимальный ущерб архитектуре Бауманского и Калининского районов... Нам кажется, что было бы целесообразно временно приостановить строительство автострады и внести серьезные уточнения к проекту, которые позволили сохранить памятники

архитектуры и экологически необходимую для района зеленую зону Лефортовского парка».

Ельцин приехал к палатам Щербакова, обещал помочь. Строительство было заморожено. Впоследствии активисты кампании создали группу «Слобода», которая стала союзником «Общины».

Участие «общинных социалистов» в лефортовской кампании было прервано в сентябре. Студентов по традиции того времени направили на принудительные сельскохозяйственные работы («на картошку»). Здесь теоретические поиски не прекращались.

Вспоминает В. Гурболик: *«Возникла своего рода Ланкастерская школа, когда студенты, прежде всего Исаев с Шубиным, читали лекции окружающим. Мне особенно запомнилась многодневная лекция о Китае, прочитанная ими. На самом деле это был разговор и о социализме, и об общественных отношениях вообще. Этот лекционный марафон позволил значительно пополнить багаж знаний, проговорить многие вещи. Это было время, когда мы могли свободно и спокойно, никуда не торопясь, помногу говорить об истории, революционном процессе, философских и религиозных вопросах. Я, в частности, именно здесь окончательно пришел к выводу о существовании Бога».*

Главные споры по-прежнему шли о возможном социальном устройстве будущего и о путях перехода от слов к делу. Возможность представилась быстро. Условия жизни студентов были, как всегда, казарменными, хотя и не хуже, чем в других подобных ситуациях.

Вспоминает В. Гурболик: *«Работали на какой-никакой технике, кормили нас более или менее нормально, поселили в летних домиках для пионерлагеря. Но хотелось чего-то большего, и любой недостаток воспринимался как повод потренироваться перед революционными боями».*

Для начала федералисты попытались назвать свою бригаду «провокационно»: «Бригада имени работы Ленина „Аграрные прения в третьей Государственной Думе“.

Тогда «юмористов» включили в женскую бригаду «Земляне» в качестве мужской рабсилы.

Руководство лагеря, куда помимо либерально настроенного куратора М. Золотухина входило несколько назначенных администрацией студентов, воспроизвело привычные армейские отношения в области организации быта, работ и снабжения. Работала эта система с обычными в такой системе сбоями, что вызывало глухой ропот со стороны студентов. «Революционеры» решили, что на этой почве можно организовать трудовой конфликт. Дело это было для них новое и по тем временам рискованное (можно было вылететь из комсомола, а значит, и из института). Тем не менее «подпольщики» разагитировали свою бригаду «Земляне» (это было несложно, поскольку остальные члены бригады были девушками, которые находились под эмоциональным влиянием немногочисленных, но говорливых парней) и добились согласия объявить забастовку. Организаторы стачки рассчитывали, что к ней присоединится и часть других бригад. Накануне в столовой они вывесили стенную газету «Аграрные прения», в которой критиковали отрядные порядки за схожесть с военными уставами и несоответствие КЗОТу: «Как знакомы отслужившим армию шаги назад от разумного порядка и демократизма к исходящей сверху дисциплине... Конечно, с нами советуются, выхватывая из гула голосов нужное решение. Не пора ли послушать членораздельную речь?» Главным требованием забастовщиков было создание делегированного органа студенческого самоуправления, который обсудил бы необходимые улучшения в жизни лагеря.

8 сентября бригада «Земляне» вышла на работы, но работать отказалась. Гурболик выступил перед студентами с яркой речью о необходимых изменениях. Студенты сочувственно покивали, но все, кроме зачинщиков, все же разошлись по работам. Затем на место действия прибыл куратор М. Золотухин. От него зависело, доложить о происшествии в центр (что повлекло бы репрессии) или как-то решить дело миром. Он выслушал требования бастующих и преспокойно их удовлетворил.

Вспоминает В. Гурболик: *«Золотухину было абсолютно все равно, кто управляет, чем управляет».*

Следующие «Аграрные прения» вышли с торжествующим объявлением: «9 сентября расширенное заседание штаба отряда утвердило требования забастовщиков, в том числе и политический пункт: „Для организации постоянной связи между руководством отряда и трудящимися бригады имеют право выбрать своих представителей в штаб“. Совет отряда начал работать и, к удивлению скептиков, действительно принял ряд полезных улучшений на уровне здравого смысла. Низовая демократия доказала свою полезность.

Вспоминает В. Гурболиков: *«Степень участия в такой демократической системе определялась желанием. Кто хотел, тот участвовал в принятии решений. Кто не хотел – тот не участвовал, доверял другим. Но в результате все равно действует инициативная группа. Самоуправление строится на том, что есть люди, которым это интересно и нужно. Для тех, кому сейчас это не нужно, управление все равно будет существовать. Но оно не будет независимым от них. Слава Богу, дело лагерного управления было несложным, не потребовало от нас больших усилий и не позволило наломать дров».*

Первый опыт самоуправления показал федералистам, что в современных условиях низовая демократия – это дело актива, который должен сознательно поставить себя в такие условия, когда он реально зависим от остальных и может быть ими смещен. «Общинные социалисты» не выступали против существования руководящей элиты, но искали возможность сделать ее подвижной, легко заменяемой в случае, если интересы элиты начинают заметно расходиться с интересами «низов», если возникает отчуждение.

Эти события привели к росту престижа смутьянов и их уверенности в своих силах. Одновременно «подпольщики» продолжали «антисоветскую» пропаганду, перлом которой стал роман-хроника А. Исаева «Сексуальная революция в Хавронино» – язвительный шарж на бюрократическую перестройку. Чтение текста заставляло студентов хохотать до упаду. Несколько лет спустя выяснилось, что «Сексуальная революция в Хавронино» – еще и провидение, предсказавшее события политической жизни 1988 года,

связанные с письмом Нины Андреевой. Большой популярностью пользовались и анекдоты про классиков в стиле Хармса, например: «Как-то раз Маркс переоделся Энгельсом, а Энгельс – Марксом. И пошли гулять по Невскому проспекту. А навстречу им – Бакунин и Герцен. Тогда Маркс, который Энгельс, говорит Энгельсу, который Маркс: „Спорим, тот, который Бакунин, – не Бакунин вовсе, а переодетый Герцен. А тот, который Герцен, – не Герцен, а переодетый Бакунин“. Маркс и Энгельс не знали, что Бакунин и Герцен были дворяне и не имели глупой привычки переодеваться друг в друга и писать одно и то же».

Во время работы на картошке в сентябре – октябре федералисты предприняли попытку свести воедино наработанные идеи в наброске программной работы «Принципы федерализма».

Вспоминает В. Гурболиков: *«Мы попытались тогда написать что-то вроде своего „Капитала“, основанного на теории отчуждения и возможности его преодоления. То, что у молодого Маркса было названо и признано нами интересным, стало основой этой попытки создать свою общественную и историческую теорию. По-моему, там было много здравых вещей, логичная система. И проговоренность их, ясное понимание, очень помогало потом в пропагандистской работе».*

Эта работа не получила распространения из-за своей излишней академичности, но фиксирует состояние взглядов федералистов накануне начала ими публичных действий. В «Принципах федерализма» будущие «общинники» доказывали, что экономика вовсе не детерминирует сознание и идейно-политическую сферу, что существует равноправное взаимовлияние идей, системы власти и социально-экономических реальностей. На основе этого вывода они строили отличную от марксистской систему формаций – уже не общественно-экономических, а просто общественных. Первой эксплуататорской формацией оказывается бюрократическая. Новая бюрократическая формация возникает и на современном витке развития общества. В центре этой теории стояли понятия отчуждения и класса бюрократии. Маркс упоминается в этой работе еще в

почтительном ключе. Анализируя процесс специализации, теоретики показывали неизбежность отчуждения и формирования классов, но также обосновывали и необходимость их преодоления в будущем. По их мнению, это зависело от реальных возможностей трудящихся участвовать в организации производства. В последнем тезисе заложены основы будущего «оппортунизма группы». Преодоление «отчуждения трудящихся от средств производства» (то есть переход от управления к самоуправлению) тормозится не только бюрократической элитой, но и отсутствием у трудящихся соответствующих навыков. Поэтому переход от эксплуататорского общества к социализму должен был, по мысли федералистов, происходить постепенно, даже если на пути этого перехода будут и революционные этапы.

В предназначенной для публичной агитации части своей программы федералисты выступали против бюрократизации управления и распределения, против того, чтобы «инициативу здесь перехватывало частное предпринимательство, опасно сплетающееся с коррупцией вышедших из-под контроля чиновников», а также за «такую модернизацию демократических институтов советского государства и аппарата управления, которая ликвидирует саму возможность их отчуждения от трудящихся», и за «тесное соединение трудящихся со средствами производства, выражающееся в непосредственной связи их реальных доходов, личного трудового вклада и успехов предприятия». Это были весьма умеренные требования. Но федералисты не собирались на них останавливаться.

К началу учебного 1986 года в МГПИ сформировалась группа инакомыслящих студентов в несколько человек, стремившихся как можно скорее перейти к открытой общественной активности. Ядро группы составляли федералисты и несколько их одноклассников, в разной степени разагитированных «на картошке», а также члены ОК ВРМП с истфака А. Василевский, В. Губарев и примыкавший к ОК В. Тупикин. К группе примыкали также несколько девушек с филологического и романо-германского факультетов, с которыми революционеры познакомились «на картошке». От них ждали дальнейших действий. Студенты рвались в бой. В октябре на истфаке было объявлено о заседании дискуссионного клуба «Социализм и демократия». Предстояла первая политическая акция.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕАТР

ПОЛИТИКА МНОГОЕ БЕРЕТ от театра, от шоу. Она не может существовать без театрального пафоса и драматизма, без актерства и превращения масс в зрителей. И театр черпает сюжеты в политике. А в авторитарном обществе театр становится делом политическим. Эзопов язык театра – политическая сила. В 1986 году, когда границы разрешенного были неясны, а репрессивная машина еще готова к подавлению инакомыслия, неформалы решили использовать форму театра в интересах агитационного содержания политики.

Сразу после приезда студентов-историков в Москву с сельхозработ «общинные социалисты» организовали дискуссионный клуб исторического факультета МШИ имени В. И. Ленина и межфакультетскую стенную газету, которая каждый раз выходила под новым названием: «Айсберг», «Ледокол» и так далее. Центральным материалом первого выпуска газеты стал мой памфлет «Обыкновенный рашизм», направленный против консервативного педагога К. Раша, выступившего 21 октября с лекцией в МШИ. Через несколько лет против Раша выступила и большая пресса (журнал «Огонек» даже под тем же заголовком), но в 1986 году педагог-милитарист пользовался поддержкой партийных органов. В статье воинствующий консерватизм Раша сравнивался с нацизмом, взгляды характеризуются как реакционные и казарменные: «Вот он, идеал школы, какой там школы – всего общества – лучезарная казарма, стройные колонны и ряды, беспрекословное подчинение старшим».

Студентам удалось даже передать текст статьи самому Рашу с предложением дать ответ. «Ответ» последовал из партийных органов.

Оказывается, патриотический педагог не поверил, что статья инициирована студентами, и решил, что имеет дело с происками влиятельных врагов. «Нам сообщили, что Раш собирается отвечать на наш выпад в партийной прессе. Я помню, нам это очень польстило» – вспоминает В. Гурболиков. Но парторганизация истфака настаивала, чтобы дело уладили миром, что и было сделано при посредничестве студента-коммунара с физфака И. Колерова и журналистки О. Мариничевой. Они организовали телефонный разговор между редакторами «Айсберга-Ледокола» и их «жертвой». Раш заявил, что его оппоненты не представляют подлинную молодежь, каковую

отождествил с воинами-«афганцами», с негодованием отклонил предложение опубликовать в стенгазете ответ, но от преследования обидчиков также отказался.

В передовице к газете предлагалось создать дискуссионный клуб. Чтобы обсуждение политических вопросов было как можно более откровенным и в то же время не повлекло за собой репрессий по линии партийных и комсомольских органов, инициаторы решили начать с театрализованной дискуссии. Мнения высказывались от лица не самого говорящего, а некоего образа. Первым шоу подобного рода стал «Суд над империализмом». Судебная коллегия, в которую вошли два члена КПСС и я, вынуждена была оправдать империализм «за недоказанностью преступлений» после яркой защитительной речи адвоката Андрея Исаева.

Вспоминает А. Исаев: *«Моя задача была превратить процесс в суд над советской системой. В это время я считал, что буржуазная демократия была меньшим злом, чем советская система, но все-таки злом. Я строил защиту по принципу „зло, предотвращающее меньшее зло“. Я сопоставлял ФРГ и ГДР, Северную и Южную Корею. Контраст разительный, хотя и империалистические системы не безгрешны»^[27].*

Поскольку западная система («империализм») не была идеалом «подпольщиков», они решили предложить студентам и конструктивную программу. Корректировка тематики клуба в социалистическом направлении совпадала с желаниями партийной организации – коммунисты еще не знали, что им предлагается в качестве конструктивной альтернативы капитализму.

В канун ноябрьских праздников 1986 года прошла театрализованная дискуссия «Социализм и демократия». «Анархисты», «социал-демократы», «троцкисты», «югославские коммунисты» и «представители КПСС» должны были коротко изложить свои взгляды по этому вопросу и затем перенести дискуссию в зал. Дискуссия собрала аншлаг и длилась два дня. Сенсацию вызвало выступление Андрея Исаева, который играл анархиста. Это было

первое публичное цитирование бакунинской критики марксизма в современной России.

Вспоминает А. Исаев: *«Когда я произнес эту речь, я напугался сам. Где-то посередине у меня просто мурашки начали бегать по спине, и было твердое ощущение, что по завершении выступления встанет кто-нибудь из администрации и скажет: „Ну все, достаточно, я думаю, что надо закрывать мероприятие и принимать оргмеры. Когда потом пошло обсуждение, у меня отлегло от сердца – народ сочувствовал“.*

Анархическая речь А. Исаева разделила присутствующих на шокированных и увлеченных новой для них идеей. Исаев увлекся и защищал взгляды, которые не отстаивал еще и в нелегальных дискуссиях. После жарких споров зал склонился к золотой середине, согласившись в основном с «югославами», но признав серьезность анархизма. Что касается коммунистов, один из которых искренне пытался защитить свою партию, то их «фракция» была просто сметена волной критики.

В первый день зал настолько очевидно сочувствовал оппозиционным взглядам, что на следующий день организаторы попросили студентов и преподавателей защищать доктрину, которой официально все были привержены. Но зал, включая идейно выдержанных коммунистов, продолжал наслаждаться праздником плюрализма. Дискуссия продолжалась пять часов.

Вспоминает А. Исаев: *«В завершение дискуссия приобрела формы изящного пикирования. Когда преподаватель М. Нуриев задал вопрос о том, почему анархисты всегда молоды, а когда вырастают, то примыкают к серьезным партиям, то я ответил, что по критерию возраста руководства мы, конечно, должны признать, что самой серьезной партией является КПСС. Это вызвало взрыв хохота в зале»^[28].*

Разумеется, организаторы дискуссии, что называется, для порядка были вызваны в деканат, где факультетское руководство критиковало

их за перегибы. Но в целом сопротивление подрывной агитации было слабое.

Вспоминает А. Исаев: *«Тогда вообще был единый критический порыв. Критическая направленность ассоциировалась с перестройкой, и врагов этой перестройки практически не было. Шершуков даже написал анекдот о том, как все искали врага перестройки и не могли найти. Наконец какой-то рабочий сказал, что он – враг перестройки. Его стали показывать по телевизору, 26 академиков убеждали его в необходимости перестройки, были решены все его материальные проблемы. Тогда еще 20 человек заявили, что они – враги перестройки, но ими уже занялись компетентные органы. Вот такой анекдот. Он хорошо характеризует обстановку».*

Общественная атмосфера способствовала критическому настрою, направленному против опостылевших идеологических стереотипов КПСС. Но «общественный заказ» на критику явно преобладал над интересом к конструктивным идеям о новой организации общества.

Вспоминает А. Исаев: *«Народ воспринимал „конструктив“ с интересом, но было ясно, что за бакунинские идеи его сагитировать не удастся. Мы и перед дискуссией планировали анархизмом ударить по коммунизму, а на „позитив“ выдвинуть югославский опыт. Мы считали в тот период, что югославская модель общества (в ее идеальном воплощении) является переходной стадией к нашим идеалам – к федерализму. Этого нам удалось в общем достичь. Хотя были люди, сочувствовавшие обычной социал-демократии (В. Плотников, выступавший от имени меньшевиков, В. Герасимов, открыто выступивший в поддержку этой позиции). Но югославский опыт признали наиболее реалистичным, подходящим для нашей перестройки. После этой дискуссии мы почувствовали свой триумф и этот вариант сделали выездным. Правда, „югославов“ заменили для большего контраста социал-*

демократами. Получалось, что анархизм – далекая цель и критический потенциал, а левые социал-демократы – преодоление коммунизма и движение к далекой цели, намеченной анархизмом».

Проводя свои театрализованные дискуссии, федералисты прикрывались перестроечной риторикой о плюрализме, необходимости обсуждения острых проблем. Отстаивая делегирование, они использовали штамп «ленинский принцип делегирования», ссылаясь на то, что подобным образом были устроены Советы начала века, поддержанные Лениным. По этому поводу с ними спорил секретарь комсомольского комитета института А. Лубков, профессиональный историк.

Вспоминает А. Лубков: *«В полемике ребята допускали некорректности академического плана. Так, например, называли принцип делегирования ленинским на основании того, что во времена Ленина на основе этого принципа формировались советские органы. Но к Ленину этот принцип никакого отношения не имел – это был самостоятельный принцип и стал осуществляться сразу после февральской революции. Была попытка прикрыться ленинизмом и с помощью этого прикрытия реформировать бюрократический комсомол»^[29].*

Защищая дискуссионный клуб, федералисты апеллировали к профессиональным особенностям педагога. Позднее такие аргументы публиковались общинниками даже в институтском официозе «Ленинец»: «Какие темы обсуждают ребята на своих заседаниях? Самые острые. „Дети будут задавать нам каверзные вопросы, и нам придется на них отвечать. Давайте же сначала научимся отвечать на них друг другу“, – говорят организаторы дискуссионного клуба».

«Подпольщикам» становилось тесно в рамках истфака, и они начали гастролировать со своей театрализованной дискуссией по школам и педагогическим семинарам Москвы (эти выступления продолжались до 1989 года, когда театрализация потеряла политический смысл, хотя педагогические игры подобного рода

практиковались и позднее). Осенью 1986 года историки попытались создать дискуссионный клуб в родной школе Исаева.

Вспоминает А. Исаев: *«Мы провели одну ролевую дискуссию, где отстаивали как бы понарошку анархические позиции. Нас ужасно раздражало, что как только наступал острый момент, Маргарита Павловна тут же вступала на пианино с казспэшной песней „Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались“. Школьники вели себя довольно вяло, для педагогов мы тогда оказались слишком резкими, и клуб заглох».*

Наверное, либеральные педагоги смотрели на «революционных студентов» так же, как те потом будут смотреть на экстремистов. Боязнь, что все закроют из-за несвоевременно произнесенных слов, была в 1986 году еще велика. И не напрасно – в это время еще сажали по политическим статьям. Тем не менее, позднее «общинные социалисты» будут активно сотрудничать с 734-й школой, когда к ее руководству придет известный педагог-новатор А. Тубельский.

Театрализованный политический тренинг подготовил почву для начала более серьезной кампании. Повод представился довольно быстро – началась общественная кампания за реформу ВЛКСМ.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СДВИГ

ГРУППА «ОБЩИННЫХ СОЦИАЛИСТОВ» (федералистов) – один из примеров зарождения политического движения в условиях жесткого авторитарного режима, подавляющего публичную активность оппозиционных формирований. Этой группе повезло – ее не успели раскрыть или воспринять как оппозицию до того момента, когда было принято политическое решение отказаться от уголовного преследования оппозиции (декабрь 1986 года). В результате «общинники» смогли принять активное участие в последующих событиях. Но их психологические и политические стереотипы были сформированы этим переходным состоянием между подпольем и ограниченной либерализацией, поэтапного выхода из подполья, постепенного расширения сферы политических и гражданских свобод.

Свободы приобретались путем постепенного захвата, когда оппозиция прощупывала, в какой степени власти готовы уступить. При этом первое время приходилось действовать практически в полной изоляции, чувствуя себя один на один с «системой». Эта политическая ситуация привела к выходу на политическую арену явления, получившего известность под названием «неформалы».

Неформалами становятся самые разные люди, и притом довольно внезапно, под влиянием поводов, которые еще год назад не произвели бы на них особого впечатления. Вероятно, превращение обычного человека в неформала – частный случай более общего процесса перехода из одной стадии психологического развития к другой^[30]. На этом рубеже можно резко изменить образ поведения и род занятий, броситься в эзотерические и религиозные поиски или начать участвовать в общественном движении, в частности неформальном. Конкретный выбор зависит от уровня культуры, сложившихся интересов и знакомств, самого повода. Но всплеск активности человека – явление не случайное и при достаточных темпах психологического развития неизбежное. Оно является частным случаем перехода от состояния «человека иерархического», ведомого материальными интересами, к состоянию «человека идеологического», которым движут построенные или усвоенные им идеальные модели.

Достаточно повода, чтобы запустить постепенно формировавшийся в недрах сознания психологический механизм. Поводы влекут за собой выводы, выводы – действия, последствия которых уже не оставляют дороги назад, пока не пройден очень значительный отрезок психологического развития. Один из неформальных активистов вспоминал в разговоре со мной: «Я пришел в движение из-за осознания несправедливости общества. Столкнувшись с режимом, я понял, что он не простит мне свободомыслия, и мою борьбу стал поддерживать страх. Впрочем, он притупляется быстро, сменяясь ненавистью. Через некоторое время начинаешь бояться сам себя, думать о всепрощении, но из движения не выходишь – теперь тобой руководят идеалы. Самое ужасное в том, что после этого с новой силой осознаешь несправедливость общества, и все повторяется, хотя и по-новому».

Почему одни люди вдруг решаются на рискованный вызов «системе», а другие продолжают жить как ни в чем не бывало?

Темперамент? Роль случая? Конечно. Но почему тогда прежде законопослушные делают шаг в уличную толпу несколько лет спустя? Понятно, что материальные запросы обычного человека, которые представляются ему реальными, не так далеко отстоят от существующего положения дел. Человек планирует рост зарплаты, материальные приобретения, решение семейных проблем. Но такова жизнь – не все эти планы осуществляются. Это приводит к накоплению отрицательных эмоций, поиску причин жизненных неудач, которые можно найти в общественном устройстве, глобальных проблемах. Таким образом в сознании формируются две модели действительности: существующей (негативной) и оптимальной (за которую следует бороться). Разница потенциалов между этими двумя мирами гораздо больше, чем различие между реальностью и должным у человека иерархического.

Человек идеологический готов пожертвовать очень многим (при определенных условиях и жизнью) ради осуществления своего идеала. Его действия мотивированы духовно, и социально-экономические мотивы имеют для него значение в том случае, если они являются частью идеологической модели. Необходимо решиться на то, чтобы покинуть привычный, устойчивый, но опостылевший иерархический мир и двинуться навстречу утопии, картина которой еще даже и не закончена (впрочем, незаконченность создает поле для маневра). Позднеиерархический человек постоянно ищет выход или конструирует собственную доктрину и группу единомышленников под нее, он стучится во многие двери, и одна из них рано или поздно открывается.

Психологически большинство неформальных лидеров начинает свой путь в движении с этой стадии (среди менее активных или менее постоянных членов встречается немало молодежи, пришедшей в движение из простого любопытства). Человек идеологический – носитель значительной психологической энергии. Что бы ни происходило в это время в стране, он ведет себя как революционер. Любое его движение – судьбоносно, любое событие – грандиозно, высказывания – категоричны (вычерчивается прямая линия от реальности к цели). Понятно, что расхождения между участниками движения в этот период чреватые расколами, которые воспринимаются

как предательства, формируются в устойчивые психологические комплексы, остающиеся шрамами на долгие годы.

Мир неформальных организаций 1986—1989 годов представлял собой своего рода модель демократического общества, в котором участники играли в большую политику, растрачивая энергию на борьбу за места в координационных органах, отстаивая каждый пункт политических программ с таким жаром, будто работали над проектом судьбоносного закона. Конечно, и в этом был смысл, поскольку неформалы вскоре научились выводить на улицы нешуточные толпы, а их издания превратили гласность в свободу слова. Но и внутривнутриполитические страсти «игрушечной политики» неформалов имели большое значение. Это был беспрецедентный тренинг, когда сотни будущих политических лидеров, журналистов, общественных активистов за считанные годы освоили политическую культуру обществ с давними политическими традициями.

В принципе несколько студентов, любивших проводить время в политических беседах, читать раздобытого из-под полы Галича и время от времени осторожно вынимать из кармана фигу, чтобы направить ее в сторону власти в узком кругу приятелей, – явление, характерное для пары предперестроечных десятилетий. Большинству повезло – власти их не заметили или не захотели замечать. И со временем из начинающих диссидентов выросли умеренные и аккуратные либералы-шестидесятники. Меньшинству повезло меньше – начальство заметило недозволенные разговоры и применило ту или иную степень устрашения – от комсомольского выговора до исключения из института. Самые неугомонные пытались возмущаться и вошли в историю трагическими фигурами диссидентского движения. При оценке их деятельности на первом плане стоят действия, а не идеи. Важны протесты против режима, замеченные преимущественно на Западе.

Федералисты не отличались героизмом и готовностью идти в лагерь за идею (хотя в случае невезения не исключали для себя такой возможности). Будь эпоха поморозней, они, может быть, так и не вышли бы из своего подполья и тоже превратились бы в «либералов» с их вековой тоской по свободе, смешанной со страхом перед ней же. Но в 1986 году власть стала давать слабину. Никто не знал – надолго ли это. Не скоротечна ли оттепель? Или всерьез и надолго? Думаю, это

как раз и зависело от того, бросится ли кто-нибудь расширять щелочку, через которую подуло свободным сквозняком. И они бросились. Они рискнули. Несмотря на отсутствие героизма, гарантированного расчета и даже шанса победить в течение ближайших нескольких лет. То, что такой шанс реально существовал, тогда не знал никто, включая Генерального секретаря ЦК КПСС.

Осенью 1986 года все это было еще впереди. Небольшая группа студентов исторического факультета еще только готовилась к своим первым публичным кампаниям^[31].

ГЛАВА ВТОРАЯ

СОБИРАТЕЛИ ГРАЖДАНСКОГО

ОБЩЕСТВА

КОМСОМОЛЬСКАЯ КАМПАНИЯ

АТАКА НА АППАРАТ

6 ДЕКАБРЯ секретарь комсомольской организации биофака МГУ В. Тимаков выступил на комсомольской конференции с предложением объявить Всесоюзную дискуссию по поводу путей перестройки ВЛКСМ.

Вспоминает В. Гурболиков: *«Когда Исаев зачитал текст выступления Тимакова, у нас было общее настроение – ну что же мы сидим, сколько можно. Вот же возможность реальной политики. Тут же пошли в очередное кафе и стали писать программы, материалы для очередной стенной газеты».*

«Исаев предложил использовать дискуссию для публичной кампании, атаковать комсомольскую иерархию и выдвинуть проект реформы ВЛКСМ, предполагавший максимальную его децентрализацию по отраслевому принципу (союз студентов, союз молодых рабочих и так далее). После „внутреннего“ обсуждения было решено добавить принцип делегирования и сделать акцент не на отраслевой, а на низовой децентрализации»^[32]. За этой корректировкой стояло кратковременное возрождение прежнего разногласия между синдикалистом Исаевым и федералистом Шубиным.

«13 декабря (как потом заметили, ровно через пять лет после подавления польской революции 1980—1981 годов) дискуссионный клуб собрал студентов на заседание, посвященное перестройке комсомола. Предварительную агитацию провела стенгазета, и студенты собрались. Так начались первые „сто дней общинных социалистов“, напоминавшие предвыборную кампанию. После первого, довольно бурного собрания образовалась инициативная группа из 27 человек, которая взялась „пробивать“ продолжение дискуссии. Интересно, что из 27 членов группы 13 потом вошли в

политклуб „Община“, четверо тесно сотрудничали с ним. О прочности этого ядра говорит и то обстоятельство, что 11 членов инициативной группы потом вошли в Конфедерацию анархо-синдикалистов. Таким образом уже на старте кампании ядро „подпольщиков“ обросло широкой командой.

Помимо людей, понимавших вспомогательный характер «официально» провозглашенных 13 декабря целей, были и те, кто искренне верил – Карфаген комсомольского аппарата может быть разрушен, а ВЛКСМ способен стать свободным и эффективным молодежным сообществом. Чтобы «контролировать процесс», в группу записалось и несколько комсомольских функционеров во главе с секретарем курса коммунистом В. Болдыревым. В самый разгар дискуссии коммунист Болдырев «не справится с управлением» и уйдет в отставку, а после того как станет очевидной невозможность пробить сопротивление партийного и комсомольского аппарата, из группы окончательно уйдут «либералы». Но численность ее продолжала расти за счет тех, кто видел главную задачу – найти единомышленников и создать политическую организацию.

У заседания 13 декабря было еще одно любопытное последствие – из ЦК ВЛКСМ позвонили в деканат истфака и спросили: «Чего они там у вас хотят?». – «Самостоятельности групп по интересам», – ответили им. Это был момент последней доводки официального проекта Устава»^[33].

В своих воспоминаниях 1988 года я несколько упростил эволюцию состава группы. Во-первых, инициаторы, как следует из дальнейших событий, не исключали, что характер ВЛКСМ может измениться и в ходе распада режима его структуры смогут стать одной из опор левосоциалистического движения.

Вспоминает А. Исаев: *«Трудно сказать, насколько мы тогда верили в возможность навязать комсомолу наши принципы. Видимо, мы существовали в двух ипостасях. Мы считали, что ведем агитацию, чтобы набрать актив. Но в момент агитации всегда нужно верить в то, что говоришь. А вдруг».*

Во-вторых, люди умеренных и либеральных взглядов оставались в группе и позднее. Большинство из них покинуло «Общину» во второй половине 1987 года в связи с идейными разногласиями. Дальнейшей общественной активностью либеральное меньшинство группы не занималось.

25 декабря вышел проект новой редакции Устава, предложенный редакционной комиссией ЦК ВЛКСМ. От старого Устава он отличался стилистическими поправками «в духе перестройки» и пунктом 45: «Комитеты комсомола могут создавать временные комсомольские организации в... объединениях по интересам»^[34]. Естественно, такой паллиатив не устраивал федералистов.

Инициативной группе удалось назначить на 25 декабря комсомольскую конференцию факультета для выдвижения предложений по реформе ВЛКСМ. Партия отошла на заранее подготовленные позиции институтской организации.

Вспоминает А. Исаев: *«Делегаты уже были избраны, но тут партбюро дало команду: конференцию от греха подальше не проводить. Народ собрался, а бюро говорит: „Мы конференцию проводить не будем“. – „Почему?“. – „Партбюро против“. Мы подошли к залу и увидели там толпу делегатов. Я вышел перед ними. Вообще-то я боялся – все-таки прямой конфликт с партбюро в это время – дело нештучное. Но у меня есть такая особенность – перед массой народа „Остапа несет“. И я произнес громкую речь в адрес бюро ВЛКСМ, обвинил их в трусости и предательстве. Мол, они боятся разговаривать с народом. „На основании чего!...“ И тут же предложил компромиссный вариант: „Раз вы не даете такой возможности, пусть это официально не будет конференция, но мы все равно обсудим. На это у нас право есть“. Началось обсуждение, все стали выдвигать предложения, заранее обсужденные в группах. Кто-то выкрикивает: „Распустить комсомол!“ Я пишу на доске: „Распустить комсомол“. Это больше всего потрясло сочувствовавшего нам замдекана В. Вышегородцева. Он мне потом говорил: „Тут чекисты сидят, а он пишет: „распустить комсомол“».*

Но на этом собрании уже присутствовал редактор отдела „Комсомолки“ С. Кушнерев, познакомившийся с нами на собрании по защите памятников. Так что некоторое прикрытие мы себе все-таки обеспечили. После этого собрания секретарь бюро Болдырев написал заявление: „Прошу освободить меня с поста секретаря комитета комсомола факультета, потому что я не могу работать в условиях перестройки“. Для Кушнера это был подарок, прочитав это заявление, он повернулся к нам и сказал: „Наш человек“. Секретарем мы поставили С. Кунина – умеренного коммуниста, близкого к нам. Кунин обещал, что на конференции, которая будет его избирать, мы обсудим также и наши предложения, что и было сделано. Партбюро к этому моменту поняло, что сопротивляться этому на уровне факультета бессмысленно“.

Для оппозиционеров юридическая сторона вопроса была не так важна. Главным был сам процесс дискуссии, который позволял вовлекать студентов в политическое обсуждение. Вслед за факультетской конференцией историки выступили на совещании в комитете комсомола института, посвященном дискуссии.

Вспоминает В. Гурболик: *«Президиум не удержал ситуацию. Мы произвели шум, вызвали интерес на разных факультетах. Было решено создать группу „для изучения вопроса“ (с намерением его там похоронить, как всегда), но этим открывалась возможность обсуждать тему и на факультетах».*

Наступление инициативной группы развивалось стремительно. Она проводила встречу за встречей, везде находя сторонников.

Вспоминает А. Лубков: *«Ребята были хорошими полемистами. У них была определенная логика, эмоции. Подкупало то, что это действительно рядовые комсомольцы, не связанные с так называемой комсомольской номенклатурой. Они представляли только самих себя и тех ребят, которые не были удовлетворены работой, скукой*

нашей комсомольской. Как правило, вся работа комсомола крутилась где-то на верхах, а внизу была тишь да гладь».

В начале 1987 года тишь была нарушена и внизу, и в верхах. В январе – феврале 1987 года инициативная группа провела обсуждения своих предложений в нескольких школах Москвы и в МВТУ имени Баумана. Но главным «полем боя» оставался МШИ. Комсомольские конференции физфака, геофака и истфака, а также самостоятельный «актив» филфака (те, кто пришел) проголосовали за принцип делегирования (всего его в это время поддержало около 500 человек). Коллективное членство в ВЛКСМ, предложенное историками, не вызывало энтузиазма – оно пахло «чисткой». Группа добивалась проведения институтской конференции, чтобы выйти на все факультеты вуза.

Предложения инициативной группы представляли собой проект реформ во всех сферах жизни комсомола, который был своего рода моделью советского общества. «Думается, мы не ошибемся, – утверждали лидеры группы, – если назовем главной проблемой сегодняшнего комсомола бюрократизацию структур ВЛКСМ, формализацию его деятельности и, как результат, стремительный рост „пассива“^[35].

Бюрократизации и пассивности историки противопоставляли принцип делегирования и неформальные общественные организации. Для них комсомольская дискуссия была хорошим поводом изложить собственную модель общественного устройства и объединить вокруг нее как можно больше студентов. «Неформальные комсомольские группы и организации по направлениям работы существуют и занимаются конкретной деятельностью. Это живое дело, на наш взгляд, приносит во сто крат больше пользы, чем все инструкции и распоряжения сверху»^[36]. Объединения по направлениям деятельности должны были заменить территориально-производственные организации ВЛКСМ. Очевидно, что подавляющее большинство комсомольцев, состоявших в ВЛКСМ только потому, что исключение из рядов могло повлечь за собой и административные санкции, не собиралось заниматься реальной общественной работой. Члены инициативной группы предлагали освободить их от комсомольской обязательности вообще. Это могло ослабить контроль

режима над молодежью и изменить соотношение сил в ВЛКСМ, аппарат которого традиционно опирался на пассивное большинство.

«Дело в том, что в это время все большее влияние в обществе (не только в комсомоле) приобретала идея чистки. Чистить предлагали партию, госаппарат, комсомол. Чистить от жуликов, бюрократов, безынициативных людей. „Долой болото – рассадник коррупции и бюрократизма“. Но возникал вопрос: „Кто и по каким критериям будет чистить и каковы будут последствия для вычищаемых?“ Если чистка пойдет сверху, то вычистят бунтарей и инакомыслящих. Если право чистить демократически передадут большинству, то есть пассивной базе „застоя“ в этих организациях, результат будет тот же или в лучшем случае нулевой. Группой инициаторов дискуссии на истфаке МШИ было предложено облегчить массовый выход из ВЛКСМ всем, кому он неинтересен. Для этого нужно было только отказаться от преследований выходящих и отменить все привилегии членов ВЛКСМ. Основной задачей „похудевшей“ организации должно было остаться коммунистическое воспитание молодежи, но коммунизм понимался как безгосударственное общество, а воспитание – как автономная общественная активность молодежи. В „Тезисах возможных изменений в уставе ВЛКСМ“, выдвинутых инициативной группой, предлагалось: „Предполагается, что территориальнопроизводственные первички будут состоять из комсомольских групп, построенных не на базе бригад, классов и так далее, а на основе реально действующих коллективов комсомольцев, занятых конкретной отраслью (комплексом) коммунистического воспитания (агитколлективы, пед– и оперотряды, политклубы, КИДы и прочее“.

Это предполагало не персональное, а коллективное членство в комсомоле. Работаешь в какой-то группе – комсомолец. Не работаешь – нет. Проследить за твоей принадлежностью к этому движению нельзя, а работа самих групп и ее результаты у всех на виду. Естественно, что такой идейный аналог хозрасчета был смягчен рядом предложений по «учету кадров». Но предлагавшаяся система быстро привела бы к резкому сокращению рядов ВЛКСМ и превратила бы его в сообщество левых активистов»^[37].

Неформалы стремились превратить весь ВЛКСМ в сообщество организаций, где «низы» возьмут в свои руки власть через

делегированную систему постоянно действующих конференций: «Чтобы выйти из этого положения, нужно заменить пленарные комитеты комсомола (райкомы, обкомы, горкомы) постоянно действующими конференциями делегатов первичных организаций, которые регулярно проводили бы свои заседания, а в перерывах между ними создавали бы рабочие группы по направлениям деятельности, способные заменить многих сотрудников комсомольского аппарата. Да и избрание этого аппарата, определение его структуры, задач и расходов на его содержание стало бы прерогативой конференций, состоящих из представителей первичных организаций. Состав конференций не будет застывшим: делегат, не оправдавший доверия направившей его организации, может быть отозван и переизбран в любое время»^[38]. Эти предложения лишь формально относились к комсомольской теме. Достаточно было вычеркнуть упоминание о комсомоле, и программа инициативной группы превращалась в модель политического движения или общественного устройства.

Вспоминает А. Исаев: *«Мы в этот период уже не были ленинцами. Но мы выискивали у Ленина всякие фразы, которые позволяли защищаться от „оргмер“ партийной и комсомольской организаций. Так, например, известная работа Ленина называлась „Задачи союзов молодежи“. Мы утверждали, что это значит, что Ленин считал необходимым существование разных молодежных союзов. Конечно, это было прикрытие. Мы тогда четко понимали, что выступаем против двух фундаментальных принципов организационного строения. Мы считали необходимым заменить демократический централизм федерализмом и отказаться от территориально-производственного деления. Мы считали, что если эти принципы убрать, то тотальная коммунистическая организация в прежнем качестве перестанет существовать».*

Вспоминает В. Гурболиков: *«Наша платформа была совершенно ясной и, как я сейчас понимаю, для комсомола губительной. Не в том смысле, что комсомол распался бы. Для молодежного движения это был шанс на спасение.*

Кстати, именно таким шансом – кардинально изменить внутреннюю структуру – воспользовались профсоюзы и выжили в новых условиях. Если бы комсомол тогда каким-то чудом принял наши условия, он сегодня был бы жизнеспособной молодежной организацией и, может быть, наша команда действовала там, а не в профсоюзах. Но бюрократическая система контроля за молодежью разрушилась бы моментально, и вместо нее возникло бы движение или множество движений. Так что комсомольские функционеры совершенно правильно сопротивлялись. Тогда комсомольская номенклатура делилась на два крыла – политическое и экономическое. Политики – А. Лепехин, В. Сидоров и другие интересовались переменами и связывали с ними свои надежды. Но другая часть, более влиятельная, все глубже уходила в бизнес. Им тогда дали новые возможности, скоро пошли НТТМы, через которые создавались первые легальные капиталы в стране. И политика здесь только мешала, раздражая партийные органы и привлекая ненужное внимание. Интересно, как потом изменилась жизнь. Костя Затулин, который тогда начал заниматься бизнесом, на нас смотрел с ненавистью – зачем мы лезем в политику и создаем шум вокруг комсомола. А сегодня Затулин – политик. Тогда его линия была генеральной».

Пафос предложений федералистов был направлен против комсомольского аппарата. Здесь лидеры инициативной группы решили опять, как и в случае с палатами Щербакова, апеллировать к реформаторскому крылу КПСС: «Мы полностью разделяем слова Б. Н. Ельцина, с иронией говорившего на комсомольской конференции ЗИЛа о позорном соревновании „у кого больше бюрократии“ между профсоюзами и ВЛКСМ»^[39].

КАК ПРОРВАТЬ ИНФОРМАЦИОННУЮ БЛОКАДУ?

ПОСКОЛЬКУ ГЛАВНОЙ ЗАДАЧЕЙ инициаторов дискуссии была сама возможность публичного обсуждения синдикалистских

взглядов, привлечения студентов к умеренно-оппозиционной активности, главным предположением группы была поддержка идеи всесоюзной дискуссии. Историки предложили свой план, который расходился с рутинной процедурой ЦК ВЛКСМ: «Нам кажется, что всесоюзную дискуссию целесообразно провести в три этапа: обсуждение в первичных организациях, выдвигающих свой проект, на районных конференциях и, наконец, дискуссия между представителями победивших проектов, освещаемая представителями средств массовой информации... Дискуссия может завершиться комсомольским референдумом по наиболее популярным проектам». Для обобщения результатов дискуссии XX съезд необходимо было провести в два этапа. Ключевое словосочетание в этом фрагменте – «средства массовой информации»^[40].

Программой-максимум инициативной группы был прорыв информационной блокады вокруг альтернативных политических идей, преодоление коммунистической монополии на СМИ. Руководители горбачевской информационной машины со временем встали на сторону либеральных и правосоциал-демократических взглядов, во многом предопределив дальнейшую вестернизацию массового сознания. Левосоциалистической альтернативе пришлось пробивать дорогу вопреки информационному потоку горбачевской либерализации. Но в 1986—1987 годы еще оставался шанс на сотрудничество молодых радикалов и номенклатурных реформаторов.

Пытаясь использовать этот шанс, в феврале 1987 года инициативная группа обратилась с письмом к Борису Ельцину. Расчет делался на то, что реформисты изолированы и должны искать поддержки в «низах». Изложив претензии к нынешней структуре ВЛКСМ и порядку официальной дискуссии, разъяснив основы «ленинского принципа делегирования», историки писали московскому лидеру: «Нам кажется, что эти предложения могли бы вас заинтересовать, так как они дают возможность наладить надежный демократический механизм народовластия и в других сферах нашего общества. Перестройка ВЛКСМ на предложенной нами основе могла бы стать экспериментом, проверяющим эффективность принципа делегирования в современных условиях».

Одновременно было направлено письмо в ЦК ВЛКСМ. В нем критиковался «петиционный» характер обсуждения официального

проекта Устава и предлагался механизм всесоюзной дискуссии, идея которой была до этого «обкатана» на факультетских конференциях. Инициативная группа пыталась найти либералов в руководстве ВЛКСМ и с их помощью продлить дискуссию. «ЦК сохранил молчание, но по факультету поползли слухи о том, что за нашей группой стоит „рука Ельцина“. Этот слух сдерживал руководство институтской парторганизации. Факультетские партийцы, среди которых преобладали славянофилы и либералы-западники, скрыто сочувствовали дискуссии»^[41]. Слухи были не вполне беспочвенными – в это время завязались отношения с секретарем организации ВЛКСМ Высшей комсомольской школы Ю. Роптановым, поддерживавшим контакты с Б. Ельциным.

К середине февраля инициативная группа насчитывала около 20 человек, из которых половина распечатывала материалы, а половина занималась агитацией. Группа пополнилась за счет студентов физфака. Физики использовали передовые технические средства. «После того как Рауля Нахмансона вызвали в партком (тогда это была страшная инстанция) на проработку за использование институтского принтера, он почесал затылок и сказал: „Так, теперь попробуем в лаборатории...“^[42]

Информационная революция стучалась в двери режима. Использование принтера вызвало особенное возмущение руководства институтского комитета ВЛКСМ, руководитель которого заявил в связи с этим: «Ребята хватили через край, прибегли к множительной технике».

Вспоминает А. Исаев: *«Меня тогда поразила эта фраза. Не важно, что ты напечатал, важен сам факт несанкционированного размножения информации».*

К концу дискуссии в МГПИ удалось вовлечь в нее организации девяти факультетов. Помимо предложений историков наибольшую поддержку получила идея приема и исключения комсомольцев в первичках, то есть по существу – тоже требование автономии от центральных органов.

СТРАНА ПОЛНА НЕФОРМАЛАМИ

8 ФЕВРАЛЯ члены группы в ряду прочих инициативных групп были приглашены на встречу с руководством МГК ВЛКСМ и редакционной комиссией ЦК. Члены комиссии дали понять, что принятие Устава в редакции ЦК предрешено. Но здесь будущие «общинники» сумели познакомиться с единомышленниками и комсомольской номенклатурой городского масштаба, курировавшей дискуссию.

Вспоминает В. Гурболиков: *«Мы это не восприняли как возникновение связей, но нас-то заметили. Мы были заняты своими идеями, а за нами активно наблюдали».*

«Представители инициативных групп положили на стол комиссии несколько контрпроектов Устава. Дискуссия уже охватила комсомольцев МГУ, МГПИ, МАИ, МВТУ, госпиталя им. Бурденко, нескольких предприятий. Заводские комсомольцы были представлены в основном секретарями, один из которых в яркой речи описал свое бедственное положение в тот момент, когда надо собирать взносы. „Вы знаете, куда меня посылают?! – риторически вопрошал он, вздыхая огромной грудной клеткой кузнеца. Присутствующие сочувственно кивали, перебирая в уме знакомые выражения. – Я выступаю с инициативой, чтобы взносы вычитали прямо из зарплаты, как в профсоюзе“». Убеленные сединами выразители мнения молодежи что-то пометили в своих блокнотах. Серия выступлений демократов наконец привела к дискуссии.

Наряду с делегированием предлагалось еще несколько интересных идей, на первый взгляд, противоречивших друг другу. Если мы предлагали рассечь бюрократию на каждом уровне по вертикали и подчинить «верхи» «низам», то В. Преображенский (МАИ) предлагал рассечь аппарат по горизонтали четкими гранями компетенции каждого уровня. Аспирант М. Астахов предложил сделать из ВЛКСМ централизованную организацию молодых коммунистов, но входящую в широкий фронт равноправных политических молодежных организаций»^[43].

Нам с Исаевым понравился принцип компетенции Преображенского. В их интерпретации он звучал так: «Компетенция вышестоящих органов определяется по соглашению нижестоящих».

Этот принцип помог идеологам движения решить проблему защиты прав меньшинства»^[44].

Вспоминает А. Исаев: «Сначала я думал, что мы окажемся на этом совещании самыми радикальными. В президиуме сидели комсомольские работники далеко не юного возраста. Но тут на стол президиума стали класть уставы и предложения Союза советской молодежи, какой-то молодежной фракции и так далее. Когда мы изложили наши предложения, сидевший в президиуме функционер средних лет заявил, что это смесь анархизма с оппортунизмом. Но тут встрепенулся седовласый старец в президиуме и сказал: „Не надо навешивать ярлыки“. Была установка ярлыков не навешивать».

Наблюдавший ситуацию со стороны «верхов», А. Лубков вспоминает, что «на разных уровнях партийной иерархии были разные позиции в отношении дискуссии в МГПИ. На уровне ленинского райкома комсомола, а значит и партии, была установка каким-то образом оказывать давление на ребят, следить, смотреть, внимательно работать, по возможности искать крамолу или ересь. На уровне горкома эти выступления оценивались как новация, как неудовлетворенность молодежи. Я помню, что на совещании в горкоме комсомола, где ребята излагали свои взгляды, я выступил и показал, что это – анархо-синдикалистские идеи. Ребята тогда с этим не соглашались, хотя потом их эволюция шла именно в эту сторону. А меня потом после заседания пожурили: мол, не надо так, с обвинениями в анархо-синдикализме, мол, перегнул палку. С ребятами надо осторожнее работать. По линии партийных кадров нам потом постоянно указывалось, что у нас есть „Община“. Как недостаток. А мы пытались представить это как достоинство, успех в деле перестройки. Ребята интересные, глубокие. У них, конечно, есть загибы, но мы, как старшие товарищи, должны прийти на помощь...»

В кулуарах горкома демократы согласились, что их проекты вполне совместимы, поддержали предложенный историками порядок дискуссии и договорились поддерживать контакты в дальнейшем. Но кампания выдыхалась.

Между тем дискуссия начинала задыхаться и в институте. Комсомольские секретари факультетов проводили собрания актива, где приходили к выводу о нецелесообразности институтской конференции по вопросу демократизации Устава. 2 марта на встрече с комитетом ВЛКСМ МГПИ членам группы было официально заявлено, что институтской конференции не будет.

Вспоминает А. Исаев: *«Предлог был совершенно смехотворным. Мол, не высказалось большинство факультетов. Вообще я сейчас поражаюсь, как нам вопреки откровенному сопротивлению институтского комитета и парторганизации вообще удалось провести эти конференции, которые высказались за продолжение дискуссии и поддержали часть наших предложений».*

В качестве альтернативы предлагалось послать в адрес съезда все предложения, которые выдвинуты в институте. По мнению комсомольских руководителей, негативные явления были вызваны не Уставом, а практикой работы. Ее и предполагалось улучшать. Группа предпочла не идти пока на прямую конфронтацию и перейти к организации группы по интересам в соответствии со своим проектом Устава.

Кампания за реформу ВЛКСМ позволила группе отработать тактику кампаний, которая применялась затем до 1990 года и состояла из нескольких этапов: разработка проекта, подготовка костяка инициативной группы, активная агитация в сочетании с обращением к властям, сплочение силы присоединившихся к движению на этом этапе, этап конструктивной работы (пользуясь термином Ганди)^[45]. Вслед за напряженной кампанией наступал этап организационной рутины, без которой были невозможны новые атаки.

Главная задача, которую ставили перед дискуссией лидеры инициативной группы, была выполнена – удалось привлечь на сторону оппозиционных взглядов десятки студентов. Теперь их нужно было

организовать для долговременной политической работы. Предстояло покрыть всю страну филиалами организации, чтобы заставить власть считаться со следующей политической атакой. Но тут выяснилось, что страна и так уже полна неформалами.

В середине марта на КСИ вышла одна из активисток инициативной группы по реформе ВЛКСМ Т. Титова. Оказывается, мы не одиноки во вселенной, и она населена множеством братьев по разуму. «Принюхивание» полуподпольных групп друг к другу было осторожным, и первое впечатление друг о друге часто было как о людях не вполне адекватных.

Вспоминает А. Исаев: *«Пельман сидел в роскошном, как нам тогда показалось, здании на Кропоткинской. Но чем эта штука занималась, было непонятно.*

Григорий представил нам представителей «хэп-федерейшен», из которой потом вышла либеральная группа «Гражданское достоинство». «Чем они занимаются?» – «А вот, играют в желтый мячик». Я тогда подумал, что это либо ненормальные, либо те самые масоны, о которых так много говорят ученики А. Кузьмина (профессор МГПИ, один из теоретиков патриотического движения. – А. Ш.). Какой-то желтый мяч, какая-то таинственность.

Недавно я встречался с Б. Кольцовым из НТВ, который тогда был членом этой федерации, сказал ему, что, увидев этих людей, решил, что у них не все дома. Но выяснилось, что мы тоже произвели на них подобное впечатление. У рафинированная символистская субкультура, новая система общения, принципиально альтернативная совковой, мечта о выходе из подполья и развитии либерального движения. А тут приходит какая-то «комса» и начинает грузить какой-то реформой ненавистного комсомола, гори он огнем.

Но хитрый Пельман все это внимательно выслушал и начал нам рассказывать про социальные инициативы. И тоже нес что-то, что казалось нам полным бредом: какая-то девочка предложила всюду поставить аппараты, чтобы удобно было кидать мелочь в фонд мира. И в таком духе. Но из разговора выяснилось, что для Пельмана важна не только

содержательная сторона инициатив, а сам факт их поиска и объединения. Это было серьезно».

Модель Клуба социальных инициатив позволила соединить между собой в единую сеть контактов разнородные гражданские группы, легализовавшиеся самым невероятным и экзотическим способом.

Несколько дней спустя прошла расширенная встреча представителей клуба и молодых историков. Там присутствовали будущие активные участники общественной жизни Б. Кагарлицкий, М. Малютин, В. Корсетов и Г. Пельман.

Вспоминает А. Исаев: *«Там мы снова начали излагать свой комсомольский проект и были встречены с очень глубоким вниманием. Причем по некоторым репликам было ясно, что присутствующие были настроены очень радикально антикоммунистически. Когда мы упомянули о методах запрета дискуссии, мы услышали: „Ну понятно, обычное торжество „социалистической демократии“. Меньше всего можно было предположить, что Малютин, например, член КПСС. А после некоторых комментариев Кагарлицкого мы решили – это матерое гнездо, организация типа польского КОС-КОРа. Мы его быстро нащупали».*

БРАТЯ ПО РАЗУМУ

НЕФОРМАЛЫ И ДИССИДЕНТЫ

ОБРАБАТЫВАЯ ПИСЬМА и раскидывая сети общественных контактов, Клуб социальных инициатив собирал богатый урожай. Выяснилось, что СССР вовсе не является общественно-политической пустыней.

Вспоминает Г. Павловский: *«Все признавали права клуба координировать движение, причем даже не спрашивая, в каких целях. Это были сотни групп».*

В реальном политическом движении остались только десятки. Зато какие!

Одно из писем пришло из Москвы, от «хэп-федерации» (harp-federation). Люди обрелись для того, чтобы играть в «хэп», игру, похожую на теннис.

Вспоминает Г. Павловский: *«Они себя вели крайне конспиративно. Ни один человек не поверил бы, что они собираются именно для того, чтобы играть в „хэп“. Видимо, это прикрытие чего-то страшного».*

Впрочем, большинство участников группы потом не стало заниматься политической деятельностью. Бросался в глаза западный «прикид» участников.

В начале 1986 года «хэп-федерация» подключилась к обработке писем, лидер группы Виктор Золотарев и его сестра Анна писали по адресам, обзванивали выявленных неформалов, устанавливали все новые связи. Так у клуба появился аппарат. Правда, весной 1987 года энергия «хэпов» в клубе ослабла – большинство не было готово следовать за Золотаревыми в политику. Лидерам клуба пришлось искать новых «рабочих лошадей».

Вспоминает Г. Павловский: *«В 1986-м на нашем горизонте появились питерцы, среди которых было много антикоммунистов – Волчек, Зелинская и другие».*

Впрочем, при общности взглядов на социализм питерцы очень поразному смотрели на отношения неформалов с диссидентским движением. Редактор «Митина журнала» Д. Волчек обвинял неформалов в нерешительности, локальности требований, «стремлении выстроить свои органы по уже существующей советской бюрократической схеме» в «губительной тяге к компромиссам», «желании любой ценой, в том числе и ценой прямого раскола, отгородиться от правозащитного движения»^[46].

Е. Зелинская, редактор журнала «Меркурий», отвечала ему: «Говорить о расколе между никогда не сливавшимися движениями так же некорректно, как сообщать о разводе двух людей, не только не состоявших в браке ранее, но говорящих на разных языках»^[47]. Большинство неформалов, независимо от взглядов, не собиралось наследовать у диссидентов логику тотального противостояния советской системе. У них были свои традиции.

Диссидентское движение даже в условиях перестройки не смогло восстановиться. Выжидание Андрея Сахарова закончится только в конце 1988 года, Ковалева – и того позже, не говоря о других, которые так и не станут участвовать в политической деятельности. Кто-то сидел на чемоданах, кто-то выжидал, чем кончатся реформы Михаила Горбачева. Радикальное неприятие «системы» обернулось неспособностью действовать в условиях ее либерализации.

Исключение составила команда Валерии Новодворской, которая стала строить партию, что для диссидентов означало разрыв с традициями «движения».

Задолго до описываемых событий, 4 июня 1982 года, группа диссидентов провозгласила создание инициативной группы «За установление доверия между СССР и США» (позднее стала называться «За установление доверия между Востоком и Западом» или коротко – «Доверие»). Группа была практически полностью разгромлена КГБ, но в 1987 году часть ее бывших членов возобновила деятельность и создала правозащитный семинар «Демократия и гуманизм». Он проходил на квартире Евгении Дебрянской, собирал

около 30 человек. Лидером семинара стала Валерия Новодворская. «Доверие» выступало с пацифистскими идеями («народная дипломатия», вывод войск из Афганистана). Но семинару Новодворская придала более всеохватную политическую тематику: резкая критика КПСС и коммунистического режима с 1917 года и до наших дней. «Демократия и гуманизм» стала основным наследником диссидентского движения в неформальном сообществе.

Несмотря на участие в семинаре группы молодых «младомарксистов» (А. Грязнов, А. Элиович и другие), основное направление пропаганды семинара было либеральным. Это была первая заметная организация времен перестройки, которая придерживалась либеральных взглядов в собственном смысле слова. Летом 1987 года участники семинара попробовали провести несколько уличных акций. Но они были малочисленными (10-20 участников) и либо напоминали прогулки по Тверскому бульвару, либо пресекались милицией.

4 мая милиция жестоко разогнала тусовку хиппи на Гоголевском бульваре, избив несколько человек. Г. Павловский, который к этому времени стал работать в журнале «Век XX и мир», прибыл на место событий и затем распространил информацию о расправе в кругах неформалов и журналистов (с этого началось его сотрудничество с В. Юмашевым). Клуб социальных инициатив организовал по этому вопросу небольшую пресс-конференцию.

Одновременно клуб провел большое обсуждение проблем культуры. Собралось множество людей, озабоченных ситуацией с памятниками культуры в Москве. «Одной из идей было восстановление храма Христа Спасителя, тем более что бассейн „Москва“ был рядом»^[48]. Разгоряченная спорами, часть участников на следующий день вышла на демонстрацию «Памяти»^[49]. Это было уже слишком – у клуба отобрали помещение.

Вокруг кипели дискуссии. Люди стремились успеть выговориться, пока дают. Более опытные люди приходили установить контакты. Пока оппозиция не имела поддержки снизу (ее предстояло создать), следовало озаботиться прикрытием сверху.

Клуб социальных инициатив стремился занять не только нишу координатора неформалов, но и связующего звена между ними и «прорабами перестройки», видными представителями статусной

интеллигенции. Одну линию этих связей обеспечивал Г. Павловский через круг Гефтера и редакцию журнала «Век XX и мир», работавший под одной крышей с «Московскими новостями». Там собирался круг известных «либеральных коммунистов», опиравшийся на поддержку реформаторов в ЦК КПСС.

Г. Павловский так объясняет политическую модель, которую выстраивал этот круг: *«Передо мной стояла задача соединить сектор теневых либералов круга Гефтера – Карпинского, зафиксировав их позицию в качестве разработчиков курса, с неформалами в качестве носителей этой концепции и партией в качестве усилителя, транслятора и мультипликатора».*

У этой модели был один, но существенный недостаток – как выяснилось, неформалы не готовы были признать интеллектуальное превосходство и принять руководство «теневых либералов».

Другая линия тянулась к Советской социологической ассоциации и ее президенту академику Т. Заславской. Она воспринималась одновременно и как прикрытие, и как канал связи с реформистским крылом Политбюро, прежде всего с Яковлевым. Здесь уже неформалы видели себя частью (наряду с ассоциацией) «выносных мозгов» реформаторов. Под патронажем Заславской клубу стал проводить круглые столы с видными учеными.

На этих мероприятиях выступавшие говорили кто о чем – ведь раньше можно было высказываться только в узком кругу знакомых, а теперь – публично.

Вспоминает Б. Кагарлицкий: *«Приходила публика и охала: „Ах, что говорят!“.* Обсуждали все – от отсутствия детских площадок до поддержки перестройки. Прикрывало нас присутствие Заславской и других ученых».

В стенгазете клуба цитировались слова Заславской на одном из заседаний клуба: «Необходимо выяснить, какими темпами выпускать джинна из бутылки». Под джинном имелся в виду рынок.

В феврале 1987 года Клуб социальных инициатив начал серию дискуссий в рамках всенародного обсуждения закона о предприятии.

Ее организаторы рассчитывали довести свои выводы до лидеров либерального крыла КПСС в лице А. Яковлева, который покровительствовал Советской социологической ассоциации. Доминирующие идеи были рыночными, но не выходящими за рамки демократического социализма. Кампания была не шумной, упор делался на высокий уровень официальной компетентности. На заседание 14 марта, где впервые присутствовали студенты МГПИ, пришло шесть докторов наук.

Клуб социальных инициатив мог превратиться в систему организации научных симпозиумов или в группу статусной научной интеллигенции (такая модель в 1989 году реализовалась в клубе «Московская трибуна»). Но это похоронило бы сам смысл клуба. В нем стали формироваться достаточно автономные подразделения.

В рамках клуба была создана лаборатория общественного самоуправления, которая к 29 марта 1987 года подготовила итоговый документ «К проекту закона о социалистическом предприятии». Его авторы считали возможным развивать самоуправление в рамках принимаемого официального закона. Необходим был только «механизм реализации основных положений закона».

Политическая философия документа строилась на несовпадении демократии и эффективности: «Однако демократизация управления должна проводиться без ущерба для ее эффективности. Демократия является великой ценностью сама по себе. Именно поэтому необходимо позаботиться о том, чтобы сделать ее работоспособной с самого начала». Авторы нацупали одно из уязвимых звеньев демократизации, которое позднее станет одним из мотивов ее свертывания.

Документ испытал на себе также влияние принявших участие в дискуссии молодых историков, повсеместно проповедовавших делегирование, но в основе документа лежал заложенный в законе принцип заводского парламентаризма, объявляющий высшим органом предприятия многочисленное и потому легко контролируемое административным центром общее

собрание или конференцию. «Рабочие обладают достаточной текущей информацией для выбора начальников цехов, но не могут компетентно выбирать директора на заводе с численностью работников свыше 250 человек. По нашему мнению, необходимо пересмотреть пункт 3 статьи 6 закона и указать в нем возможность проведения многоступенчатых выборов... Директор избирается правлением».

Принцип делегирования подразумевалось применить и для демократизации иерархии министерств: «Принцип представительной демократии не может быть ограничен пределами предприятия. Необходимо создать представительные органы из демократически избранных правлениями директоров на уровнях объединения и отрасли. Эти органы должны были обеспечить принятие решений в демократическом, а не бюрократическом порядке, наладить контакты между производителями и потребителями еще в фазе предварительного обсуждения приоритетов будущего плана, обеспечить гласное и справедливое решение конфликтов».

Одно дело – советовать властям, как организовать производство, а другое – проникнуть на заводы, создать ячейки своей «Солидарности».

Ценным контактом Клуба социальных инициатив стал Клуб социально активных людей, который был создан рижским психологом С. Игоренком в декабре 1986 года. Начав с расследования педагогических злоупотреблений и критики бюрократизма, клуб затем сосредоточился на правовой помощи рабочим (прежде всего рижскому правозащитнику В. Богданову). Вскоре к клубу присоединились активисты в других городах Прибалтики (в том числе каунасский рабочий и будущий депутат К. Уока). Затем кампания в защиту несправедливо уволенного Богданова нашла поддержку среди нескольких московских интеллектуалов и рабочих-«правдоискателей», которые начали создавать Межгородской рабочий клуб. Организационную работу по созданию всесоюзного рабочего движения взял на себя Илья Шаблинский. Клуб социальных инициатив связал рабочих-активистов с неформалами-социалистами и

со столичными учеными-социологами Леонидом Гордоном, Борисом и Галиной Ракитскими, с которыми «ксишники» познакомились по линии Советской социологической ассоциации.

Так возник еще один КОС-КОР. Выстраивалась схема специализации, в которой Клуб социальных инициатив продолжал претендовать на роль координатора специализированных координационных центров. Продолжение круглых столов становилось излишним – элитарные дискуссии велись в редакциях журналов. Роль открытой дискуссионной площадки взял на себя клуб «Перестройка». Былая готовность «инициатив» принимать руководство КСИ доживала последние месяцы. Неформалы предпочитали пирамидальной организации корневую горизонтальную сеть. Но пока эта сеть была недостроена, клуб продолжал сохранять свое влияние и центральную роль как собиратель гражданского общества. Но все определеннее вставал вопрос – а что дальше?

Вспоминает Г. Павловский: *«Неформалы тогда стали хитом. Уже весной 1987 года при слове „неформал“ „прогрессивные“ люди знали, что это такая новая сила. Правда там».*

Вспоминает В. Прибыловский (прежде связанный с группой «молодых социалистов»): *«К перестройке я относился очень скептически, но я помню, что Б. Кагарлицкий в 1986 году мне предсказал то, что будет – это падение коммунистического режима и, возможно, развал Советского Союза. Он сравнил это с преддверием Французской революции. Я тогда отнесся к этому скептически и думал, что оптимальный вариант – это наше превращение в Венгрию, но скорее всего это все подавят, а нас посадят, или мы убежим».*

Вроде бы ситуация развивалась оптимистично. Все зависело от того, выйдут ли на сцену народные массы.

ЗАОЧНИКИ

13 СЕНТЯБРЯ 1986 ГОДА оренбургский инженер А. Сухарев сумел опубликовать в «Комсомольской правде» приглашение всем желающим обсуждать актуальные социально-политические проблемы по переписке. Через некоторое время «Комсомолка» была буквально завалена письмами со всего Союза. Сухарев взял себе мешок с письмами. Не на все удалось ответить, но через несколько месяцев возникла сеть переписки в 50 человек, которая в дальнейшем выросла до нескольких сотен адресов. Переписка была организована «таким образом: один излагает свою точку зрения в виде статьи, краткого письма, следующему; тот – третьему, и так далее. В результате письмо, пройдя цепочку адресов, превращается в рукописный журнал»^[50]. По предложению М. Кунина из Симферополя были созданы упорядоченные цепочки обмена письмами. Как вспоминал А. Сухарев, «выявились наиболее активные участники, ставшие узлами этой структуры. После первичного обмена мнениями корреспонденты клуба разбились на группы по интересам: экономике, политике, философии и искусству»^[51].

Такая система переписки напоминала электронные рассылки начала XXI века. Еще один признак того, что социально-культурные предпосылки информационной революции формируются раньше технических, – компьютеров в этой сети еще не было. Люди могли поделиться идеями, которые вынашивались годами в безнадежном политическом вакууме. Все эти идеи, первоначально удивительно похожие из-за общности марксистско-ленинского источника, столкнулись в острой дискуссии. Образовался Заочный социально-политический клуб.

Часть участников переписки быстро нашла между собой взаимопонимание и стала формировать в клубе марксистско-ленинское ядро (центрами этой тенденции стали Киев, где переписку координировал И. Купка, а затем Москва). За год политучебы, притока новой информации и новых людей эта структура начала расслаиваться. Небольшое количество старых членов клуба пошли по пути ломки стереотипов, при которой цитаты Ленина не могли остановить приближения к демократическим и гуманистическим ценностям (это можно отнести к А. Сухареву, П. Смертину, ленинградской группе клуба).

В ноябре 1986-го и феврале 1987-го инициативное ядро Заочного социально-политического клуба собиралось на встречи. Первая определила принципы переписки, вторая попыталась создать легальную организацию. Поскольку возникновение клуба было инициировано «Комсомолкой», то на нее возлагались некоторые надежды. Было написано «Воззвание ко всем революционным силам страны», которое разослали по сети. Воззвание содержало призыв посылать письма в адрес «Комсомольской правды» с предложением создать при ней сеть политклубов. «В начале марта А. Сухарев пришел с этим предложением в редакцию. Им отказали»^[52]. Не получив «крышу», клуб стал эволюционировать к большей оппозиционности. Преобладавшие в нем марксисты-ленинцы («эмелы») относились к КПСС ничуть не лучше, чем «эсдеки». Считалось, что КПСС предала марксистско-ленинские идеалы. На майские праздники 1987 года собралась конференция заочного клуба, которая приняла устав, пока очень плюралистичный, но упоминавший, что клуб создан «на марксистско-ленинской основе».

ФИЗИКИ И ЛИРИКИ

УСТАНОВЛИВАЯ КОНТАКТЫ с другими инициативами, неформальные группы стремились использовать их актив для своих проектов. Характерным примером такого противоречивого сотрудничества явился эпизод отношений «общинных социалистов» с группой педагогов-коммунаров.

Во время комсомольской кампании через студентов физфака федералисты установили контакт с полуподпольной коммунарской группой, руководившей тремя педагогическими клубами РВС – «Рассвет», «Ветер» и «Стрела».

РВС возник в 1986 году из двух групп коммунарского движения. Один из лидеров этой группы М. Кожаринов пишет: «Своими генеалогическими корнями наша история уходит в историю „Дозора“ – педотряда коммунарского толка при АПН (лаборатория психологии подростка Института психологии), где работал О. В. Лишин – руководитель объединения»^[53]. Коммунарские группы, как позднее политические неформалы, размножались делением. Коммунары-педагоги подращивали молодой актив, который вступал в конфликт со

своими учителями. От «Дозора» откололся педотряд «Бриг», действовавший в МГУ, который, в свою очередь, породил педотряд «Рассвет», сосредоточившийся на работе не в школах, а в клубах по месту жительства детей. Он превратился в разновозрастную группу, где дети и студенты-педагоги занимались общественно полезными делами. Группа студентов физфака МШИ (лидеры М. Кожаринов и В. Соколова) выступили за создание на основе «Дозора» единой системы автономных педотрядов, но О. Лишин эту идею не поддержал, и молодые физики стали строить систему самостоятельно, создав педотряд «Ветер». «Рассвет» и «Ветер» создали объединенный ревком (А. Нечаев, А. Ампилов, М. Кожаринов и В. Соколова), выпускники «Ветра» стали новыми комиссарами «Рассвета». Это позволило вовлекать новых детей и привело к почкованию «Рассвета» на родственные группы, первой из которых стала внешкольная пионерская дружина «Стрела» – применение идей комсомольской дискуссии к пионерии. Методы работы РВС были основаны на сочетании коммунарских педагогических методик, ролевых игр и разрешенной общественной работы (интернациональная дружба, туризм и так далее).

Деятельные физики произвели на историков большое впечатление, тем более что Колеров и Нечаев на словах активно поддерживали идеи федерализма, синдикализма и рыночного социализма. Тогда же с будущими «общинниками» начали сотрудничать истфаковские коммунары (Л. Наумов и др.). В марте 1987 года была проведена совместная большая ролевая игра со школьниками, где моделировалась «буржуазная» революция. В ходе этой игры роман с физфаковцами подвергся первому испытанию, которое было лишь предвестием более позднего конфликта.

Вспоминает А. Исаев: *«В ходе этой игры физиками и их учениками была установлена жесткая якобинская диктатура. Я играл ремесленника, назначил цену за свою продукцию. Мне говорят: „За эту цену у тебя не будут покупать“. Тогда я говорю, что не буду работать. И меня хватают – сажают в кутузку. Это все как бы соответствовало историческим закономерностям. Действительно, в ходе революции такие диктатуры*

возникают. Мы предлагали продолжить развитие событий и эту диктатуру свергнуть. И тут с удивлением обнаружили, что физики в восторге от происшедшего, от того, что дети своим умом сразу дозрели до социалистической революции! Организовали революционный легион, который наводит железный порядок. Я был потрясен. Какая социалистическая революция?! Это же бюрократическая диктатура, против которой мы все выступаем. С этим же бороться надо. Мы организовали „крестьян“ – школьников, которых „доставали“ якобинцы, и готовили поход на город, чтобы разогнать этот легион. А за что выступать? В этих условиях – за конституционную монархию с городским советом. Под эти знамена собралась огромная армия. Но страсти среди детей так накалились, что в этот момент игра была остановлена». Игры играми, но этот эпизод предвосхитил выбор, который позднее придется делать всерьез.

«ПЕРЕСТРОЙКА»

ЛУЧШЕЙ ДИСКУССИОННОЙ площадкой московской общественности в 1987 году обладал клуб «Перестройка». Он возник на заседании клуба друзей «Эко» (экономический журнал, пользовавшийся популярностью у либерально-коммунистической интеллигенции) в феврале 1987-го. В этой встрече приняли участие сотрудник Центрального экономико-математического института В. Перламутров, экономист-коммунист Е. Гайдар, ленинградцы П. Филиппов, В. Монахов и другие.

В. Перламутров договорился с руководством Центрального экономико-математического института о том, что в актовом зале института будут проходить публичные обсуждения докладов на актуальные темы. Так этот институт стал одним из центров общественной жизни. Клуб назвали в честь курса Михаила Горбачева – не подкопаешься. «Первоначально казалось, что дискуссии „Перестройки“ будут лишь публичным продолжением академических споров»^[54], – вспоминает один из ее активистов В. Игрунов. Но публика не собиралась удерживаться в академических рамках. Ведь

она получила место, где можно говорить, что наболело. Гайдар охладел к клубу, другие видные либерально-коммунистические деятели заходили на заседания как почетные гости, но именно гости, а не руководители. Зато Клуб социальных инициатив стал активно участвовать в работе «Перестройки» – это избавляло его от необходимости заниматься организацией дискуссий.

Вспоминает Г. Павловский: *«Перестройка» проектировалась как открытый клуб, за которым стоит Клуб социальных инициатив как управляющая ложа».*

Эта конструкция не вполне получилась, так как организаторы «Перестройки» были людьми с собственными амбициями, самостоятельными идеями и к тому же быстро оказались по разные стороны баррикад во внутриклубной борьбе.

На трибуну «Перестройки» в качестве докладчиков приглашали видных ученых и публицистов: Б. Курашвили, М. Айвазяна, В. Данилова-Данильяна, Н. Петракова, И. Клямкина и других. Послушать их собиралось до 300 человек, которые затем включались в обсуждение услышанного. Рассказывает завсегда клуб В. Прибыловский: «На „Перестройке“ заметно проявлялось то, что потом стали называть „демшиза“. Туда ходило много людей, которым не хватает общения, – сейчас они все в интернет-чатах сидят. А президиум, куда более разумный, пытался это регулировать. Я чувствовал, что это – атмосфера якобинского клуба, когда он только зарождался».

Из участников дискуссий сформировалось организационное ядро клуба, в которое помимо Перламутрова вошли О. Румянцев, А. Фадин, П. Кудюкин, А. Данилов, В. Кузин, В. Кардаильский, Д. Леонов, О. Янков, С. Минтусов. Характерно, что Фадин и Кудюкин в 1982—1983 годы проходили по тому же делу «молодых социалистов», что и Кагарлицкий, но отношения с ним были испорчены – они имели претензии к поведению друг друга во время следствия. Эти люди – президиум – вели заседания, договаривались с докладчиками и руководством института, проводили более узкие заседания актива, посвященные подготовке документов клуба.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ «ОБЩИНЫ»

ДИСКУССИИ И ДОКУМЕНТЫ

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ «общинные социалисты» продолжали собирать плоды комсомольской кампании. Студенты истфака ждали политических выступлений. В моду входило атаковать коммунистическую систему через критику сталинизма. Уже через год публика будет перекормлена информацией о сталинских преступлениях, а в начале 1987-го это было еще в диковинку. К 10 апреля дискуссионный клуб истфака провел вечер «Культ личности Сталина: истоки, сущность, последствия», обличающий тоталитаризм (не только сталинский). Были подготовлены доклады по разным аспектам проблемы. Так, например, в докладе А. Шершукова на основании опубликованных в СССР источников реконструировались секретные протоколы к пакту Молотова – Риббентропа. В это время федералисты уже начали знакомиться с диссидентской литературой и знали, что искать. Дискуссия о сталинизме превратилась в своего рода театрализованное представление и дала движению эмоциональный импульс, столь необходимый после прекращения комсомольской дискуссии.

Следующая дискуссия, посвященная экономическим проблемам, имела меньший резонанс. Ее материалы интересны тем, что здесь впервые была систематично изложена программа экономических реформ, за которую выступали лидеры группы.

Мы с Исаевым составили документ «Совершенствование системы управления народным хозяйством в условиях перестройки», который презентовали на заседании клуба и затем распространяли как клубные предложения к обсуждавшемуся тогда в стране закону о государственном предприятии. Авторы предложений считали, что «разрешение противоречия между трудовым вкладом работника и долей вознаграждения невозможно без перехода на полное самофинансирование предприятий». Но

авторы документа считали, что «простое расширение функций рынка» недостаточно, так как «в исходе конкурентных столкновений на рынках большую роль играют факторы, независимые от работника». Однако бюрократическое регулирование рынка федералистов тоже не устраивало, и они предлагали вернуться к системе советов, создание которой «в 1917—1918 годах было прервано политикой военного коммунизма».

Последнее утверждение находилось на грани допустимого уровня крамолы, так как отрицало существование советской системы в СССР. Авторы текста критиковали и официальную идею выборов руководителей предприятия, поскольку такие выборы не дают коллективу возможности осуществлять реальный контроль за деятельностью руководства и не обеспечивают реальной обратной связи между работниками и администрацией. «Для преодоления этих недостатков предлагается вернуться к системе делегирования. Делегирование – избирательная система, основанная на комплектовании вышестоящих организаций из представителей нижестоящих с правом отзыва делегата пославшей его организацией в любое время.

Принципы делегирования:

1. Компактность органов должна позволять реально решать вопросы их составов.

2. Подчинение делегата избравшей его группе и их регулярная связь.

3. Делегаты лично известны избирающей их группе по совместной деятельности.

4. Замена делегата осуществляется простым большинством голосов на собрании избравшей его группы.

5. Руководящие органы создают рабочие группы для помощи освобожденным работникам и для контроля за ними, а также на основании конкурсной системы подбирают оперативного руководителя, осуществляющего текущую координацию в рамках, установленных руководящими органами».

Руководящие органы – советы трудовых коллективов, которые при этой системе должны стать реальной властью на предприятиях, сами по себе были бы узлами, где согласовывались интересы групп работников.

Федералисты искали оптимум общественного устройства, и поэтому неизбежно забежали вперед. Сами принципы рыночности и производственной демократии еще только пробивались через толщу бюрократической экономики, а студенты истфака разрабатывали их рафинированные модели. Но через несколько лет выяснилось, что переход к демократии и рыночной экономике опасен полумерами, что как раз на полпути систему и ждут самые опасные ловушки.

Молодые историки обращали внимание на опасность бесконтрольности администрации предприятий при освобождении ее от контроля сверху. Директо-ра, независимые ни от «верхов», ни от «низов», но не являющиеся собственниками и поэтому независимые также от рынка, не заинтересованы в успешном производстве. В конце 80-х – начале 90-х это приведет к обескровливанию производства и перекачке средств в директорские фирмы, а через них – в сферу финансовых спекуляций.

Проект будущих «общинников» указывал также и на опасность нерегулируемой рыночной перестройки, спонтанной переориентации хозяйственных связей, которая действительно произойдет в 90-е годы: «В связи с тем, что размещение промышленных предприятий в 30-е – 70-е годы осуществлялось крайне неравномерно, прежде всего в соответствии с ведомственными интересами, переход к самофинансированию приведет к разрушению сложившихся хозяйственных связей и неравномерному распределению новых». Выход федералисты видели в территориальном регулировании хозяйства через советы. Для этого советы должны были стать делегированными и двухпалатными – палата делегатов трудящихся (от предприятий регионального подчинения и нижестоящих палат делегатов трудящихся) и палата народных делегатов (от

нижестоящих территориальных советов). С помощью такой системы будущие «общинники» стремились помимо прочего уравнивать социально-экономические возможности жителей и производителей.

Хозяйственную модель венчали государственные комитеты (советы экономической координации), координирующие работу региональных и отраслевых советов, осуществляющие кредитные и инновационные функции. Этот проект реформ представлял собой баланс между синдикализмом и территориальным коммунизмом. В итоге программа вычерчивала вертикальную цепочку делегированных советов по линии рабочий – бригада – цех (отдел) – предприятие (учреждение) – отраслевое и территориальное объединение предприятий – ассоциация таких объединений. Возникающая таким образом сеть экономического регулирования замыкалась на территориальную систему самоуправления. Ее предлагалось строить по цепочке человек – семья – дом – улица – район – регион. Федералисты считали, что компетенция вышестоящих органов должна определяться по соглашению нижестоящих, дабы делегированные органы при всей своей демократичности не смогли узурпировать дополнительные полномочия и парализовать право «низов» на отзыв делегатов, как это произошло в 1918 году. Советы должны были превратиться в координирующие, а не командующие организации.

«Общинным социалистам» казалось, что их система может решить все основные экономические проблемы современности.

Слушатели почти не возражали. Сложные конструктивные проекты реформ уже не увлекали их. Аморфность организации оппозиционных студентов в любой момент могла привести к распаду группы до изначального ядра. Было очевидно, что группа студентов не сможет в ближайшие годы провести придуманные «общинными социалистами» реформы. Новый смысл клубу могла придать политическая жизнь. Поле для такой жизни обеспечило знакомство с

Клубом социальных инициатив и многочисленными группами, контактировавшими с ним.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИЦО

УЗНАВ, ЧТО В МОСКВЕ существуют Клуб социальных инициатив, клуб «Перестройка» и еще множество других групп, «общинные социалисты» поняли, что настало время приобретать политическое лицо. «Перед лицом всего этого многообразия пора было и нам переходить к новому этапу „неформального“ развития. Для „неформального“ статуса нужно было перестать быть „оппозицией его величества“, которая связана со средой только через официальные структуры или в качестве проводника их идей... Необходимость распространения наших взглядов, которые мы тогда именовали „антибюрократическими“, по многим направлениям была признана еще 21 марта. Тогда образовались три педагогические группы и три агитационные. Отдельно значится пункт „Клуб социальных инициатив – осторожно“. Это было недоверчивое начало будущего КОМКОНа (Комитета по контактам).

Но главное, как оказалось, не в этом. Первое, по чему о вас будут судить – это название. Десятки неформальных фантомов будут вспыхивать метеорами своих названий и жить, уже распавшись, вовлекать в движение все новых людей красивым своим именем.

Всего этого мы еще не знали, но к выбору названия отнеслись трепетно. Предстояло объединить по тем временам большую группу людей – три десятка общественных активистов, каждый из которых – сам себе голова. К этому моменту в наших умах были представлены собственная нелюбовь к государственности, разные рыночные концепции, бакунизм, марксизм, славянофильство и космополитизм.

Выхода из этой воистину патовой ситуации было два – сохранение за объединением функции дискуссионного клуба или легкое размежевание. Но название, устраивавшее всех, найти удалось – «Община». Слово многозначное. Марксисты, пока не пришли к власти, стремились заменить ею государство, безгосударственная социалистическая мысль искала в ней прообраз самоуправления, славянофилы – национальные корни, а космополитов устроил французский эквивалент общины – коммуна»^[55].

1 мая, собравшись в кафе «Айсберг» в Первомайском районе, давно облюбованном месте «подпольных» встреч, мы с Исаевым, В. Гурболик, В. Тупикин и А. Шершуков решили, что пора создавать свою организацию с собственным названием и вступить в Клуб социальных инициатив в качестве коллективного члена.

Вспоминает А. Исаев: *«Как бы быть внутри КОС-КОРА, но своей командой? Но название не приходило. Но потом, по дороге к Гурболикову, я подумал: „Община“. Клуб „Община“ – как это глупо. Потом стал приводить политические резоны – будут довольны славянофилы в институте, это соответствует основам нашей идеологии».*

Вспоминает В. Гурболик: *«Придумывание названия было отдельным увлекательным делом. Исаев понимал толк в названиях, как важен их смысл, иногда двойной. Название должно слегка шокировать, человек должен был чувствовать интерес уже к названию, задумываться над ним».*

8 мая в маленькой аудитории исторического факультета МШИ на Сетуни собрались все «подпольщики» и члены инициативной группы дискуссионного клуба: А. Исаев, А. Шубин, В. Гурболик, В. Тупикин, В. Губарев, А. Василивецкий, А. Шершуков, П. Руденский, В. Герасимов, М. Степенин, Э. Соломкин, Т. Титова, О. Петрова и О. Александрова.

Вспоминает А. Исаев: *«Там мы без дискуссии и приняли „историческое решение“, что учреждаем историко-политический клуб „Община“. Эта формула „историко-политический клуб“ была обсуждена руководящим ядром заранее, и все согласились. То есть политический, но историко-, то есть как бы профессиональный».*

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

УЖЕ В КОНЦЕ МАЯ «общинники» стали называть свою организацию не только «историко-политическим клубом», но и более солидно – «историко-политическим объединением», давая понять, что «Община» тоже является федерацией общественных групп. «Община» изначально стремилась к превращению в общесоюзную организацию. Первым немосковским членом клуба стал П. Смертин из Таганрога, вступивший в июле.

Часть «общинников», прежде всего В. Гурболиков, работала также в объединении «Слобода», возникшем в конце 1986 года из защитников палат Щербакова в Лефортове^[56]. Осенью прошла передача о проблеме лефортовской архитектуры в программе «12-й этаж». Дебаты в эфире были такими острыми, что анонсированный повтор программы в эфир не вышел.

Вспоминает В. Гурболиков: *«Это был второй мир, который для меня открывался параллельно с политическим. Мир людей, которые уже много лет сопротивлялись разрушению Москвы, защищали дом Фамусова. Вместе с Григорием Стриженовым мы обегали множество порогов, создали могучий миф о „Слободе“ как мощном движении. Нас поддержал зампредисполкома и затем секретарь Бауманского райкома партии Н. Н. Гончар. Он сам занимался проблемами городского самоуправления, проявлял большой интерес к муниципальному опыту, например в Скандинавских странах. При этом он был человеком очень осторожным, любил смелые проекты и все время опасался, решения принимал минимальные. И кое-чего достиг – например, построил в районе хорошую поликлинику, довел это дело до конца. Сейчас понимаешь, что это было сделано вовремя. Одним из шагов Гончара было предоставление „Слободе“ помещения. Потом там собиралась и „Община“»*

После провозглашения «Общины» началась выработка ее устава и программной декларации.

Вспоминает А. Исаев: *«В мае мы собрались на более солидное собрание „Общины“ в помещении „Слободы“ и стали обсуждать документы клуба. Устав утвердили довольно быстро и избрали совет. Программный документ обсуждался сложнее. Причем позиции людей проявлялись для меня совершенно неожиданно. Руденский, славившийся своей умеренностью и осторожностью, сказал: „Надо сразу написать, что мы против государства“. Тогда Степенин ответил ему: „Ну тогда надо сразу в подполье уходить“. На что Руденский разъяснил, что имеет в виду государство как категорию».*

Противоречия студентов с различными взглядами вышли на поверхность. Первыми ушли патриоты, затем в течение нескольких месяцев от движения постепенно отошли либералы. И среди лидеров споры вызывала каждая строка, что было связано не только с теоретическими разногласиями, но и с юношеским соперничеством. Муки коллективного творчества решено было закончить осенью. Проект программы много раз перерабатывался.

В набросках программных документов «Общины» еще используется коммунистическая терминология: «Важнейшим препятствием на пути к коммунизму мы считаем бюрократию», которой противопоставлялось самоуправление и делегирование. Предлагалось конституционно гарантировать невмешательство государства во внутрипроизводственные функции предприятий – автономных общин. «Общинники» отрицали за бюрократией как демократические, так и патриотические черты («бюрократия в принципе антипатриотична»), занимали характерную для народников срединную позицию между западниками и славянофилами. Теоретики «Общины» выступали категорически против реформ «за счет народных масс путем простого заимствования капиталистических политических и экономических механизмов западных государств». Рудименты государственного социализма в идеологии «Общины» быстро отмирали. Упоминались возможности индикативного планирования с помощью ЭВМ, но директивное планирование отрицалось.

Теоретические споры по поводу программного документа «Общины» продолжались все лето 1987 года. Разногласия возникли и среди самих идеологов федерализма. Лидером радикального крыла был А. Исаев, в это время считавший себя бакунистом. Я тогда отражал мнение умеренных и, чтобы сдержать «радикальные перегибы» Исаева, летом написал статью «На следующий день» (она была распространена как методический материал к дискуссионному клубу). Проблемы, вставшие перед идеологами «Общины», повторяли основные положения споров анархистов и левых социалистов прошлого. Но взгляды идейных предшественников станут доступны для молодых историков только через год. Поэтому до всего приходилось доходить самим. Речь шла о том, «нельзя ли вообще обойтись без надстроечных структур, диктующих свою волю предприятиям..., передать предприятия в неограниченное распоряжение рабочих, не завершая „перманентную“ борьбу против государственности и ее социальных носителей в течение 5~15 лет до полного уничтожения государства. Итак, проходящая перестройка вновь поднимает общий для всех социалистов и коммунистов вопрос: каким путем произойдет отмирание государства – через вовлечение все более широких масс трудящихся в функционирование системы власти при одновременном отторжении из ее надстроечных слоев лиц, теряющих свою компетентность, или постоянная борьба с исчадием эксплуататорских обществ – государством путем пресечения любой его инициативы, разрушения его структур, парализации его деятельности. Размывание или слом?»

Свободный рынок может быстро монополизироваться, и тогда общество окажется под контролем узкой олигархии, прежде всего информационной. При этом осуществление анархической модели, отрицающей демократическую надстройку, привело бы к разрушению государственных структур, хотя бы отчасти контролирующихся снизу. Но ниша государственных функций при этом сохранится. Кто ее займет? Бесконтрольная частная корпорация? «Это самое реакционное решение противоречия. „Хорошо освобождение“ – возмущался я, отвечая бакунистам цитатой из Бакунина. Альтернативой нерегулируемому анархическому рынку я считал последовательно проводимое делегирование, советскую систему. Она должна привести к переходу власти от бюрократии к демократическим слоям рабочих и

менеджеров. Бюрократия в своей борьбе за старые порядки будет опираться на реакционную часть рабочих. Отвечая на возражения бакунистов, статья доказывала, что в массе своей менеджеры в восточноевропейских странах – это не буржуазия и не бюрократия, а некий особый средний слой.

Критика была учтена Исаевым, который все же не был в это время чистым анархистом, считая себя последователем Бакунина, открытым для более умеренных левосоциалистических взглядов.

Вспоминает А. Исаев: *«Летом 1987 года я впервые попал в спецхран Ленинки и прочитал там множество литературы начала века: Новомирского, левых эсеров, эсеров-максималистов, материалы Кронштадта. И начался период моего увлечения эсерством. До этого я себя то считал, то не считал анархистом. Я был анархистом в программе-максимум, но все время хотел найти какую-то идейную традицию, более приближенную к реальности. Анархизм, как я полагал, страдает упрощением. А бакунизм был течением народничества с сильными элементами анархизма. Но Бакунин был неразрывно связан именно с анархией. Эсеры-максималисты были очень близки к бакунизму, но не называли себя анархистами, считая необходимым сохранение более организованных структур. Я подумал, что мы похожи на них. Мы потом еще более года обсуждали возможность эсеровского самоназвания».*

Программные установки «Общины» остались левосоциалистическими. Но риторика становилась все более радикальной. Именно такой риторический сдвиг, а не действительная конструктивная программа ее лидеров привел в последующем к анархистской самоидентификации «общинного социализма».

БЫТЬ СВОБОДНЫМ

ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ РЕДАКЦИЯ программного документа под названием «Декларация историко-политического клуба „Община“ принадлежит перу А. Исаева и В. Гурболикова. Она была принята

делегацией „Общины“ на информационной встрече-диалоге „Общественные инициативы в перестройке“ в конце августа и затем утверждена собранием членов клуба.

По сравнению с научным тоном предыдущих проектов декларация приобрела компактную форму, лозунговый тон и одну новую для документов «Общины» мысль, навеянную обсуждениями трудов анархиста Новомирского:

«Цель и средство исторического прогресса – освобождение человеческой личности. Общества и государства, союзы и группы имеют право на существование только в том случае, если они играют роль ступени на пути человека к духовному и материальному освобождению. Все, что препятствует или перестало служить этому, реакционно и должно быть уничтожено»^[57]. Все социальные ценности теперь поверялись безусловным правом личности на свободу самовыражения, которая может быть ограничена лишь такой же свободой других. Народнический персонализм стал доминировать над социальностью, но не отменил ее:

«Быть свободным – значит жить среди свободных и равных людей, быть свободным не только от эксплуатации, но и от обязанности эксплуатировать, применять насилие по отношению к другим людям, подчинять не только других, но и себя дисциплине этого насилия. Поэтому свобода личности может мыслиться лишь как солидарность свободных людей»^[58].

Декларация оспаривала как право марксистско-ленинской идеологии считаться социалистической, так и приверженность свободе сторонников западной модели общества. «Общинники» демонстрировали свою приверженность народничеству в его антиавторитарном варианте: «Нет и не может быть освобождения человеческой личности вне социализма, поставившего себе целью ликвидацию классов и отмирание государства. Эту социальную и нравственную цель прекрасно выразил выдающийся русский революционер П. Лавров: „Боевой клич

рабочего социализма заключен в двух формулах: прекращение эксплуатации человека человеком, прекращение управления человека человеком!»^[59]. «Ни буржуазная демократия, ни казарменный коммунизм не обеспечат свободного развития личности. Еще М. А. Бакунин говорил: „Свобода без социализма – это привилегия и несправедливость, социализм без свободы – это рабство и скотство“. Развивая эту мысль, декларация обрушивается на планы и тоталитарной, и буржуазной „модернизации“^[60]. Таким образом «Община» недвусмысленно отмежеввалась как от государственно-коммунистической, так и от либеральной идеологии, придерживаясь стратегии «третьего пути». Но это не исключало тактического сотрудничества с коммунистами и либералами. Декларация содержала своего рода сигнал для такого сотрудничества: «Поэтому мы, как сторонники полного освобождения личности и приверженцы идеалов гуманизма, разделяем провозглашенный в октябре 1917 года курс на построение бесклассового и безвластного коммунистического общества»^[61]. Но основные надежды «общинники» связывали с ростом массового движения снизу: «Одной из форм народной поддержки перестройки стало самодеятельное движение общественных и общественно-политических клубов, действующих в социально-политических, эколого-культурных и других сферах. В этом движении мы видим один из путей общественного самоуправления, вытеснения им административно-бюрократических структур»^[62]. Несмотря на то, что в 1987 году надежды на массовое народное движение большинству наблюдателей казались утопичными, именно с ним будут связаны успехи и неудачи не только «общинного социализма», но и всей перестройки.

ДВА ПОКОЛЕНИЯ

БЛАГОДАРЯ ЗНАКОМСТВУ с «ксишниками» участники студенческой группы получили и новые контакты в оппозиционной и научной среде, и новую «крышу». 12 мая Клуб социальных инициатив

стал коллективным членом Советской социологической ассоциации. Федералисты начали переговоры о вхождении в клуб на правах коллективного членства. Опасаясь оказаться в подчинении клуба (фобия зависимости характерна для неформалов вообще), историки добились очень широкой автономии, но, как оказалось, автономия не мешала использовать юных и неопытных неофитов во внутриклубной борьбе.

Лидеры клуба вскоре стали демонстрировать свое молодое пополнение общественности. Они приглашали «общинников» на встречи с разнообразной либеральной партийной и интеллигентской публикой.

Вспоминает В. Гурболиков: *«Впечатление от этих совместных встреч осталось неприятное из-за Малютина. Мы хотели поделиться информацией и идеями. Но вот вставал Малютин и начинал разъяснять: „Вот, вы видите перед собой неформала. Что же это такое?“ И начинал нас анализировать с видом профессора. Время его анализа превышало то, что было необходимо нам, чтобы самим о себе рассказать. Возникла какая-то абсурдная ситуация, похожая на советские книжки, из которых мы черпали первые представления о различных неправильных идеях. Там приходилось читать между строк об интересных нам людях. Но здесь о нас, сидящих здесь же, слушатели должны были судить между слов малютинского анализа, весьма подчас далекого от того, что мы говорили на самом деле. Это изумляло. Постепенно мы стали стремиться к тому, чтобы встречаться с людьми без старших товарищей».*

Весной 1987 года в Клубе социальных инициатив подспудно стало нарастать противоречие между плюралистическим подходом Г. Пельмана (клуб должен объединять максимально широкий круг социальных инициатив) и стремлением Б. Кагарлицкого сделать клуб более монолитной (в идейно-политическом плане) организацией. Первым шагом в этом направлении стало исключение из него консерватора С. Скворцова. Позднее Скворцов и «общинники»

примирились на антикапиталистической платформе и в 1988 году даже провели совместный митинг.

Вспоминает Б. Кагарлицкий: *«В силу консолидированности „Общины“ она стала важным организационным инструментом. Если уж с „Общиной“ договорился – она продавит. А с остальными нужно было договариваться со всеми отдельно внутри каждой группы. Мы объяснили „общинникам“, что Скворцов – противник перестройки. Скворцов в своих прогнозах был, как я сейчас понимаю, прав, ждал реставрации капитализма в самых отвратительных формах и надеялся бороться с этим, хотя бы и с помощью социалистической общественности. Он казался очень странным, так как поддерживал перестройку, чтобы потом с ней бороться. Как человек аппаратного склада, он стал делать из клуба „мини-КПСС“. Был запущен механизм внутренней борьбы. „Община“ „проголосовала как надо“.*

Правда, лидеры «Общины» не были вольны в своих решениях и не могли так же свободно маневрировать в «ксишных» интригах, как остальные участники игры.

Вспоминает Г. Ракитская: *«Как-то раз мы выработывали очередное политическое решение. Дошло до голосования. И тут Исаев и Шубин говорят: „А мы не можем голосовать“. – „Почему?“. – „Потому что мы должны согласовать решение с „Общиной“. У нас императивный мандат“. Пришлось отложить решение»^[63].*

Оборотной стороной организационной силы в условиях неформальной демократии была зависимость от группы. Впрочем, лидеры быстро научились толковать мнение группы в соответствии со структурой момента, убеждать в правоте своих решений большинство ее членов (вызывая растущее недовольство менее «оппортунистичного» и более догматичного меньшинства) и ссылаться на императивный мандат тогда, когда нужно было «замылить» ненужное решение.

Близость взглядов, обнаружившаяся между «общинниками» и Б. Кагарлицким по социальным вопросам, привела к тому, что этот левосоциалистический теоретик в марте – июне превратился в гуру молодых историков.

Вспоминает Б. Кагарлицкий: *«Ведь есть очень серьезная проблема левого движения в нашей стране, которая остро стоит и сейчас. Со сталинских времен все время возникают какие-то группы и каждый раз начинают сначала. Нет преемственности. Они тратят время на то, что повторяют ошибки друг друга. Малютин как-то сказал: ваша группа „молодых социалистов“ может стать первой, которая имеет шанс передать свой опыт напрямую кому-то дальше, создать преемственность. И меня это очень вдохновляло».*

«Кагарлицкий, при всех наших с ним последующих разводах, занимает в нашей идейной эволюции большое место. У нас к этому времени уже была своя партийная школа, построенная на том, что мы обменивались всей доступной информацией. Собирались мы в небольшом домике в Неопалимовском переулке, в ДЭЗе. Читали своего рода доклады. К этому времени мы друг другу все что можно уже пересказали, и читали уже примерно одно и то же. И Кагарлицкий с его познаниями оказался как нельзя более кстати». Если прежде круг чтения федералистов ограничивался литературой, которую можно было получить в библиотеке (включая литературу первой трети XX века из спецхрана), то Б. Кагарлицкий приобщил историков к нелегальному тамиздату и самиздату. От него «подпольщики» узнали о событиях в Новочеркасске в 1962 году, он познакомил их с текстами Я. Корнай (в переводе с английского имя этого автора звучало как «Я. Корней»), выводы которого затем использовались «общинниками» при критике нерыночных экономических моделей. Эта информация уже не смогла существенно повлиять на конструктивные программные разработки федералистов, но заметно усилила их антикоммунистическую направленность.

Историки, в свою очередь, пытались привить Кагарлицкому интерес к народнической и анархической идеологии. Федералисты

спорили с Кагарлицким по вопросам истории России XX века, поскольку в этих вопросах считали себя профессионалами. Они не соглашались с троцкистской точкой зрения о том, что бюрократическая диктатура в СССР возникла в 20-е годы, полагая, что большевистская диктатура также являлась бюрократической и принципиально не отличается от сталинской. События 20-х – 30-х годов федералисты в отличие от Кагарлицкого оценивали не как победу бюрократии, а как победу одной фракции бюрократии над другими. Не соглашались историки и с идеей о мелкобуржуазных корнях тоталитаризма. Сам термин «мелкая буржуазия» их уже не устраивал, поскольку крестьянство («мелкая буржуазия») качественно отличалось от буржуазии. Историки отрицали и благотворность коммунистической модернизации.

Через Клуб социальных инициатив молодые историки вышли также на своего старшего коллегу С. Харламова, бывшего преподавателя истории КПСС, потерявшего работу из-за интереса к ее «белым пятнам». Он за несколько лекций познакомил своих новых знакомых с подробностями истории КПСС, к которым большая наука смогла что-то добавить только после 1991 года.

Постепенно между общинниками и группой Кагарлицкого усилились идейные противоречия. «Общинники» отрицали парламентскую форму демократии и считали взгляды Кагарлицкого слишком близкими правой социал-демократии. Однако дело было не только в идейных разногласиях. Но тесное деловое сотрудничество (при нарастающем соперничестве) продолжалось еще год.

Вспоминает Б. Кагарлицкий: *«Оказалось, что „Община“ является куда более плотным образованием, чем полагается в соответствии с ее собственной идеологией. Есть Исаев и Шубин со своими очень сложными отношениями, в которых я, несмотря на все попытки, так и не смог разобраться. Мне тогда было легче общаться с Исаевым, потому что Шубин был жестче в идеологическом смысле. Они жестко контролируют группу с очень сильным командным духом, интенсивной внутренней жизнью – не пробьешься. Черная дыра – затягивает информацию, а назад – ничего. Клуб социальных инициатив был очень*

разношерстным, а „Община“ – очень консолидированным ядром. Казалось, что ребята хотят доминировать, потому что они лучше организованы. Я тогда считал, что человек с большим опытом должен играть более важную роль, что „общинники“, естественно, не признавали. И конфликт в этом отношении был совершенно неизбежен».

Между тем политический горизонт стремительно расширялся. В мае – июне историки познакомились с другими людьми, имевшими диссидентское прошлое и доступ к нелегальной литературе: В. Корсетовым, С. Харламовым, П. Кудюкиным, В. Прибыловским и другими. Знакомство с Кудюкиным было связано с трагикомическими отношениями в среде прежней генерации левых.

Вспоминает А. Исаев: *«На одном из заседаний клуба мы застали разговор о том, что делать, если придут Фадин и Кудюкин. При этом было ясно, что ветераны говорят о чем-то им вполне понятном, но для нас неведомом. Кагарлицкий говорил, что он „категорически против сотрудничества по одной простой причине: эти люди сыграли роль бесов во время процесса социалистов“. И рассказал свою версию „дела молодых социалистов“, о котором мы тогда вообще ничего не знали. Я еще тогда подумал, какие действительно страшные люди эти Фадин и Кудюкин. По окончании заседания мы спустились в летнее кафе, где совершенно спокойно и довольно громко обсуждали эту диссидентскую тему, и на нас косились некоторые посетители. Ты тогда еще вспомнил книжку „Крах операции „Полония“, избличавшую польских коскоровцев. Советский автор возмущался, что польские диссиденты спокойно обсуждали свою тактику в кафе еще до начала массового движения „Солидарности“. Из этого либерализма властей книжка и выводила последующий успех „Солидарности“. Нам такая аналогия нравилась. Мы тоже надеялись, что в СССР начнется массовое движение против КПСС. Пока мы хихикали по этому поводу, появился бородатый человек в очках, который очень грозно сказал:*

„Хочу представиться. Я – Кудюкин“. Он сказал это с таким выражением, как будто произнес: „Я – Фантомас“. Я чуть не провалился под стол от смеха. А Малютин спокойно говорит ему: „Садись, Паша“. После чего состоялся какой-то нелिцеприятный разговор между ним и Кагарлицким. Так мы впервые увидели, что кроме нашего КОС-КОРа есть еще много других КОС-КОРов“.

КОС-КОРЫ выходили на поверхность общественной жизни один за другим. 21 мая через КСИ «Община» установила контакт с Прибалтийским клубом социально активных людей, Заочным социально-политическим клубом и московским клубом «Перестройка».

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ЛЕТОМ «ОБЩИННИКИ» попытались опробовать некоторые свои экономические идеи на практике. Как казалось, для этого представилась хорошая возможность: лидеры группы РВС («Рассвет-Ветер-Стрела») пригласили их участвовать в педагогическом строительном отряде «Осип» (отряд студентов и подростков). Студенты и школьники направлялись в Карелию (Ондозеро) для того, чтобы работать на колхозной стройке.

Отправляясь в Карелию, лидеры «Общины» не отрывались от политического процесса – между Москвой и Карелией шла переписка. А. Василивецкий сообщал о важнейших московских событиях (включая знаменитую демонстрацию татар). В Карелии продолжалась выработка философии «общинников».

Вспоминает А. Исаев: *«Сейчас я нередко вспоминаю эти разговоры о субъективности науки, о роли языка в формировании наших знаний».*

Перед поездкой руководитель отряда, член РВС И. Колеров заверил историков, что отряд будет организован в соответствии с экономическими идеями «Общины» (включая внутренний хозрасчет и широкое самоуправление). После разговора с Колеровым мы были

просто окрылены. Однако на месте, после двух недель работы, выяснилось, что руководители отряда на деле не собирались выполнять рекомендации историков, рассчитывая, что те подчинятся общей коммунарской дисциплине. Постепенно выяснилось, что эпизод с ролевой игрой, в ходе которой была установлена «социалистическая диктатура», был не случаен. РВС представлял собой коммунистическую группу, которая собиралась перевоспитать историков. Видимо, Колеров дал свои обещания «ради дела», не согласовав их в достаточной степени с товарищами.

Вспоминает В. Гурболиков: *«Интересно, что РВС был своеобразным продуктом идей Стругацких. Это сначала нам нравилось, но потом выяснилось, что в творчестве этих замечательных писателей РВС воспринял прежде всего ранние коммунистические взгляды и идею прогрессорства, понятую как оправдание иезуитизма. Им казалось, что они знают, к чему можно тайно направлять людей. Я думаю, что Стругацкие вертели в другую сторону, и эрвезовцы восприняли как идеал то, что для писателей было карикатурой». Впрочем, это взгляд со стороны «общинников».*

Сначала историки, прибывшие работать раньше, чем большинство участников, удивлялись порядкам, которые пытался установить представитель РВС Ампилов, прозванный Сержантом.

Вспоминает А. Исаев: *«Нам предлагалось выполнять явно бессмысленные работы или трудиться под проливным дождем. „Зачем?“. – „Надо преодолевать трудности. Нужны испытания“. – „Ты кого собираешься испытывать! Мы что тебе, школьники!“*

Историки быстро низложили Сержанта. Первое время его указания выполняли только двое эрвезовских школьников, прибывших вместе с передовой группой. Но когда выяснилось, что Сержант даже в армии не служил, его быстро поставили в подчиненное положение, а школьники стали слушаться историков и двух неэрвезовских физиков – обычных «безыдейных студентов».

Когда основная масса педотряда приехала, выяснилось, что рабочей силы нет – большинство детей едва вошли в подростковый возраст. Идейные коммунисты В. Кожаринов, А. Нечаев и И. Колеров (двое последних в дальнейшем предприниматели) настаивали на том, что работать необходимо на пределе физических возможностей. Основная нагрузка легла бы на нескольких студентов, но заработанное предлагалось делить поровну. Изумленные историки сначала пытались убедить коммунистов, излагая им свои принципы, предлагая создать самоуправляющиеся бригады, которые будут зарабатывать пропорционально трудовому вкладу.

Вспоминает А. Исаев: *«Они изложили нам свою теорию. Все люди делятся на три группы: индивидуи, групповики и коллективисты. Первые – индивидуалисты и рвачи. Коллективистами они называли не сторонников коллективности, а тех, кто выступает за всеобщее братство и альтруизм. А коллективистов они называли групповиками. Мы как раз такими и были по их классификации, и нас они собирались педагогически довоспитать до истинных коллективистов. Мы не возражали против того, чтобы считаться групповиками. Мы – патриоты группы. А абстрактный коллективизм во имя чего-то всего – мы этого не понимаем. Они говорили: „Да, вы до этого не доросли“. Мы говорили: „Да, не доросли, и наверное, не дорастем“. По их мнению, беда СССР заключалась в том, что квалифицированные работники эксплуатируют неквалифицированных. Мы начали долбить эту точку зрения со страшной силой. Они в ответ стали ссылаться на Маркса, Энгельса, Ленина, что для нас в это время уже не было авторитетом. Еще они уважали революционера С. Нечаева (особенно однофамилец А. Нечаев). Мы как-то на сборе у костра рассказали им, какой это был подлец. Видимо, это было последней каплей».*

Историки и аполитичные физики создали бригаду «Четвертая коммуна» (под предыдущими тремя подразумевались Парижская, Кронштадтская и Карельская, о которой «общинники» узнали только

здесь), на сторону которой перешла небольшая часть студентов и школьников (Р. Нахмансон и Ф. Борецкий потом активно участвовали в «общинном» движении). РВС, пользуясь большинством, предложил бригаде наиболее трудоемкие работы при наименьших нормах оплаты. Историки в ответ обратились к привычному оружию агитации, обличая «эрвезосовцев» за сверхэксплуатацию школьников, неудовлетворительную организацию питания и быта отряда, произвол и диктатуру вождей. В конце июля бригада откололась от отряда и заключила отдельный договор с местными учреждениями.

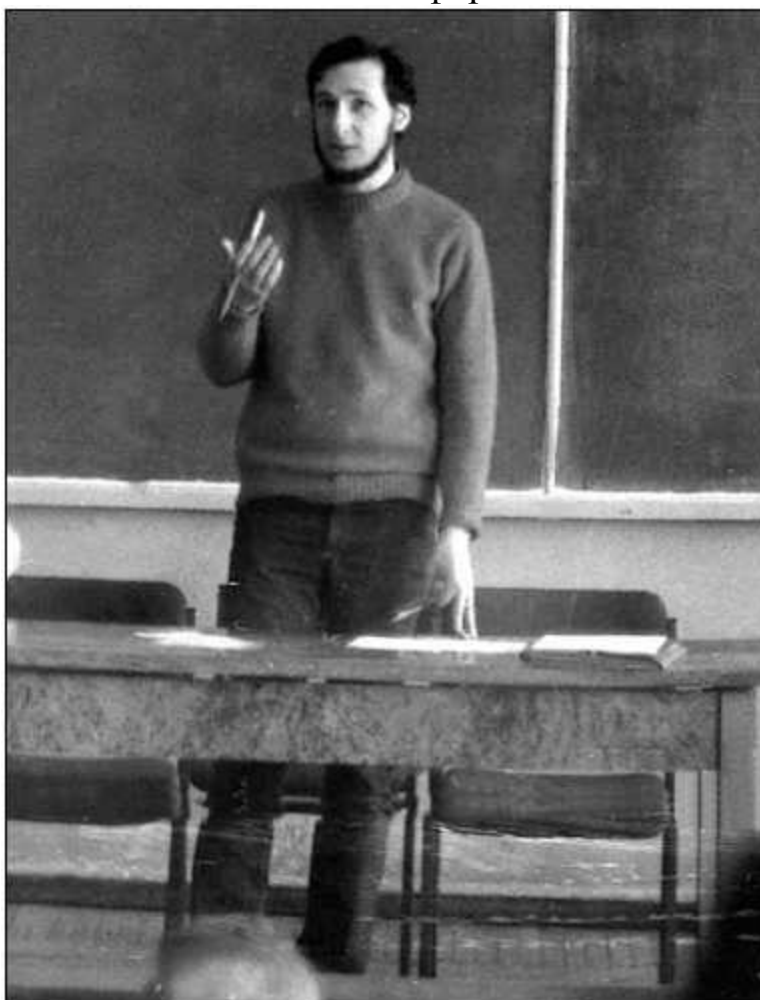
Вспоминает А. Исаев: *«После этого у них все развалилось, и Колеров сказал нам: „Хороша же ваша экономическая система!“ Хороша. Она не позволила сделать из нас дураков. Они пытались вести с нами разъяснительную работу силами детей. Наивные. Мы не остались в долгу. Школьник Федя Борецкий выпустил газету „Волна“, где разъяснялась наша позиция. У газеты был провокационный эпиграф из Стругацких: „Волны гасят ветер“ („Ветер“ – название одного из отрядов РВС. – А. Ш.). Виновным в нашем саботаже был объявлен Сержант».*

Острый конфликт с коммунарами был вызван взаимным непониманием предварительных условий сотрудничества двух групп. Обстановка секретности в руководстве «рассветовцев» была чревата недоразумениями. Часть участников этого движения затем ушла в «Общину». Но сама группа РВС продолжала эволюционировать, демократизироваться, в том числе под влиянием идей «Общины»^[64], трансформироваться в ходе расколов и поисков новых форм работы. В 90-е гг. она вписалась в рынок как частная школа.

Столкновение с полусекретной коммунистической организацией, действовавшей через более широкие структуры, стало уроком для общинников. Именно в Карелии они окончательно отказались от идеи нелегального союза федералистов, действующего в «Общине». Отныне «Община» стала главным проектом федералистов.

ЯДРО И ПЕРИФЕРИЯ

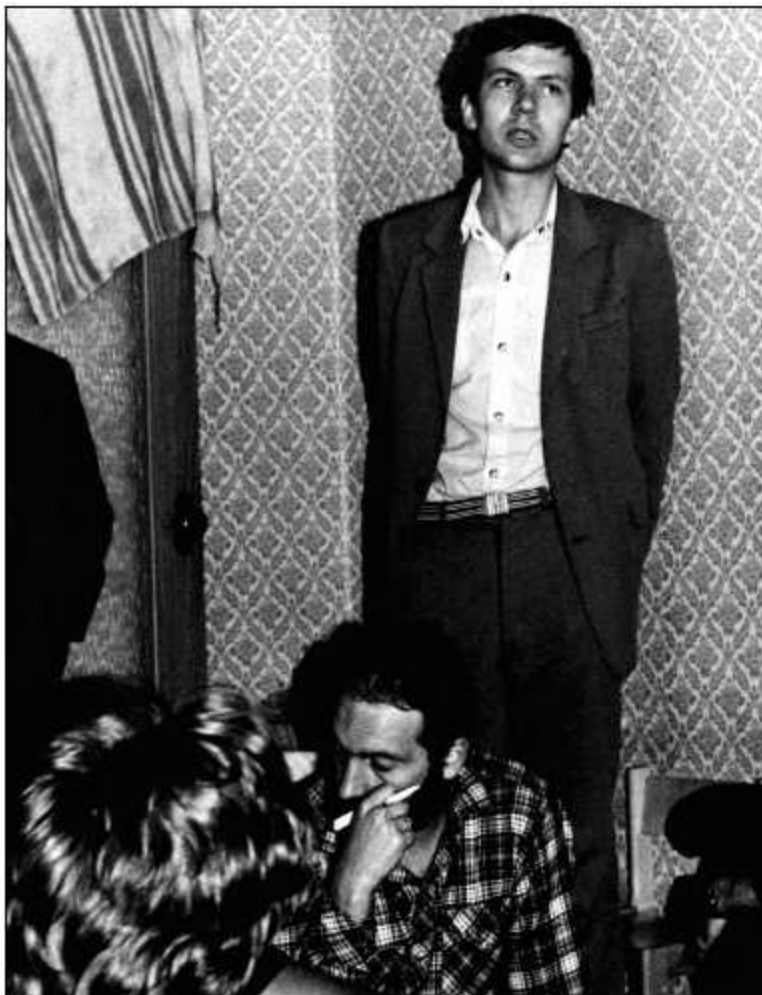
ПСИХОЛОГИЯ ПЕРВОГО ПОКОЛЕНИЯ политических неформалов была сформирована в условиях поэтапного выхода из подполья в 1986—1988 годы, постепенного расширения сферы политических и гражданских свобод. Эти свободы достигались путем постепенного самозахвата, когда оппозиция постепенно прощупывала, в какой степени власти готовы уступить. При этом первое время приходилось действовать практически в полной изоляции, чувствуя себя один на один с режимом, вырабатывать идеологическую позицию в условиях нехватки политической информации.

Борис Кагарлицкий

Михаил Малютин

Александр Сухарев

Олег Румянцев

Валерия Новодворская

Александр Шубин, Григорий Пельман и Владимир Жириновский

Сергей Скворцов и Александр Шубин

Герман Иванцов

Юрий Афанасьев

Сергей Станкевич

Андрей Исаев

Гавриил Попов

Александр Яковлев

Сергей Ковалев

Виктор Золотарев

Андрей Сахаров

Общинница Женя Диллендорф. Политическое крещение пресс-секретаря Григория Явлинского

*Январская конференция ФСОК. Оперативные консультации.
Андрей Исаев, Владимир Гурболиков, Борис Кагарлицкий*

*Майский слет ФСОК. Справа налево: Алексей Ковалев (Ленинград),
Александр Серебряков (Краснодар)*

*Конференция неформалов 5 июня 1988 года. Заседание ведут
Александр Верховский и Александр Шубин*

*Августовская конференция ФСОК-ВСПК. Александр Сухарев
(Оренбург), Александр Серебряков (Краснодар), Лика Галкина
(Москва)*

«Межрегионалы» заседают

«Народный фронт»

Клубы неформалов состояли из ядра и периферии. В ядре несколько десятков человек общались практически ежедневно, энергично обсуждая политические новости и «белые пятна» прошлого, возможную реакцию на происходящее, способы ускорить перемены и придать им нужное (с точки зрения клуба) направление. Это была интересная и насыщенная, даже изматывающая жизнь. Участникам казалось (иногда не без оснований), что от них нечто зависит в судьбе

страны, и на опасения родных и близких они отвечали: «Если не я, то кто же?» Периферия состояла из тех, кому было интересно на мероприятиях неформалов, воспринимавшихся как любопытное шоу или лекторий. Между ядром и периферией первоначально складывались отношения «актер – зритель», где актеру доставались и лучи славы, и скептические реплики, а зрителю – впечатление. Однако шоу политизировало зрителя, и от кампании к кампании втягивало периферию сначала в выполнение разовых поручений, а затем и в действительно опасные действия вроде участия в неразрешенном митинге или переправки листовок на территорию воинской части. Решившийся на участие в оппозиционном действии человек превращался в часть ядра. Но, поскольку длительное участие в жизни ядра быстро выматывало многих его участников, они после этого нередко отходили от движения, не возвращаясь на периферию.

Качественное отличие этой политической среды от партийной жизни грани XX-XXI веков заключается в бесплатности всей работы. Современным российским депутатам, функционерам и пиарщикам трудно понять, каким образом можно работать с утра до вечера не за деньги, а за идею. Не было это понятно и функционерам КПСС. В итоге к 1989 году КПСС неожиданно для себя столкнулась с манифестациями, в которых участвовали сотни тысяч людей, оппозиция сформировала организационные структуры и подробно разработанные программы переустройства общества. Демократические движения 1988—1990 годов, к которым в 1989-м присоединилось и организованное рабочее (прежде всего шахтерское) движение, восприняли лозунги небольших «разночинных» организаций^[65].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛЯ

ЯСЛИ ДЕМОКРАТИИ

ПЕРЕГОВОРЩИКИ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ВЫХОД из подполья десятков общественно-политических организаций неизбежно вели к возникновению политического поля – системы взаимодействующих политических ядер, действующих в различных идеологических направлениях. Собственно, именно этого поля не хватало в СССР, чтобы возникло полноценное гражданское общество. Его элементы: правозащитные, неформальные, информационные организации уже возникли, но общего политического поля еще не возникло.

Большинство неформальных организаций осознавало, что заметного успеха их направление может добиться только в союзе с родственными группами по всей стране. Поэтому с самого начала общественные клубы вели борьбу за собирание (как правило, вокруг себя) коалиций и объединений с прицелом на создание всесоюзных организаций. Но для того, чтобы распределиться по политическому спектру, нужно было сначала создать сам этот спектр, провести встречу наличных неформальных организаций.

Наиболее удачное время для ознакомительных и объединительных конференций – конец августа, пограничье летних отпусков. На конец августа планировались три конференции, которым суждено было стать первыми съездами политических неформалов. На одну конференцию собрались экологи в заповеднике Гужерипль, где и создали свой Социально-экологический союз. Другая конференция была запланирована Заочным социальнополитическим клубом в Таганроге без одобрения властей. Третья под эгидой Севастопольского и Черемушкинского (Брежневского) райкомов партии планировалась в Москве. Она должна была стать наиболее представительной и готовилась еще с весны.

Рассказывает инструктор Черемушкинского райкома КПСС Н. Кротов: *«Я пришел на работу в райком где-то в феврале из общества „Знание“. Хотелось что-то*

эдакое сделать. Мы провели в марте большой фестиваль творчества молодежи. Три дня шли представления молодежных театров, альтернативного искусства, ансамблей. Нам понравилось. Стали думать, что бы еще такое интересное провести. Май, затишье, скука. Начальство разъезжалось в отпуска. Тут ко мне приходит мой знакомый по обществу „Знание“ Сергей Скворцов, которого я приглашал на фестиваль: „Давай сделаем съезд неформалов“. Я спрашиваю: „А кто это такие?“ Он мне рассказал, что вот, ходил в Клуб социальных инициатив, там такая активность. Я говорю: „Давай проведем, только эта инициатива от меня не может исходить. Ты найди еще какого-то коммуниста-неформала и выйдите с этим на инструктора горкома В. Лантратова, который курирует контрпропаганду. С низов надо инициативу выдвигать“. Предварительно Скворцов проговорил и с Березовским, инструктором Севастопольского района. Сделали мы письмо со Скворцовым и Малютиным, мол, инициативы в поддержку перестройки и все такое. Они направили письмо, какое-то время ушло на его согласование в горкоме, на получение санкции, видимо, Ельцина. Хотя вряд ли он понимал, что это такое. Ему, наверное, представили, что интеллигенция хочет высказать свое мнение о перестройке, что-то в этом роде.

И вот звонит мне Лантратов, приглашает на беседу. Сидят Скворцов, Малютин и Березовский. Я делаю вид, что со Скворцовым не знаком. Лантратов дает задание: такое начинание, нужно провести встречу. Я говорю, что это – очень ответственное поручение, нужна команда первого секретаря райкома В. Кузнецова. На следующий день он меня вызвал, изложил поручение горкома. Я говорю, что не справлюсь, слишком ответственная работа. «Ладно, говорит, мы тебя прикроем – было указание секретаря горкома Карабасова»^[66].

Кротов и Березовский собрали представителей неформалов: Скворцова, Малютина, Кагарлицкого, Пельмана и «общинников».

Вспоминает В. Гурболик: *«Реальная подготовка легла на плечи групп, которые все занимали социалистическую позицию – кто по тактическим, кто по принципиальным соображениям. Неформалы выходили из подполья опасно, и „Встреча-диалог“ (официальное название конференции) была прозвана „Встреча-некролог“. Со стороны партии этой встречей занимались В. Березовский и Н. Кротов.*

Это не были партийные циники или фанатики – два идеальных типа, нарисованных в диссидентском воображении. Им это все было действительно интересно, они не отстаивали коммунистическую линию и не искали выгоды для себя. Они понимали, что все это должно происходить под контролем, постепенно, и старались, отсекая экстремистские тенденции, помочь людям самоорганизоваться без призывов к топору и бунту. Им тогда приходилось убеждать людей в вещах, которые теперь кажутся само собой разумеющимися. Если вы хотите что-то сделать, продумайте это. Лучшие опишите, сделайте записку, постарайтесь договориться с властями. Они убеждали делать то, чем сейчас вынуждена заниматься любая уважающая себя организация. Мы в общем-то не последовали этим советам и, наверное, были по-своему правы. А те, кто хотел пробиваться в большую политику, всерьез готовили документы для Березовского. «Перестройка», например.

Но переговоры с Березовским и Кротовым были для нас очень важны, поскольку позволяли осваивать азы реальной политики. Березовский любил нас огорошить каким-нибудь таким замечанием: «Ну, политбюро собирается по четвергам. В пятницу мы с вами созвонимся, я буду примерно знать, что они там решили». Для нас эти мелкие и в общем-то верные детали были откровением, первыми экскурсами в механизм власти. Не абстрактной, а конкретной. Возникали соблазны вмешаться в этот механизм».

Березовский намекал, что встреча курируется Яковлевым, что не удивляло – ведь считалось, что Клуб социальных инициатив уже связан с Яковлевым через Заславскую.

Вспоминает Н. Кротов: *«Березовский демонизировал нашу деятельность, напускал политического тумана. В действительности Яковлев на нашу подготовку к „Встрече“ никак не влиял и заинтересовался ею только где-то в сентябре. Он, конечно, спускал в общество термонары, но не более».*

«Я искал помещения, договаривался с замом директора ДК „Новатор“. Он требовал официальное письмо, я обещал, да так и замылил вопрос. Всякие полуподвалы для секций. Было потрачено много сил, и я испугался, что в последний момент мероприятие отменяют, и все зря. Тогда я отправил „общинников“ в общество „Знание“ к И. Дудинскому. Там есть бесплатный междугородный телефон, давайте-ка, ребята, обзванивайте всех. И прессу. Мне потом звонил Лантратов и спрашивал: „Кто приглашал все эти газеты? Ты? Я отвечал, что пригласил „Правду“ и „Советскую Россию“. Остальное – живое творчество масс. Когда накануне встречи забили отбой, было уже поздно. А отбой забили в начале августа, после того как Ельцин выступил: „Перестройка подняла много пены, пора эту пену снять“. Вот тут наши инструкторы заволновались, Лантратов предложил отменить. Но решили – поздно отступить“.

При подготовке конференции дали о себе знать трения, которые выльются на встрече в две модели политической организации. Организационный ресурс «Общины» позволял Кагарлицкому надеяться на создание в рамках проекта Клуба социальных инициатив организации определенно левого направления, противостоящего либеральной тенденции. Это привело к появлению в нем трещины, которая в дальнейшем будет только расширяться. Отношения Пельмана и Кагарлицкого были испорчены после того, как Пельман по ошибке распечатал файл с едкими характеристиками других лидеров организации, в том числе Кагарлицкого. Противостояние Пельмана и

Кагарлицкого объективно сближало его с лидерами «Перестройки», действовавшими в тесном контакте с «ксишниками» Павловским и Игруновым.

Вспоминает П. Кудюкин: *«Где-то в конце июля в нагие обычное место встреч в кафе „Колобок“ у Профсоюзной прибежали встревоженные Пельман, Павловский и Вячек (В. Игрунов. – А. Ш.) и начали объяснять, что готовится такая встреча, но там вот Кагарлицкий и „Община“ пытаются все подмять под себя. Там и партийные органы шевелятся, хотят это под себя подмять. В общем, противодействовать надо. Давайте, ребята, активней подключайтесь, чтобы все это увести в цивилизованное русло».*

После этого круг активных участников подготовки встречи расширился, что было полезно для дела, поскольку часть лидеров «Общины» как раз уехала из Москвы в Карелию.

Опасения старших товарищей в отношении «Общины» были связаны с тем, что она не вписывалась в модель руководства движением старшими товарищами – статусными либералами и бывшими диссидентами. Воспринималось это как противостояние общедемократической терпимости старших товарищей и вполне определенной идеологии «Общины».

Вспоминает Г. Павловский: *«Община» отличалась тем, что она с самого начала выступала сплоченной группой с определенной идеологией, что было не вполне уютно всем остальным. Но «общинники» были способны к аппаратной работе, что было очень важно, потому что неформальное начальство аппаратно работать не любило. Поэтому, когда «общинники» взяли на себя аппаратную работу, все после некоторых споров на это согласилось. Другие просто не хотели ее делать».*

Внутри Клуба социальных инициатив старшие товарищи выстраивали модель, в которой «Община» должна была играть роль организационного мотора, а старый Клуб социальных инициатив –

интеллектуального центра. Но «Община» такое разделение труда не принимала, и ее каждый раз приходилось чем-то «приманивать».

Бывалые оппозиционеры опасались делать решительные политические ходы, и тут возвращение лидеров «Общины» из Карелии в августе оказалось как нельзя кстати.

А. Исаев вспоминает о последнем этапе подготовки первой конференции неформалов: *«Организовывали все хитрый Пельман и Клуб социальных инициатив. Они перечисляли секции: культурная, производственного самоуправления. А я говорю: „А как же политическая?“ Все потупили глаза, а Миша Малютин осторожно так молвит: „Вот ты это и предложи“. И на встрече с Березовским я без малейшего сомнепредложил сделать встречу политклубов. Березовский подумал и решил дозволить. Малютин поддержал и сказал: „Инициатива наказуема, ты это дело и веди“. Я обрадовался, думал, что мне отдают лакомый кусочек».*

В то же время, чтобы оказаться в центре игры перед лицом социалистов, либералы решили подтянуть на встречу диссидентов.

Вспоминает Г. Павловский: *«Мы настаивали на принципе единого ряда, по которому нет диссидентов и недиссидентов. Диссиденты могут принимать равноправное участие во встрече как неформалы».*

«Общинники» тоже выступали против присутствия диссидентов. Они воспринимали диссидентскую среду как смесь оголтелых прозападных либералов и агентов КГБ. Но антидиссидентская позиция «Общины» летом 1987 года не сыграла. Противники диссидентства из «Общины» тогда еще не знали конкретных диссидентов, и в августе при составлении списка участников просто не могли узнать, кто в перечне фамилий для них неприемлем по идеологическим причинам. На самой встрече «общинники» будут относиться к диссидентской позиции и с неприятием, и с интересом.

В конечном итоге решили, что выступающие должны придерживаться принципа «одного „да“ и трех „нет“: „да“ –

демократии и социализму, „нет“ – насилию; национальной и расовой исключительности и ненависти, претензиям на монопольное обладание истиной. С райкомами договорились о том, что будут сделаны специальные мандаты отдельно на пленарку, отдельно, в большем количестве, на секции.

Вспоминает Н. Кротов: *«ФСИ и „Община“, как наиболее идеологически близкие и задействованные в организации встречи, получали неограниченное количество билетов, а „Перестройка“ и Клуб социальных инициатив только по пять, остальные группы – по три. Кудюкин приходил ко мне и жаловался, что Исаев не дает достаточного количества билетов».*

Вспоминает П. Кудюкин: *«Участники попадали на встречу иногда очень хитрыми путями. Так, горком комсомола под видом скворцовского Фонда социальных инициатив направлял на встречу множество комсомольских активистов. А мы под видом комсомольских активистов через этот же канал направляли членов „Перестройки“. Так что мы проявили какие-то фантастические способности к интриге».*

Первоначально планировалась единая конференция в Москве с участием Клуба социальных инициатив, «Перестройки» и Заочного социально-политического клуба. Пригласили самых разных неформалов, включая хиппи, которых обозначили как «Система». Вести это мероприятие должны были сами неформалы. Если что – с них и спрос. Сначала райком выдвинул ведущего политической секции, но, увидев, что творится, кандидат отказался. Зато неформалы получили уникальную возможность для самоуправления – партия потеряла контроль над политическим процессом в этой сфере.

КОНФЕРЕНЦИЯ «ЗАОЧНИКОВ»

ОКАЗАЛОСЬ, ЧТО ПОМИМО центростремительных тенденций в неформальном движении усиливаются и центробежные –

вспыхнула конкуренция за право координировать провинциальные клубы. Острая борьба за сферы влияния, столь необходимые для формирования всесоюзных организаций, привела к конфликту между готовившим конференцию со стороны Заочного социально-политического клуба К. Шульгиным и представителями Клуба социальных инициатив М. Малютиным и Б. Кагарлицким^[67].

Так или иначе, К. Шульгин заявил, что «в нашем клубе взгляды разные, но преобладает неприятие сотрудничества с партийными органами». Поэтому в московской конференции Заочный социально-политический клуб не примет участия. П. Смертину удалось вроде бы договориться о выделении под конференцию зала в Таганроге, и эта конференция была перенесена туда. Естественно, что как только таганрогским властям стало известно, что у них собирается, зал растворился, и заседания перенеслись в парк. «Неприятие сотрудничества» обходилось дорого. Людей по дороге на конференцию снимали с транспорта, посылали ложные телеграммы. Но все же конференция, проходившая 23-26 августа 1987 года, получилась довольно представительной. Симферополь, Волгодонск, Уральск, Оренбург, Вязьма, Львов, Киев, Ленинград, Уфа, Воронеж, Гомель, Москва, Красноярск, Брест, Свердловск, Иркутск и Горьковская область»^[68].

В своем обращении к конференции Заочного клуба от 16 августа «Община» выразила сожаление в связи с невозможностью принять участие в форуме из-за «внезапного переноса места конференции» (намек на нежелание «заочников» принимать участие в общей конференции в Москве). «Община» выразила надежду, что этот клуб сможет со временем превратиться «в одну из систем координации демократических сил СССР». Одновременно «общинники» выступили против экстремизма радикально настроенных участников этого клуба. «Община» предлагала пока отказаться от публичной дискуссии по уголовно наказуемым вопросам, чтобы не привести к гибели организации в зародыше. Но обращение намекало, что то же самое можно делать на основе личных контактов»^[69]. Этот документ иллюстрирует

полуподпольное самоощущение «общинников». Еще 6 июня А. Сухарев разослал по каналам клуба вопросы, которые хотелось бы обсудить на конференции, и свои ответы. Шестой вопрос гласил: «Есть ли в нашем обществе антагонистические классы (понятие класса надо брать по ленинскому определению) и классовая борьба?» Ответ самого А. Сухарева на свои вопросы был довольно резок: «Номенклатура – реакционный класс, каковым в конце любой общественно-экономической формации становится класс – собственник средств производства; трудовая интеллигенция (рабочие, инженеры, учителя, врачи, студенты) – революционный класс. Занимая в нашей жизни ту или иную позицию, мы всегда оказываемся на стороне одного из этих антагонистических классов... Марксизм – идеология и метод познания неимущих классов». По этой причине к марксизму никак нельзя причислить программу КПСС, которая «несостоятельна и неспособна стать лоцманской картой нашего народа на пути к обновлению». Поддерживая перестройку, следует «помнить, что страной управляет не один человек, а исторически сложившаяся группа людей с весьма своеобразным экономическим интересом».

Его господство привело к тому, что «в стране всеобщий кризис. Никакие частные реформы нас от него не избавят... Нужна смена производственных отношений, то есть социальная революция».

В этих условиях Заочный социально-политический клуб начал превращаться из трибуны свободного общения в политическую организацию. Но поскольку организация эта была перенасыщена марксистско-ленинскими элементами и в то же время весьма разнообразна по составу, можно было предположить, что единство организации будет недолговечным.

Впрочем, в августе 1987 года до этого было еще далеко. Обсуждение программы КПСС, методов борьбы с бюрократизмом, вопросов собственности, внутренней и внешней политики на конференции «заочников» проходило вполне академично. Выделились

две фракции – социал-демократическая (четыре человека) и марксистско-ленинская (несколько десятков человек). Основная масса участников клуба во фракции не вошла.

Наиболее важным результатом конференции стало принятие Устава клуба, который стал теперь именоваться Всесоюзным. Принятый в последний день работы съезда Устав знаменовал собой переходную стадию в жизни клуба, который еще не перестал быть дискуссионной трибуной, но уже приобрел черты некоторого централизма. Первое было отражено в преамбуле: «Всесоюзный социально-политический клуб» – общественная организация, которая объединяет людей, стремящихся к изучению и обсуждению экономических, политических и социальных проблем на основе научного подхода к общественным процессам. Клуб допускает существование признающих его устав общественных групп, клубов на местах и фракций и координирует их деятельность».

Но в то же время «высшим органом клуба является конференция», представительство на которую определяется Советом. Реально это привело к принципу «кто приехал, тот и делегат», который создавал географический ценз на конференциях неформалов (и не только этого клуба).

ВСТРЕЧА-ДИАЛОГ

20-23 АВГУСТА в ДК «Новатор» прошла Информационная встреча-диалог «Общественные инициативы в перестройке». Собрались представители 50 клубов из 12 городов (Москва, Ленинград, Киев, Таллин, Архангельск, Новосибирск и другие) – в зале сидело более 300 человек. Все на этой встрече (сборище оппозиционеров нельзя было назвать конференцией и тем более съездом) было впервые. Но участники не знали, повторится ли возможность вывалить свои идеи перед публикой, и несли кто во что горазд.

Вспоминает Н. Кротов: *«Впечатление было такое, что людям нужно выговориться перед смертью обо всем, что наболело за всю жизнь. Сейчас стенограмма этой встречи*

вызвала бы умиление, но тогда все было впервые, и говорилось с необычайным эмоциональным надрывом».

Вспоминает В. Гурболик: *«Это был обычный зальчик, каких потом были сотни. Люди выходили с самым разным, делали какие-то совершенно разнопорядковые объявления и заявления. Помню, меня поразило, когда вышел будущий мемориалец Самодуров, начал говорить о том, что они собирают средства на памятник жертвам репрессий, и совершенно вне контекста того, что говорил, разрыдался.*

Президиум, состоявший из неформалов, пытался что-то удержать. Исаев и Золотарев еще умудрялись удержать дискуссию в каком-то едином русле, а Кагарлицкий и Пельман такого опыта не имели, и зал охватывал хаос. В основном люди тусовались в фойе, знакомились, неформально готовили декларации. В зале эти заявления было бессмысленно обсуждать и пытаться принять большинством. Поэтому свежееиспеченные документы тут же подписывали все желающие и озвучивали в зале. Так стал возникать аппарат неформального движения, который в это время состоял из его лидеров. Именно в кулуарах была составлена декларация Федерации социалистических общественных клубов, подписана и зачитана в конце как официальный документ».

Вспоминает П. Кудюкин: *«Августовская встреча производила впечатление нереальности того, что происходит. Такого не может быть. Слишком много свободы, люди раскованно говорят».*

Иные ощущения были у С. Станкевича, присутствовавшего здесь в качестве молодого коммуниста: *«Там было много такого, что казалось какой-то нелепостью, аномалией, чем-то несерьезным и экстравагантным. Я не почувствовал, что есть некая политическая сила, которая может чего-то достичь. Но в*

то же время целый ряд выступлений, оценок, интерпретаций показались очень интересными».

Для организаторов атмосфера общения не была самоцелью. Они ставили далеко идущие задачи уже теперь.

Г. Павловский, выступавший одним из первых, вспоминает: *«Задачей встречи было зафиксировать силу, независимую от партии, которая выступает ее союзником, но независимым союзником и в какой-то степени контролером и партнером. Я свою речь в начале встречи строил вокруг идеи „мы никому не дадим поссорить нас с партией“. Но акцент был именно на „нас“. Мы расширяли понятие перестройки на революционную перестройку. Здесь я был менее осторожен, чем Игрунов, который еще с диссидентских времен предупреждал против революции».*

Для того чтобы предъявить силу, нужно было ее как-то организационно оформить. Между тем появление политиков с радикальным диссидентским мышлением чуть не взорвало зал, показав, насколько разные люди здесь собрались.

Новым явлением на неформальных встречах стали вылазки диссидентов.

Вспоминает А. Исаев: *«Я вышел на сцену, откуда должен был вести заседание секции, и одним из первых попросил слово В. Сквирский, почтенный старик с бородой, и как начал гвоздить советскую власть. Это была чистой воды 70-я статья. Я сижу и не знаю, что делать. Прерывать как-то не хочется. Отдельные пассажи Сквирского Витя Золоторев сопровождал аплодисментами. Тут руку поднял Н. Кротов из райкома партии: „Я протестую, предлагаю не давать слово представителю „Демократии и гуманизма“, он выступает с антисоветских позиций“. Я ставлю вопрос на голосование. Большинство за то, чтобы Сквирский продолжал. Потом мне объяснили, что я сделал типично аппаратный ход, свалив все на массы и изобразив демократизм в отношении демарша Кротовая».*

Вспоминает Н. Кротов: *«Я встал и сказал, что мы договорились соблюдать принципы одного „да“ и трех „нет“. Новодворская их нарушила, поэтому ее выступление нужно снять. Вы приняли решение, она его нарушила – реагируйте».*

Вспоминает П. Кудюкин: *«Интригой первого дня встречи было: давать ли слово Новодворской. Социалисты говорили, что нас всех прихлопнут и закроют. Она же с ее сторонниками – объективные провокаторы. На что мы начали возражать: „Демократы мы в конце концов или не демократы. Ей нужно дать слово, а как же иначе мы будем с ней спорить?“*

Вспоминает А. Исаев: *«Собралась куча неуправляемого народа. Каждый выходил и делал какие-то заявления – кто в поддержку перестройки и Горбачева, кто – памятников культуры. И затем началась запись по секциям. Я опасался, что в нашу секцию никто не запишется, потому что слишком много каких-то экологов и культурологов. Володя Гурболиков убеждал делегатов зайти на секцию политклубов и пришел удовлетворенным: „У нас будут люди. „Алый парус“ обещал, женщина очень солидная из семинара „Демократия и гуманизм“. И тут как раз на пленарном заседании этой солидной женщине предоставили слово. Вышла Валерия Ильинична Новодворская и начала гвоздить КПСС. И затем продолжает: „Тут создается секция политклубов. Мы, семинар „Демократия и гуманизм“, намерены записаться в эту секцию. Нам нужны помещения, чтобы проводить в собрания“.*

С места ей кричат: «Вам дадут помещения!» Но Валерия Ильинична проигнорировала эту ремарку: «Что же, мы так собрались и разойдемся? Предоставим возможность парткратам поплясать на наших костях? Я предлагаю провозгласить это заседание Учредительным собранием России!» Гриша Пельман, который упрашивал представителей парторганов предоставить под это дело

помещение, не знал куда деваться. Если эта толпа вдруг провозгласит себя учредительным собранием, посадят одного».

Вспоминает Н. Кротов: *«Когда Новодворская сказала, что нужно создать вторую партию, кто-то из моего актива довольно громко заметил: „Нет, две партии нам не прокормить“.*

Вспоминает В. Гурболик: *«На конференции мы впервые увидели настоящих либералов-диссидентов, фанатиков своего дела. И прежде всего запомнилась Новодворская. Она вышла на трибуну с каким-то безумным горящим выражением глаз и заговорила совершенно нечеловеческим голосом. У меня было такое впечатление, что без глушилок включили „Немецкую волну“ или „Голос Америки“. Она говорила так, будто декламировала оду. С придыханиями, раскатисто-торжественным произнесением слов типа „демокр-р-ратия“. Как-то не по-русски. От этого возникало ощущение совершенно другого мира, вызывавшее с самого начала отторжение. Ее слушали неодобрительно, захлопывали. Я думаю, что у многих это происходило произвольно. За речью Новодворской чувствовалось какое-то нарочитое отчуждение от среды. Человек зачитывал политическую программу с некоторым раздражающим актерством. Это был театр – преддверие парламентского театра. Настроение будущих „деэсовцев“ было таково, что вот прямо сейчас будут в тюрьму сажать. И поэтому надо сказать немедленно все и в самой радикальной форме. Это вело к тому, что они срывали нормальную работу, не давали нормально говорить. Новодворская стала ассоциироваться у нас с классическим западником, который абсолютно абстрагирован от того, что происходит с народом, что происходит в стране».*

Несмотря на это «общинники» и будущие «дээсовцы» были объективными союзниками. Выступления экстремистов создавали

хороший фон для действий более умеренных неформалов – они казались власти менее опасными. В действительности и те и другие ставили целью ликвидацию коммунистического режима.

Вспоминает А. Исаев: *«И коммунисты, и Новодворская относились к нам хорошо. Для официоза магической была фраза, что мы за социализм. Наши ребята, хорошие. За социализм, приходят сюда и дают бой идейному противнику. Ну не всегда хорошо, поскольку тоже с какой-то придурью, но это пройдет. Новодворская довольно быстро распознала в нас противников режима, хотя и завернутых на социализме, и высказывала симпатию».*

Несмотря на то что неформалы в большинстве своем не одобряли речи Новодворской, они голосовали за то, чтобы экстремисты продолжали говорить. Это было пока непривычно и потому интересно. Самое сильное впечатление диссиденты произвели на либеральных работников партаппарата.

Вспоминает Б. Кагарлицкий: *«Сам момент, когда пришла Новодворская, я упустил, поскольку уже понял, что на конференциях нужно работать не на трибунах, а в кулуарах. И вот я вижу, как в буфет спускается Березовский, на которого страшно смотреть. У него были остекленелые глаза. Он еще с утра был на взводе от того, что он делает. Утром, когда он брился, он порезался и не заметил этого. В результате кровь у него была на рубашке. Спускается Березовский с остановившимся взглядом и в крови. „Что случилось?“ – „Пришла Новодворская“. Я отпаивал его кофе и убеждал, что ситуация под контролем».*

Вспоминает Н. Кротов: *«В первый день у меня было четкое впечатление, что если и не посадят, то работу я точно потерял. Все то и дело поглядывали на дверь – не войдет ли „матрос Железняк“.*

Второй и третий день дискуссия переместилась в секции, где шла более академично. Тем временем первому

секретарю Черемушкинского райкома Кузнецову позвонил секретарь горкома Карабасов и стал кричать: «Что это вы позволили, организовали шабаш!» Кузнецов меня не сдал, и мероприятие продолжилось. Но мне в поддержку мобилизовали партийный актив помоложе, а то сначала от партактива были коммунисты-пенсионеры. Один даже заснул среди этих страстей. Молодые коммунисты обеспечили нам преимущество при голосовании, иногда коротко выступали. Мы их каждое утро инструктировали. Затем перед началом мероприятия мы обсуждали план действий с оргкомитетом, а потом они уже вели переговоры с делегатами».

Течение встречи стало более организованным и ровным. В этом были заинтересованы и неформалы, которые стали готовить главное – провозглашение организации.

Вспоминает А. Исаев: *«Когда пошла вся эта свистопляска с выступлениями „дегуманистов“, ко мне подошел Миша Шнейдер и сказал: „Я тут посоветовался со своими товарищами в партийных органах, и они говорят, что все это, конечно, хорошо, но если вы прямо сейчас начнете создавать вторую партию, то это вообще ни в какие ворота не лезет. С этим напутствием я направился на принятие некоей резолюции, которая должна была объяснить, что дальше делать. Поскольку мнения были самые разные, то решили создать специальную группу для выработки решения. Эта группа скоро распалась на две. Одна – мы с Кагарлицким – решила создать Федерацию социалистических общественных клубов. Мы заготовили резолюцию, частично переписав ее из декларации „Общины“. Тактическая часть о КПСС была прописана Кагарлицким“.*

Декларация федерации стала компромиссом между идеями «общинников» и Б. Кагарлицкого. В этом документе множество текстуальных совпадений с декларацией «Общины», но первая более

умеренна и не ссылается на народнические авторитеты. Идеологи федерации пророчески утверждали: «Вопрос победы перестройки является вопросом жизни и смерти социализма в СССР»^[70].

Вспоминает А. Исаев: *«С другой стороны, О. Румянцев со товарищи предложили создать более широкое сообщество – Ассоциацию „Кольцо общественных инициатив“. Там вообще какихто существенных границ не предусматривалось. В конце концов договорились, что будет узкое, социалистическое, кольцо, и широкое кольцо. Надо сказать, что узкое кольцо существовало еще довольно долго, а о широком мы больше ничего не слышали».*

Вспоминает Б. Кагарлицкий: *«Встал вопрос о продолжении. Поговорили, а дальше что? Нужна исполнительная структура, – рассказывает Кагарлицкий. – Все согласились, что создавать организацию нужно, но не договорились, какую. У одних вызывал возражения термин „социалистический“, а у других – расплывчатость и расхлябанность широкого проекта. Это воспринималось как конфликт между Клубом социальных инициатив и „Перестройкой“. Казалось, что все разваливается. В итоге был найден компромисс – создать две взаимосвязанные структуры, чтобы не было большевиков и меньшевиков опять с первого раза».*

П. Кудюкин поясняет логику создателей ассоциации: *«В то время как „общинники“ и часть „ксишников“ объединяли всех за социалистическую идею, мы решили, что можно объединить „всех хороших“. Так возникла идея Ассоциации „Кольцо объединенных инициатив“. Загадочное название, рожденное Пельманом. Мы выступили с проектом ее декларации и устава, распространяли их среди участников встречи. Правда, к кому они попали, не очень понятно.*

На второй день конференции мы также устроили собрание ассоциации в помещении музыкального театра на

Таганке. Участвовали московская и питерская «Перестройки» и другие питерцы (Е. Зелинская, В. Лурье). Тогда решили, что сцепка между двумя моделями объединения – социалистической Федерацией социалистических общественных клубов и более либеральной ассоциацией может осуществляться через вхождение организаций друг в друга. Предполагалось, что «Перестройка» войдет в обе организации. Поэтому мы потом бодались с А. Чайкиным по поводу «общественного договора» федерации, чтобы там было как можно меньше социализма и регламентации. Вообще в нашем отношении к социализму было больше психологии, чем идеологии. Я был социалистом, но в то же время не хотелось быть очень официозными. Меньше социализма – меньше официоза. На повестке дня стояли (как и сейчас) общедемократические требования. Будут они нормально выполнены, сможем мы и насчет социализма доспорить».

Впрочем, инициаторы ассоциации подзабыли, что либерализм «Кольца» был сугубо подпольным, а его декларация была не просто социалистической, а даже коммунистической. Она была выдержана в лирических тонах прославления перемен, гуманизма и коммунизма: «Общественная инициатива, поиск новых способов жить, нового мышления, нового искусства... были и остаются ныне главной силой развития цивилизации... Мы, представители свободного народа, объединив наши клубы, группы, сообщества в Ассоциацию „Кольцо объединенных инициатив“, заявляем о своей решимости к обновлению общества... Никакие гуманистические новации нам не чужды. Тропы разные, но путь един – путь свободы, равенства и братства, путь коммунизма... Будущее принадлежит народовластию в интересах всех трудящихся – социализму... Стремитесь быть. И если вы будете самим собой, – в считанные годы лицо страны будет изменено, черты старческой дряхлости, наложенные бюрократической косметикой, сойдут, и мы все обретем новую надежду, новое будущее, возможно, не столь прекрасное, как мечта о нем, но все же лучшее»^[71].

В федерации объединились люди, для которых социализм был убеждением. Ассоциация создавалась теми, кто прикрывался

коммунистическими лозунгами как маскировкой. Декларация ассоциации имитирует романтические надежды на обновление социализма, но неискренность бросается в глаза – это писали не люди, которые верят в коммунизм и социализм. Для них социализм – «крыша», уверение власти в лояльности. Либералы, использовавшие такое «социалистическое крышевание», планировали в будущем отринуть «фиговый листок» социалистической риторики.

Несколько иначе концепция ассоциации была изложена в заявлении «Перестройки». Ассоциация должна объединить всех, кто разделяет принципы «одного „да“ и трех „нет“: „да“ – принципам демократии и социализма, „нет“ – насилию и пропаганде насилия; проповеди национальной и расовой исключительности и ненависти, претензиям на монопольное обладание истиной»^[72]. Впрочем, и в этих принципах, выработанных оргкомитетом встречи, есть «социализм». Так что от федерации «Кольцо» должно было отличаться не провозглашением социалистических принципов, а именно размытостью идеологии, что позволило бы позднее отбросить «социалистический» камуфляж.

Вспоминает П. Кудюкин: *«Ассоциация как структура фактически не функционировала, в отличие от федерации».*

Впоследствии неудавшаяся в 1987 году модель ассоциации возродилась при создании Московского народного фронта в 1988 году. Само слово «фронт» прозвучало уже в кулуарах встречи-диалога.

Вспоминает Г. Павловский: *«При обсуждении названия широкого кольца Фадин и Малютин, ссылаясь на опыт Уругвая, заговорили о широком фронте».*

Социалисты сосредоточились на федерации, а слово «фронт» было чуждо оставшимся в широком кольце либералам. И фронту пришлось подождать до весны 1988-го, когда приемлемость этого термина была подтверждена прибалтийским опытом.

Сначала планировалось создать обе организации голосованием в зале.

Вспоминает А. Исаев: *«Но тут нас собрал Березовский и стал говорить, что все идет нормально, но если будет прямо сейчас в зале принято решение создать организацию, то боюсь, это будет неправильно понято. Повисла неприятная пауза. И тогда я говорю: „А если будет провозглашено намерение создать организацию?“ – „А намерение можно“, – ответил Березовский. Когда мы вышли от него, Пельман воскликнул: „Вы поняли, как он нас надул! Мы в результате ничего не получили! Мы даже не можем создать организацию!“ Тогда было решено, что на сцену выйдут Кагарлицкий от федерации и Румянцев от ассоциации, зачитают декларации и скажут, что кто хочет, тот и присоединяется». Так и было сделано.*

Инициаторы федерации и ассоциации согласовали также совместное обращение, в котором говорилось, что «встреча явилась первым начинанием в области координации деятельности самодеятельных групп...»^[73] Было предложено также создать еще две федерации – экологическую и культурную, но эти инициативы тогда повисли в воздухе, тем более что одновременно со «Встречей» в Москве прошла учредительная конференция Социально-экологического союза в Гужерипле. Первым – значит, предстоят новые форумы.

Работали секции политики, правового обеспечения и социальных гарантий, экологии и культуры, производственных инициатив, творческих объединений, проблем экстремизма. Координатор последней М. Малютин затем критиковался за расширительную трактовку экстремизма как «безнравственных и противоправных действий практического и теоретического характера, осуществляющиеся в целях увеличения своего общественно-политического влияния». Опасались, что под эту формулу можно подвести наиболее активных неформалов. Впрочем, секция решила, что пока ни одна из групп не является экстремистской. Обращение анонсировало учредительный съезд федерации и ассоциации не позднее февраля 1988 года. Также провозглашалась поддержка инициативам и проектам, предложенным на секциях^[74]. Среди них были проекты «Памятник», из которого вырос «Мемориал»,

«Гражданское достоинство» и «Самоуправление», породившие одноименные группы.

В. Золотарев, участвовавший во встрече-диалоге от имени «хэп-федерации», выступил с предложением организовать работу по защите гражданских прав. Это диссидентское по сути предложение было поддержано несколькими участниками встречи. «Хэп-федерация» за Золотаревым не пошла. 10 сентября 1987 года в кулуарах «Перестройки» была создана группа «Гражданское достоинство». В совет организации входили В. Золотарев, А. Золотарева (его сестра), А. Верховский, А. Папп, А. Лащивер и другие. Группа занималась правозащитной деятельностью (прежде всего помощью жалобщикам), выступала за либеральные реформы во всех сферах общества (включая введение частной собственности, многопартийности, строжайшего соблюдения прав человека, освобождения политзаключенных). От диссидентов и «Демократического союза» группа отличалась относительной умеренностью тактики.

Федерация стала первой в стране всесоюзной политической организацией, существовавшей легально. Первоначально в нее вошли «Община», Клуб социальных инициатив (реально участвовала только группа Кагарлицкого «Социалистическая инициатива»), Московская группа ВСПК, московская и ленинградская «Перестройки» (реально участвовала только небольшая группа московских «перестройщиков»), «Лесной народ» (близкая общинникам коммунарская педагогическая группа, созданная в 1986 году студентами МШИ), «Альянс» (молодежная секция федерации, созданная «Общиной»), несколько интернациональных бригад (молодежных групп, специализирующихся на интернациональной работе), в том числе «Юные коммунары-интернационалисты» (возникли в 1986 году, хотя лидер А. Бабушкин занимался интерработой и раньше), клубы «Альтернатива» из Архангельска и «Планета» из Оренбурга и еще несколько клубов, позднее фактически не участвовавших в работе федерации.

До конференции был создан оргкомитет федерации, которым фактически руководили Б. Кагарлицкий и А. Исаев. В конце 1987 – начале 1988 года федерация вобрала в себя десятки организаций.

Вспоминает Н. Кротов: *«С оценкой встречи наверху не могли определиться до начала ноября. То ли это живое*

творчество масс, полезная инициатива в поддержку перестройки, то ли вылазка идеологических врагов. За этим стояло соперничество и в горкоме, и вокруг Ельцина. К тому же председатель КГБ Чебриков был кандидатом в члены Политбюро и соперничал с Ельциным – кому из них дадут звание члена Политбюро. Так что КГБ было настроено считать это „вылазкой“. Но казэбешники, прибывшие на встречу, просили информацию у нас (у даже записывающих средств не было), и мы им каждый день ее давали с запозданием, когда позитивная информация уже уходила наверх. Так что в ЦК горком представлял свою версию раньше, чем КГБ. В горкоме были свои противоречия, да и паническая реакция – того же Карабасова. Лигачев прислал комиссию нас проверять. Только после снятия Ельцина, когда „вопрос о власти“ в Москве решился, встреча была оценена на секретариате ЦК как позитивное мероприятие. После этого Карабасов выступал с трибуны, говорил, что вот, горком провел такое важное мероприятие. Ищем новые формы работы».

ПЕРВЫЕ КРИКИ МЛАДЕНЦА

ФЕДЕРАЦИЯ НАЧИНАЕТ ЖИТЬ

ФЕДЕРАЦИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ общественных клубов (ФСОК) стала первой всесоюзной политической структурой, которая провозгласила необходимость переустройства общества на основе принципов демократического социализма. В действие вступало новое правило политической жизни – в «большой политике» существует то, что существует в СМИ.

Одним из важнейших итогов встречи-диалога стал прорыв информационной блокады вокруг политических неформалов. По ее итогам была организована пресс-конференция. Информация о встрече была опубликована в «Огоньке», «Собеседнике» и на радио «Юность».

Вспоминает Б. Кагарлицкий: *«Было множество микрофонов и камер, притом советских. Это была первая легальная пресс-конференция с неформалами. Обстановка вызывала почти болезненное возбуждение – мир рвется тебя услышать, на тебя направлен мощный импульс внимания. Ты начинаешь уходить из-за стола, а люди за тобой бегут.*

Это получилось лучше, чем на самой конференции. Несмотря на то, что журналисты почти ничего не опубликовали, они сами узнали об этом. В журналистской среде пошли круги».

12 сентября при участии Г. Павловского была организована конференция в АПН для иностранных журналистов. Фактически это была пресс-конференция Федерации социалистических общественных клубов.

Вспоминает Б. Кагарлицкий: *«Почему-то всех пугал я, поскольку был единственным человеком, отсидевшим в Лефортово. Несмотря на то, что я был самым умеренным,*

меня воспринимали как самого агрессивного. Это создавало хороший фон для других».

Иностранные журналисты задавали любые вопросы, например: «Будете ли выдвигать кандидатов?» Ответ был положительным, что отметила «Гардиан». Стало ясно, что создание федерации – первая ласточка возникновения оппозиционных протопартий, и альтернативные выборы в условиях продолжения перестройки становятся неизбежными.

Вспоминает Б. Кагарлицкий: *«Наиболее неприятный вопрос был задан Джульетто Къеза: „Откуда у вас деньги на проведение конференции?“ Оба ответа были бы плохими – либо вы на содержании у КПСС, либо у Запада. Пришлось объяснять, что для спонтанного движения не нужно много денег. Къезе понравилось. Он увидел, что кое-что люди понимают в политической демагогии».*

После 12 сентября «пошел лом прессы», прежде всего к Кагарлицкому как полиглоту и «отсиденту». В левом спектре он оказался, таким образом, ответственным за прессу. Кое-что, впрочем, перепало и «общинникам».

Вспоминает А. Исаев: *«По итогам встречи Новодворская опубликовала в самиздате статью „Земской собор, или Государственная дума“, в которой утверждала, что в России было два типа парламентаризма: собираемый по воле царей собор и работавшая на постоянной основе независимая от исполнительной власти Дума. От имени интеллигенции и освободительного движения прошлого Новодворская призывала к идеалам парламентаризма. Переходя к экономическим темам, Новодворская приводила примеры из практики нынешнего Китая, в котором крестьяне перешли к капитализму и невиданно разбогатели. „Пусть оппоненты назовут это ползучим идеалом, не стоит ли нам выдвинуть главный лозунг: «Обогащайтесь!»“*

Для Новодворской это была попытка наладить компромисс с более умеренной частью неформалов, которых, казалось ей, мог бы устроить постепенный, ползучий переход к либерализму. Но неформалы-социалисты, в отличие от статусных «либеральных коммунистов», не принимали ползучего перехода к либерализму. Исаев выступил против этого ползучего идеала с открытым письмом, сокращенный вариант которого опубликовала газета «Собеседник».

Исаев писал: *«Вас возмущает мнение делегата, сказавшего, что „тот, кто ездит в троллейбусе, не может смотреть на „Мерседесе““. В этом вы видите корень всех зол и тут же передаете бедному делегату привет от национал-, и от Мао, и от Сталина. (Можно подумать, что они только и делали, что ездили в троллейбусе социалистов!) Нет, говорите вы, пусть для одних, „способных“, будут „Мерседесы“, для других, менее способных, – троллейбусы... Но может быть, это оправдано? Может быть, гуманно посадить на народную шею вместо бюрократов буржуев?“ Ползучий идеал Новодворской сбился, и теперь каждый может ответить на этот вопрос. Только слово „вместо“ следует заменить на „вместе“. Исаев обрушивается и на парламентаризм: „В вашем парламенте, то бишь Думе, оказываются ловкие политики... Чем хорош переход к такой системе? Правом выбора? Да разве право выбирать себе надсмотрщика делает рабов более свободными в вашем капиталистическом раю?“ В чем же альтернатива коммунистическому и капиталистическому режимам? „А народу нашему демократия нужна, но не как право выбирать себе управляющих, а как переход к самоуправлению“.*

МОЛОДЕЖНАЯ ГРУППА «АЛЬЯНС»

ПРОРЫВЫ В БОЛЬШУЮ ПРЕССУ были исключением, и на ее страницах еще нельзя было откровенно критиковать коммунистов. «Подрывная пропагандистская работа» продолжалась на дискуссионных и лекционных сходах. В августе «общинники»

создали молодежную группу «Альянс», вместе с которой развернули сеть школьных дискуссионных клубов.

Вспоминает А. Исаев: *«Идея создать молодежную организацию возникла еще в Карелии, во время конкуренции с коммунарами. Наше карельское приобретение, Федя Борецкий, взялся за дело засучив рукава. Во время августовской встречи он решил создать организацию школьников „Альянс“ в честь бакунинского Альянса социалистической демократии. „Альянс“ быстро превратился в юношескую организацию „Общины“ и Федерации. Но его еще нужно было создать на деле. „Общинники“ посоветовали младшим товарищам обратиться к проверенному оружию – газете.*

Борецкий вместе с одноклассником Андреем Барановым сделал стенную газету «Черная лестница», посвященную проблемам их школы. Название газеты было связано с тем, что в школе выделили одну лестницу только для учителей, а другую – только для школьников. Газета вызвала фурор в школе и замешательство учителей. Вокруг «Альянса» стали группироваться ученики этой школы. Но нужно было вывести «Альянс» за пределы одного учреждения. Как нельзя кстати оказалось знакомство «общинников» на августовской встрече с Максимом Кучинским. Он начал общественную деятельность школьником в одной из групп интернациональной работы – Бригаде имени Че Гевары (возникла как легальная педагогическая интер-группа в 1984 году, вскоре присоединилась к федерации). Быстро разойдясь со старшими «интерами», Максим создал собственную группу – «Бригаду имени Алехандро Диаса», в которую кроме него вошли еще две девочки. Получив собственную группу, Кучинский принял участие в августовской конференции в качестве самостоятельного политического субъекта. Он был самым молодым лидером самостоятельной группы на политическом небосводе, демонстрировал радикализм, и естественно возникла идея вовлечь его в «Альянс». Школьники провели переговоры под присмотром Исаева по

поводу того, кому в чью организацию вступать. Благодаря авторитету «Общины», молодежной организацией которой был «Альянс», вступить (на правах члена совета) согласился Кучинский.

Вспоминает А. Исаев: *«Слухи о том, что „Община“ обзавелась своим комсомолом, облетели всю политическую Москву. Одному из первых о своей молодежной организации „общинники“ сообщили Кагарлицкому. „Молодежная организация? А тебе сколько лет?“ – спросил Кагарлицкий Исаева. „Двадцать три года“. – „Молодежная организация? Пионерская!“.*

ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

ОСЕНЬЮ 1987 ГОДА начался эксперимент по организации производственного самоуправления на московском предприятии АТ-1. Для этого была создана межклубная группа производственного самоуправления. Формально в ней участвовали представители нескольких неформальных групп, но реальными лидерами были мы с В. Корсетовым из Клуба социальных инициатив (позднее примкнул к «Общине»). Мне удалось привлечь к этому делу полтора десятка студентов истфака. Из этого пополнения была создана связанная с «Общиной» группа «Самоуправление» со своей декларацией.

Декларация группы «Самоуправление» *требовала: «Введение в законодательство обязательства заключения договора об условиях труда, содержащего как минимум соглашение о порядке формирования норм труда, круге обязанностей по каждой профессии, о совмещаемых профессиях и порядке их совмещения, о системе заработной платы, порядке планирования, о порядке исчисления вознаграждения за внедрение рационализаторских предложений и изобретений. Такого рода договоры могут быть заключены между бригадами и администрацией предприятия... Перестройка пока практически не затронула внутренней производственных предприятий, являющихся*

бастионами общественной инертности»^[75]. «В дальнейшем развитие экономических условий самоуправления могло бы пойти по пути разрешения собственных капиталовложений бригад на основе сохранения доли работника в единице производимого продукта, по пути формирования тесной, выраженной в заранее определенном трудовом коллективном проценте, связи оплаты труда линейного руководства предприятия с доходом предприятия и так далее». Это положение стало продуктом синтеза идей «общинников» и Корсетова.

С этого времени тематика трудовых отношений будет оставаться в поле зрения неформалов-социалистов. Осенью 1987 года было достигнуто соглашение с райкомом партии о проведении социологического исследования на предприятии АТ-1, помощи в развертывании там системы самоуправления. Эксперимент начался в декабре 1987 года, группа провела исследование социальной структуры предприятия, выдвинула ряд предложений администрации по организации труда и участию работников в принятии решений. Планировалось вести эту работу и на других предприятиях Москвы.

Одновременно с попыткой проникнуть на заводы неформалы развернули регулярную пропагандистскую работу для всех желающих. Поскольку «Община» была «социалистическим» клубом, партийные органы через контролировавшийся ими Фонд социальных инициатив С. Скворцова предоставили им возможность собираться в клубе керамического завода. Там возник первый регулярный лекторий «Общины», затем преобразовавшийся в клуб «Факел» (уже в другом помещении, предоставленном райкомом после встречи-диалога), а позднее – в «Беспартшколу» и «Муравинские четверги» 90-х. Лекции позволяли быстро доносить идеологические новинки (будь то прочитанная в спецхране литература или полученный через Клуб социальных инициатив тамиздат), делать их достоянием других неформалов.

Подготовительные тезисы к моей лекции дают представление о взглядах «общинников» по поводу их основного противника: «Бюрократия – социальный слой

обладающих властью лиц, неподконтрольных со стороны трудящихся. Неподконтрольность делает бюрократию независимой от интересов трудящихся, порождает собственный интерес бюрократии, выражающийся в приобретении привилегий и расширении сферы бесконтрольной власти. Власть бюрократии позволяет им воспроизводить привилегии, поддерживать свою стабильность путем кооптации – самостоятельного подбора своих кадров и жесткого контроля за информацией каждым подразделением. Кооптация делает бюрократию крайне неэффективной (кадры подбираются не в соответствии с интересами дела, а в соответствии с интересами подбирающего во внутрибюрократической конкуренции). Жесткий контроль за информацией приводит к негибкости бюрократизированного аппарата и нескоординированности его работы. Эти обстоятельства порождают общую неэффективность бюрократии, что делает ее враждебной любой конкурирующей небюрократической (или даже бюрократизированной в меньшей степени) структуре, способной более эффективно выполнять свои функции. Одной из таких структур является самоуправление».

В кулуарах лекториев обсуждались собственные идеологические разногласия «общинников». Дело в том, что из-за моей поездки к питерским неформалам со мной не согласовали окончательный вариант декларации «Общины». Мне она казалась легковесной, без достаточного «конструктива». Исаев согласился разработать более солидную экономическую программу, которую приятели и написали в виде реферата по экономике.

Реферат «Тезисы о характере и задачах перестройки»
подводил под экономические идеи федералистов философский базис. Он обращался к теме противоречий при социализме: «Одно из важнейших в этом ряду – противоречие между трудовым вкладом работника и долей вознаграждения». Если прежде основной пафос

федералистов был направлен против бюрократизма и этатизма, то здесь критике подвергается входящая в моду идея доверить хозяйство свободному рынку: «... опыт стран социализма, прежде всего Югославии, доказывает, что снятие контроля с рыночных механизмов не способно решить указанную проблему, так как приводит к нарушению пропорций, конкурентным столкновениям на рынке, в которых немалую роль играют факторы, независимые от работника. В результате создается угроза необратимых изменений в положении работника (безработица), то есть принципиального нарушения закона „от каждого по способностям, каждому по труду“. Авторы тезисов видели выход „в использовании новых, присущих социализму механизмов, призванных сбалансировать хозрасчет. Предлагаемые ниже механизмы основаны на неразрывной взаимосвязи ленинских идей делегирования, хозрасчета и непосредственно-экономической власти Советов. Реализация этих идей была прервана вынужденной политикой военного коммунизма и не продолжалась после ее преодоления...“ То есть идея, может быть, и ленинская, но экономической власти у Советов в СССР не было.

Делегирование теперь определяется так: «Делегирование – избирательная система, основанная на комплектовании вышестоящих организаций из представителей нижестоящих с правом отзыва делегата посланной его организацией в любое время»^[76].

Здесь же критике были подвергнуты и принципы прямых выборов, положенные в основу производственной демократии по закону 1987 года: «В условиях прямых выборов руководство остается фактически независимым от рабочих. Причины этого:

› большинство избирателей не могут лично знать деловые качества кандидата и проверить информацию о них;

› избранный руководитель фактически независим от выборов до выборов. Регулярные консультации с избравшей

его массой невозможны, и ее воля является обязательной для руководства только в период предвыборной кампании;

› отсутствие внутренней связи в среде избирателей делает снятие руководителя раньше срока (отзыв) возможным лишь по инициативе какого-либо органа, избранного по такому же принципу». Такая формальная демократия фактически сводила на нет идею самоуправления, заложенную в законе о государственном предприятии. В итоге создавалась непосредственная угроза интересам работников. «2. а) Прежде всего самоокупаемость и самофинансирование как основы работы социалистических предприятий вступают в противоречие с системой их внутреннего управления. Уровень доходов тружеников теперь непосредственно зависит от деятельности руководства предприятия, в то время как непосредственная связь между администрацией и рабочими отсутствует...»^[77]. Администрация может использовать свою бесконтрольность и рыночную самостоятельность в личных интересах. Так оно и вышло на грани 80-х и 90-х годов.

Авторы стремятся сбалансировать рынок, сделать связи между производителем и потребителем более оптимальными, в чем может помочь «механизм потребкооперации, то есть объединения (организации) потребителей для взаимодействия с производителем». Необходимость регулирования рынка обусловлена прежде всего тем, что в случае спонтанного перехода к нему «предприятия переориентируют экономические связи друг на друга, оставив без смежников традиционных партнеров», что ведет «к угрозе остановки значительных производственных мощностей»^[78].

Поэтому при всей рыночности программы «общинников» они делают вывод: «Дальнейшее позитивное разрешение основного противоречия социализма возможно лишь при активизации сугубо социалистических общественных механизмов, таких как делегирование,

экономическая власть Советов, потребкооперация, полный хозрасчет в их последовательной форме»^[79].

Однако, согласовав стратегическую программу, идеологи «Общины» продолжали по-разному смотреть на место всего этого «конструктива» – и программного, и тактического. Одни неформалы жаждали быстрых результатов, продвижения в сферу публичной политики. Других больше интересовало выстраивание тех структур, которые смогут заменить нынешнюю «систему». В конкретной обстановке августа – сентября 1987 года это вписывалось в разделение труда – одних больше интересует фронт, других – тыл. Но как только разразился первый же политический кризис, выяснилось, что разделение чревато расколом, ибо исходит из разных подходов к стратегии – приоритетом является строительство горизонтальных корневых сетей, основы нового общества, либо ориентация на борьбу элит, популистское соединение общественных сил и влиятельных вождей из среды правящего класса.

НОВЫЙ САМИЗДАТ

НЕФОРМАЛОВ ТЯГОТИЛО, что распивавшие их идеи нельзя опубликовать. Вокруг них вращались сотни людей, и каждому приходилось разъяснять вопросы дня лично, как правило, в одних и тех же почти заученных выражениях. Конечно, хотелось бы иметь свое издание, которое разъясняло бы позицию клуба, служило средством не просто пропаганды, но и агитации. Мечтой «общинников» было печатать «раздаточный материал» тиражом в тысячу экземпляров. Тогда хватит на всех интересующихся.

В августе 1987 года участник диссидентского движения А. Подрабинек и его товарищи стали выпускать информационное издание «Экспресс-хроника». Они фиксировали события общественного движения, о которых умалчивала официальная пресса. По стилю «Экспресс-хроника» напоминала «Хронику текущих событий» диссидентских времен. В июле начал выходить самиздатский правозащитный журнал С. Григорьянца «Гласность». В Ленинграде вышел либеральный самиздатский журнал «Меркурий». В сентябре к либеральным изданиям добавилась социалистическая пресса:

неонароднический журнал «Община» и затем редактировавшийся Б. Кагарлицким левомарксистский «Свидетель» (позднее «Левый поворот» – возрождение названия 1979 года).

В первом номере социалистического вестника «Община», выпущенного А. Исаевым, В. Гурболиковым и В. Губаревым, были опубликованы документы движения и подборка цитат М. Бакунина, направленная против марксизма и государственного социализма. Одновременно стали выпускаться и другие прообщинные издания – «Самоуправление», «Юго-Запад».

Первые тиражи «Общины» в несколько десятков экземпляров стали плодом самоотверженного труда девушек-машинисток, симпатизировавших «общинникам». В 1989—1990 годы «Община» стала одним из крупнейших оппозиционных изданий и крупнейшим социалистическим. Она выходила тиражом до 15 тыс. экземпляров и зачитывалась до дыр.

В качестве рупора неформаловсоциалистов «Община» заявила позицию равноудаления как от коммунистической бюрократии, так и от западнической либеральной технократии, ориентирующейся на возрождение капитализма. Наибольшую угрозу издание видело в смыкании этих двух «противоположностей». На такую перспективу указывало направление, которое принимала гласность: либеральные коммунисты выступают за взвешенный подход, что «в переводе с канцелярского языка на русский означает равновесие между двумя полуправдами – ортодоксально-бюрократической и западническо-технократической. Любопытно, что именно в историко-политической области... нащупываются пути возможного взаимодействия этих двух правых группировок, внешне противостоящих друг другу. Об этом свидетельствует та избирательность, с которой показывают народу кусочки теневой стороны истории. Сказано кое-что против коллективизации и преждевременного свертывания НЭПа, да и то, по-видимому, чтобы подстраховать „индивидуальный сектор“... Проливаются слезы над гробом царской семьи, и ни строки о трагической судьбе левого народничества. Упоминаются несправедливо забытые имена Рудзутака, Тухачевского, Якира и других „героев“... Но ни для ретивых администраторов, ни для либеральных буржуа никогда не будет интересен самостоятельный

творческий поиск „черни“ – народных масс. Их более занимают либо вожди, либо тонкий слой политиков из Государственной Думы».

Тогда к предупреждению «общинников» прислушались немногие. Они предупреждали, что переход к капитализму будет проводиться авторитарным путем, с помощью номенклатуры со всеми вытекающими отсюда последствиями: «Для всякого здравомыслящего политика ясно, что реставрировать западный вариант капитализма в нашей стране снизу, демократическим путем нельзя, поэтому „буржуазники“ сейчас распадаются на две неравные группы – те, кто целиком сориентирован на отъезд и поэтому кричит о демократии без расчета чего-либо реально добиться, но с расчетом приобрести себе политический капитал, и те, кто действительно заинтересован в превращении России в Америку и поэтому будут искать путей наверх. По мере демократизации первых будет все меньше, а вторых все больше». «В этих условиях те, кто действительно хочет блага для нашего народа и поэтому выступает за демократию и социализм, должны сплотиться перед угрозой реконсолидации правых сил»^[80].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ДЕЛО ЕЛЬЦИНА

КОНСТРУКТИВИСТЫ И РАДИКАЛЫ

ОСЕННЯЯ РЕАКЦИЯ

ПОСТУПАТЕЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ неформальных организаций Москвы было прервано кризисом в партийном руководстве, известном как «дело Ельцина». Если в 1986—1987 годы многие речи Горбачева воспринимались как сенсация и скромные реформы приносили генсеку популярность, то во второй половине 1987-го значительные слои населения почувствовали, что слово и дело «верхов» расходятся. Это проявилось уже в сочувствии к выступлению руководителя московской парторганизации Бориса Ельцина, критиковавшего партийные привилегии и пониженного за это в должности.

Общественные настроения с особой силой проявились в среде общественных движений, которые попытались использовать конфликт в руководстве для вмешательства в большую политику.

Осенью 1987 года в неформальной среде заговорили о похолодании политического климата. «Община» писала: «Для тех, кто следит за политическим климатом в нашей стране, не является секретом, что сентябрь стал месяцем контрнаступления консервативных и правых сил... Мы далеки от мысли, что сентябрьское похолодание связывалось кем-либо с серьезными намерениями повернуть вспять колесо истории. Это была, скорее, проба сил...»^[81]. Вскоре первые признаки похолодания, заметные в отношении партийных органов к неформалам, получили зримые подтверждения в официальных речах (доклад Горбачева к юбилею Октября и так далее), «деле Ельцина» и последующих событиях общественной жизни до письма Нины Андреевой включительно.

Но на первых порах Ельцин сам приложил руку к осенней реакции. В условиях назревающего конфликта с Егором Лигачевым, готовясь выступить на октябрьском пленуме ЦК, Ельцин опасался быть обвиненным в создании параллельной КПСС политической структуры.

Вспоминает Г. Павловский: *«Из отпуска вернулся Ельцин, затопал ногами – что это вы без меня тут сделали! – замордовал идеолога МГК Карабасова, тот кинулся мордовать всех либеральных аппаратчиков ниже.*

Карабасов меня вызвал, как одного из организаторов «Встречи». Я привел диссидентов, включая Новодворскую, так что я был источником зла. И во время разговора Карабасов стал мне объяснять, что я могу вернуться на 101-й километр. А я был временно прописан в Москве по решению Ельцина (по ходатайству Карпинского). Это напоминало разговор с Радищевым, которого Александр вернул из Сибири, а какой-то Ростопчин стал объяснять, что может его вернуть назад. Он, какой-то Карабасов, мне угрожает! Это меня рассмешило и разозлило одновременно. Все диссидентское во мне проснулось, я на него наорал и ушел, хлопнув дверью. На выходе милиционер потребовал от меня отмеченный пропуск, я его просто оттолкнул и вышел – я был дико зол! После этого за мной даже возобновилась слежка, которая продолжалась до ноября, до конца ельцинского кризиса.

В сентябре 1987 года мы обсуждали возможность создания либеральной фракции в КПСС, Пельман даже написал бумагу, в которой доказывал, что Ельцин может ее возглавить. Эта мысль для меня была странна – Ельцин, который только что на нас так давил, может стать главным либералом. Эту бумагу я передал старшим товарищам».

Судя по дальнейшим событиям, «старшим товарищам» из либерального лагеря идея тоже не понравилась, но через месяц Ельцин самым неожиданным для либералов образом подтвердил версию Пельмана.

ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

К ОСЕНИ 1987 ГОДА столичные неформальные организации стали уже достаточно многочисленными и деятельными. Им было

мало одних дискуссий, количество контактов и людей росло. Группы стали почковаться на секции, занятые практическими делами. В результате между секциями стало ослабевать взаимодействие, они не очень хорошо знали о работе друг друга и обвиняли друг друга в бездействии. Часть участников движения стали втягиваться в конструктивную работу вроде эксперимента по введению самоуправления на заводе АТ-1. Другие планировали новую политическую кампанию вроде комсомольской. Бездействие томило, но привычные дела раздражали своей мелочностью и будничностью.

Между умеренным, конструктивным и более радикальным, активистским течениями нарастало напряжение, которое вылилось в открытый конфликт при испытании на прочность, связанном с «делом Ельцина».

Информацию о выступлении Ельцина на пленуме ЦК КПСС 21 октября неформалы получили до того, как об этом было объявлено всей стране. 31 октября информация о выступлении Ельцина была оглашена на пресс-конференции в АПН секретарем ЦК КПСС А. Лукьяновым, а позднее подтверждена ТАСС с оговоркой, что советским органам печати «категорически не рекомендуется печатать» данную информацию.

Вспоминает А. Исаев: *«Мне позвонил Кагарлицкий, попросил подъехать. Прогулялись. Он сказал, что есть такая информация. Сначала ему сказали западные журналисты, он стал наводить справки, и в АПН подтвердили». Кагарлицкий и Исаев решили, что надо действовать. Но их инициатива натолкнулась на сопротивление.*

«Ситуация была неясной. Даже эта утечка информации показывала, что в верхах идет какая-то сложная борьба. Кагарлицкий высказывал мнение, что Ельцин несколько преждевременно сказал вещи, которые собирался сказать сам Горбачев. Тот был вынужден отмежеваться, но продолжает симпатизировать Ельцину. Может быть, Ельцин даже останется, борьба будет продолжаться.

Я поехал на лекцию «Общины». Шубин ее как раз заканчивал, и ему был задан вопрос о выступлении Ельцина. К моему удивлению, он тоже оказался в курсе дела, но охарактеризовал Ельцина негативно, как политически неопытного деятеля, который вылез на ЦК и поэтому отстранен. После лекции «общинники» остались, и началась битва. Несколько часов мы вели жесткую полемику о том, нужно ли вмешиваться в этот конфликт. Закончилось это разрывом. Большинство проголосовало за акцию, В. Тупикин и А. Плотников собирались писать заявление меньшинства, где заклеить экстремистов, но Шубин хоть и голосовал против выступления, отговорил их от выпуска каких-то заявлений». Дело было 4 ноября.

Я тогда оказался лидером «умеренных». Мы настаивали на том, что поддержка опального партийного руководителя нецелесообразна по двум причинам: во-первых, неизвестна его программа, во-вторых, вызов большинству ЦК со стороны маломощных неформальных групп ничего не изменит и только разрушит уже освоенные направления работы. Радикальное крыло во главе с А. Исаевым, за спиной которого стоял Б. Кагарлицкий, считало, что необходимо как можно активнее участвовать в политической жизни страны, поддерживать раскольников в руководстве КПСС, с тем чтобы формирующееся гражданское движение смогло действовать в союзе с партийными оппозиционерами.

Из записей А. Шубина, ноябрь 1987 года:
выступление приведет к разрушению структур, выстроенных неформальным движением. Уличная акция не может повлиять на ход внутривнутрипартийной борьбы, «кроме как аргумент (консерваторов) в обвинении о создании антипартийной фракции» Ельциным. То есть не поможет Ельцину, а повредит ему. «Неустойчивое равновесие может быть нарушено в худшую сторону». Я возмущался текстом воззвания, которое подготовили инициаторы выступления в поддержку Ельцина: «Листовка восхваляет Ельцина». Исаев ссылаясь на информацию, исходящую через Кагарлицкого от

Р. Медведева, которая позволяла рассчитывать на успех Ельцина в начавшемся столкновении. Я доказывал, что Р. Медведев слишком доверчив к слухам, политологическим построениям. «Наше дело не прожекты, а систематический выход на трудящихся». Я тогда видел путь освободительного движения в едином движении рабочих, в создании сети информационного обмена между рабочими кружками.

В этой дискуссии столкнулись две стратегии освободительного движения: рабочая и интеллигентская. Первая исходила из того, что свергнуть бюрократическую диктатуру может лишь забастовочная борьба по образцу «Солидарности». Цитируя Д. Оруэлла, «общинники» до 1987 года считали: «Можно как угодно относиться к „пролам“, но без них ничего не будет». Ельцинский кризис вывел Исаева и его сторонников за рамки этой логики. Добиться успеха можно, маневрируя между фракциями правящего класса, мобилизуя на борьбу интеллигенцию и широкие слои населения без привязки к их классовому характеру^[82].

Соратники не уступали друг другу и переругались почти до разрыва личных отношений. Радикалы обвиняли умеренных в трусости, а умеренные радикалов – в авантюризме и намерении «лечь под Ельцина». Встал даже вопрос, какая из двух фракций унаследует название «Община». Поскольку название придумал Исаев, то умеренным должна была достаться группа «Самоуправление», созданная для участия в эксперименте на АТ-1.

Раскол произошел и в Клубе социальных инициатив – против выступления категорически возражал М. Малютин. Полемика развернулась и в клубе «Перестройка». Его журнал «Открытая зона» писал: «Общество вправе знать о событиях, происходящих в руководящей им силе и имеющих важные для него последствия. В условиях сложившейся политической системы жизнедеятельность партии справедливо стала делом, интересующим не только членов партии, но и внепартийных граждан»^[83]. Сторонники поддержки Ельцина утверждали: «Хотелось бы подчеркнуть, что в своих выступлениях т. Ельцин выражал не только свое личное мнение, но и мнение многих ответственно настроенных москвичей... Мы

поддерживаем курс МГК КПСС под руководством т. Ельцина Б. Н.»^[84]
10 ноября «Перестройка» раскололась на умеренную и радикальную фракции. Правда, радикалы подписали обращение умеренных в поддержку Ельцина.

ЧЕМ ХОРОШ ЕЛЬЦИН?

Б. КАГАРЛИЦКИЙ НАПИСАЛ информационный материал для иностранной прессы, в котором излагалась позиция радикалов. Здесь уже чувствуется влияние полемики с умеренными, и идеализации Ельцина нет: «Ельцина всегда считали неудобным... Его стиль – популизм, радикализм, зачастую авторитаризм – вызывал недовольство в бюрократической среде... В то же время среди москвичей он завоевал реальную популярность как деятель, серьезно интересующийся судьбами города.

Программа Ельцина, как она формулировалась в ряде выступлений, может быть сведена к ряду пунктов.

1. Борьба против коррупции и привилегий. Ельцин известен как главный противник закрытых распределителей, специализированных столовых и буфетов. Он демонстративно отказался пользоваться этими заведениями, вынудив значительную часть московского аппарата следовать его примеру. Это вызвало сильное раздражение не только среди консерваторов, но и среди реформистских выдвиженцев, которые, напротив, надеялись воспользоваться преимуществами своего нового положения.

2. Ельцин выступал за радикальное сокращение партийного аппарата, причем речь шла не об уменьшении численности, а об упразднении ряда звеньев. На XXVII съезде он высказался за сокращение аппарата ЦК, что было самым радикальным предложением на съезде. В Москве он заявил о необходимости упразднить партийные органы (соответствующие отделы горкомов и райкомов), которые дублируют функции советских и хозяйственных органов. Это означало устранение партийного аппарата от

административной власти (и превращение «партии» в политическую партию в европейском смысле слова).

3. Он энергично занимался муниципальными делами Москвы, чего его предшественники не делали. Он добился увеличения в городе числа автобусов для ликвидации давки в транспорте. Он потребовал начать переселение москвичей из старых пятиэтажных некомфортабельных домов, построенных при Хрущеве, в современные здания. Эти дома в народе называют «хрущобы» (по аналогии со словом «трущобы»), в них нет лифтов, низкие потолки, неудобная планировка. Кроме того, эти здания сильно износились, их строили в начале 60-х, не заботясь о качестве, лишь бы ликвидировать ужасающий жилищный кризис тех лет.

4. Ельцин запретил ввоз в Москву лимитчиков – рабочих из других городов. Ввоз лимитчиков вел к тому, что предприятия не стремились повышать производительность труда, население города стремительно росло (возник новый жилищный кризис), рабочие-москвичи рассматривали лимитчиков как деклассированный элемент, говорили, что в случае конфликта с администрацией лимитчики никогда не проявляют солидарности с коллегами (похоже на проблему турок в ФРГ или южан в Турине?). Хозяйственные менеджеры были крайне недовольны прекращением «лимита», и каждое предприятие стало требовать «исключения из общего правила только для себя». Ельцин вел непрерывную борьбу за выполнение своего решения.

5. Он попытался сократить число предприятий в Москве, убрать «грязные» производства, заводы, работающие на привозном сырье и привозном труде, лишь бы разместить в другом месте. Был составлен список, но он постоянно сокращался, причем даже те предприятия, которые остались в списке, не собирались никуда переезжать.

6. Он попытался сократить число научно-исследовательских институтов. Многие из них на протяжении всего своего существования приносили одни убытки (причем речь идет именно о прикладных и

практических разработках, которые никогда не внедрялись либо, внедряясь, оказывались убыточными). Эта борьба не дала эффекта, число НИИ продолжало расти.

Общая тенденция, наметившаяся с осени 1987 года, – компромисс либералов и консерваторов при одновременном усилении последних. И речь М. С. Горбачева в Мурманске, где повторялись аргументы о повышении цен, традиционные для консерваторов (западные авторы совершенно ошибочно приписывают авторство этой идеи либералам и связывают ее с рынком, тогда как речь идет о централизованном перераспределении), и юбилейная речь отражали этот компромисс. В таких условиях «неудобный Ельцин» оказался важным политическим фактором.

В своей речи он показал неэффективность перестройки в Москве, неудачу предпринятых им попыток улучшения города, подчеркнул, что снабжение продовольствием не улучшилось. Он прямо обвинил Лигачева во вмешательстве в дела городской парторганизации и в поощрении антиельцинской оппозиции в московском аппарате.

Андрей Исаев, член совета клуба «Община»: *«Москвичи должны участвовать в решении судьбы своего руководителя. Это не чисто кадровый вопрос, решается судьба города, судьба перестройки в городе».*

Григорий Пельман (один из руководителей Клуба социальных инициатив): *«Дело Ельцина показывает, насколько у нас еще не развита структура демократического принятия решений».*

Борис Кагарлицкий, координатор Федерации социалистических клубов, член совета Клуба социальных инициатив: *«Самое ужасное, что москвичи оказались принуждены узнавать о кризисе руководства в собственном городе из западного радио. Причем „голоса“ передавали советскую официальную информацию, которая*

не дошла до нас обычным путем. Это информационный апартеид, с которым необходимо бороться».

Этот материал был распространен в виде листовки и в Москве, показав, что неформалы могут лучше сформулировать позицию Ельцина, чем он сам. Так радикалы стали претендовать на роль «выносных мозгов» оппозиционно настроенной номенклатуры.

КАК ПРЕВРАТИТЬСЯ В ФАКТОР ПОЛИТИКИ

УЛИЧНЫЕ ВЫЛАЗКИ

БЫЛО РЕШЕНО подать заявку на митинг и выставить несанкционированные пикеты для сбора подписей под воззванием неформалов. Эту акцию организовали «общинники». Критика меньшинства была учтена – теперь акция проводилась не в защиту Ельцина, а в защиту гласности в деле Ельцина. Сначала инициаторы выступления собирали подписи студентов под письмом, в котором говорилось: «Только такие честные и бескомпромиссные люди, как тов. Ельцин, являются опорой перестройки, выразителями интересов трудового народа, подлинными, а не мнимыми борцами за выполнение решений XXVII съезда КПСС». Под давлением противников популизма апология Ельцина исчезла из обращения, под которым собирал подписи уличный пикет «общинников». Теперь речь шла не о защите Ельцина, а о защите гласности: «Мы вынуждены узнавать о конфликте в руководстве нашего города и страны из передач западного радио. Когда прекратится этот „информационный апартеид“?»

Гражданам предлагалось подписать такое письмо:

«Уважаемые товарищи!

К вам обращаются жители города Москвы. Мы категорически возражаем против замалчивания заявления тов. Ельцина о причинах, заставивших его подать в отставку со своего поста. В своих выступлениях тов. Ельцин всегда призывал к решительному проведению перестройки, к более глубокой демократизации. В данном случае он выражал не только свое мнение, но и мнение многих москвичей, в том числе нас. Мы бы хотели, чтобы городской комитет партии серьезно проводил курс на перестройку в политической, общественной и экономической жизни города. Мы считаем необходимым:

1. Проведение регулярных встреч между партийным руководством телями города.

2. Организацию прямой трансляции с заседаний ЦК и МГК КПСС по телевидению.

3. Введение института народных делегаций (когда лица, собравшие под своим требованием определенное количество подписей, получают возможность встречи с деятелями партии и государства).

4. Организацию регулярных телепередач с прямым эфиром и прямым телефоном для отчета деятелей партии и государства перед общественностью.

Отставка тов. Ельцина, как и выдвижение нового руководителя на его место, принятые без учета мнения городской общественности, могут подорвать веру горожан в серьезность происходящих перемен».

Нередко решающую роль играли темпераменты и те или иные личные обстоятельства.

Вспоминает Г. Павловский: *«Для меня решающим был аргумент Губарева, который мне сказал: „А кто ж тебя прописал в Москве?“ И я подумал: „Что же ты, своих сдаешь? Надо поддержать“. Мы написали цидулу с заявкой на митинг и пошли в Моссовет».*

Когда скандалист Павловский являлся в органы власти в команде защитников Ельцина, его фигура только утверждала чиновников во мнении, что «подрывные элементы» пытаются использовать дело Ельцина в своих интересах.

Сторонники выступления направились в исполком Моссовета, чтобы сдать заявку на митинг. Действовали принятые по инициативе Ельцина Временные правила о проведении уличных мероприятий, которые ставили возможность осуществления этого конституционного права в зависимость от воли городских властей.

Вспоминает А. Исаев: *«В приемной посмотрели нашу бумагу. Увидели в подписях Клуб социальных инициатив и спросили: „Что это такое?“ – „Ну, это клуб такой при*

Советской социологической ассоциации“. – „А что это за ассоциация такая?“ – „Ассоциация при Академии наук“. Тут уже я не выдержал и сказал: „А академия при Советском Союзе“. Отдали письмо – поехали на пикет. А пикета уже и нет. Мы подошли к милиционеру и спросили его: „Здесь был пикет?“ Он ответил, что на этот вопрос будет отвечать только своему начальству и представителю КГБ. Из этого мы поняли, что пикет был».

Пикет должны были проводить «общинники». Место – перед зданием газеты «Московская правда» у станции метро «Улица 1905 года».

9 ноября неформалы вышли пикетировать. Плакат и портрет Ельцина держали В. Гурболиков и А. Ковалев^[85]. Вокруг пикета собралось несколько сот людей. Милиция не знала, что делать. Опыт Ковалева в этой ситуации оказался очень полезен.

Вспоминает В. Гурболиков: *«Он прекрасно знал правила, как можно вести себя, а как нельзя, что надо написать в протоколе. Долгое время нам удалось продержаться, потому что рядовые милиционеры не могли противостоять Ковалеву. Только когда приехали высокие чины, они смогли взять на себя ответственность за задержание». «Высокие чины» прибыли во главе с председателем Краснопресненского райисполкома С. Шолоховым. Высокопоставленный чиновник стал рвать портрет Ельцина, а окружающие кричать: «Он рвет портрет кандидата в члены Политбюро!» «Часть людей только ждала сигнала, чтобы „помять“ чиновника».*

Неформалов задержали и отвели в отделение. Пикетчики вели себя юридически грамотно, в отделении составили жалобу на незаконные действия «гражданина Шолохова». Похоже, власти опасались дальнейшей эскалации конфликта и отпустили задержанных без последствий.

Решилась и судьба митинга, который неформалы пытались провести по правилам. «14 ноября 1987 года группа, подававшая

заявку, была приглашена в Моссовет и имела беседу с заместителем председателя исполкома Анатолием Ивановичем Костенко. А. И. Костенко зачитал решение Моссовета, в котором отмечалось, что в обстановке высокого подъема прошел пленум МГК КПСС, на котором в полном соответствии с внутривнутрипартийной демократией Б. Н. Ельцин был снят с поста первого секретаря МГК КПСС. В этой связи, сказал Костенко, Моссовет не находит основания для выдачи разрешения на митинг»^[86].

Характерно, что выступление неформалов вызвало недовольство статусных либералов.

Вспоминает Г. Павловский: *«За пикет меня потом высекли старшие товарищи. Они ведь тогда публично осудили Ельцина устами Попова. Нуйкин и Адамович мне выговаривали, что выступление неформалов в поддержку Ельцина играет на не те силы».*

Круг будущей «Московской трибуны» по своим настроениям был ближе к конструктивистам в рядах неформалов. Но это было совпадение позиций, а не руководство хотя бы частью движения. Старших товарищей раздражало, что неформалы даже не посоветовались.

Неформальная пресса сообщала и о других фронтах ельцинской кампании.

«Одним из важных элементов кампании стали события в МГУ имени М. В. Ломоносова. Как сообщает наш корреспондент, во вторник, 17 ноября, инициативная группа студентов МГУ провела около корпуса гуманитарных факультетов сбор подписей под письмом в ЦК КПСС с требованием вернуть Ельцина на пост первого секретаря МГК партии и опубликовать его речь на Октябрьском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС. Под письмом поставили свои подписи более 200 участников импровизированного митинга.

В ЦК КПСС инициативной группе было сообщено, что их опередили студенты МЭИ и что ответа на письмо следует ожидать через прессу.

На следующий день предполагалось провести повторный митинг, однако инициативная группа была вызвана к ректору МГУ Логунову,

который предложил альтернативу: устроить в пятницу, 20-го, встречу с членами ЦК КПСС, которые ответят на все вопросы студентов. Инициативная группа отказалась от своего замысла. Собравшуюся было толпу призывали разойтись первый секретарь комитета ВЛКСМ МГУ Сотников и зам. секретаря парткома Васенин.

Стоит ли говорить, что в пятницу никакой встречи с членами ЦК КПСС в МГУ не проводилось. Вместо нее Лабораторией коммунистического воспитания молодежи был организован утешительный круглый стол по неформальному движению, на котором присутствовали 100—150 человек, из них считанные единицы – представители неформального движения, ибо по такому случаю кем-то был выставлен оперативный отряд для проверки пропусков в обычно свободном для входа здании гуманитарных факультетов.

Речь на круглом столе зашла и об «Общине», о которой рассказали собравшимся член Клуба социальных инициатив Владимир Глотов и кандидат в члены «Общины» от комиссии по контактам Юрий Паршиков»^[87].

Вспоминает В. Гурболик: *«Поскольку все друг за друга переживали, то уличная акция нас в конечном итоге сплотила. Мы вышли из этих событий более дружным сообществом, чем были прежде».*

ПРИМИРЕНИЕ

ПОСЛЕ ПУБЛИЧНОГО ПОКАЯНИЯ Бориса Ельцина лидеры «Общины» постепенно вернулись к совместной работе. Итоги выдыхавшейся «ельцинской кампании» «Община» подводила 15 ноября. Состоялось официальное примирение двух фракций. А. Исаев считал, что позиция поддержки Ельцина полностью оправдалась, так как «Община» стала фактором реальной большой политики. «Акции „Общины“ растут, возникло боевое братство с ленинградской группой „Спасение“». Я резко возражал, доказывая, что выступление не было оправданным, так как в нем отсутствовали социальные лозунги, „мы начали ориентироваться на левопартийные круги“. Ельцин стал знаменем, и „это – опасное знамя“. Но мне не хотелось выглядеть

оппортунистом, поэтому я предложил организовать новые уличные выступления весной, когда, как ожидалось, начнется рост цен.

Группа «Самоуправление» в полном составе вошла в «Общину», а лидеры умеренных – в редакцию журнала «Община». Власти сделали вид, что не заметили проельцинского выступления неформалов и не пресекли социальные, культурные и педагогические проекты «общинников». На встречах неформалов в МГК ВЛКСМ договорились о прекращении огня и начале совместной подготовки конференции Федерации социалистических общественных клубов с участием ВЛКСМ, обещавшим предоставить помещение для форума. «Ельцинская кампания» принесла «общинникам» новые контакты, которые позволили расширить географию движения – прежде всего это касалось ленинградской группы «Спасение».

ПУШКИНСКАЯ ПЛОЩАДЬ. ДЕНЬ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

СВОЕОБРАЗНЫМ ИТОГОМ примирения среди неформалов и восстановления рабочих контактов с официальными структурами стал санкционированный выход на Пушкинскую площадь в День прав человека 10 декабря 1987 года. Ожидалась «вылазка диссидентов», и МГК КПСС (а с его подачи и ВЛКСМ) решили опробовать метод демократического противодействия попытке правозащитников провести митинг. Летом Новодворская несколько раз выводила свой семинар на Пушкинскую, но собрать значительной массы слушателей не удавалось из-за противодействия милиции, еще относительно мягкого. «Демократы и гуманисты» небольшой группой прогуливались по бульвару и иногда задерживались милицией. Власти колебались между рефлексивной хватательной реакцией и «новыми веяниями». После августовской встречи и серии «вылазок» в защиту Ельцина возникла угроза, что диссиденты могут наконец собрать критическую массу участников, которая привлечет внимание толпы, достаточной для полноценного митинга. На этот раз решили не разгонять, а попробовать переспорить. Для этого по партийной линии мобилизовали обществоведов из Института всеобщей истории, а по комсомольской – предложили выйти «общинникам» как опытным полемистам с Новодворской.

В итоге к памятнику Пушкину пришли «общинники» и партийные историки, а вот диссиденты так и не появились. Удивленная публика несколько часов выслушивала на морозе оживленную полемику «общинных социалистов» и «либеральных» коммунистов.

Вспоминает С. Станкевич: *«Когда мы возвращались, М. Хабаров, который был у нас за старшего как член партбюро института, сказал: „Все правильно говорят, чего с ними споритьто. Я со всем согласен“. Я тогда стал ему возражать: „Я бы так не торопился соглашаться“*^[88].

10-16 декабря ветераны диссидентского движения провели свою конференцию, на которой обсудили изменение ситуации в связи с перестройкой. Оценки реформ Горбачева были скептическими, но диссиденты не сумели выработать какой-то тактики действий.

Вспоминает Г. Павловский: *«Эту конференцию широко анонсировали „голоса“. За диссидентами шло наблюдение КГБ, и ЦК ожидали чего-то страшного, но в итоге получилось невинно. Собрались, поговорили, и многие потом просто уехали из страны».*

На встрече из неформалов присутствовали Г. Пельман, В. Прибыловский, Д. Леонов и В. Золотарев, но только последний официально представлял свою группу. Переговоры об участии неформального движения в конференции кончились взаимным разочарованием участников двух течений.

Проблема взаимодействия неформалов с партийными «либералами» имела большое будущее. Было возможно несколько вариантов их взаимодействия: конфронтация или равнодушие, союз на почве противоборства с «аппаратом КПСС», союз на почве поддержки «прогрессивных партийных структур».

Декабрьский митинг вдохновил «общинников». Митинг для них стал не столько акцией протеста, как позднее для «Демократического союза», сколько местом разговора с народом, агитации за какой-то конструктив, который тут же обсуждается, корректируется в соответствии с настроениями людей. Именно эта культура митинга будет позднее отличать социалистов от «дээсовцев». Что касается

властей, то декабрьский опыт был, видимо, воспринят ими отрицательно. В ближайшие полгода неформалам придется самовольно пробивать право говорить с народом на улице.

РАЗМНОЖЕНИЕ ДЕЛЕНИЕМ

РАСКОЛ «ПЕРЕСТРОЙКИ»

ЕЛЬЦИНСКИЙ КРИЗИС лишь вскрыл нарыв, образовавшийся в неформальном движении. Этот кризис разразился бы и без «дела Ельцина». Он возникал в истории практически всех неформальных организаций, успевавших развиться настолько, чтобы перейти к заметной политической активности.

Сравнение истории неформальных групп в Москве и других городах^[89] показывает, что они развивались по близкому сценарию. Заметно, что политическое неформальное движение проходит несколько этапов:

› Латентный. В подполье существуют политические кружки, контактирующие с легальными неполитическими самодеятельными организациями. Живущие рядом активисты могут не знать друг друга. В конце периода подпольные группы принимают политическое название и формируют программу.

› Первая кампания. Одна-две группы находят неопозиционный повод для агитационной кампании, которую в условиях перестройки нельзя запретить (культура, экология, реформа ВЛКСМ, восстановление человека на работе). Одновременно начинается открытая лекционная пропаганда, устанавливаются контакты с другими организациями.

› После создания общего поля неформальных организаций идет процесс идеологического и личностного размежевания.

› Начало политической кампании, конфликт между умеренными (конструктивистами) и радикалами (акционистами).

Можно было пережить этот кризис по-разному. Клуб социальных инициатив распался тихо, «Община» после кризиса во время «дела Ельцина» смогла сохраниться, а «Перестройка» шумно раскололась – почти вне связи с делом Ельцина. При этом взрыве в окружающее пространство вылетело несколько проектов, ставших самостоятельными организациями. Тогда возникли общество

«Мемориал» и Межклубная партийная группа, к 1990-му выросшая в «Демократическую платформу в КПСС»^[90].

В конце 1987 года ядро «Перестройки» разошлось по швам.

Участник одной из фракций В. Кардаильский писал по свежим следам: *«Произошел раскол на два лагеря: на так называемый старый актив, который в основном несет на себе всю организационную нагрузку и во главу угла ставит практическую работу с необходимым порядком и дисциплиной, – и сторонников так называемой этической демократии, пытающихся учесть весь спектр мнений по любому, даже самому малому вопросу»*^[91].

Оппозиция обвиняла старый актив в безнравственном соглашательстве и узурпации власти. Участникам этих споров казалось, что они формируют политическую культуру новой России. Наверное, они были правы.

Вспоминает В. Прибыловский: *«Суть раскола „Перестройки“ заключалась в борьбе группы маргиналов против президиума. Радикалы выступали против захвата руководства клубом Минтусовым, Румянцевым и Фадиным. Они захватывали президиум, не давали говорить Лямину и Фадееву. Поступали они в принципе правильно, хотя можно было бы это делать интеллигентнее. Я даже потом писал, что манера ведения, известная как хасбулатовская, была введена Румянцевым. Эта тройка выглядела как самозахватчики.*

Поводом к расколу стал вопрос об уставе. Спорили, записывать ли в нем особые права держателя помещения – представителя ЦЭМИ В. Перламутрова – либерального экономиста, очень умеренного. Для него было важно устроить клуб, где просвещается интеллигенция, куда физики приходят, а им умный Клямкин объясняет то-то и то-то. Радикалы говорили, что нам не нужно надсмотрщиков от ЦЭМИ. Если нас выгонят, то и черт с ними. А умеренные говорили, что у нас есть такая

площадка, которой ни у кого из демократической общественности нет. Не нужно подставлять начальство резкими выступлениями»^[92].

Вспоминает П. Кудюкин, один из лидеров президиума: «Сначала „Перестройка“ состояла из широких мероприятий и организационных собраний актива. На собрания актива стало приходить все больше народа, и стало неясно, кто и по какому праву принимает решения. Осенью 1987 года стали работать над уставом, что вызвало большие споры о том, будет ли минимальная дисциплина. Критиковали старый узкий актив за то, что он много на себя берет. Мы отвечали, что нельзя принимать решения в митинговом стиле – сегодня одни решения от имени „Перестройки“, завтра другие. Другая линия споров – насколько можно кричать против социализма. Одни по тактическим соображениям предлагали этого не делать, другие – говорить всю правду-матку. Из этого вытекали и разные взгляды на отношения с властями – держаться ли за помещение, сотрудничая с администрацией, или нет – мол, если нас выгонят, этим себя и разоблачат».

В. Прибыловский добавляет интересный штрих: «Я тогда не заметил, что за кулисами раскольников действовал В. Игрунов, который выделял более радикальную группу. В авангарде гили и люди, умевшие аргументировать – Д. Леонов, в будущем известный „мемориалец“ и И. Чубайс, член КПСС и, кстати, старший брат А. Чубайса. Но были и другие – О. Лямин, В. Фадеев, которые выступали по любому поводу не по делу и как-то истерично-радикально. Я тогда сказал, что если бы в яковинском клубе было 3-4 лямина, то не было бы революции». «Лямин был очень активен в обличении президиума. А потом, когда „Перестройка“ раскололась, то радикалы Лямина „отжали“ – просто не сообщали ему о встречах». (Более расчетливые люди и дальше будут использовать экзальтированных радикалов в качестве тарана.)

Бывший диссидент В. Игрунов, известный как Вячек (так его часто называли в 90-е, когда он стал депутатом), стал архитектором более радикального либерального клуба «Перестройка-88».

Вспоминает В. Фадеев, соратник В. Игрунова по клубу: *«Игрунов был знаком буквально со всеми, входил в половину всех групп, хотя называл себя „индивидуалом-политиком“, что, в общем-то, было правдой... Вячек, как, скажем, Рахметов у Чернышевского, был среди нас единственным профи. За это, в основном, его все уважали. Почти каждый месяц Игрунов куда-то ездил, произносил речи, устанавливал контакты, и при этом никаких видимых сдвигов в его работе не было видно. Воз стоял на месте, хотя вокруг него носился с бешеной энергией Вячек то в образе рака, то в образе лебедя, то в образе щуки: „Ребята, у меня ни на что не хватает сил!“^[93].*

10 ноября в эмоциональной обстановке «ельцинского кризиса» президиум, возмущенный нападками радикалов, ушел из зала и решил создать новый клуб. 12 января 1988 года раскол «Перестройки» был официально оформлен. Президиум, за которым осталось помещение, создал клуб «Демократическая перестройка», который в 1989—1990 годах превратился в организационное ядро социал-демократической партии. Радикалы создали клуб «Перестройка-88», который активно действовал до середины 1988-го. Часть его участников вошла в «Демократический союз» и «Мемориал».

ОТ «ПАМЯТНИКА» К «МЕМОРИАЛУ»

В ОБСТАНОВКЕ РАСКОЛА «Перестройки» часть его актива предпочла пойти путем практического дела. Таким делом стало создание мемориала жертвам сталинских репрессий.

Идея «Мемориала» была провозглашена еще на «Встрече-диалоге» в августе 1987 года создателями группы по увековечению памяти жертв сталинских репрессий «Памятник». Сначала идея была предельно проста: выполнить решение съезда КПСС о строительстве памятника жертвам репрессий. Решение это было забыто после

свержения Хрущева, но теперь снова стало актуальным. С этой идеей стал выступать Юрий Самодуров. И он, и поддержавшие его неформалы понимали, что дело не только в монументе: «Хотелось создать такую организацию, которая последовательно будет заниматься разоблачением сталинских, а потом и ленинских основ тоталитаризма. Тут тоже разногласий с Юрой Самодуровым не было»^[94].

Вспоминает П. Кудюкин: *«Юра Самодуров развивал идею памятника жертвам и в Клубе социальных инициатив, и в „Перестройке“, но Вячек (Игрунов) выдвинул идею именно мемориала как комплекса с памятником, библиотекой и архивом. Вячек правильно говорил, что можно поставить памятник, а власть будет делать все то же самое. Должен быть какой-то общественный фактор. Уже в 1988 году, когда нам говорили, что вы со своим радикализмом приведете к тому, что никакого памятника не будет вообще, я отвечал, что памятник в душах важнее, чем памятник на площади».*

Концепция Игрунова была сформулирована в письме на «Встречу диалог» (сам он не мог на ней присутствовать, так как ему запрещалось посещать Москву как бывшему диссиденту): «Памятник может оказаться слишком удобным экраном, за которым будет продолжаться ветвиться дерево насилия, уходя глубоко корнями в обильно унавоженную почву». Но необходимо собирать подписи за «создание музейно-мемориального комплекса жертвам террора»^[95].

Первоначально инициативу развивали 14 участников клуба «Перестройка»^[96]. Уже на «Встрече-диалоге» они предложили проект строительства такого комплекса под руководством негосударственного общественного комитета с привлечением людей, обладающих политическим авторитетом.

14 ноября активисты «Памятника» вышли собирать подписи на улицу у Театра имени Вахтангова. Увлеченные своим делом, они не придали значения политической ситуации. В это время шла подписная кампания за гласность в деле Ельцина. Под общую гребенку «замели» и «памятниковцев». Затем пикеты действовали с переменным успехом

– их то разрешали, то задерживали. Из бесед с гражданами выяснилось, что название неудачно – «Памятник» напоминает «Память». Клуб переименовали в «Мемориал».

В конечном счете политическая, просветительская и правозащитная структура приобрела самодовлеющее значение. Идея мемориала отошла на второй план в «Мемориале», и он стал воспринимать свою деятельность как дань памяти жертвам террора. Все же в 1991 году жертвам был установлен скромный памятник – Соловецкий камень на Лубянской площади^[97].

ГЛАВА ПЯТАЯ ПРОТОПАРТ-СТРОИТЕЛЬСТВО

ЯНВАРСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ФЕДЕРАЦИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ КЛУБОВ

ЗА КУЛИСАМИ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

СТРАТЕГИЯ ОРГАНИЗАТОРОВ ФСОК исходила из того, что в условиях перестройки можно легализовать организацию и получить политические права, включая выдвижение кандидатов в депутаты. Это фактически превратило бы эту организацию в партию. Но пока в условиях СССР могли существовать только протопартии – со своей идеологией, самостоятельной структурой, но без прав.

Для полноценной конференции необходимо было помещение. На переговорах в МГК оргкомитету федерации объяснили, что в Москве им помещение даст только комсомол – он назначен ответственным за контакты с неформалами-социалистами. Была еще одна «приманка» – с участием ВЛКСМ была создана международная организация Комитет молодежных организаций. Шли переговоры о возможности вступления федерации в Комитет молодежных организаций как равноправного участника. Таким образом федерация могла зарегистрироваться, не входя в подчинение ВЛКСМ (формальное подчинение комсомолу неформалы отрицали). Первоначально «официоз» демонстрировал готовность к компромиссу. МГК предоставил федерации кабинет с телефоном для обзвона региональных организаций. Но в январе позиция «верхов» ужесточилась.

Вспоминает В. Гурболиков: *«Все шло хорошо, пока нас не вызвал секретарь по идеологии МГК В. Сидоров, совершенно позеленевший, долго ругался, сказал: „Зачем было сообщать на „Голос Америки“ весь план мероприятия?“ Он пожаловался, что Кагарлицкий рассказал о предстоящей конференции кому-то из диссидентов, а тот в деталях передал „голосам“. МГК комсомола хотел показать, как он демократизировался, и*

предполагался высокий уровень мероприятия – во Дворце молодежи, с хорошим резонансом в прессе. А тут все наперегонки побежали докладывать начальству о предательстве.

Тон поменялся сразу же. Отказываться от мероприятия не хотели, но теперь нам все время выговаривали, что мы ненадежные партнеры и доверять нам нельзя»^[98].

Видимо, партийное руководство, стоявшее за комсомольскими аппаратчиками, считало, что лидеры федерации уже не смогут выйти из переговоров. Но и полностью отказаться от мероприятия было теперь политически опасно. Неформалы все равно провели бы встречу, но уже в более радикальном ключе. Получилось бы, что при помощи ВЛКСМ в декабре – начале января готовилась антисоветская конференция.

Как и в 1987 году, конференция федерации проходила одновременно с конференцией Всесоюзного социально-политического клуба. Несколько групп входило в обе организации. Так что можно было обойтись и без ВЛКСМ, хотя в этом случае уровень мероприятия и его общественный резонанс были бы меньше.

Неформалам заявили, что общесоюзная конференция проведена не будет (соответственно нельзя будет конституировать федерацию) – только московская. В Москве в федерации состояли 15 клубов, а в других городах – 101. Оргкомитет и актив клубов эмоционально обсуждали перспективы проведения открытой московской или подпольной общесоюзной конференции. С одной стороны – возможности, связанные с легализацией и пиаром, с другой – выстраивание за пределами Москвы структуры, возможность объявить о создании полноценной всесоюзной организации. Во время острых споров января в федерации обсуждалась и более широкая альтернатива.

Вспоминает В. Гурболиков: *«Мы продумывали два варианта. Либо распрощаться с институтами, школами, обратиться за поддержкой к коммунистическим и рабочим партиям Запада и, таким образом, встать на положение*

левых диссидентов, создавая при этом единую структуру организации, либо не дать бюрократии повода начать изоляцию нас от широких школьных и студенческих масс, сохранить возможность для открытой работы. Мы выбрали второе»^[99].

В конце концов было принято соломоново решение: согласиться на проведение конференции московской организации федерации совместно с ВЛКСМ, в кулуарах которой будет проведена полуподпольная встреча с иногородними клубами (собственно, межгородская встреча теперь в любом случае могла быть проведена только в полуподпольном режиме). Пришлось согласовывать списки не только делегатов, но и приглашенных^[100]. Здесь неформалам помогло незнание аппаратчиками ВЛКСМ некоторых фамилий.

Вспоминает А. Исаев: *«Кагарлицкий хотел пригласить Р. Медведева, который тогда считался диссидентом. Когда до него дошла очередь в списке, Баженов спросил нас: „Это кто?“ Мы ответили: „Историк“. «Ну, историк так историк. Кто следующий?»»*

Снижению статуса конференции быстро нашли идеологическое обоснование – организация должна формироваться снизу, и поэтому сначала должны возникать региональные объединения, а уже потом – общесоюзная структура. Но поскольку главной задачей конференции было укрепление контактов с провинцией, организаторы настаивали на приглашении иногородних. По утверждению В. Гурболикова, некоторые клубы из провинции сообщили, что в условиях отказа МГК ВЛКСМ от поддержки конференции не смогут прибыть в Москву^[101]. Они рассчитывали на возможность оформить командировки. Это было удивительное время, когда еще была размытой граница между оппозицией (консервативными силами в партии) и самой активной лояльностью (провозглашенным партией реформам). Поэтому можно было ездить в Москву на неформальные конференции во вполне легальные командировки и выступать с радикальными речами. В каждом конкретном учреждении шла своя борьба между либералами и консерваторами, от которой зависело, оплатят ли неформалу очередной

визит в Москву. По мере возможности активисты тратили и собственные деньги. Но общественная система не давала возможности обеспечить нормальное финансирование гражданских движений за счет их собственных структур. К тому же в январе 1988 года в провинции усилилось давление как на представителей оргкомитета федерации, так и на активистов входящих в него клубов – от «бесед» по комсомольской линии до подписки о невыезде.

Парадоксальным образом снижение статуса конференции сопровождалось ростом уровня переговоров. МГК «не справился», и дело взяли в свои руки сотрудники аппарата ЦК ВЛКСМ А. Кабанников, А. Лепехин и К. Затулин.

Вспоминает В. Гурболиков: *«В ЦК люди не боялись высказывать свои подлинные взгляды. Кабанникову было все это очень интересно. Затулин был крайне деловым, вел себя агрессивно на переговорах, все время спрашивал: где у вас конкретные дела? Мы спрашивали: а в чем должны заключаться конкретные дела, и он увлеченно начинал рассуждать о движении НТТМ, об изготовлении товаров на продажу». Было ясно, что возникающая номенклатурная буржуазия относится к неформалам довольно неприязненно. Без политической надстройки была не умеренная оппозиция, а сами номенклатурные структуры. «Они больше склонялись к тому, что не нужны нам эти политические дела. Нужно просто делать деньги. Но нужно было как-то „отчитываться за демократию“. Поэтому они решили проводить мероприятие, но в драконовских условиях».*

Структуры ВЛКСМ были идеально приспособлены для развертывания бизнеса. *«Глава Фрунзенского райкома ВЛКСМ Ходорковский не мог, конечно, как Фридман или Авен, просто стоять на улице и торговать ширпотребом. Но у него были кадровые возможности, подчиненные ему люди, которые могли числиться в структурах комсомола и заниматься по его поручению бизнесом, внебюджетные деньги, помещения. В условиях государственной монополии это давало огромные возможности. А затем были*

пролоббированы постановления о хозрасчетной деятельности ВЛКСМ, и с 1988 года дело пошло шире. Им было разрешено то, что пока запрещено другим. А комсомольские работники были готовы к предпринимательской деятельности гораздо лучше партийных. После любого комсомольского мероприятия уже в 70-е годы проводились банкеты, а денег на это не выделялось. Нужно было договориться с организациями торговли и так далее по принципу „ты мне – я тебе“. Задача крутиться у них была всегда, и они были готовы. Партийные – не очень. Комсомольцев в партаппарате считали разложенцами и стукачами, предпочитали комплектовать кадры производственниками и даже интеллигенцией из общества „Знание“. Исключения были, но „через не могу“. Комсомольцев считали испорченными кадрами», – вспоминает Н. Кротов, тогда – инструктор райкома КПСС, а сейчас исследователь становления постсоветского капитализма.

МОСКВА...

ТОЛЬКО ЗА ПЯТЬ ДНЕЙ до открытия конференции власти наконец определились: конференция пройдет в гостинице «Юность», но будет защищена от иногородних – всем делегатам и гостям были выданы специально отпечатанные билеты. Но иногородних неформалов о конференции уже оповестили заранее, и они приехали. В двери ломались десятки людей. Члены оргкомитета из-под полы раздавали им билеты, запугивали охрану. В конечном итоге в зал пустили всех, просто помотав изрядно нервы.

Конференция проходила в два дня – 30-31 января 1988 года. Первый день – пленарное заседание. Второй – секции: «Правовой статус самостоятельных объединений», «Методический центр антифашистского воспитания», «Социальная защищенность молодежи», «Самодетельный университет», «Проблемы школьной реформы», «Редакционная». Затем – итоговая пленарка. По этому сценарию позднее проходили десятки форумов, включая и мероприятия протестных движений уже в XXI веке.

В последний момент аппаратчики выдвинули новые требования по ведению конференции. Сначала предполагалось, что вести будут Исаев и Кагарлицкий, а тут потребовали заменить Кагарлицкого на аппаратчика А. Макарова. Неформалы были возмущены, конференция оказалась на грани срыва.

Вспоминает Б. Кагарлицкий: *«Я колебался, открывать ли конференцию. Я очень не люблю принимать решения в новой, внезапно возникшей ситуации. Вроде я должен открывать конференцию, но не знаю, подниматься ли в президиум. Я сижу на кромке сцены, а в народе спор. Это было состояние, близкое к ступору, – самокритично вспоминает Б. Кагарлицкий. – Исаев, который активно общался с комсомольским начальством, был за то, чтобы принять условия. Прибыловский и Павловский – жестко против. Я нахожусь где-то посередине и стремительно теряю влияние. Я не радикален, чтобы опереться на одну из сторон, и не приемлем для властей. Наконец на каких-то встречах условиях договорились, и я открыл конференцию».*

В почти стенографическом отчете о конференции, подготовленном для журнала «Левый поворот» В. Пономаревым, говорится, что конференцию открыл А. Исаев, который теперь делил ведение с комсомольским аппаратчиком А. Макаровым.

Исаев и другие докладчики исходили из того, что резкий рывок в развитии общественного движения кончился и теперь нужно адаптироваться к новым условиям. Нет худа без добра – вслед за хаотическим возникновением общественных групп теперь формируются «большие федерации неформальных групп (Федерация социалистических общественных клубов, Всесоюзный социально-политический клуб)»^[102]. Они более устойчивы, чем возникающие и исчезающие общественные группы.

Исаев строил свою речь в центристском ключе, но больше всего досталось комсомольским консерваторам, считавшим, что вся общественная работа молодежи должна вестись в рамках ВЛКСМ. Он обвинил этих аппаратчиков в «комчванстве».

Б. Кагарлицкий, поддержав тезис о завершении «кавалерийской атаки на бюрократию», посвятил часть выступления размежеванию с западниками, сталинистами и национал-шовинистами, подчеркнул «уважение конституционной роли партии». Но главный вопрос, который постепенно выходит в центр внимания социалистов в 1987—1988 годах, – перспектива реформы цен, о которой заговорил Кагарлицкий. После принятия закона 1987 года о государственном предприятии введение рынка казалось неизбежным, и неформалы не верили, что бюрократия сможет провести такую реформу не за счет народа. «Община» так и вовсе готовилась организовывать весной массовые акции социального протеста, так как ждала повышения цен. Бюрократия поступила самым невероятным образом – она «замотала» реформу цен, тем самым обрекая реформу 1987 года на провал. Соответственно весной 1988-го неформалам пришлось искать другие поводы для выступления – не столько социалистические, сколько общедемократические.

Комсомольские организации пригласили «на неформалов» десятки случайных людей, заполнивших зал. Конференция федерации, таким образом, превратилась в своего рода встречу с неформалами, что лишь усилило ее агитационный эффект. Но сами организаторы были недовольны, так как это затрудняло принятие решений о создании организации. Утешало присутствие телевидения, в том числе «Взгляда» – 2 февраля он дал сюжет об этом событии. Московские группы федерации выступили с саморекламой. Большинство пыталось парировать обвинения аппаратчиков (прежде всего Затулина) в отсутствии «конкретных дел».

Я презентовал «Общину» – говорил о распространении идей «научного социализма» (под которыми понимался отнюдь не марксистский «научный коммунизм») через самиздат и целую сеть политсеминаров и лекториев, об установлении «контакта с рабочими» (что считалось особенно ценным в условиях интеллигентского состава неформального движения). О педагогической работе «Общины» говорили представители ее дочерних групп. Впрочем, А. Хайкин из «Социалистической инициативы» прямо признал, что «федерация – движение наемной интеллигенции». А. Бабушкин из «Юных коммунаров-интернационалистов» поведал о сборе средств для латиноамериканской бедноты, С. Ильин – о планах «межклубной

группы производственного самоуправления» по проведению экспериментов на АТ-1 и других предприятиях. Он развил тему «контакта с рабочими» – если их не просветить сейчас, то они не смогут грамотно бороться за свои права в правовом поле. Альтернатива такой работе – «опасность экстремизма».

Довольно агрессивными были выступления аппаратчиков ВЛКСМ. М. Колков обрушился на диссидентское прошлое Кагарлицкого и цитату из Бакунина в декларации «Общины»: «социализм без свободы есть рабство и скотство». Колкову отвечал Кагарлицкий, подтвердивший, что «гордится тем, что участвовал в социалистическом движении в годы застоя». Я тоже напал на комсомольского чиновника: Бакунин ничего не мог знать о «реальном социализме», зато в начале упомянутой Колковым фразы столь же резко критиковал капитализм. По сути Колков был, конечно, прав – ссылаясь на Бакунина, «общинники» язвили не только Маркса, но и советское воплощение его идей. Затулин продолжал свои обвинения в отсутствии у неформалов реальных дел. В кулуарах неформалы недоумевали – будто он не присутствовал на заседании. Ядовито комментировали фразы вроде «комсомол БАМ построил». «Ксишник» Затулин стал антигероем конференции, воплощением комсомольско-коммунистического «зла». В. Прибыловский выступил с места против Затулина как участника расправы над инициатором проельцинских митингов в МГУ А. Галамовым – его исключили «за неуспеваемость».

Вспоминает В. Прибыловский: *«Неуспеваемость, возможно, была, но у других в таких пределах, как у Галамова, ее терпели. Поскольку Галамова исключили сразу после „дела Ельцина“, это вызывало подозрение. По этому поводу я выступил с возмущенной речью против Затулина как руководителя подавления галамовского митинга».*

После перерыва выступали преимущественно союзники по федерации в неформальном движении. Они вывели разговор из «молодежной колеи», в которую ее загнал формат «полукомсомольского» мероприятия. С. Скворцов рассказывал о самоуправленческих экспериментах его Фонда социальных инициатив, О. Румянцев – о расколе клуба «Перестройка», Г. Иванцов – о

конференции Всесоюзного социально-политического клуба. Он живо откликнулся на доброжелательную речь Исаева: «Сила неформального движения – в единстве ФСОК и ВСПК! Наши организации очень близки по уставам и целям, участие в движении дает людям моральную уверенность в своих силах». Московская организация ВСПК вошла в федерацию. Вообще поведение аппаратчиков «аукнулось» резкими выпадами против ВЛКСМ: «По сравнению с августовской встречей происходит деградация, и благодаря усилиям горкома федерация сдвинулась в молодежную область... Нельзя работать с комсомолом, пока он не перестроится»^[103].

И итоги январской встречи, и дальнейший подъем общественного движения привели к тому, что «Община» ослабила контакты с ВЛКСМ. В августе 1988 года новые переговоры о предоставлении помещения под конференцию федерации кончились неудачей, так как «общинники» не были склонны идти на уступки. Только осенью 1988-го, когда на время спала митинговая горячка, общинники инициируют создание «Демократической фракции ВЛКСМ» как модель для создания фракции в КПСС. Это будет последняя игра с комсомолом. В 1989 году «общинники» вышли из комсомола.

Организаторам январской конференции пришлось нелегко. Нужно было заниматься и кулуарами в «Юности», и полуподпольной конференцией в Измайловском парке, где удалось найти небольшое помещение. В «Юности» было демонстративно заявлено, что один из координаторов конференции Л. Наумов отправился на встречу с иногородними делегатами, которых не пустили в зал. Это была информация о том, что, вопреки действиям аппаратчиков, у конференции есть общесоюзный «филиал».

... И РЕГИОНЫ

ВЕЧЕРОМ И НОЧЬЮ шли беседы с «провинциалами», идеологическое «принюхивание»^[104]. Провинциальные социалистические группы были еще далеки от вопросов, которые бурно обсуждались в столицах. Некоторые они перед собой даже не ставили, что позволяло «общинникам» надеяться на сближение позиций с частью полуподпольных групп, не вышедших из рамок

марксизма-ленинизма. Попытки сближения с наименее догматическими «эмэлами» будут продолжаться до августа 1988 года.

«Троица не считала нужным сообщать непосвященным, что они анархисты. Чтоб не распугать»^[105], – рассказывает Б. Ихлов о знакомстве с Исаевым, Гурболиковым и мной. Троица в тот период еще не считала себя анархистами. До конца года «общинники» продолжали искать идеологическое клише, которым можно было бы назваться. Дело в том, что концепция «общинных социалистов» была анархической в той степени, в какой анархистами были Прудон или народники Герцен и Лавров.

«Общинники» выступали за постепенное преобразование общества в безгосударственное, в то время как в общественном мнении (включая официальную науку) анархизм отождествлялся с немедленной ликвидацией государства. «Общинный социализм», несомненно, укладывается в рамки антиавторитарного социализма, включающего в свой состав часть и анархистских, и народнических, и постмарксистских идей. Несмотря на то, что труды Прудона тогда не произвели впечатления на «общинников», они развивали традицию, прародителями которой были Прудон и Герцен (отчасти и Оуэн). Идеологи «Общины» были реформистами и анархистами одновременно. Но возможность синтеза реформизма и анархизма тогда казалась парадоксом. Поэтому «общинники» были вынуждены объяснять собеседникам, что во многом согласны с анархистскими теоретиками, а во многом – нет. В отношении конструктивной программы «общинники» были близки анархизму, и осенью 1988 года, по мере знакомства с анархистской литературой, пришли к выводу, что именно в ней заключается суть анархистского учения. Поэтому с осени 1988 года часть «общинников» (хотя далеко не все) стали бравировать своим анархизмом. Однако до января 1989-го «общинники» учитывали, что в понимании не анархистов (как выяснилось, также многих незрелых теоретически анархистов) анархизм предполагает немедленное разрушение государства. «Общинники» же стремились к постепенному движению в этом направлении (но, в отличие от коммунистов, считали, что путь к безгосударственному обществу возможен только через демократию, а не диктатуру). Поэтому «общинные социалисты» в 1988 году считали, что их взгляды шире собственно анархических.

Только в начале 1988-го у «общинников» возникли первые контакты с людьми, которые считали себя анархистами. Но и они создавали не анархистские, а социалистические клубы, так как большинство их общественно активных знакомых были еще далеки от анархизма. Такая радикальная идейная эволюция требовала времени. Поэтому иркутский анархист И. Подшивалов со своими друзьями создал в июле 1988 года Социалистический клуб. В Краснодаре, где интерес к анархизму проявляли А. Рудомаха и А. Серебряков, клуб «Трава» тоже не был анархистским. Программные построения левосоциалистических клубов позволяли взаимодействовать в одной организации социалистам разных взглядов.

Структура федерации позволяла «общинникам» выстраивать сеть политических связей общесоциалистического характера, выделяя в ней немарксистское, но не специфически анархистское крыло.

Список избранного на январской конференции Московского совета федерации возглавлял Б. Кагарлицкий, но подавляющее большинство в нем имели федералисты: «общинники» А. Исаев, А. Шубин, А. Василицевский, А. Баранов и близкие к ним идейно М. Кучинский и Л. Наумов, представлявший «Лесной народ». Разумеется, «общинники» и их сторонники выступали от имени целых пяти клубов.

Вспоминает Б. Кагарлицкий: *«Именно после этой конференции мое влияние в федерации стало стремительно падать. Это был абсолютный триумф „Общины“, которая была ключевым элементом при подготовке. Документы принимались в той редакции, в которой я предлагал, но это уже ничего не значило».*

Прежнее разделение труда с Кагарлицким уже не устраивало «общинников». Различие в уровнях политических знаний было погашено. У Кагарлицкого оставалось последнее преимущество – контакты с прессой. Они вызывали ревность «общинников», когда западная пресса оттеняла роль Кагарлицкого. Получалось, что он, выступая от имени общего дела, использует контакты в интересах своей фракции.

Изоляции Кагарлицкого способствовали и конфликты. Либералы использовали компромиссы федерации и ВЛКСМ для выдвижения этических претензий. Особенно резко под впечатлением обстановки в «Юности» в кулуарах конференции выступал Г. Павловский.

Подводя итоги мероприятия, В. Гурболиков писал об этом: *«Многие группы неформалов решают сейчас вопрос – „продалась“ федерация комсомолу или Комитет молодежных организаций „скушал“ ее... Негативную оценку высказали представители ленинградского „Форпоста“ и ряд групп ВСПК, член Клуба социальных инициатив Г. Павловский заявил, что федерация от продажи принципов скоро перейдет к продаже людей.*

Г. Павловский вспоминает о причинах столь резких высказываний: *«Я был разозлен охраной в „Юности“. Мою либеральную душу возмущал контроль на входе, когда одних впускали, а других не пропускали, раз у них не было мандатов. Я и мои знакомые были неомандаченными и прорывались буквально силой. На этом пафосе я очень резко все это раскритиковал».*

В этом эпизоде заметна не просто конкуренция социалистов и либералов (между идеологическими противниками в неформальном движении были возможны тесные альянсы, что показала уже ситуация середины 1988 года) и не только старые конфликты еще доперестроечных времен. Шла острая конкуренция за информационные и политические ресурсы. Павловский «замыкался» на «либерально-коммунистические» журналистские круги, для которых был экспертом по неформалам. Кагарлицкий перехватывал зарубежных журналистов и использовал уже наработанные связи с зарубежными социалистами.

В более широком плане между неформалами всегда шла конкуренция за политические и информационные каналы, оппозиционеры объявляли связи конкурентов «позорными», тут же оправдываясь за свои. Власти могли бы использовать эти противоречия более эффективно, манипулируя неформалами за ниточки связей. Но

этого не случилось. Аппарат раздирали столь же острые противоречия, и единой игры он вести не смог.

ПОПЫТКА «РАЗВОДКИ»

ВЫСКАЗЫВАНИЕ ПАВЛОВСКОГО было основано на реальных опасениях, связанных с поведением аппаратчиков ВЛКСМ, и гипотезу о продаже людей удалось проверить уже на следующий день. Власти прощупали лидеров федерации на прочность. В последний день работы конференции в «Комсомольской правде» была опубликована статья, резко обвинявшая неформалов в стремлении «увести молодежь в кружковщину от масштабных социально значимых дел». Этот штампованный комсомольский упрек неформалы могли бы воспринять как комплимент – все революционные движения начинали с кружков, и неформалы уже готовили более масштабные дела, к которым сумели перейти весной. Но в статье были и более тонкие упреки: социальные имитаторы во главе с антисоветчиками (уголовно-политическое обвинение) Кагарлицким и Павловским оттеснили подлинных лидеров неформалов Малютина, Скворцова и Исаева. Плохих неформалов статья обвиняла в «представительстве от чьего-то имени без достаточных полномочий»^[106].

Исаев вспоминает, что узнал о подготовке статьи накануне конференции от Павловского и позвонил Затулину: *«Вы понимаете, что если такая статья выйдет, то конференция будет сорвана?»* – *«Ну почему же, мы так не считаем».* Мы поговорили, и я сказал: *«Если статья будет опубликована во время конференции, то будет плохо».* – *«Хорошо, мы подумаем».* Они подумали. В первый день статья опубликована не была, а на второй, когда основные события прошли, – вышла».

Вспоминает Б. Кагарлицкий: *«Самозванцы и самодельщики»* была предназначена для конструктивных элементов в федерации – сдайте Кагарлицкого. Возможно, они считали, что без меня им будет легче управлять неформалами. Мы встречались с Исаевым на «Парке

культуры». Он принес мне эту газету, и я пытался по его поведению понять, как он будет себя вести, отмежует ли. Он этого не сделал. Но очень выразительно держал паузу, чтобы я оценил, как он меня не предаст». Заметно, что восприятие Кагарлицким этого эпизода сформировалось под влиянием последующих событий. Судьба Кагарлицкого в это время не зависела от Исаева.

Федерация резко осудила статью. Этому была посвящена заключительная резолюция конференции, во многом испортившая комсомольскому аппарату праздник:

«Наш диалог, как мы надеемся, даст возможность предотвратить попытки столкнуть федерацию и органы ВЛКСМ, одной из которых, на наш взгляд, стала публикация в „Комсомольской правде“ статьи В. Губенко и Н. Пискарева „Самозванцы и «самodelьщики“, содержащей в себе необоснованные обвинения, фактические подтасовки и навешивание политических ярлыков.

Мы надеемся, что встреча послужит основой не только для укрепления конструктивного сотрудничества между федерацией и органами ВЛКСМ, но и для дальнейшего процесса консолидации социалистического самодеятельного движения»^[107].

Выступление «Комсомольской правды» позволило неформалам «отмежеваться» от властей и консолидировало федерацию, «заморозив» размежевание в ее рядах.

Б. Кагарлицкий продолжает: *«Ощущение было неприятное. Но я подал на в суд. Их доказательства были в КГБ, и было ясно, что комитет свои материалы не выдаст. Суд я выиграл. В августе вышло опровержение. Это был первый прецедент выигранного дела в защиту чести и достоинства».*

По свежим следам Кагарлицкий написал в «Левом повороте» (№ 3-4): «В психологическом отношении оказалось очень важным то, что левые смогли избежать обострения ситуации, не отступая в то же время от своей принципиальной позиции. Это свидетельствовало о растущей зрелости движения, повышении тактической

компетентности активистов. Давление, оказанное консервативными аппаратными группами на левые клубы, имело и другое положительное последствие: чем более напряженным становилось положение, тем более ощущалась солидарность между основными группами федерации».

В условиях нараставшего в ходе конференции конфликта с ВЛКСМ лидеры федерации сочли, что у них развязаны руки. На заключительном пленарном заседании конференции Исаев выступил с осуждением публикации в «Комсомольской правде» и озвучил согласованное с иногородними делегатами решение о преобразовании Московского совета федерации во временный совет всей федерации. В завершении большинство делегатов дружно спели «Интернационал».

Январская конференция 1988 года не выполнила роль, которую от нее ждали в августе 1987-го. И все же ее значение достаточно велико. Во-первых, были установлены живые связи в среде именно «своих» организаций (а не случайного набора людей, как в августе 1987-го). Во-вторых, была создана реальная структура руководства организацией, признанная ее организациями. В СССР возникла первая общесоюзная протопартия – организация со своими взглядами, претендующая на право самостоятельного участия в политической борьбе.

Вспоминает В. Гурболиков: *«Это была встреча социалистов, которые не боялись контактов с государством. На следующую встречу уже сознательно ехали люди определенных оппозиционных взглядов».*

ЛЕВОЕ ПОЛЕ

РАСКОЛ ВСПК

III КОНФЕРЕНЦИЯ Всесоюзного социально-политического клуба 28-30 января 1988 года в Москве была не менее драматичной, чем конференция Федерации социалистических общественных клубов. Она больше напоминала последующие конференции неформальных движений – если не по содержанию, то по форме. Недавно вступивший в клуб Г. Иванцов предложил собраться в подвальчике, ключи от которого носил в кармане как комсорг стройуправления. Более того, Иванцов пробил возможность провести пленарное заседание в ДК «Меридиан» в рамках учебы коммунистического актива. Прикрывал эту затею С. Станкевич, с которым у Иванцова обнаружилась общность представлений о политической жизни: сам Герман прикрывал свой неформальный интерес к работе в неформальных клубах выдуманном им же поручением местного райкома комсомола, а Сергей Станкевич то же самое прикрытие придумал по линии местного райкома КПСС»^[108]. Как и в «Юности», в «Меридиане» мероприятие было совместным с номенклатурой, и неформалы просто излагали свои позиции.

На второй день головной болью организаторов было не начальство, а «правые». В. Шульгин принял в клуб группу диссидентов из семинара «Демократия и гуманизм», которые провозгласили либерально-демократическую фракцию. Поскольку большинство членов клуба недалеко ушли от ортодоксального марксизма-ленинизма, произошел культурный шок.

Вспоминает Г. Иванцов: «Обсудив доклады с мест, перешли к выработке генеральной линии всесоюзной организации: меньшевики, выступавшие за свободную нерегулируемую экономику, долго боролись с большевиками, которые говорили, что потенциал социализма еще не растрачен»^[109]. Здесь Иванцов сдвигает поле дискуссии вправо – социал-демократы П. Смертин, А. Сухарев и Р.

Астахов не исключали регулирования рынка вовсе и относились к социализму положительно. Просто они не считали социализмом советское общество^[110].

Но тут настал кульминационный момент выступления Валерии Новодворской – «немолодая полная женщина выпренно-надменным голосом изложила позицию своей организации... Высказанная ею при этом политическая платформа сводилась к тому, что КПСС как преступную организацию надо запретить...»^[111] Речи диссидентов вызвали взрыв возмущения, и либералов изгнали. Были внесены изменения в Устав клуба, утверждающие марксистско-ленинскую основу идейного поиска его членов и кандидатский стаж при вступлении. Четверо социал-демократов, включая основателя А. Сухарева, лидера питерской социал-демократической группы Р. Астахова и «общинника» П. Смертина (вскоре ушел из политики), в знак протеста покинули конференцию»^[112].

Когда Г. Иванцов говорил об идейной близости двух больших неформальных организаций, он ошибался. Единство сводилось к слову «социализм». Существовала группа членов Всесоюзного социально-политического клуба, которая пыталась совмещать коммунистические взгляды и демократию, и с ней (прежде всего с самим Иванцовым) «общинники» были готовы тесно сотрудничать. Основная масса участников клуба отстаивала марксизм-ленинизм со всеми неприемлемыми для «общинников» элементами. Даже Б. Кагарлицкий был для клуба «слишком правым».

Но все это выяснится позднее, а пока в отношениях федерации и клуба наступил медовый месяц. Федерация предоставила клубу свои информационные каналы, и 1 февраля состоялась пресс-конференция по итогам обеих конференций.

«ОБЩИНА» И СОСЕДИ

ПРОРЫВ ФЕДЕРАЦИИ В СМИ загладил неприятное впечатление от выступления «Комсомолки» и друзейлибералов. Но тут на сторону официоза ВЛКСМ встал журнал клуба «Перестройка» (затем «Демократическая перестройка») «Открытая зона»^[113]. Печатное выступление «перестройщиков» как бы продолжало

кампанию, начатую на конференции либеральными «ксишниками», но с совершенно другой стороны. Если выступления Павловского и Прибыловского были устными и могли объясняться эмоциональной атмосферой борьбы с аппаратным засильем в зале, то выступление союзников либерального крыла Клуба социальных инициатив из «Перестройки» было продуманным, рассчитанным на углубление противоречий в федерации. Если выступления в зале должны были пробудить революционную совесть части социалистов и посорить их со сторонниками компромисса со структурами режима, то статья «демперов» апеллировала к конструктивистам и поддерживала аргументы «Комсомолки».

«Общинники» распечатали конспект этой статьи с моими критическими комментариями. «Открытая зона»: «все чаще слово прикрывает пустоту, становится инструментом блефа... Много от этого было, к сожалению, и в деятельности оргкомитета федерации, что четко „засекли“ авторы статьи в „Комсомолке“. Шубин: „Если „фсоковцы“ редко ходят на дискуссии „Перестройки“ и меньше заняты внутриклубной борьбой, это не значит, что за ними нет реальной работы“.

Опыт общения с верхами усилил в «общинниках» скепсис в отношении «реформаторского крыла» КПСС. «Открытая зона» рассуждает о готовности реформаторского руководства КПСС к введению политического плюрализма: «Уникальность сегодняшней ситуации в стране в том, что впервые за несколько десятилетий в партийногосударственном руководстве сложилась и обладает сильными позициями группа деятелей, стремящихся утвердить именно такой политический способ управления»^[114]. Шубин: «Святая наивность».

За компанию досталось и коммунистам-реформаторам прошлого. На фразу «Открытой зоны»: «Политик (типа Бухарина, например), конечно, понял бы, что система в целом от существования параллельных структур станет только стабильнее, что необходимо иметь в обществе социальные институты канализации и утилизации народной инициативы...» я отвечал: «Ох уж эта идеализация Бухарина. Впрочем, его концепция, подкрашенная под Рузвельта и Кадара, наших потенциальных парламентариев вполне устроит – для них достаточно каналов обращения народа, минуя низшую

бюрократию к высшей (монопартийной или многопартийной – без разницы), а не развития народовластия через принципиальное изменение бюрократически-парламентских структур».

Политическое «затишье» вернуло неформалов к «конструктивной работе». «Община» продолжала старые проекты и искала новые – некоторое разочарование в сотрудничестве с властями заставляло искать выход на оперативный простор – к народу. Основным каналом пропаганды оставались лекции. «Общинники» нажимали на историю – репрессии, голод 30-х, махновское движение, бакунизм и марксизм.

Наибольший интерес к этим лекциям в зиму 1988 года проявил Всесоюзный социально-политический клуб. Г. Иванцов, благо что марксист-ленинец, выбил подвальчик для работы неформалов в Севастопольском районе, где был создан клуб «Факел». В его руководство вошли представители всесоюзного клуба, федерации и затем межклубной партгруппы. Наиболее активными оппонентами «общинных» лекторов (обычно Шубина и реже – Исаева) были диссиденты и радикальные ленинцы из клуба (группа «Рабочий путь»). Сначала «Рабочий путь» пытался сотрудничать с «общинниками» в проекте «Самоуправление». Но вскоре выяснилось, что по сравнению с идеями «Рабочего пути» даже физики РВС времен карельской экспедиции проповедовали сущий либерализм. Сотрудничество кончилось взаимными обвинениями в мелкобуржуазности и полпотовщине. После этого «общинники» общались с московским клубом прежде всего через Иванцова.

Продолжались выходы на АТ-1. Неформалы работали как социологи, много узнав для себя о реальном производстве и ходе реформ. Эти познания и сам факт работы на реальном заводе придали «самоуправленцам» дополнительный авторитет, который они закрепили на конференции Советской социологической ассоциации «Производственное самоуправление – опыт, теория, практика» 4-6 февраля 1988 года. Здесь неформалов уже не воспринимали как молодежное движение. В рекомендации конференции были включены любимые идеи «общинников» о делегировании и идеи В. Корсетова о «децентрализованных инновациях» – праве работника на долгосрочное вознаграждение за продуктивные нововведения на своем рабочем месте.

Неформалы ждали подъема рабочего движения, который казался неизбежным в условиях перехода к рыночным реформам по номенклатурному сценарию^[115]. В феврале 1988 года в «Общину» пришел ветеран рабочего выступления в Новочеркасске П. Сиуда. Собранные им материалы о расстреле рабочей демонстрации 1962 года стали немедленно распространяться «общинниками» сначала в устных выступлениях, а затем через журнал. П. Сиуда вступил в «Общину». Его рассказы оживили мечты о советской «Солидарности». И в то же время от них пробирало холодком – вдруг власти решатся стрелять.

Федерация создала Комитет за справедливые цены (А. Исаев, А. Шубин, В. Кагарлицкий) и группу по проблемам гуманизации уголовного законодательства (координатор Л. Наумов)^[116]. В поисках темы «общинники» на некоторое время сосредоточились на гуманизации пенитенциарной системы. Ходила даже шутка: «Нужно изучить места будущего пребывания. Если посадят, можно будет утверждать – сели за попытку демократизации зоны». Но подъема социального движения не происходило, и «фсоковцы» тосковали, занимаясь «конструктивной работой».

Именно в это время были заложены основы организации нового типа, в которую стала превращаться «Община». Теперь она сама становилась КОС-КОРОм – информационным центром провинциальных организаций, которые нуждались в информационном узле, расположенном вне зоны досягаемости провинциальных партийных кланов.

Более демократичная обстановка столицы позволяла работать таким центрам и оказывать некоторую поддержку провинциалам, когда они оказывались жертвами произвола. Эта структура должна была обеспечить общесоюзный масштаб давления на власть, когда массовое недовольство выйдет из-под контроля властей. Но народ пока безмолвствовал.

КАК ПРОЙТИ НА УЛИЦУ?

ОППОЗИЦИЯ МОГЛА ПОБЕДИТЬ, только заручившись поддержкой народных масс. Народ ходил по улицам, но неформалам путь туда был заказан «временными правилами». Иначе нельзя было преодолеть информационную блокаду в условиях все еще суровой

цензуры. А самовольные митинги были запрещены ельцинскими «временными правилами». Несколько неформальных групп попытались проверить саму возможность пройти через процедуру, определенную «правилами». В начале февраля 1988-го в исполком Краснопресненского района Москвы была передана заявка на проведение демонстрации 13 февраля за большую гласность в подготовке закона о добровольных общественных организациях – от имени группы «Гражданское достоинство», Федерации социального объединения, клуба «Перестройка-88» и нескольких членов клуба «Демократическая перестройка»^[117]. 11 февраля прошли переговоры неформалов с председателем райисполкома С. Шолоховым, который уже имел «митинговый опыт». 13 февраля инициаторы получили решение об отказе.

Тогда шесть человек из пяти групп^[118] провели несанкционированную демонстрацию на Пушкинской площади под теми же лозунгами, требуя обсуждения готовящегося закона о неформалах. Демонстрация продолжалась около получаса. У участников демонстрации был отобран плакат, однако никто из них задержан не был. Было видно, что власти колеблются. Они вроде бы не хотят суровых разгонов, но диалог с неформалами готовы вести без свидетелей в лице толпы прохожих. О переговорах Золотарева и Шолохова даже были помещены материалы в московских СМИ.

Раз уж неформалам захотелось обсудить закон об общественных объединениях, власти решили сделать это под крышей ДК имени Чкалова. Туда были приглашены разработчики закона В. Перцик и А. Щиглик и представители самих общественных объединений. 20 февраля 1988 года, впервые с августа 1987-го, представители «Гражданского достоинства», обеих «Перестроек» и клубов Федерации социалистических общественных клубов собрались под одной крышей. «Хроника общественного движения» так осветила это мероприятие:

«В ходе дискуссии представители самодеятельных объединений высказывали суждение о необходимости вынесения проекта на общенародное обсуждение. Указывалось на то, что процедура регистрации самодеятельных общественных объединений должна быть максимально упрощенной, решение об отказе в регистрации должно приниматься судом и единственным основанием отказа в

регистрации или роспуска может являться противозаконный характер деятельности объединения.

Указывалось также, что органы Советской власти должны обеспечить самостоятельные объединения помещениями, необходимой технической базой, указывать конкретные пути решения этих вопросов»^[119]. Разработчики законопроекта и аппаратчики пытались урезонить неформалов, но полемисты они были неважные. В итоге закон отложили.

В 20-х числах февраля 1988 года грянули армянские волнения и Сумгаит. Средневековый погром в ответ на стремление другого народа к воссоединению определил симпатии «общинников»: «Несмотря на определенные черты национализма (скажем, миф о громадной пантюрксистской, панисламской всесоюзной мафии, ставящей целью уничтожение всех православных и так далее), нельзя не восхищаться высокой сознательностью и организованностью армянского народа, выступившего за проведение в жизнь права наций на самоопределение...»^[120] В «Общину» вступил участник армянского национального движения в Москве К. Саакян, и социалисты стали помогать армянскому движению своими информационными и пропагандистскими каналами. Они не были исключением, и битву за общественное мнение России выиграла армянская сторона. Пример Армении оживил стремление к выходу на улицу.

Тем временем «Гражданское достоинство» не оставляло попыток продавить Краснопресненский райисполком. Была подана новая заявка на 5 марта – день смерти Сталина. Опять отказ пришел в день митинга, что выглядело провокацией – люди уже оповещены. «Отказ был мотивирован тем, что лозунги, выдвигаемые демонстрантами („Гласность – гарантия против реставрации сталинизма“, „Дальнейшая демократизация общественной и политической жизни в СССР“), носят якобы антиобщественный характер и вредят делу демократизации в нашей стране»^[121]. Лидеры «Гражданского достоинства» опять оказались в глупом положении. Соль на раны им сыпало то, что более радикальные группы («Демократия и гуманизм» и «Перестройка-88») на Октябрьской площади провели в день смерти Сталина несанкционированную сходку под лозунгами: «Полная десталинизация общества», «Воздвигнуть памятник жертвам репрессий». Начать митинг не удалось, но это и не входило в планы

будущих «дээсовцев». Несколько десятков неформалов время от времени поднимали лозунги и пытались что-то сказать, после чего тут же препровождались в милицейский автобус. За этим наблюдало несколько сот прохожих. Так формировалась «дээсовская» культура митингов, где сами действия милиции являются важнейшим средством агитации.

«Площадь была запружена снегоочистительной техникой, в момент проведения акции в центре площади было организовано принятие присяги военным училищем. На площади присутствовало достаточное количество корреспондентов иностранных газет и телевидения, в том числе представители венгерского телевидения. Задержание демонстрантов продолжалось около полутора часов (ушло три неполных автобуса). Милиция, как сообщается, вела себя достаточно вежливо, никаких грубых инцидентов не происходило»^[122]. «Ни лозунгов, ничего похожего на них видно не было, однако все суетились, переходили с места на место, а милиционеры орали в мегафоны, требуя от всех „разойтись“»^[123].

Инициаторов легального митинга, которые заявили, что 7 марта проведут «гражданскую панихиду» по жертвам сталинизма, вызвали в Комитет молодежных организаций, который стал теперь главным каналом переговоров с лояльными неформалами. Председатель комитета В. Баженов (совсем недавно – секретарь МГК ВЛКСМ) и функционер МГК КПСС Ландратов «заявили, что им не нравится „митинговый террор“, развязанный общественными клубами, то есть стремление организовывать митинги и демонстрации „по всяким поводам“»^[124]. «Террор» на деле был направлен против митинговых инициатив – все политические заявки зарубались на корню. В конце концов власти просто пережали – не давая неформалам никакой возможности выступить легально, не используя придуманный Ельциным рычаг регулирования митинговой активности с помощью «временных правил», «закрыв заглушку», власти толкнули неформалов на путь взлома легальности, самозахватного уличного выступления. После волны выступлений мая – августа 1988-го справиться с митинговым половодьем КПСС уже не смогла.

7 марта «Гражданское достоинство» провело молчаливое шествие – «День поминовения жертв сталинских репрессий» у Краснопресненского парка. В шествии приняли участие и фсоковцы.

Сотрудники в штатском следили, чтобы никто не произносил речей, топтали свечи, зажженные на снегу.

В это время стала зреть идея, что нужно провести крупную уличную акцию без разрешения властей. Причем так, чтобы ее нельзя было бы сразу разогнать, чтобы прохожие могли вступить в общение с неформалами на политические темы. Своего рода Гайд-парк в центре Москвы. Но для этого нужно было найти союзников, чтобы на улицы вышла сразу значительная масса неформалов. Идеологически близкие «Гражданскому достоинству» «Демократия и гуманизм» и «Перестройка-88» для этого не подходили – их стиль выступлений не был рассчитан на диалог с населением, скорее – на эпатаж. На поиск союзников ушло два месяца, и ими оказались «общинники».

Симпатия двух групп основывалась не на идеологии (которая была совершенно разной), а на близости стиля, социально-психологической среды. Это были две классические неформальные группы, и когда неформальное движение оказалось на подъеме, они вышли на первый план.

Вспоминает лидер «Гражданского достоинства» В. Золотарев: *«Познакомившись на августовской встрече, мы подружились. Я понимаю, почему это произошло: их главный идеолог Андрей Исаев был очень похож на меня своей энергетикой. Мы нашли друг в друге схожие души и стали общаться. Другой лидер – Шура Шубин – был спокойней. Он, по-моему, и старше нас был»*^[125].

Были там и прикольные ребята. Словом, нам всем друг с другом было хорошо, и различие во взглядах нам не мешало. Мы были единственными на этом поле, кто был равен друг другу по тому внутреннему потенциалу, который Гумилев называл бы пассионарностью»^[126].

Внутреннее строение двух групп тоже было очень близким. В. Золотарев рассказывает о своих товарищах по «Гражданскому достоинству»: «Они не признавали меня лидером, хотя де-факто я им был. (Тогда даже писали: „Гражданское достоинство“ Виктора Золотарева»..) Например, Толя Папп, который был намного старше, не мог не оценивать критически некоторые проявления моей

экспансивности. (Речь идет о том, что я постоянно во всем хотел принять участие, так как реально был лидером этого процесса.) И Шура Верховский по своей натуре был более раздумчив. Если возникала альтернатива: сделать что-то или не сделать, я заявлял: «Конечно, нужно сделать». А Шура говорил: «Нет, сначала это нужно обсудить». Так что и я ощущал себя лидером (и был таковым), и они себя ощущали лидерами (но не соревновались со мной в этом качестве). Они совершенно справедливо тоже считали себя отцами-основателями этого процесса, но при этом не проявляли готовности действовать так, как я. А вот моя сестра вполне соответствовала мне по уровню эмоциональности и даже порой превосходила. В ее биографии, например, есть эпизод, когда она на Арбате залезла на фонарь и стала оттуда кидать в толпу прокламации и что-то кричать. Изначально этот стиль был присущ мне. А они занимали критическо-резвомыслящую позицию»^[127]. Это – практически калька отношений между мной и Исаевым, которая помогала находить эффективные решения между его «авантюризмом» и моим «поссибилизмом».

Весной 1988 года в обеих группах созрел консенсус двух «фракций» о необходимости прорыва на улицу. Но не любого шумного выступления, а такого, которое запустит процесс массового общения, вовлекающего в движение людей с улицы.

ВТОРОЙ ПРИЗЫВ

ПОЯВЛЕНИЕ НЕОФИТОВ

ПОСЛЕ ТОГО КАК реформаторы в руководстве КПСС, воспользовавшись письмом Нины Андреевой, нанесли новый идеологический удар по консервативному крылу партии, начался прилив нового актива в неформальные организации. Начался, по выражению «общинников», «второй призыв в неформальное движение»^[128]. Неофиты 1988 года, которые уже в 1989-м стали ветеранами демократического движения, в массе своей меньше интересовались конструктивной программой преобразований общества. Идеологи федерации, чувствуя, что перед ними открылось благодатное поле для пропаганды, принялись убеждать новичков в правоте именно их идей, а не демократически окрашенных марксистско-ленинских стереотипов. Эта работа давала быстрые всходы в среде молодежи, но взрослые люди со сформировавшимися стереотипами отмахивались от идеологических построений и искали действия, которое может нанести «поражение бюрократам». Напрасно «общинники» убеждали второе поколение неформалов в том, что для преодоления бюрократии необходима сложная конструктивная работа по вытеснению управления самоуправлением. В общественном движении набирали силу стереотипы, распространенные в общественном сознании со времен начала перестройки: достаточно отстранить от власти нынешнюю бюрократию – некомпетентную и идеологически догматичную. В итоге на смену политическим неформалам придет популистское демократическое движение, ориентированное не на диалог (политические неформалы) или конфронтацию (диссиденты, будущие «дээсовцы») с номенклатурой, а на организационное слияние с «демократической номенклатурой». Вскоре начнется бурное формирование новых групп популистского типа, во многом спровоцированное организованной неформалами митинговой кампанией^[129].

Первые ручейки «второго призыва» потекли в неформальные организации уже в апреле, хотя многотысячный прилив последует в

ходе организованной неформалами митинговой кампании 1988 года.

ПОИСКИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ НИШИ

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ «ОБЩИННИКИ» продолжали поиск идеологической ниши, которая соответствовала бы разработанной ими системе взглядов. Принадлежность «Общины» к социализму не вызывала сомнений, но этот социализм был резко оппозиционен социализму, возникшему в СССР. Необходимо было найти самоидентификацию, которая ясно отличала бы «общинников» от марксистско-ленинской теории и практики. «Общинники» также искали традицию, которая могла бы подкрепить их идеи более длительной предысторией, дополнительными источниками и аргументами. Обсуждались самоназвания «эсеры», «неонародники», «социалисты-федералисты». Большой интерес по-прежнему вызывала традиция анархистской мысли. В это время «общинники» познакомились с первым человеком, который открыто называл себя анархистом – И. Подшиваловым из Иркутска. Одновременно стало известно, что в Пскове существует целая анархическая организация «Коммуна-1». Тогда возник проект объединения анархистов и людей, которые исследуют анархизм, в единое общество. Это позволило бы развивать анархистскую составляющую идей «Общины», привлекать в такое общество академических ученых (наиболее тесные контакты сложились у «общинников» с Н. Пирумовой и В. Антоновым), сохраняя за собой свободу идейного «маневра» в более широких левосоциалистических рамках. Сыграли роль и политические соображения – желание передвинуться с крайне левого фланга федерации в центр путем вовлечения в организацию более левого течения – анархистов. Появление анархизма на политической арене позволяло резко расширить границы реального плюрализма. Так возник проект Всесоюзного общества любителей анархизма в неформальном движении – «Воланд». «Воланд» стал одной из сотен инициатив, возникавших в неформальном движении и исчезавших без всякого продолжения^[130].

В начале апреля «общинники» съездили в Псков на Всесоюзный семинар по проблемам истории и теории анархизма, но вместо анархической организации обнаружили там рок-субкультуру, имевшую

мало общего с анархической идеей, хотя некоторые рокеры и называли себя анархистами. Лидеры «Коммуны-1» отсутствовали в городе, но ее представители разъяснили, что эта организация – коммуна хиппи. Рок-музыканты Пскова, включая «анархистов», с интересом выслушали доклады «общинников» о Бакуanine и Махно. Эта информация была для них новой. «Общинники» воочию убедились, что карикатурный образ анархиста как малокультурного человека, демонстрирующего это бескультурье в одежде и языке, может быть привлекателен для молодежной тусовки. Невнимание к этому первому опыту общения с контркультурным анархизмом будет иметь важные последствия в истории «общинного социализма». После анархо-синдикалистской самоидентификации движения массы контркультурной молодежи придут в организацию и вступят в конфликт с «общинными социалистами». Но в апреле 1988 года «Община» отказалась от проекта «Воланд»^[131].

В этот период социалистам удалось установить десятки разнообразных контактов с участниками социально-политических неформальных групп по всему СССР. Многие группы, с которыми удавалось установить практические связи, постепенно вовлекались «общинниками» в федерации. Такую же работу вел и Кагарлицкий. Усиливалось соперничество двух фракций в борьбе за влияние на «провинциальные» группы.

23-24 апреля «Социалистическая инициатива» провела межгородской семинар, на который «общинников» не пригласили. Кагарлицкий предложил принять документы от имени «стратегического семинара федерации». Когда «общинники» узнали об этом, они были возмущены – никто не давал Кагарлицкому права проводить в отсутствие части клубов «стратегический семинар» всей федерации. Лучше бы Кагарлицкий пригласил «общинников» – присутствующие на семинаре в качестве гостей либералы потрепали его за выпады против диссидентской прессы – «Гласности» С. Григорьянца (очевидно, «общинники» поддержали бы Кагарлицкого против Григорьянца). Кагарлицкий испытывал серьезные проблемы с кадрами. Его идеи поддерживали молодые люди, которые в итоге настоящими учениками Кагарлицкого так и не стали (Стас Розмирович, Ефим Островский и другие).

Вспоминает Б. Кагарлицкий: *«Эти ребята были очень сырые и интеллектуально зависимые от меня, в то время как „Община“ появилась уже очень хорошо подготовленной».*

Конкуренция между социалистами ослабляла их перед лицом общедемократической публики, охотно слушавшей сторонников капитализма и повторявшей слово «социализм», не вкладывая в него какое-то конкретное конструктивное содержание.

Весной 1988 года на неформалов обратил внимание уже и Горбачев. Он задался вопросом: они стали возникать «несмотря на наличие огромной сети общественных организаций, которые охватывают основные слои населения. Почему? Потому что существующие организации не удовлетворяют людей своей деятельностью, атмосферой, методами»^[132]. Неформалы ответили встречной любезностью – они решили воспользоваться обсуждением политической реформы в преддверии XIX партконференции, чтобы сформулировать развернутые программы преобразований, гораздо более конкретные, чем то, что можно было найти в речах Горбачева. Если Горбачев примет этот подарок – хорошо. Если нет – оппозиция сама будет бороться за реализацию сформулированных таким образом программ.

МАЕВКА

НА ЭТОМ ЭТАПЕ обе фракции стремились к сохранению ФСОК, которая имела уже относительно раскрученное название. По плану, согласованному на январской конференции, весной нужно было провести всесоюзную во всех отношениях конференцию. Утомленные тяжелыми переговорами с ВЛКСМ перед январской встречей и последующими разбирательствами, на этот раз социалисты решили не связаться с начальством. Погода позволяла вообще обойтись без помещения.

На 1 мая был назначен съезд (слет) федерации. Поскольку в Москве для форума такой организации нельзя было найти помещения, слет прошел под Москвой в лесу. Главная задача этого мероприятия заключалась в том, чтобы принять политическую программу и таким

образом окончательно превратить федерацию в реальную политическую организацию. В то же время ни «общинники», ни их союзники не считали необходимым вставать в резкую оппозицию к КПСС. Их стратегия заключалась в давлении на КПСС, рассчитанном на поддержку левосоциалистических сил в партии. Поэтому программные документы федерации получили название «Обращение к XIX партконференции» и «Возможные предложения перестройки в СССР». Однако «общинники» не скрывали, что «в виде обращения и предложений к XIX партконференции была принята радикально-социалистическая платформа перестройки»^[133].

«Общинникам» было важно совместить свои социалистические принципы и возможности создания широкого демократического блока. С этих позиций они рассматривали и программу федерации: «Твердо заявив свою социалистическую платформу в сфере экономики и политики, мы выдвигаем на первый план требования общедемократического характера: реальное обеспечение свободы слова и печати, свободы собраний»^[134].

На слет прибыло 118 делегатов из 39 организаций общей численностью (по данным делегатов) свыше тысячи человек. Еще несколько клубов федерации, в том числе такие заметные группы, как Красноярский комитет содействия перестройке и ленинградский «Форпост», не смогли прислать своих представителей. Масса делегатов прибыла в Москву и разместилась пока по квартирам.

Опять конкурировали две идеологические тенденции: «общинный социализм» и левый марксизм Б. Кагарлицкого. Над проектами документов работали в основном общинники (мы с Исаевым и Гурболиковым), близкий к нам А. Ковалев и вынужденный согласовывать чуть ли не каждый пункт Кагарлицкий. В итоге «общинный социализм» заметно преобладал. Федерация заявила, что добивается передачи предприятий «в полное распоряжение общинам (коммунам) – коллективам самоуправляющихся предприятий», создания полномочных территориальных общин (коммун) и «возрождения народовластия в форме Советов», строящихся по принципу делегирования^[135]. Развернутый вариант предложений подробно излагает применение принципа делегирования, федерализма и общинного самоуправления в политике и экономике. В целом эта программа соответствовала модели, подробно сформулированной

будущими «общинниками» еще весной 1987 года. Б. Кагарлицкому удалось убедить «общинников», работавших над проектом этой программы, что в общенациональном масштабе систему Советов необходимо дополнить парламентом в духе идей Р. Люксембург. «Общинники» приняли это предложение, но в остальном последовательно проводили свои выстраданные идеи федерализма Советов, делегирования и самоуправления. В программе нашлось место и радикально сформулированным общедемократическим требованиям, включая отмену паспортного режима, принудительного труда и репрессивных статей УК^[136]. Согласовав проекты документов (с небольшими поправками они потом и были приняты), нужно было собрать сам форум.

Слет решили провести в лесу недалеко от Дедовска 1-2 мая 1988 года. «Проводниками» стали каэспэшники, которые предложили хорошее место. Утром, смешавшись с массой дачников, делегаты сели в электрички и несколькими группами прибыли на место. «Органы» сумели вычислить место действия только к концу дня, когда принимать меры было поздно.

Разбив палатки, делегаты уселись на пригорке и стали слушать доклады. Идеологи представили программные документы, делегаты с мест рассказывали о своей работе. Основа документов возражений не вызвала, так как клубы федерации уже подбирались под определенный идеологический спектр. После компромисса ведущих идеологов полемика на самом слете касалась второстепенных вопросов, уточнения деталей будущих реформ. Некоторые общедемократические требования москвичей казались части активистов из провинции слишком радикальными (неограниченная свобода слова, служба в армии в регионах жительства). Не обошлось без протестов против «диктата центра», но при конкретном разборе претензий делегатов с мест разногласия удалось уладить. Разногласия можно было хоть до утра обсуждать в кулуарах у костров.

Вспоминает А. Исаев: *«Слет снимали и „Взгляд“, и киевский режиссер-документалист В. Оселетчик, так что у меня осталось от всего этого ощущение как от съемочной площадки».*

Вспоминает Ю. Московский: *«Появились власти, которые стали настойчиво рекомендовать покинуть район. „Почему покинуть? Что, уже и в лесу нельзя посидеть? У нас все аккуратно, лес не рубим, не мусорим“. Они помялись и ушли»*^[137].

Наутро пришли радикальные либералы и социал-демократ Жириновский, которые пытались громкими заявлениями срывать работу. Но даже Жириновского удалось вытеснить в кулуары. Тогда «общинники» открыли секретное оружие спора с Жириновским: просто нужно энергично и связно говорить одновременно с ним, не очень отвлекаясь на его аргументы, регулируя громкость голоса чуть ниже Жириновского. Тогда, если не прибегать к оскорблениям, он постепенно утихает и начинает говорить более спокойно.

После двухдневной дискуссии проект документов был принят большинством делегатов клубов федерации. Эта «лесная программа» имела впоследствии долгую историю. На ее основе создавались политические программы Альянса социалистов-федералистов, Конфедерации анархо-синдикалистов и Российской партии зеленых. Но основное значение события было в другом – впервые в СССР появилась легальная общесоюзная, независимая от КПСС политическая организация с собственной программой преобразований. Если считать общесоюзные политические организации времен перестройки партиями, то первая из них сформировалась в период между 23 августа 1987 года и 1 мая 1988-го.

Возвращаясь на железнодорожную станцию, «общинники» провели «пробную» демонстрацию с большим транспарантом, на котором золотыми буквами было выведено изречение Бакунина: «Свобода без социализма – это привилегия и несправедливость, социализм без свободы – это рабство и скотство». Вскоре этому транспаранту предстояло появиться на улицах Москвы.

В конце апреля, обсуждая перспективы федерации, «общинники» считали, что на ближайшем слете она станет настоящей организацией. Когда она будет создана, вокруг нее можно будет завертеть движение. Теперь неформалы-социалисты не были склонны ждать массовых социальных выступлений в связи с ростом цен. КПСС не решилась на опасные социальные реформы и, завершив формирование широкой

социалистической протопартии, можно было направить ее усилия на «пробивание демократии».

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЮЗ

8-9 МАЯ была создана вторая протопартия, которая в отличие от федерации назвалась партией – «Демократический союз». В оргкомитет партии, созданный в январе 1988 года, вошли участники семинара В. Новодворской «Демократия и гуманизм», группы «Доверие», часть членов клуба «Перестройка-88» и других групп. Партия, программой которой стала многопартийность как таковая, жестко критиковала тоталитарный режим КПСС, октябрьский переворот 1917 года и выдвинула наиболее радикальные формулировки либеральной программы.

«Освобождение от политического насилия и от жесткого политического контроля, от административных методов воздействия на различные социальные структуры должно привести к оздоровлению государственного организма в целом.

Сложившийся за 70 лет советский общественный строй характеризуется следующими реалиями: жесткой идеологической однозначностью, хронической бедностью населения, закрытостью общества, безраздельным господством партаппарата КПСС, преследованием инакомыслящих и бесправием народа.

Предлагаемые нами реформы приведут к замене этих реалий качественно иными: парламентской демократией, плюрализмом, свободной от бюрократического диктата экономикой с допущением частной собственности на средства производства и возможностью свободной агитации за иной общественный порядок.

Это не модификация общественного строя, это полное его преобразование; таким образом, «Демократический союз» ставит своей целью изменение общественного строя СССР»^[138].

7 мая на московской квартире собралось более 100 (53 с полномочиями) делегатов из 14 городов. Квартира была набита битком. В своем выступлении Новодворская заявила: «Политическая борьба должна быть бескомпромиссной. В этом можно брать пример у большевиков, у которых было одно достоинство: они никогда не шли на компромиссы со своим врагом – самодержавием».

«Это была их главная ошибка», – крикнул кто-то с места. Новодворская подчеркнула и отличие от большевиков: «Мы не возьмем оружие в руки», на что голос с места снова встрял: «Потому что у вас его нет!»

Впоследствии оппоненты «Демократического союза» в неформальном движении называли «дээсовцев» «белыми большевиками» за непримиримость, крайний словесный радикализм, неконтруктивность. «Дээсовцы» обижались на это сравнение, но в 1993 году в своих мемуарах Новодворская признала, что ее психология была близка именно большевистской.

Вспоминает Н. Кротов: *«Посреди комнаты стояла табуретка, они на нее залезали и выступали. У меня в записях было: „Выступает Новодворская. Выступает юрист из Москвы“. Это был социал-демократ В. Жириновский, который призывал действовать в рамках существующей конституции, но его не поддержали. 8 мая обсуждалась Декларация, но в споры вмешалась милиция. Явившись на квартиру среди бела дня, стражи порядка заявили, что делегаты мешают соседям спать, и потребовали очистить помещение. Присутствие американского телевидения спасло съезд от разгона. Но подальше от греха решили в третий день завершить съезд на даче у С. Григорьянца в Кратове. Приехав на место, делегаты обнаружили, что дача закрыта. Оказывается, Григорьянц дачу только снимал. Самого Григорьянца на месте не было, так как он был утром задержан в Москве. „Новодворская с Дебрянской начинают орать: „Все, пойдём штурмовать отделение милиции, освободим наших товарищей!“ Они почему-то решили, что Григорьянца задержали в Кратове. Тут встречается Жириновский:*

„Давайте без экстремизма, спокойно. Разделимся на две группы – одна идет выяснять в милицию, в чем дело, а вторая идет искать другое место. Погода хорошая, проведем заседание на полянке. Идите по обочине, чтобы нас не обвинили в том, что мы мешаем движению“. Я смотрю, делегаты, уставшие от истеричного женского руководства, стали группироваться вокруг него. Идут они, значит, по обочине, а тут на перекрестке мужичок стоит пьяненький. С депутатским значком. Жириновский подсказывает к этому депутату райсовета: „Вы – народная власть. Вся власть – Советам. Вы можете все! Дайте нам ключ от ДК“. Тот отвечает: „Да, я – власть“ и дает ему ключ. Под лозунгом „Решения XXVII съезда партии – в жизнь“ они продолжили первый съезд своей партии“^[139].

При обсуждении декларации Жириновский продолжил борьбу за демократию против диктатуры президиума. Он систематически вносил поправки, смягчавшие экстремизм документа. Например: убрать из фразы «КПСС вела народ путем преступлений и ошибок» слово «преступлений», ведь народ в большинстве своем преступлений не совершал.

Выборов органов партии не было, так как по предложению Дебрянской оргкомитет преобразовали в центральный координационный совет «Демократического союза». Такое поправление демократических норм вызвало протесты со стороны группы делегатов во главе с В. Жириновским, требовавшим полномасштабных выборов.

В голосовании принимали участие 30 человек. Пять «отцов-основателей» партии уже были задержаны милицией. Еще 18 делегатов не смогли присутствовать в Кратове. После бурной дискуссии о том, что, собственно, создается – политическая организация или партия, большинством в 17 голосов против 13 решили, что создана партия.

Вспоминает Н. Кротов: *«Часа через полтора врывается милиция. Нашли! И всех выгоняет. „Дээсовцы“ идут на станцию. И там Жириновский говорит: „А ведь мы не проголосовали за состав центральных органов.*

Новодворская и Дебрянская начинают орать, что у нас все выбрано, есть список из 20 человек. Жириновский возражает: мол, я и не против. Но нужно соблюсти демократическую процедуру. Делегаты соглашаются – давайте проголосуем. Подняли руки. Тогда Жириновский продолжает: раз уж мы проголосовали – вот еще тут у нас представитель рабочего класса, хорошо выступал, разумный парень. Давайте его тоже включим, чтобы был представитель от рабочих. Почему бы нет – проголосовали. А вот еще участник войны в Афганистане. Он хорошо понимает ошибочность курса. Давайте и его. Проголосовали и за афганца. Тогда новоизбранным не хочется быть неблагодарными, они говорят: „Вот, а у нас юристов нет“. Тогда проголосовали и за Жириновского. Так он стал членом их центрального координационного совета. Грамотно сработал. Но потом на Пушкинской раздавал визитки члена Социал-демократической партии Советского Союза“.

Жириновский и часть других меньшевиков в итоге не вошли в «Демократический союз». Уже через год Жириновский перековался в либерал-демократа, но предпочел приобрести партию под себя.

Итог исторического дня был ознаменован попыткой агитации на Пушкинской площади, но шесть новоиспеченных «дээсовцев» были оперативно задержаны милицией.

«Демократический союз» стал постоянным «политическим раздражителем», классическим образцом политического экстремизма времен перестройки, когда верхом экстремизма считалось не применение оружия, а демонстративное непризнание существующего режима и его законов. Принципы «Демократического союза» были просты и вполне соответствовали настроениям общедемократической общественности, но были сформулированы в шокирующей форме. Мероприятия этой партии превращались в потасовки с милицией, где «дээсовцы» демонстративно страдали – их били дубинками, арестовывали на 15 суток. Но, вопреки идеологии партии, режим уже давно не был тоталитарным, и за редкими исключениями через 15 суток оппозиционеров выпускали на волю.

КОНСТРУКТИВНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ

НИША СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ осторожно заполнялась клубами «Перестройка», лидером которых была московская «Демократическая перестройка». Немного отставая от федерации, она тоже решила презентовать свою политическую программу под видом «Демократического наказа» к партконференции. Суть документа лучше характеризует подзаголовок «Программные тезисы по перестройке политической системы СССР (пути к демократическому социализму)». Основу документа писали Л. Волков и О. Румянцев. Они закончили работу 3 мая, и 10 мая после внесения поправок активом документ был представлен на открытом заседании.

Будущие социал-демократы выступали за социализм, под которым помимо всего хорошего понимали отсутствие любых форм угнетения и насилия над личностью, сочетание «планомерного характера ключевых процессов общественного воспроизводства» и «рыночных механизмов»^[140]. Таким образом были воспроизведены основные положения социал-демократической утопии. Так же как и федерация, и «Демократический союз», и «Гражданское достоинство» (оно тоже выдвинуло свои общедемократические предложения к партконференции), «Демократическая перестройка» подробно изложила общедемократические и правозащитные требования. Но в программе «Демократической перестройки» были свои отличия – она выступила за сохранение партии как авангарда общества, но преобразованного в открытое политическое движение со свободой группировок.

Изюминкой наказа «Демократической перестройки» стал конституционный проект (второй в этом сезоне после программы федерации). Он предлагал введение поста президента, выборы Советов не только от территорий, но и от общественных организаций. Конечно, Л. Волков и О. Румянцев надеялись, что в парламент без выборов пригласят «видных представителей общественности». Но в аппарате КПСС идея пришла ко двору в ее более логичном варианте – на съезд народных депутатов без выборов были направлены представители официальных общественных организаций во главе с КПСС. Понятно, что предложения будущих социал-демократов в этой части не имели отношения к демократии. Выступая на заседании

«Демократической перестройки» 10 мая от имени «Общины», я раскритиковал это положение. Очевидно, что общественные организации могут выяснить, сколько граждан согласны с ними, только с помощью идеально честных выборов или делегирования. Проект «Демократической перестройки» и затем – партконференции предполагал назначение депутатов, то есть произвол власти при формировании представительных органов. С трибуны «Демократической перестройки» я рекламировал программу федерации как более логичную, критикуя попытку «демперов» смешать делегирование, территориальные выборы и корпоративное представительство официальных организаций. Разумеется, все остались при своем мнении. Будущие социал-демократы даже гордились тем, что конституционный проект партконференции в некоторых отношениях создает впечатление, «что „они“ у наших списали»^[141]. Когда «красная сотня» заняла свои места на съезде народных депутатов, социал-демократы уже старались не вспоминать о своих заслугах в конституционном строительстве СССР.

Разумеется, О. Румянцев этого не хотел, и по итогам полемики принялся совершенствовать свою модель. Он предложил «оформить механизм легального сотрудничества всех реформистских сил» в виде Собрания демократических сил в поддержку революционной перестройки»^[142]. Кого возьмут в это собрание, тот будет участвовать в диалоге и, возможно, даже в новом парламенте. Кого не возьмут – до свидания. Так делались первые ставки в игре, которая вскоре получит название «Народный фронт».

Так или иначе, 1-10 мая 1988 года завершился начальный этап формирования политического спектра – в стране возникли основы многопартийности. Новые политические организации не были партиями в классическом смысле слова, и поэтому их правильнее называть протопартиями.

Б. Кагарлицкий с полным основанием мог заявить:

«Мне кажется, что налицо уже не только плюрализм мнений, но и реальный политический плюрализм. Мы наблюдаем правовое становление спектра неформальных объединений, образования новых течений»^[143]. И дело было даже не столько в правовом становлении (внешней легализации),

сколько во внутреннем осознании неформалами важности независимого (от власти и от общественного мнения) идейного творчества.

Мир неформальных организаций 1986—1989 годов представлял собой своего рода модель демократического общества, в котором участники играли в большую политику, растрчивая энергию на борьбу за места в координационных органах, отстаивая каждый пункт политических программ с таким жаром, будто работали над проектом конституции. И в этом был политический смысл, поскольку неформалы вскоре научились выводить на улицы нешуточные массы людей, а их издания превратили гласность в свободу слова. Это был беспрецедентный тренинг, когда сотни будущих политических лидеров, журналистов, общественных активистов за считанные годы освоили политическую культуру обществ с давними политическими традициями.

Проделав организационную и идеологическую работу в начале мая, неформалы поставили в повестку дня переход к политическим действиям. И такая возможность вскоре представилась, а во многом была создана самими неформалами.

ГЛАВА ШЕСТАЯ УЛИЧНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

НА ПУТИ К УЛИЧНЫМ ДЕЙСТВИЯМ

ЭКОЛГИЯ И ПОЛИТИКА

В 1986—1987 ГОДАХ перестройка, а с ней и судьба неформалов, зависела от доброго слова партийных реформаторов. В первой половине 1988-го неудовлетворенность населения первыми итогами реформ стала переходить в новое качество. Несмотря на заявления с высоких трибун, вся власть на местах оставалась в руках достаточно консервативных аппаратчиков, и активная часть населения связывала неудовлетворительные результаты реформ с сопротивлением бюрократии. Если бы реформаторы перешли к рынку уже в 1988 году, как и следовало из логики реформы 1987-го, то они, возможно, столкнулись бы с консервативным социальным протестом, которому неформалы-социалисты попытались бы придать демосоциалистическое звучание. Но поскольку следующий этап социально-экономических реформ задержался на несколько лет, массовое недовольство продолжали вызывать старые структуры партократии. Ослабевала вера в то, что прогрессивные силы в КПСС смогут сами добиться перемен к лучшему. Весной в Астрахани и Южно-Сахалинске прошли массовые митинги против первых секретарей обкомов. Но значение локальных выступлений всегда меньше, если протест не переносится в столицу.

В начале 1988 года московские неформалы пришли к выводу о необходимости инициировать массовые демократические политические манифестации, в которые будут вовлечены не только сами неформалы, но и люди, прежде не принадлежавшие к оппозиции. Копившееся в обществе недовольство торможением реформ могло, по мысли лидеров движения, быть канализировано в эту кампанию и оказать воздействие на политический курс.

До мая 1988-го политические неформалы были «страшно далеки от народа». Это было важнейшей проблемой, от решения которой зависело, смогут ли они вообще что-то изменить в ходе событий.

Оставаясь в рамках закона, нужно было признавать право авторитарного режима КПСС на монополию собственно политической

деятельности. Но и выйти за его рамки нужно было так, чтобы не оттолкнуть человека с улицы. Для того чтобы запустить цепную реакцию митинговой революции, нужно было провести такую акцию, которую власти хотя бы сначала не смогут разогнать.

Весной 1988 года власти не разгоняли тематически ограниченные, не общеполитические митинги экологов. Зеленые, которые тогда вызывали у партийного руководства наименьшие опасения, смогли выступить в авангарде уличной демократии. В марте прошел митинг защитников Битцевского парка. «Общинники» оперативно установили контакт с зелеными и стали распространять их информацию. 12 мая они приняли участие в скоротечном митинге экологической общественности перед Моссоветом. Чтобы митинг не разросся, власти пригласили собравшихся в здание Моссовета, на встречу с председателем исполкома В. Сайкиным. Участвовавшие в митинге и встрече «общинники» при поддержке зеленых развернули полемику с отцами города по поводу «временных правил», которые не дают экологам и другим гражданам демонстрировать свое мнение.

Вспоминает А. Исаев: *«Речь зашла о „временных правилах“. А мы тогда раскопали дореволюционную статью Ленина, где он выступал против любых ограничений на митинги и демонстрации. Что не надо никаких разрешений. И я просто вышел и это все зачитал. Они были поставлены в неловкое положение, и Прокофьев мне сказал: „Вы еще очень молодой человек, а уже большой демагог“. Это вызвало взрыв возмущения: почему чиновник оскорбляет общественность. Кто-то крикнул: „Ленин демагог?“ И тогда Прокофьев решил сыграть в демократизм и стал говорить, что Ленин – не догма. В некоторых вопросах он с Лениным не согласен. Вот, Ленин требует предоставлять помещения для митингов бесплатно, а почему бы не брать за это деньги?»*

Несмотря на готовность использовать имя Ленина в полемике с официозом, «общинники» в это время уже достаточно откровенно демонстрировали свою оппозиционность ленинской идеологии. Так, в

мае 1988 года «Община» публикует реферат работ Каутского о диктатуре пролетариата и ее перерождении в России.

Первый опыт выступления вместе с зелеными вдохновил «общинников» на подготовку массовой, уже чисто политической манифестации. И тут «общинники» сошлись во мнении с лидерами «Гражданского достоинства», которых мучила та же проблема.

Вспоминает А. Исаев: *«Ко мне подошел Витя Золотарев, с которым были хорошие личные отношения, и сказал, что хорошо бы провести какую-то уличную акцию. Решили собраться, попить чаю – по несколько человек от двух групп. Обговорили, как можно провести выступление».*

Сначала у «Гражданского достоинства» была идея затесаться в толпу и провоцировать тусовки, обсуждающие политику (позднее митинги часто превращались именно в такое действие). Но «общинники», которые уже участвовали в митинге зеленых, хотели чего-то более грандиозного, чтобы была возможность до появления властей привлечь максимальное внимание прохожих. Сошлись на том, что можно провести демонстрацию. Финальное место определялось традицией диссидентских выступлений – Пушкинская площадь. Там нашли удобное место перед комбинатом «Известия» (заодно и пресса из окон увидит, что творится). Здесь предстояло возникнуть московскому Гайд-парку. Маршрут прорабатывали в строжайшем секрете на местности.

Поскольку социальных поводов для выступления не было, то главным требованием несанкционированной демонстрации была сама свобода митингов как таковая, то есть отмена «временных правил». Предлагалось устроить свободу явочным порядком и уже в ходе митинга говорить, кто о чем хочет: излагать программы, обсуждать текущее политическое положение. А политическая ситуация как раз предъявила неформалам еще один повод для выступления – выборы на партконференцию.

В это время волну возмущения в среде демократической общественности вызвали махинации во время выборов на XIX партконференцию. КПСС все еще воспринималась как руководящая структура общества, а выборы на партконференцию – репетицией

выборов в парламент. «Трудно назвать хотя бы один московский район, где не были бы зафиксированы нарушения условий выборов, спуска вниз кандидатур, заваливание неугодных»^[144], – говорилось о XIX партконференции в воззвании «Социалистической инициативы». Впрочем, эта организация, несмотря на приглашение, не примет участия в демонстрации 28 мая.

«Общинники» относились к выборам на конференцию скорее как к поводу для критики КПСС. Недемократичность выборов доказывала недемократичность правящей партии. «Проталкивать» либералов было бессмысленно, так как те не взяли никаких обязательств перед оппозицией («общинники» встречались в это время с Ю. Афанасьевым, но переговоры кончились ничем).

Вспоминает В. Гурболик: *«Наше отношение к либералам-коммунистам перед митингами определялось фразой Ленина: „Пролетариат борется, буржуазия крадется к власти“.*

«Общинники» скептически относились к парламентаризму, но желание привлечь к демонстрации дополнительное влияние и оказать воздействие на ход борьбы в верхах сделали свое дело – одним из лозунгов демонстрации было: «Конференции – честные выборы!»

Другие лозунги были посвящены программе неформалов. «Цель акции заключалась в том, чтобы показать всему миру, что в СССР есть оппозиция со своими идеями, потребовать свободы для изложения своих взглядов».

Вспоминает А. Исаев: *«Учитывалось, что приедет Рейган, и может быть, нас не рискнут разгонять в этот день, хотя, конечно, попробуют отомстить потом. В последний момент выяснилось, что 28 мая, на которое мы назначили акцию, – день пограничника, и власти могут организовать нападение „пьяных погранцов“. Была прекрасная возможность нас отменить. В общем, опасений было множество. Но тогда Шубин занял очень твердую позицию – нужно выступать. Обратной дороги*

нет. И мы приняли историческое решение – выступить во что бы то ни стало».

Идея демонстрации вызвала открытый раскол в Федерации социалистических общественных клубов – «Социалистическая инициатива» отказалась участвовать в выступлении. «Когда мы с этой идеей выступили, то Кагарлицкий и Малютин выступили против:

Вспоминает В. Гурболик: *«Дело обреченное, опасное, этого делать не нужно». Интересно, что позднее, когда демонстрантов стали разгонять и бить, они вдруг проснулись и стали говорить, что нужно все же выходить».*

НАЧАЛО МИТИНГОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПЕРВАЯ МАССОВАЯ демократическая демонстрация 80-х была подготовлена тщательно и скрытно. В. Золотарев вспоминает, что разработка конспиративного плана начала демонстрации принадлежит «общинникам», которые «культивировали в себе конспиративность и играли в эту игру более основательно»^[145]. Участники скрытно собрались в трех местах, и в условленный час вышли на площадь перед Большим театром, где их ждали заранее оповещенные корреспонденты.

Вспоминает В. Гурболик: *«Видимо, власти не знали, где акция точно произойдет, и к Большому милицию не нагнали».*

С. Митрохин так описывал происходящее: «Дата 28 мая, уже славная именем Матиаса Руста, войдет в историю как праздник, имя которому – разгул демократии... 15.55. В сквере перед Большим театром собираются всевозможные неформалы... 16.00. По призыву организаторов (А. Исаева, А. Шубина, В. Золотарева) демонстранты деловито размещаются на ступенях Большого театра. Между колоннами ко всеобщему соблазну (а частично и шоку) развивается черное знамя Анархии с нашитой посередине красной звездой. На обозрение прохожих и многочисленных операторов (и оперативников)

выставлены плакаты с лозунгами: „Вся власть Советам!“, „Долой временные правила!“, „Социализм для народа, а не народ для социализма“, „Социализму – кооперативную основу“^[146]. Участникам раздаются листовки: «Общественно-политические клубы добиваются создания прочных правовых гарантий демократизации»^[147].

Со ступеней театра к собравшимся и случайным людям обратился А. Василицевский, который призвал всех принять участие в демократической демонстрации. Неформалы развернули лозунги.

Появилась милиция, принялась перекрывать выход к улице Горького. Но демонстрация вдруг «исчезла». Колонна примерно в 200 человек двинулась не прямо на улицу Горького, а через переулки. До выхода из переулков оставалось совсем немного, когда дорогу перегородили три милиционера с мегафоном. Офицер обратился с вопросом: «Кто старший?» Возникло замешательство. На амбразуру бросился В. Золотарев: «И тут я, воспитанный в наивных традициях, выхожу вперед и говорю: „Я – организатор“».

Они: «Вы – организатор?» Я: «Да». «Ну пройдемте» – говорят. В момент этого разговора кто-то дал толпе знак, и она начала обтекать нас: вышла на проезжую часть, остановила троллейбус (он тогда еще ходил по Пушкинской) и проследовала мимо нас вверх по улице»^[148].

Демонстранты запели «Варшавянку» и, пользуясь численным перевесом, обтекли милицейский заслон. Золотарева сначала повезли в отделение, но затем отпустили. Колонна вытекла на главную улицу столицы. Митинговая революция началась.

С. Митрохин продолжает: «Процессия тронулась в путь, являя притихшему обывателю центральных улиц весьма колоритное зрелище.

Впереди и по бокам колонны, ракообразно пятясь и невероятно извернувшись всем телом, роятся обладатели съемочной аппаратуры. Шествие возглавляет Андрей Исаев. Вкрадчиво вышагивая и немного пригибая голову, он сжимает в своих руках древко черной хоругви^[149]. Следом за ним, на соответствующем расстоянии от лидера пять или шесть человек несут красное полотнище с желтыми буквами: «Свобода без социализма – это привилегия и несправедливость, социализм без свободы – это рабство и скотство»...

Затем приступаем к своеобразному политическому бадминтону. Зычный голос назойливо выкрикивает (словно подбрасывая)

злободневное словцо в дательном падеже: «Перестройке!...» – и изготовившиеся партнеры парируют эту подачу немудреным и односложным «Да!!!» «Бюрократии!...» – «Нет!!!» – «Конституции!...» – «Да!!!» – «Временным правилам!!!...» – «Нет!!!»^[150]

Прохожие реагировали на это невероятное по тем временам действо по-разному, но весьма эмоционально. Одна женщина кричала: «В советское время – такое делают!» Бурно обсуждали, что значит черное знамя – не пиратское ли. Два ветерана присоединились к шествию со словами: «Вперед, ребята, как до Берлина!» По дороге демонстрация обросла случайными прохожими, которые шли немного сбоку, любопытствуя, чем кончится.

На Пушкинской площади состоялся большой по тому времени митинг – полчаса и около тысячи людей. Митинг стал началом серии еженедельных выступлений, продолжавшихся до 18 июня и известных как «Гайд-парк». С. Митрохин рассказывает: «Революционные ряды проследовали... в тупик, образуемый перемычкой между домом Сытина и издательством „Известия“. В этом месте демонстрация организовано преобразовалась в митинг, на котором выступали Исаев, Шубин, Золотарев, Василивецкий, Жириновский^[151], Фадеев, Аня Золотарева и Ася Лащивер. Выступавшие высказывали мнения о несовершенстве тезисов к партконференции, о демократии, о Рейгане и его крылышке, о политзаключенных и числе жертв сталинских репрессий, а также о целесообразности приходить сюда каждую субботу в 16.00...

Поначалу в толпу митингующих вклинился генерал милиции Мыриков, но, упреждая его намерения, манифестанты весело и бегло заскандировали: «Пе-ре-строй-ка, пе-ре-строй-ка». Генерал удалился, предоставив им возможность безумствовать до 17.00»^[152].

Настроение собравшихся хорошо характеризует выступление А. Золотаревой: «Господа, мне восемнадцать лет, но за все семьдесят лет я никогда такого не видела... Давайте споем „Интернационал“^[153]!

«ГАЙД-ПАРК» И СТРАНА

НА ТОМ ЖЕ МЕСТЕ, В ТОТ ЖЕ ЧАС

С ЭТОГО МОМЕНТА митинги в «Гайдпарке» стали проводиться каждую субботу. Темы выступлений были разнообразными – от текущей политической ситуации и программ реформ до событий в Новочеркасске в 1962 году. Здесь пропагандировалась идея «Народного фронта». На этих митингах выступали представители большинства столичных неформальных организаций, а среди слушателей были многие известные в будущем политики, включая В. Жириновского, С. Юшенкова, С. Станкевича^[154]. После самого митинга слушатели разбивались на множество групп и долго еще не расходились.

За организацию несанкционированных митингов «общинников» решили «проработать» по месту учебы. После первой демонстрации в парторганизации собрали совещание, куда «общинников» не пригласили, но они сами пришли. О предстоящем «разборе полетов» «общинникам» сообщил их учитель профессор В. Антонов, незадолго до этого выступивший в институтской малотиражке с таким мнением: «Община» оказалась ракетой, разрывающей задубелую атмосферу формализма, окутавшую жизнь студенческой молодежи»^[155].

Вспоминает В. Гурболик: *На партсобрании была продемонстрирована видеозапись демонстрации, видимо, сделанная органами, которая сопровождалась комментариями партработников. Состоялся такой характерный диалог. Парторг института Яшин: «Обратите внимание, это черное знамя!» Исаев: «С красной звездой! И обратите внимание – рядом красное знамя».*

При обсуждении «единодушного осуждения» не получилось. У организаторов обсуждения чувствовалась растерянность. А мы себя уже растерянными не чувствовали, объясняли, что мы не монстры».

На всякий случай комитет ВЛКСМ вынес организаторам акции предупреждение.

«В следующую субботу мы провели второй митинг, который прошел с ошеломляющим успехом и еще более феерично: о нем написали в газетах, его снимали телевизионщики из разных компаний, в том числе западных. Мы провели его уже с использованием мегафона... На этот митинг прибежал и Жириновский, который тогда уже был совершенно бесноватый. Он залез на соседнюю тумбу и стал кричать про нас: „Это – провокаторы! Это – провокаторы КГБ! Здесь – настоящий демократ! Я! Сюда слушайте!“ В общем, это мероприятие стало событием практически общесоюзного значения»^[156].

Организаторы первой массовой демократической демонстрации чувствовали себя героями. Уклонившихся от участия в демонстрации коллег по федерации они подвергли резкой критике в «Общине»^[157]. После того как все закончилось благополучно, «Социалистическая инициатива» и «Демократическая перестройка» стали участвовать в «уличной демократии». Однако размежевание имело продолжение и через полтора месяца привело к расколу неформального движения.

В. Золотарев вспоминает об изменении отношения к митингам лидеров «Демократической перестройки» и своих впечатлениях в связи с этим: *«Мы собирались на квартире у кого-то из них и обсуждали: нужно ли провоцировать власти или не нужно? Они нам сказали: „Нет, нет, нет! Митинг – это очень конфронтационная форма. Мы не пойдем“.* Но когда нас не разогнали и во второй раз, то они все-таки приперлись на третий митинг и встали рядом. Вперед, как всегда, полез самовлюбленный, как Нарцисс, Олег Румянцев. (Румянцев со своей компанией пришел на митинг, который мы организовали, с портретом Ленина, что для меня было абсолютно нетерпимо.) Я подумал: „Блин, у меня отнимают мое детище! Какого черта они здесь встали и красуются перед камерами?“^[158].

В «Гайд-парке» возник уличный «парламент» (от слова «говорить»), предвосхитивший парламентскую культуру России на несколько лет вперед. Говорили обо всем, что наболело и вызрело.

Разговор не был хаотическим. Митинг вели группы инициаторы, и президиум, расширенный за счет лидеров федерации, регулировал ход дискуссии. За президиумом стояла формировавшаяся на ходу новая организация – оргкомитет «Народного фронта», состав которой пополнялся уже за счет групп, сформировавшихся или вышедших на общественную арену в ходе митингов. Дискуссии в оргкомитете стали своего рода второй палатой этого парламента, где вырабатывались окончательные решения, озвучивавшиеся также на митингах.

Несмотря на то, что ораторы единым фронтом вели огонь по консервативному крылу КПСС, между старыми группами и неопитами также возникала полемика. Так, Е. Дергунов из группы «Федерация социального объединения» неожиданно для «общинников» выдвинул такую идею: «Мы считаем, что должна быть народная поддержка лидера революционной перестройки Горбачева. Именно поэтому мы сейчас выступаем с новой идеей временного введения президентства. С тем чтобы лидер революционной перестройки не мог быть свергнут, как, скажем, свергнут реформатор нашей партии, реформатор страны Никита Хрущев». Идея президентства, которая вскоре придется ко кремлевскому двору, противоречила идеям «общинников», и они вступили в спор на хорошо знакомом им историческом поле. Выступая следом, я заявил: «Если мы вспоминаем Хрущева, то надо вспомнить о том, что это – не только разоблачение преступлений сталинской эпохи, но и расправа над рабочими Новочеркаска, которые попытались бастовать. Поэтому, я думаю, мы должны отстаивать не фигуру, а какие-то принципиальные соображения. Сейчас, по нашему мнению, в обществе назрели такие преобразования, как децентрализация управления экономикой и обществом как таковым. Министерская система явно входит в конфликт с самоуправлением, которое провозглашается»^[159].

Многие выступавшие искали доказательства своих идей в исторических прецедентах. В. Золотарев так доказывал пользу митинговой демократии: «Если бы в 1979 году мы могли выходить на улицы, то власти не смогли бы втянуть страну в авантюру в Афганистане. Телекамера поворачивает на слушателей. Лица. Молча стоит Жириновский»^[160]. Учится пока.

Площадка перед «Известиями» стала местом встречи интересующейся публики не только Москвы, но и других городов.

Люди, побывавшие в «Гайд-парке», переносили прогрессивный опыт домой.

Вспоминает В. Гурболиков: *«По примеру Москвы митинги стали проводиться в других городах. Здесь мы установили контакты с ярославцами, которые тоже решили организовать „Народный фронт“. Меня пригласили в Ярославль, и я там выступал на митинге. Народ радовался, что „человек из Москвы приехал“, хотя я был совершенно никто».*

22 июня куйбышевская группа федерации «Перспектива» приняла участие в организации массового митинга перед обкомом. Протест был направлен против первого секретаря Муравьева. Все началось с того, что три парторганизации (университет, пединститут и аэропорт) отказали Муравьеву в доверии как делегату на партконференцию. Недовольные обкомом партийцы и неформалы из «Перспективы» создали группу в 30-40 человек, которая распространила листовки и созвала народ на митинг протеста. «Гайдпарк» перед обкомом продолжал действовать до июля, собирая по 200—300 человек, приучая людей к тому, что на митинги можно ходить и обсуждать там все, что наболело. Был собрано 5 тыс. подписей против Муравьева. 30 июля Муравьев ушел в отставку. Это стало первое «свержение» главы обкома в ходе митинговой революции. Оно показало неформалам их силу. В Куйбышеве начал формироваться «Народный фронт». «По сути дела создается новая, небывалая для советского сопротивления бюрократии ситуация: после кухонных споров и статей в самиздате появилась возможность теоретического осмысления живой практики борьбы... Бюрократия сильна только пассивностью масс („молодец среди овец“)... Поведение куйбышевской милиции явно определяется формулой: „Вам надо, вы и разгоняйте“^[161], – писал лидер «Перспективы» М. Солонин.

Увы, бюрократия быстро оправилась от первого шока. Она стала широко использовать репрессивный механизм против митингующих (хотя за три года перестройки он постепенно разложился). Однако М. Солонин оказался прав в том, что «существует какой-то „пороговый уровень“ (500—1000-2000 человек), выше которого разгон силами

обычных подразделений МВД и без применения оружия и техники становится невозможным»^[162]. С поправкой на порядок чисел это предположение оказалось верным – когда митинги стали достигать численности в десятки тысяч людей, их уже нельзя было разогнать без жертв. А жертвы означали серьезный политический кризис, падение авторитета реформаторов в стране и мире.

Возникал вопрос – как преодолеть пассивность масс. По мнению Солонина, широкие массы уже осознали противоречие интересов с бюрократией, но выходить из состояния пассивности будут не через борьбу «за» (экологию, цены, расценки, жилье и прочие жизненно необходимые вещи), а через взрыв возмущения «против» (особенно если действует, как это было в Ярославле, Южно-Сахалинске, Куйбышеве, фактор «персонификации ненависти»)^[163].

В соответствии с тем же механизмом возникнет и «персонификация добра» – выдвижение фигуры, которая отождествляет противостоянию злу безотносительно конструктивной программы. Именно в программном вакууме «общедемократических требований», возобладавших в 1990—1991 годы, возникнет возможность для подмены целей демократического движения. Наиболее гибкая часть номенклатуры, стремящаяся преодолеть свое отчуждение от собственности, получить свою долю капитала, поняла, что народный гнев можно направить против фракции конкурентов.

Но пока трещины в авторитарной системе были еще не очень велики, и порог в 1-2 тысячи демонстрантов был «преодолен» милицией. Митинги 4 и 11 июня прошли в обстановке «праздника демократии». Генерал МВД Н. Мыриков договаривался с организаторами прямо на месте, что они закончат к такому-то времени, и уходил. Только 18 июня милиция предприняла попытку разогнать «Гайд-парк».

РАЗГОН

Вспоминает А. Исаев: *«В ходе митингов почувствовалось некоторое напряжение. Ко мне подошел инструктор горкома партии Ландратов и сказал: „Ну, вы подайте заявку. Вы не думайте, что вам обязательно откажут“. Мы тогда принципиально отказывались*

подавать заявки, потому что считали временные правила неконституционными. Сейчас, уже зная аппаратные методы, я понимаю, что нас предупреждали несколько раз. Видимо, идти на этот разгон они не с самого начала решились. Но после того как мы все предупреждения последовательно отвергали, президент Рейган уже уехал, наступило 18 июня.

Мы, как всегда, начали выступать, забравшись на цветочную тумбу. После нескольких выступлений появился генерал милиции Мыриков, который потребовал от нас сойти с клумбы, а потом – разойтись.

А мы как раз собирались разойтись через десять минут. Но когда нам было предъявлено требование, то Витя Золотарев сказал: «Ребята, вы понимаете, что под давлением мы не можем разойтись».

Подчиниться требованию разойтись в этих условиях значило потерять лицо. Да и расходиться было некуда – войска МВД блокировали площадку. Лидеры лихорадочно обсуждали, что делать. Офицер милиции стал повторять в мегафон формулу, которая затем стала привычной: «Граждане, ваш митинг незаконен, расходитесь, не мешайте проходу граждан!» По наблюдению очевидца, С. Митрохина, «манифестация стала представлять собой некий архипелаг, омываемый тускло-мундирной голубизной милицейского моря»^[164].

Милиционеры произвели набег на трибуну митинга – тумбу, где теснились ораторы и плакаты.

Вспоминает А. Исаев: *«Милиция стала собираться все больше и больше, и раздался призыв прорываться к Моссовету. И мне тогда показалось, что это хороший выход – прорываться, а потом просто уйти с этого места и потом торжественно разойтись. И тут со стороны кинотеатра „Россия“ подъехали автобусы, и оттуда стал выгружаться милицейский полк. Это были молодые ребята, и все рядовые. Они шеренгой встали у нас по пути. Мы взяли за руки и пошли на прорыв. Уже был опыт прорыва армян через шеренги милиции. У меня была уверенность, что*

если поднапрям, то прорвемся. Милицейская шеренга к тому же не доставала до конца тротуара, и я стал разворачивать острие нашего удара на этот край. А милиционеры очень забавно стали пятиться вбок, чтобы не дать нам обойти фронт с фланга».

Ядро митинга с оставшимися плакатами и знаменами надавило на оцепление, скандируя «Жандармы!» Основная масса присутствующих на митинге людей пропустила свой авангард к милицейскому оцеплению и стала напирать сзади.

Вспоминает А. Исаев: *«Сзади наперли, мы надавили. Милиционеры сначала просто держались за руки, выступая в качестве кордона. Но потом последовала команда: „Закоперщиков выдерживать“. И нас стали выдерживать. Тут я почувствовал, что мои соседи, державшие меня под локти, как-то сразу ослабили руки. Тебе повезло больше – тебя выдернул Ильин из милицейских рук. А меня спасти никто не решился. Меня вытащили и препроводили в автобус. Минут через пять в этот же автобус внесли за руки и за ноги Дергунова, который кричал: „Обратите внимание, я не сопротивляюсь“. К окну подбежала сочувствовавшая женщина, которая спросила: „Что нужно сделать?“ Я почему-то ответил: „Позвоните прокурору!“ , хотя это было очевидно абсурдное указание».*

«Это был первый случай, когда на недээсовском мероприятии побили людей. Не то чтобы особенно били, но пинали ногами. (Немолодой матери одного из анархо-синдикалистов^[165] так ударили по ноге, что повредили ее.)»^[166] Тем временем демонстранты схватились за руки и стали петь революционные песни. Движение ядра остановилось, но давка продолжалась. Милиция пыталась выдернуть еще кого-нибудь. Доходило до потасовок. В конце концов силы охраны порядка отошли, оставив поле боя демонстрантам.

Но 12 активных закоперщиков были задержаны, и судьба их была неясна. Все зависело от того, как будут квалифицированы их действия – организация массовых хулиганских действий, сопротивление

властям (уголовные статьи) или нарушение «временных правил» (административные). Оставшиеся на воле лидеры повели демонстрантов к отделению милиции, где томились узники. Здесь состоялся новый митинг, но задержанных вскоре выпустили с повесткой в суд. Это был хороший знак – дело квалифицировали как административное, что было важным прецедентом на будущее.

Вспоминает А. Исаев: *«Нас с Аргуновым отвезли в отделение, где допросили. Довольно дружелюбно. Я подписал протокол, что участвовал в митинге и не подчинился требованию разойтись. Выйдя, я обнаружил, что у отделения происходит митинг. Причем в милиции меня попросили: „У нас тут детский сад рядом, вы не могли бы их попросить отойти“. Я попросил отойти, но в общем мы вскоре разошлись. Стало ясно, что речь пойдет не об уголовном, а об административном наказании.*

Все же мне грозило 15 суток, а это был период сессии, и партком получал законные основания осуществить свою мечту и исключить меня из института. Так что первое время я скрывался по квартирам друзей.

Мы тогда подали-таки заявку на проведение митинга. На совещании в Моссовете инструктор райкома В. Березовский мне сказал: «А что вы на суд не идете? Есть мнение, что наказание не будет суровым. Оштрафуют крепко, но сажать не будут». Конечно, опасения сохранялись, суд мог сказать, что он независимый. Не скажешь же, что мне Березовский обещал».

«Процесс» проходил с переполненным залом. «Мы четко проинструктировали свидетелей: мол, мы стали идти с площади, милиция нам не дала спокойно разойтись, сзади напирала толпа. Это толкование выучили человек восемь наших свидетелей. А свидетели обвинения были подготовлены отвратительно – видимо, они взяли первых попавшихся людей. И я тогда вошел во вкус такого адвоката. Когда свидетели обвинения выступили, я спросил: „Минуточку, а я могу задать вопрос?“ Судья меня спросил: „А зачем?“ – „Потому что у меня есть вопросы“. – „Ну

пожалуйста, задавайте“. Я стал задавать этим свидетелям однотипные вопросы: „Где я стоял? Был ли у меня плакат? Где был задержан?“ Все пять свидетелей дали разные ответы. Судья спросил: „Неужели это так важно?“ Говорю: „Конечно, важно. Ведь кто-то из них или они все говорят неправду“. Наступила гробовая тишина. Судья открыла протокол: „Отказался подчиниться... Это ваша подпись?“ Говорю, что подписал протокол в милиции под психологическим давлением, сейчас показания не подтверждаю. „Тогда 50 рублей“, – огласила приговор судья. Прямо тут в зале собрали 50 рублей, которые я заплатил в качестве штрафа».

«Общинники» были наказаны еще и по комсомольской линии. За «объективно провокационные действия» мы с Исаевым получили от комсомольского бюро института строгий выговор с занесением в учетную карточку. Это было последним предупреждением перед исключением из ВЛКСМ, что для 1988 года было чревато исключением из института.

Регулярные митинги на «Гайдпарке» к июлю прекратились. Власти приняли новый общесоюзный указ о митингах, который ужесточил требования даже «временных правил». Наказания резко возросли. Но процесс принял необратимый характер. «Митинг 28 мая и последующие три июньских по сути дела положили начало „Гайдпарку“ на Пушкинской площади. Потому что после них процесс политического общения самозапустился. На Пушкинскую стали приходить представители разных групп, давать (потом продавать) друг другу литературу. Параллельно с этим рос интерес к стенду „Московских новостей“. Все вместе это положило начало „Гайдпарку“, который просуществовал года два»^[167], – считает В. Золотарев.

В конце августа – начале сентября произошла новая вспышка конфронтации на Пушкинской, инициированная «Демократическим союзом». Общинники не одобряли конфронтационного стиля манифестаций, когда оппозиция не может излагать своих взглядов. Они приходили на манифестации «Демократического союза» и вели пропаганду на периферии митинга, тоже иногда попадая под раздачу (я

таким образом попал в КПЗ 5 сентября, но на суде сумел добиться оправдательного приговора).

Один из «общинников» П. Рябов так характеризовал значение летних событий: «Хочется указать на опасность развития кризиса в непредсказуемом направлении, когда людей прижмет окончательно, и они будут лишены возможности выходить на демонстрации по закону, они начнут погромы властей безо всяких законов... Гайд-парк не роскошь, а необходимый полигон и школа для роста демократических тенденций в обществе»^[168].

РЕВОЛЮЦИЯ, КОТОРУЮ ОНИ НАЧАЛИ

ПО ПОВОДУ ОЦЕНКИ событий конца 80-х – начала 90-х идет дискуссия. Для одних эти события – контрреволюция, но контрреволюция и революция ходят парой – одно без другого не бывает. Учитывая последовавшую за перестройкой экономическую деградацию, говорят о реакции. Но разруха – следствие значительной части революций, если не большинства.

В то же время можно выделить ряд черт, которые объединяют все классические революции, и не только их.

› Революция – это социально-политический конфликт, то есть такой конфликт, в который вовлечены широкие социальные слои, массовые движения, а также политическая элита (это сопровождается либо расколом существующей властной элиты, либо ее сменой, либо существенным дополнением представителями иных социальных слоев). Важный признак революции (в отличие от локального бунта) – раскол в масштабе всего социума (общенациональный характер там, где сложилась нация).

› Революция предполагает стремление одной или нескольких сторон конфликта к изменению принципов общественного устройства, системообразующих институтов. Далекое не всегда это – отношения собственности. Такими институтами и принципами могут быть религиозные идеи или система формирования элиты (например, номенклатура). Революция начинается, когда эти принципы меняются под давлением массовых действий.

› Революция – это социальное творчество, она преодолевает ограничения, связанные с существующими институтами разрешения

противоречий и принятия решений. Революция стремится к созданию новых правил игры. Она отрицает существующую легитимность (иногда опираясь на прежнюю традицию легитимности, как Английская революция). Поэтому революционные действия преимущественно незаконны и неинституциональны. Революция не ограничена существующими институтами и законом, что иногда выливается в насильственную конфронтацию.

Таким образом, революцию можно кратко охарактеризовать как социально-политическую конфронтацию по поводу принципов организации общества, преодолевающую существующую легитимность в ходе широкого социального творчества.

В России и СССР во второй половине XX века системообразующим был принцип формирования элиты – монополия на власть партии и бюрократии (номенклатуры), которые казались сиамскими близнецами. Почувствовав, что общество устроено не так, массы людей выходят на улицы и диктуют власть имущим свои правила игры.

События 1988—1993 года по накалу борьбы и массовости уличных выступлений не уступают, скажем, революции 1905—1907 года, а в отношении глубины перемен и превосходят ее. Так что после того как экономические реформы зашли в тупик, в 1988-м началась именно революция.

Что это была за революция? Слово «демократическая» слишком абстрактно, да и не получилось в итоге реальной демократии. Буржуазная? Но либералы (в собственном смысле слова – сторонники капиталистической системы) не преобладали в общественном движении до 1989-го. Собственно капиталистические требования влиятельными силами были выдвинуты только в 1990—1991 годах, и сам капитал до 1992-го был еще слаб, только формировался. Рано ему еще было играть роль гегемона революции. Даже кооперативы до 1989—1990 годов еще не носили чисто капиталистического характера. Так что можно говорить о буржуазном этапе революции только с 1990—1991 года. А вот каков был характер предыдущего этапа?

Если оценивать характер этапа революции по лидирующему социальному слою (гегемону), то в центре внимания окажется интеллигенция. С ней всегда беда – она начинает многие движения, вырабатывает идеи многих социальных слоев. Иногда и класса еще

нет, а интеллигенция уже объясняет его только складывающимся элементом, что они – класс со своими солидарными интересами. Соединение идей интеллигенции с интересами людей из различных социальных групп прежнего общества порождает новую классовую солидарность, осознание новой общности своих совместных интересов. Так начинает рождаться новая модель социальной стратификации. На смену классовых моделей нужно время. Какой из новых социальных интересов консолидирует себя быстрее, сможет найти компромисс со старыми социальными слоями, тот и одержит победу в данной революции, определит тот вариант социального устройства, который примет страна в последующие десятилетия. Возможных вариантов было несколько.

Либеральные организации были провозвестниками капиталистических преобразований и слоев (от мелкого до олигархического капитала). В 1987—1989 годы эти идеи отторгались обществом, и ценности демократического социализма доминировали в освободительном движении. Лишь в 1989—1991 годы верхи интеллигенции и часть номенклатуры перешли к поддержке либеральных капиталистических ценностей. Этот неожиданный маневр привел к резкому изменению соотношения сил, ресурсы буржуазного течения революции возобладали. Социалисты потерпели поражение.

Каков был характер движения неформалов, пока в оппозиции не возобладали либеральные взгляды сторонников капитализма?

Если рассмотреть события конца 80-х в широкой формационной перспективе, то они встают в ряд с 60-ми годами в странах Запада. Завершен переход от традиционного к индустриальному обществу. Восходящее развитие индустриального общества и социального государства достигло апогея, близится закат, переход к следующему формационному состоянию. Именно в такие периоды случаются революции, в марксистской традиции получили удачную приставку «ранне-». «Раннекапиталистические», например. Революции 1968 года на Западе и неформальный этап революции в СССР – это «ранние» революции. Они не создают новую систему, а лишь разбрасывают, внедряют элементы нового, открывают длинный марш к новому обществу. Раннекапиталистические революции XVI-XVII веков не

создавали капитализма, а служили стартовым выстрелом в забеге к нему.

Элементы новых отношений на Западе стали быстро развиваться именно после бурных шестидесятых. У нас, несмотря на развал, именно в ходе перестройки. Еще до появления компьютеров носителем новых отношений стала сеть неформалов. Если для наименования нового, грядущего общества допустимо введение и нового термина, то он должен включать в себя не только информацию, но и неформальность. Информационное и неформальное – информальное. Новые средние слои, вызревающие в недрах интеллигенции и других слоев советского общества, – информальные. Возможно, в будущем они сложатся в самостоятельный класс, некий информалиат. Тогда и революцию образца 1988—1990 годов можно назвать раннеинформальной^[169]. Это был восходящий этап гражданского движения, когда идеи, созвучные постиндустриальным задачам, звучали и на митингах неформалов, и в речах партийных реформаторов. Это был восходящий этап революции, который лишь в условиях распада СССР в 1991-м сменится нисходящим. Ранние революции, как правило, терпят поражение, сменяются реставрацией. Но это – первый импульс, несовершенный опыт. Тем важнее его знать и учитывать при последующем продвижении в будущее.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ ОРГКОМИТЕТ «НАРОДНОГО ФРОНТА»

ПРИГЛАШЕНИЕ В БОЛЬШУЮ ПОЛИТИКУ

НУЖЕН ФРОНТ

С ВОЗНИКНОВЕНИЕМ «ГАЙД-ПАРКА» неформалы превратились в фактор большой политики. На заседаниях Политбюро о неформалах говорили и раньше, но либо как о потенциальной опасности, либо как о лабораторном эксперименте. Теперь неформалы стали набирать численность, собирать толпы в километре от Кремля. Эксперимент вышел за пределы лаборатории, и, как показывают дальнейшие события, в любой момент могла начаться цепная реакция.

При всем стремлении быть самостоятельными неформалы были частью более широкого политического процесса:

Вспоминает Б. Кагарлицкий: *«Неформалы действовали по принципу: „реформы сверху под давлением снизу“. А какую более успешную тактику в этих условиях можно было предложить? И до 1990—1991 годов эта тактика была вполне оправданной, потому что еще не было видно, что элита переходит к либерализации».*

Казалось, что давление может быть успешным, если сложить относительно небольшие силы неформальных групп вместе. Поэтому одновременно с митинговой кампанией началась консолидация оппозиционных групп в широкое народно-демократическое движение.

Еще 9 мая, обсуждая перспективы взаимодействия Федерации социалистических общественных клубов и Всесоюзного социально-политического клуба с Г. Иванцовым, общинники заговорили о едином фронте социалистических сил. Слово «фронт» было на слуху уже месяц после начала «песенной революции» в Эстонии. Фронт ФСОК–ВСПК должен был обеспечить более широкий обмен информацией, взаимную солидарность групп, проведение общих акций, прежде всего против «временных правил». В начале мая Исаев написал «Принципы организации и деятельности Социалистического народного фронта» – что-то вроде расширенной федерации.

Начало митинговой кампании изменило конфигурацию грядущего объединения. Митинги привели к притоку свежей публики и созданию новых групп. При их подготовке «общинники» тесно сотрудничали с либералами из «Гражданского достоинства». Так что теперь фронт уже не рассматривал блок ФСОК и ВСПК (идея объединения этих двух сетей в единую социалистическую организацию сохранялась, но уже как отдельная от идеи «Народного фронта»). С началом митинговой кампании на Пушкинской площади пришел «сигнал сверху». Руководитель НИИ культуры В. Чурбанов, возглавлявший в Советской социологической ассоциации комиссию по проблемам самодеятельных объединений, предложил созвать конференцию неформалов. Партийные организации оказали этому мероприятию живейшее содействие, Г. Пельман дал понять, что вопрос курирует А. Яковлев.

Быстрота, с которой решались организационные вопросы, прежде пробивавшиеся с огромным трудом, показала, что манифестациями неформалы доказали свою дееспособность и теперь отношение к ним иное, чем зимой. Их, конечно, не столько боятся (всегда можно разогнать), сколько используют для создания какой-то организационной структуры «в поддержку перестройки». Но эта структура – уже не «приводной ремень» КПСС, как все другие официально признанные организации того времени, а как минимум «приводной ремень» реформаторов в КПСС. Это было привлекательно, тем более что внутренний плюрализм в «Народном фронте» позволил бы пользоваться ресурсами (например, помещениями и доступом к прессе), не «поступаясь принципами».

Повод для встречи избрали уже традиционный – составление наказа к XIX партконференции. Теперь это должен был быть объединенный наказ всех «конструктивных» неформалов («неконструктивными считались „Демократический союз“ и „Память“), что придавало ему более весомый статус, чем предыдущие наказания. Для самих неформалов, тоже по заведенной традиции, наказ должен был стать программой собственной организации – широкого фронта демократов.

НАРОДНЫЙ ИЛИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ?

5 ИЮНЯ форум демократической общественности открылся во Дворце молодежи. Как и в январе 1988 года, пленарное заседание превратилось в рекламные самоотчеты, рассчитанные на телевидение. Но в некоторых выступлениях звучали также принципиальные положения строительства новой организации, которые затем вызвали полемику и в кулуарах, и в самиздате.

М. Малютин заявил, что здесь собрались социалистические клубы, на что тут же возразил Д. Леонов, представлявший «Мемориал» и «Перестройку-88»: «Ни мы, ни ГД не рассматриваем себя как социалистические клубы»^[170]. Суть начавшегося размежевания отражает статья одного из лидеров «Демократической перестройки» П. Кудюкина, написанная по горячим следам форума 5 июня. Кудюкин критикует высказывание М. Малютина «демократия для всех есть буржуазная демократия»^[171]. Демократия «не для всех» – это не социалистическая демократия, а просто ограниченная демократия или просто авторитаризм. Человека, не приверженного социалистической идее, нельзя в чем-то убедить, опираясь на социалистические или коммунистические постулаты. Можно лишь принудить его к подчинению, опираясь на ресурсы авторитарной власти, которая сейчас называет себя социалистической.

При неопределенности понятия «социализм» для большинства участников движения оно становилось символом не определенной программы (как в федерации), а лояльности КПСС. Кудюкин предостерегает: «При неопределенности понятия „социализм“ мы рискуем, что к нам присоединятся политические циники»^[172]. Им все равно, что записано на знаменах – демократический социализм или просто демократия. Они ориентируются не на принципы, а на конъюнктуру. Это предостережение оправдается на примере аппаратного ядра будущего «Народного фронта», которое сначала будет «отсекать» несоциалистов, а затем перейдет в «Демократическую Россию» – уже антисоциалистическую организацию.

Как правильно заметил С. Станкевич, «весь руководящий актив „Демократической России“ вышел из „Московского народного фронта“. Они сначала перетекли в МОИ, а затем в „Демократическую Россию“.

П. Кудюкин разводит две задачи, которые опасно смешивать при создании «Народного фронта».

› «Насущная задача нашего дня – борьба за демократию, которая может слиться, а может и не слиться с борьбой за социализм.

› «Народный фронт», по историческим аналогиям, общедемократическое движение, целеполагание же на демократический социализм делает его скорее зародышем социалистической партии (что, конечно, тоже нужно)»^[173].

Концепция «Общины» была близка к этой постановке вопроса, хотя «общинники» и считали необходимым бороться одновременно как за социализм (его в СССР еще не было), так и за демократию. С их точки зрения, нужно было укреплять две разные, но пересекающиеся по членству организации – социалистическую федерацию и общедемократическое движение – «Народный фронт». Во фронте сильная социалистическая струя обеспечивается не формальными правами, заранее закрепленными за социалистами, а фактическим влиянием работоспособного ядра, прежде всего «фсоковского». Но тогда социалистическое ядро, так же как либеральное, демокоммунистическое и общедемократическое ядра, должно иметь собственную организацию внутри «Народного фронта».

Таким образом, уже 5 июня стало выясняться, что некоторые социалисты дальше от «общинников» и социал-демократов, чем либералы. Либералы из «Гражданского достоинства» были людьми дела, которые вместе с «общинниками» вышли на площадь. Лидеры «Социалистической инициативы» все еще боролись за место учителей общественного движения, их соперничество с «Общиной» в федерации нарастало. Теперь возник вопрос о том, каким быть «Народному фронту», и каждая из сторон видела в новой организации решение не только общедемократических, но и собственных проблем. Общедемократический «Народный фронт» позволял «общинникам» оказаться в центре социалистическо-либерального блока, сотрудничать и с коллегами по федерации, и с либералами. К этому времени «Община» доминировала и в федерации. Приток новых людей, еще политически неопытных, проникнутых шестидесятническими марксистско-ленинскими стереотипами, насаждавшимися в это время либеральной прессой, позволял доминировать именно лидерам марксистского крыла Б. Кагарлицкому и М. Малютину. Таким образом,

возникал соблазн просто растворить федерацию в «Народном фронте СССР», где соотношение сил удачнее для марксистов в силу популизма новой организации.

Но популистская волна переменчива и склонна к поддержке простых решений. Любые конструктивные программные построения, не защищенные отдельной организацией, размываются толпами неофитов, прибывающих с каждым потеплением политической ситуации. Эти волны привержены идеям «прорабов перестройки», имеющих доступ к СМИ. Отсюда быстрый переход популистского движения на антисоциалистические позиции вслед за «либеральными коммунистами» в 1989—1990 годах.

Сами «прорабы перестройки» уже приглядывались к массовке. 5 июня Ю. Афанасьев, посетив форум, назвал его «прообразом социалистической демократии».

Некоторые ораторы выступали на форуме в тональности «сейчас или никогда!» Е. Дергунов («Федерация социального объединения») утверждал: «Может произойти в любой момент переворот, и вы можете пойти в психбольницы и в тюрьмы. Этот переворот может быть вызван национальными волнениями с введением чрезвычайного положения!»^[174] Часть неформальных ветеранов также подстраивались под популистскую тональность. О. Румянцев задавался вопросом: «Кто руководит нашим обществом? Те, кто голосовал за брежневские наказания, кто не извлек уроков после Чернобыля, кто устроил судилище против Бориса Николаевича Ельцина... Цель перестройки – демократический социализм»^[175]. Однако словосочетание «социализм» частью социал-демократических неформалов воспринималось как ритуальная дань лояльности, и разве что «общинники» делали из него конкретные политические выводы о борьбе на два фронта – и против коммунистической бюрократии, и против капиталистического перерождения. Сторонник американизации В. Фадеев с неприязнью вспоминают об эффекте выступления А. Исаева: «Напоследок анархистствующий юноша, поправив на носу очки, огорошил всех предостережением, что наша страна скоро превратится в сырьевой придаток Запада»^[176]. Большинство присутствующих такой угрозы не видело.

Участники форума разошлись, но только на время. 12 июня они должны были собраться снова, чтобы обсудить «Общественный

наказ», составленный на основе выступлений делегатов. Для его составления была создана редакционная комиссия, которая одновременно стала инициативной группой, а затем организационным комитетом по созданию «Московского народного фронта»^[177].

7 июня оргкомитет «Московского народного фронта» начал обсуждать формы новой организации. События развивались так быстро, что неформалы рассматривали московскую организацию как часть «Народного фронта СССР». Не вызывало сомнений, что как в Москве, так и во многих других городах возникнут массовые организации. Предполагалось за лето договориться с большинством неформальных групп страны, с которыми уже есть контакты. Чтобы привлечь как можно больше организаций, перед «Народным фронтом» ставились относительно скромные задачи: «Представительство неформалов, координация и информация». Встал вопрос: кого приглашать во фронт? А. Шубин дал историческую справку: «Народный фронт» – коалиция демократических сил в самом широком значении этого слова, от демократических коммунистов до демократических либералов. Приглашать нужно по принципу: «силы, которые могут договориться между собой».

Однако М. Малютин возражал: «Не надо искать союзников правее, то есть тех, кому не нравится социализм». Это значило отсеять от «Московского народного фронта» часть активных групп, которые де-факто в нем уже участвовали, либо добиться их включения во фронт в качестве членов «второго сорта», поступающих идеологическими принципами ради участия в общей организации.

Сторонники социалистической идентификации мотивировали свою позицию не только (и не столько) принципиальными соображениями, сколько стремлением получить статус, что для социалистической организации будет легче. В. Пономарев даже полагал: «Если не зарегистрируют, то „Народный фронт“ бессмысленен». Ему отвечали, что власти как раз уже согласны на общедемократическую организацию: «Властям наплевать на социализм. Чурбанов пригласил весь спектр».

9 июня прошли переговоры с кураторами в НИИ культуры. Неформалы пытались пугать аппаратчиков: активность масс растет, и чтобы она была регулируемой, срочно нужен «Народный фронт».

Представитель МГК А. Силаев ответил: «Сложная обстановка в городе из-за антисоциалистических групп»^[178].

НОВАЯ ВОЛНА

СООТНОШЕНИЕ СИЛ в оргкомитете «Народного фронта» менялось еще и потому, что в него вступали представители новых групп, осваивавшие азы политики в «Гайдпарке». Они были настроены не на дискуссии о конструктивной программе, а на действие. Под действием понималась все та же правозащитная работа, которую старые группы вели уже как минимум с 1986 года.

Почти сразу между стариками и неопитами начались трения. Новые участники движения хотели дела, а не идеологических обсуждений.

С. Станкевич, наблюдавший неформальное движение с 1987 года, а теперь, 4 июня, организовавший вместе с Георгием Гусевым группу «Народное действие», вспоминал о дебюте своего товарища на политическом поле: «Идея Гусева – нужно действие, воздействие на бюрократов конкретно. Его привел Иванцов в подвал „Факел“, где проходила лекция. После нее Гусев изложил свою программу – помощь людям, судиться с партократами. Шубин сказал, что не нужно создавать нового, и так много групп. Пора консолидировать силы. Гусев тоже был за консолидацию, но иного рода: „не нужно идеологических дискуссий, они не важны“. В „Народном действии“ помимо Станкевича тусовались и будущие аппаратчики „Демократической России“ – Шнейдер и Боксер.

Ярким явлением был «философмарксист» А. Федоровский. Только что появившийся на общественной арене, он немедленно стал претендовать на лидерство в «Народном фронте». Его первые действия стали вызывать раздражение старых групп. Сразу после форума 12 июня была распространена листовка от имени «Народного фронта», на которой значились координаты Е. Дергунова (Федерация социального объединения) и А. Федоровского. Листовка приписала инициативу создания «Народного фронта» Федерации социалистических общественных клубов и философским клубам «Единство теории и практики марксизма-ленинизма», о которой в оргкомитете узнали из этой листовки. По версии листовки, начало создания «Народного

фронта» провозглашено на собрании 500 человек из 40 организаций^[179]. На самом деле Дергунов знал о том, что за создание фронта проголосовали представители 18 объединений, и никаких «философов» среди них не было. Это видно из статьи Е. Дергунова, вскоре опубликованной в самиздате^[180]. Так что выпячивание роли философмарксистов исходило, по всей видимости, от философа Федоровского. Листовка была воспринята как попытка неопитов приподнять свой авторитет. Но в горячке июньских событий старики сочли этот симптом случайностью, следствием политической неопытности. Тем более что Федоровский, Дергунов, Гусев и другие новички активно включились в работу.

Были и другие персонажи, в тот момент внушавшие куда большие опасения. Разочаровавшийся в «Памяти» ее бывший активист А. Яцковский, который теперь вошел и в ФСО, и в «Народное действие», заявил о начале формирования охранных отрядов фронта и стал призывать к решительной силовой борьбе. Вскоре после этих событий он тоже исчезнет, ничего заметного, слава Богу, не создав. Венцом его охранной деятельности стало стаскивание с трибуны одного из ораторов на заседании оргкомитета уже после его раскола. В конце июля Яцковский был изгнан из рядов «фронтвиков» за антисемитизм.

Активистов старых клубов смущало то, что редко удавалось встретить более чем двух-трех членов новых клубов. Но они получали такое же представительство в оргкомитете, как и группы, доказавшие свою работоспособность. Так возникла проблема представительства. Неформальные организации имели непроверяемую численность. Более того, работоспособность организации не зависела от формальной численности. В июне казалось, что в «Народный фронт» вот-вот пойдут тысячи граждан. Но этого не произошло. Группы делились на старые, которые уже что-то доказали своими действиями, и новые (иногда – сверхновые однодневки), которые могли только обещать, что что-то совершат в будущем. Численность тех и других не поддавалась учету.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ НАКАЗ НЕФОРМАЛОВ

12 ИЮНЯ в ДК «Энергетик» собралось завершающее заседание форума по составлению «Общественного наказа». Обсуждение стало

более камерным – в центре внимания был текст наказа. Несмотря на многочисленные идеологические разногласия присутствовавших в зале людей, 12 июня жесткого противостояния не было.

Вспоминает В. Прибыловский: *«На сцене шла борьба вокруг слова „социалистический“. Верховский старательно штопал компромисс. „Общинники“ защищали слово „социализм“, но тоже стремились к компромиссу. Исаеву слово было очень дорого, но желание объединить всех – дороже. Поэтому оно где-то осталось в одном месте, а в двух исчезло». Остался демократический социализм на видном месте – он возглавлял перечень лозунгов, завершавших наказ.*

После выяснения «социалистического» вопроса дело пошло легче. Подробно обсудили правовые формулы общедемократического характера. Несмотря на то, что выступавшие довольно эмоционально обвиняли комиссию в отсутствии тех или иных положений, высказывавшихся раньше, обсуждение было конструктивным: редакционная комиссия включала в текст почти все предложения. Получился свод демократических и правозащитных требований, который с теми или иными вариациями повторялся в программах демократических движений и партий до 1991 года.

В наказе говорилось: *«Преобразовать партию из организации, управляющей от имени народа при помощи переродившейся касты партократов, в действительно политическую организацию; для этого она должна быть полностью лишена властных функций, передаваемых в Советы и органы государственного управления, что должно найти отражение в законе о партии. Статья 6 Конституции должна быть соответствующим образом изменена... Вся полнота власти должна быть передана Советам... Рассматривать становление подлинного самоуправления на производстве в качестве главной стратегической задачи реформы в духе демократического социализма». В тексте было и разделение КГБ на три*

ведомства, и политическая амнистия, и полный набор гражданских свобод. От документов «Демократического союза» «Общественный наказ» принципиально отличался экономическим разделом, отданным на откуп «Общине». Зал проголосовал за ее экономическую программу: «Создать при Советах различных уровней органы, координирующие экономическую деятельность предприятий соответствующего подчинения. Эти органы должны состоять из представителей советов трудовых коллективов координируемых предприятий.

Советы трудовых коллективов комплектуются из делегатов советов цехов и распоряжаются фондами предприятий.

Советы цехов комплектуются из представителей бригад и распоряжаются фондами цеха.

Необходима постепенная ликвидация государственного заказа.

Считать целесообразным передачу земли стабильно убыточных колхозов и совхозов в бессрочную аренду сельскому населению».

«Общинники» были очень довольны – наконец их экономическая программа получила всеобщее признание демократов. Увы, торжество было недолгим. Вскоре выяснилось, что большинство неформалов просто не желают вникать в экономические тонкости.

«Община» выступила и представителем экологического движения – с наказ вписали его важнейшее на тот момент требование: «приостановить строительство объектов, не прошедших экологической апробации».

Наказ завершался лозунгами, которые объединяли большинство инициаторов «Народного фронта» и были хорошо понятны всем (хотя каждый понимал их по-своему):

«Да здравствует демократический социализм!»

«Да здравствует единство прогрессивных сил коммунистической партии и широкого демократического движения!» «Да здравствует революционная перестройка!»^[181].

Конференция приняла «Принципы организации и основные цели „Народного фронта“, сформулированные в абстрактно-демократическом стиле и не упоминавшие социализма.

На митингах «Гайд-парка» развернулась агитация за «Народный фронт» как перспективу массового движения. Де-факто в стране возник единый фронт неформальных политических организаций (кроме «Демократического союза» и «Памяти»). Но его сразу же стали раздирать разногласия. Вскоре после конференции Г. Пельман высказал опасение, что «Московский народный фронт» может стать «комсомолом для взрослых»^[182]. Каково будет место новой организации в политической жизни страны? «Массовка» беспартийных в поддержку Горбачева (опасение Пельмана)? Самостоятельная общедемократическая организация с сильными и автономными социалистическим и либеральным крыльями (концепция «Общины» и «Гражданского достоинства»? Ядро социалистической партии вместо федерации (концепция «Социалистической инициативы»? Общедемократическая организация, замкнутая на поддержку либеральных коммунистов (концепция либералов Клуба социальных инициатив)?

РАСКОЛ «ФРОНТА»

ЭСКАЛАЦИЯ КОНФЛИКТА

ПОСЛЕ КОНФЕРЕНЦИИ противоречия в оргкомитете «Народного фронта» нарастали по двум линиям. С одной стороны, между сторонниками узко-социалистического и общедемократического характера фронта (вторые придерживались как либеральной, так и социалистической идеологической ориентации). С другой стороны – защитники широкой автономии клубов и приверженцы обязательности решений оргкомитета для всех организаций, входящих в «Московский народный фронт».

14 июня оргкомитет снова обсуждал, вносить ли «социализм» в документы. «Община» настаивала, что нужно объединить прежде всего людей дела. Но неофиты, вроде бы выступавшие именно за дела, настаивали на слове. «Общинники» не уставали подчеркивать, что они – социалисты, но социалистическая организация уже есть – федерация. Нельзя растворять его в общедемократическом движении.

При этом представители обоих течений воспринимали фронт как фактически общедемократическое движение. О. Румянцев говорил тогда: «Основные позиции „Народного фронта“, которые предполагают единство его действий, – это досрочные перевыборы Советов по программам, свобода слова, свобода союзов, свобода собраний»^[183]. Это – набор общедемократических требований, в которых «нет ни грана социализма». Оргкомитет «Народного фронта» де-факто существовал как общедемократическая организация.

В обеих фракциях были и принципиальные социалисты, и люди, равнодушные к социалистической идее, и ее противники. Отличие заключалось в том, что несоциалисты из большинства считали нужным до поры продолжать «социалистическое крышевание».

Вспоминает С. Станкевич: *«Сначала был спор, можно ли включать несоциалистические группы. Решили, что можно, и они вошли. А затем начался спор о том, упоминать ли социализм в оргпринципах, и*

несоциалистические группы стали настаивать, что для них принципиально, чтобы не упоминать. Мы же говорили, что для нас упоминание социализма столь же принципиально».

21 июня группы большинства проголосовали за социалистический характер фронта. Но либералы остались. Разногласия по этому пункту не оказались роковыми, оргкомитет еще можно было сохранить в прежнем составе.

Отношения резко обострили организационные разногласия, связанные с завершением кампании на «Гайд-парке». После разгона 18 июня перед неформалами встал выбор: встретить партконференцию конфронтацией на улицах в стиле «Демократического союза» или продолжить агитацию, достигнув какого-то соглашения о легализации «Гайд-парка».

Власти также были настроены против эскалации конфликта с социалистами – единый фронт неформалов от «дээсовцев» до «Народного фронта» мог устроить массовые столкновения, что в преддверии партконференции имело бы непредсказуемые последствия – скорее всего усилило бы позиции консерваторов.

21 июня завсектора агитации и пропаганды МГК В. Ландратов пригласил для переговоров А. Исаева – в МГК знали, что всю эту кашу заварили «общинники» и «Гражданское достоинство», поэтому и переговоры нужно вести с ними. Ландратов объяснил, что МГК не заинтересован в новом разгоне, но согласиться на спонтанную митинговую активность тоже не может. Возникла идея переноса «Гайд-парка» в новое место, не столь приближенное к центру. Например, ко Дворцу молодежи. 22 июня переговоры продолжились в Моссовете, у секретаря совета Прокофьева. 24 июня план переноса «Гайд-парка» согласовывался властями с лидерами «Общины» и «Гражданского достоинства». Было решено, что на Пушкинской площади будет выставлен пикет с мегафоном, который перенаправит публику, проходящую на митинг, к новому месту. Очевидно, это даже увеличило бы количество митингующих – собрались бы и завсегда на Пушкинской, и случайные люди у Дворца молодежи – место людное. Неформалы не знали, что чиновники водят их за нос.

Власти тем временем устроили разводку, начав переговоры одновременно и с А. Даниловым из другой фракции оргкомитета.

Заместитель прокурора Москвы М. Чернов сообщил ему, что если митинг на Пушкинской будет вполне лоялен, то его разгонять не будут. Данилов с готовностью дал гарантии от имени оргкомитета^[184]. Зампрокурора сообщил Данилову, что «Община» и «Гражданское достоинство» почему-то согласились перенести «Гайд-парк» с Пушкинской площади ко Дворцу молодежи. А. Данилов был возмущен такой узурпацией прав оргкомитета (от имени которых только что тоже дал беспрецедентные обязательства). Полон благородного возмущения, Данилов поспешил на заседание оргкомитета.

Это заседание 24 июня знаменовало собой те перемены, которые привнес в оргкомитет быстрый рост за счет новых и сверхновых групп и микрогрупп: «матерые фронтовики попали в окружение лиц сколь юных, сколь и незнакомых. Меня поразило отсутствие ветеранов»^[185], – рассказывал о своих впечатлениях В. Игрунов. Ветераны демонстрации 28 мая были заняты на переговорах, а Кагарлицкий в этот день держался в тени, выдвинув вперед «социнициативщика» В. Пономарева, известного своей склонностью к процедурным спорам. Его фраза «у меня есть поправка к поправке» стала крылатой для характеристики процедурных споров неформалов. В. Игрунов продолжает: «В. Пономарев, в местнических счетах ранее занимавший неприметное место, уверенно взял бразды правления в свои руки»^[186]. Но и ему приходилось нелегко – квартира А. Федоровского, где проходило заседание, была битком забита людьми, которые практически не знали друг друга. Человек 60 утверждали, что кого-то представляют (хотя в оргкомитете числилось втрое меньше групп).

Тут на заседание прибыл член этой группы А. Данилов, который потребовал слова для экстренного сообщения: «Община» и «Гражданское достоинство» сдали площадку на Пушкинской и решили перенести митинги ко Дворцу молодежи. А он, Данилов, так замечательно договорился о сохранении «Гайд-парка» на Пушкинской в новом формате – с согласованным списком ораторов и речами без экстремизма. Когда Данилов заканчивал речь, на заседание подошли лидеры «Общины» и «Гражданского достоинства». Они изложили свою версию соглашения. Противники ошарашили их вопросом: «Почему не согласовали свои действия с рабочей группой оргкомитета?» Выяснилось, что несколько представителей новых

групп создали рабочую группу по контактам от имени «Народного фронта». Начался спор о том, кто больший узурпатор – самопровозглашенная рабочая группа или «Община» с «Гражданским достоинством».

В гаме и шуме с компромиссной позицией выступил Кагарлицкий: «Если у нас получится два митинга вместо одного, это даже хорошо»^[187]. Но этот призыв к взаимной терпимости не был услышан.

В первое время конфликт напоминал новый виток нарушения преемственности поколений – более опытные ветераны занимали более умеренную позицию, а неофиты, к которым теперь присоединились ветераны Кагарлицкий и Малютин, – более радикальную. Представители сверхновых групп были особенно категоричны, они стали решительно претендовать на руководство всем движением, отодвигая даже Кагарлицкого. Это вызывало протесты со стороны старых групп – «Мемориала», «Общины», «Гражданского достоинства», Клуба социальных инициатив, «Перестройки-88» (за исключением, конечно, «Социалистической инициативы»). «Демперовец» О. Румянцев пытался найти свой компромисс – он предложил начать митинг на Пушкинской, но если начнут разгонять, то уйти по Тверскому бульвару (уже опыт 18 июня показал, что при желании милиция способна перекрыть движение колонны).

А. Федоровский от имени большинства присутствующих восклицал: «Как можно, „Община“, ставить вопрос об альтернативном митинге, когда завтра на Пушкинской площади решается вопрос – быть конституции страны или не быть?»^[188] «Общинники» не разделяли этого наивного пафоса, никакой вопрос о конституции завтра на площади не решался. Но и другие большевики выступали в тональности «можешь выйти на площадь в тот назначенный час?!»

Никто из присутствовавших в этой комнате не был ни Александром Матросовым, ни Махатмой Ганди, и если бы митинговая кампания 1988 года кончилась для неформалов уголовными сроками, это было бы следствием не их мужества, а стечения обстоятельств. У них не было «дээсовского» стремления к конфронтации, они стремились избежать репрессий, если возможно. Однако после оглашения «условий Данилова» обвинения в трусости со стороны людей, которые стали ходить на митинги только теперь, возмутили

«общинников». Я тогда напомнил новичкам, что храбрость проснулась в них поздно: «К сожалению, людей, которые сейчас наиболее рьяно обвиняют „Общину“ и „Гражданское достоинство“, я не видел на демонстрации 28 мая... Главная задача властей – это устроить побоище на площади... В преддверии партконференции это очень удобно. наших бравых либералов это напугает окончательно»^[189]. Здесь власти отождествляются с консерваторами, что неверно. Позднее стало ясно, что московские власти хотели не побоища, а раскола неформалов, и это им удалось.

Во всяком случае менее всего «общинникам» хотелось превращаться в социалистическое крыло «Демократического союза» или молодежное крыло «комсомола для взрослых» под названием «Московский народный фронт».

Судьбу завтрашней демонстрации в оргкомитете пытались решить голосованием. Снова встал вопрос полномочий – множество присутствующих клялись, что имеют полномочия от каких-то клубов, в большинстве своем только что возникших. Решили, что в комнате должны остаться представители клубов, уже вошедших в оргкомитет. «Лишним не хотелось быть никому»^[190]. В этой суете решили, что проголосовать все равно не удастся, и приняли соломоново решение: каждая фракция выходит на свой митинг со своими лозунгами, но ни одна из фракций не имеет права выступать на митинге от имени оргкомитета.

25 июня прошло сразу три демонстрации. «Демократический союз» тоже вышел на Пушкинскую площадь с лозунгами «Долой однопартийную систему!», «Долой КГБ!», «Свободу политзаключенным!» Через несколько минут эти транспаранты были разорваны милицией, а зачинщики пачками загружались в милицейские автобусы.

Рядом, как ни в чем не бывало, стояли «народные фронтовики». Они не хотели, чтобы их разогнали. Они решили отгородиться от милиции множеством портретов Горбачева и Ленина. Раз уж решили, что демонстрации должна состояться любой ценой, то этой ценой станет само оппозиционное содержание демонстрации. Люди, которые упрекали «Общину» в оппортунизме, подменили «Гайд-парк» верноподданической манифестацией 25 июня.

Вспоминает один из новых лидеров оргкомитета «Московского народного фронта» С. Станкевич:
«Портрет Горбачева тогда использовался как своеобразный инструмент. Если нас начинают атаковать, то поднимается портрет Горбачева, и пусть нас попробуют тронуть».

Видеозапись митинга и последовавшей за ним демонстрации показывает, что слово «портрет» зря упомянуто в единственном числе – их было множество. «Инструмент» в виде портретов и определял основное содержание мероприятия – поддержка курса Горбачева. Речи ораторов призывали к единству партии и народа. Понятно, что эту манифестацию не было никакого резона разгонять. К тому же Е. Дергунов с трибуны восславил советскую милицию. Тем не менее власти напомнили, кто в доме хозяин, и предложили разойтись. По плану Румянцева митингующие перешли на Тверской бульвар. Милиция им не препятствовала. По рассказу С. Митрохина, «беспорядочные ряды блистали иконами и хоругвями, отдаленно напоминая крестный ход»^[191]. «Крестный ход» с «иконами» Горбачева и Ленина запел «Варшавянку», чем опять вызвал недовольство милиции. Милицейские чины потребовали перестать петь и свернуть все лозунги, кроме надписи «Даешь Народный фронт», что и было выполнено. «Иконы» остались. Пройдя по бульварному кольцу до «Кропоткинской», эта демонстрация «столкнулась с отколовшейся накануне революционной фракцией Народного фронта („Община“, „Гражданское достоинство“ и другие)»^[192], но два потока уже не соединялись. Колонна с Пушкинской дошла до Дворца молодежи, где и разошлась.

Если большевики оргкомитета «Народного фронта» добились права на проведение своей акции за счет перехода на верноподданнические позиции, то меньшевики, сохранив оппозиционное лицо, провалились организационно. Придя ко Дворцу молодежи с прежними лозунгами и флагами, они обнаружили там военный оркестр, который заглушал любые речи. Не собрав слушателей, меньшевики отправились на бульварное кольцо, где встретили радостную колонну своих соперников, увешанную портретами Горбачева и Ленина. Присоединиться к такому шествию

было ниже достоинства меньшевиков, и они отшатнулись к памятнику Энгельса, где, немного помитинговав, разошлись под напором милиции.

Так завершилась эпопея «Гайд-Парка». Многие славные эпопеи заканчиваются бесславно. Однако не закат, а апогей события определяет его лицо. Финал является лишь эпизодом, если событие получает продолжение. «Гайд-парк» возродится в 1989 году в Лужниках при участии многих персонажей истории 1988-го. Митинги на Пушкинской тоже будут продолжаться, но в условиях репрессивной политики властей – в «дээсовском» стиле. Спокойный диалог людей разных взглядов на Пушкинской возродится тоже через год – у стенда «Московских новостей», когда благодаря митинговой волне изменится вся политическая ситуация – «политику» будут обсуждать уже повсеместно.

А в конце июня 1988 года обе фракции оргкомитета «Народного фронта» обвиняли в неудачах друг друга, личные отношения испортились совершенно. «Фронт» шел к расколу.

3 июля оргкомитет последний раз собрался в старом составе. Бурно обсуждался вопрос о том, кто имеет право принимать решения от имени «Московского народного фронта». Решили голосовать. От имени «Общины» я вынес на голосование формулировку организационного принципа, который разделил большевиков и меньшевиков неформального движения: «Оргкомитет „Народного фронта“ не является властным органом и представителем „Народного фронта“. Он может „выступать только с идеей, а не от имени „Народного фронта“. Имелась в виду идея создания „Народного фронта“. Ведь его еще не было, он должен был возникнуть как результат массового народного движения, в то время как деятели большинства выступали в качестве руководителей как бы уже возникшей организации, что воспринималось меньшинством как самозванство. „За“ предложение „Общины“ проголосовали „Гражданское достоинство“, „Община“, Клуб социальных инициатив, „Перестройка– 88“, „Альянс“, МО ВСПК, „Альтернатива“ и ЮКИ (две последние группы после раскола остались в оргкомитете). „Против“ голосовали 10 групп: „Социалистическая инициатива“, Бригада имени Че Гевары, „Дипломатия граждан“, Союз рабочих-коммунистов, Федерация социального объединения, Межклубная партгруппа,

„Социологи-марксисты“ Федоровского, „Народное действие“, „Природа“, «Лингва»^[193]. За каждой из фракций стояло около ста постоянных членов (не считая более многочисленных сочувствующих и участников различных мероприятий, организуемых клубами). В оргкомитете остались не участвовавшие в голосовании экологические группы «Тушино» и «Битца», которые сохраняли тесные связи и с «Общиной». После заседания оргкомитета группы «меньшинства» заявили о своем выходе из него.

Большое значение для большинства лидеров того времени имел исторический опыт. «Общинники» оценивали ситуацию с учетом судьбы попутчиков большевиков, которых объединяли с партией Ленина лозунги, но не базовые идейные и организационные принципы. Организационный централизм, основанный на захватном праве, претил «общинникам» даже тогда, когда он оправдывался социалистическим лозунгами. Это развело их с группой Б. Кагарлицкого, но не сблизило и с либералами. Сохранив добрые личные отношения с «Гражданским достоинством», «общинники» не стали создавать с ними совместную организацию и сосредоточились на работе в социалистическом политическом спектре.

Вопрос о расколе оргкомитета «Московского народного фронта» принципиально важен для понимания формирования современной российской политической культуры. Если не считать репетиции, связанной с «ельцинским кризисом», события весны – лета 1988 года – это первый опыт публичной политики, которая моделировала парламентскую культуру и создавала традиции самоорганизации гражданского общества.

«Общинники» считали необходимым создание общедемократического фронта против КПСС при одновременном укреплении организации, выступающей за антиавторитарный социализм. При этом идейно они были равноудалены как от либералов, так и от марксистов, выступая как против капитализма, так и против тоталитаризма. Неудача этой модели приведет к растворению социалистической идеи в общедемократическом потоке с дальнейшей заменой его общедемократических лозунгов более четкой либеральной идеологией.

АТАКА НА ПОПУЛИСТОВ

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ушедших, «Народного фронта» в Москве и тем более в СССР не было. Попытка большевиков выступать от имени «Народного фронта» вызывала протесты со стороны остальных неформалов как узурпация права представлять «народ», то есть ту часть населения, которая стала общественно активной. Несмотря на то, что фронт был еще малочисленен, его лидеры уже выдавали свое детище за массовое народное движение. 29 июля оргкомитет предпринял попытку провозгласить «Народный фронт», но численность организации все еще была очень мала, и оргкомитет ограничился тем, что переименовал себя в оргсовет.

31 июля «фронтовикам» разрешили митинг по итогам партконференции. «Известия» оценили мероприятие положительно, а численность – в тысячу человек (почти как на «Гайд-парке»), «Московские новости» высказались скептически, а численность – в 300 человек^[194]. Резолюция митинга превознесла итоги партконференции (что контрастировало с оценками вышедших), «констатировалось формирование в стране „широкого патриотического движения в поддержку перестройки“. Естественно, „действенной формой консолидации этого движения“ как раз может стать „Народный фронт“.

На митинг зашел «общинник» С. Ильин, который удачно провел контрпропаганду с журналистом «Московских новостей» Л. Милославским (и без того скептически настроенным): «Оргкомитет митинга, объединяющий сегодня 25 неформальных групп, провозгласил себя „Московским народным фронтом“ без всяких на то оснований». Для этого как минимум требуется народная поддержка, созыв учредительного съезда с участием массовых движений. «Но часть рабочей группы предпочла другой путь – организовать народный фронт сверху, на базе нескольких не самых серьезных и многочисленных групп»^[195].

Может быть, «Московский народный фронт» и стал бы реальностью, сколько-нибудь массовым движением, если бы большинство неформалов работало на него, а не против. Однако оргкомитет стал не центром консолидации, а предметом атак со всех сторон. Б. Кагарлицкий с некоторым недоумением рассуждал на тему «Кто боится народного фронта?» Оказывается, против него выступают не только консерваторы, сталинисты, враги перестройки (честно

говоря, они в это время не придавали значения «фронтвикам»), но значительная часть демократов.

Критика оргкомитета со стороны бывших товарищей нарастала. Г. Пельман еще более ужесточил свою позицию в отношении «фронта», называя его «тоталитарной организацией». Он обвинял большевиков в том, что они захватили общий проект, когда благодаря общей работе «молоко вскипело, и появились сливки»^[196].

Наиболее резко против оргкомитета выступал Г. Павловский. Он объявил, что будет бороться «за уничтожение „Народного фронта“, и опубликовал в самиздате статью „Сумгаитчики“, где „фронтвики“ ставились в один ряд с погромщиками Сумгаита, так как распаляли популистские инстинкты толпы. Сравнение вполне невинных популистов с погромщиками выглядело странно. В наше время он так воспроизводит свою логику: «У меня нарастало впечатление, что появляются не те люди. Это ощущение у меня нарастало и достигло апогея в 1989 году. Эти люди были не те, потому что они были неуправляемыми. Они не вписывались в концепцию управляемой революции. Они отличались невежественностью и хамством. Я не хотел, чтобы процесс переходил в руки этой плебейской струи. Они в силу своего культурного уровня слушать нас не будут.

Тогда существовали «страхи», которые влияли на нашу позицию иногда сильнее текущей реальности. Так, мы представляли себе антикоммунистическую революцию по венгерскому сценарию 1956 года.

Еще в 1982 году во время допросов в КГБ я сказал, что не хочу, чтобы нас с вами вешали на одних фонарях – с одной стороны коммунистов, а с другой – очкариков. Потом это фигурировало так, что Павловский хочет вешать коммунистов на фонарях.

В нашем представлении «Народный фронт» мог быть только антикоммунистическим и мог вылиться именно в погромы коммунистов. Поэтому я и назвал их сумгаитчиками».

В 1988 году Павловский предупреждал «фронтовиков»: «При ближайшем рассмотрении, демократический Государь оказывается всего лишь дубиной – волшебной народной дубиной, которая должна вдруг обрушиться на бюрократа, а затем как-то чудесным образом все наладить»^[197].

Нападки на оргкомитет окончательно убедили его социалистическое ядро в необходимости разрыва с ветеранами. К чему эти брюзжащие, а то и прямо клеветующие неудачники, которые не смогли удержаться во главе начинающегося массового движения, а теперь ставят ему палки в колеса? Опирается нужно на новых людей – на поколение июня 1988-го и дальнейший приток масс. «Народный фронт» пытается перейти от интеллигентской болтовни к созданию настоящего массового движения, он опирается не на 20-25 более или менее (чаще менее) утонченных интеллектуалов, а на широкие социальные слои»^[198], – писал Б. Кагарлицкий. Сами широкие слои еще не знали, что на них опираются. Организационная форма для них готовилась заранее. Пока притока масс не последовало. «Новый призыв» последует только в 1989-м, и результат притока масс оказался неожиданным. Когда они действительно двинулись в политику, то демократические аппаратчики, выдвинувшиеся на этой волне, отторгнут как раз утонченного интеллектуала Кагарлицкого.

В начинающемся популистском движении он как неформал окажется чужеродным элементом.

Вспоминает В. Гурболик: *«Эти события как-то сильно развели нас и с кругом Кагарлицкого (отношения восстановились уже в газете „Солидарность“ накануне 1993 года), и с „Перестройкой“, и свели с „Гражданским достоинством“, с которым были очень разные взгляды. Но было что-то общее. В наших двух группах человеческие отношения, пусть и сектантские, преобладали над политическими. Мы все сильнее воспринимали людей, которые потом будут делать „Народный фронт“, как политиканов». Но контакты сохранялись – как минимум приходилось общаться в рамках федерации. «Общинники» заходили и на открытые дискуссии, организованные оргсоветом «Народного фронта». Здесь спор о*

демократическом фронте продолжался. Исаев утверждал теперь, что «процесс консолидации преждевременен».

Дело в том, что разные регионы страны развиваются сейчас очень по-разному. В провинции выступления направлены персонально против местных властей, понимание альтернативы существующему режиму гораздо слабее, чем в столицах, в среде неформалов. Чтобы консолидировать столь разнородные элементы, «Народный фронт» «планируется как организация партийного типа» со своей бюрократией». Я тогда предлагал вернуться к прежней модели «Московского народного фронта» – коалиции реально существующих групп. Но один из лидеров оргсовета С. Станкевич считал этот уровень уже недостаточным: «Народный фронт» – не только коалиция. Это демократический ликбез и передаточное звено между депутатами и избирателями». «Передаточное звено», впрочем, работало недолго. Много позднее Б. Кагарлицкий рассуждал: «Неформальные структуры при всех своих достоинствах имеют явные организационные недостатки. Они не могут удержать контроль над своими депутатами, которые уходят наверх и там коррумпируются»^[199]. Чтобы понять это, лидерам «Народного фронта» нужно было пройти опыт 1989—1991 годов.

Кагарлицкий назвал своих противников «генералами без армий»^[200]. Но пока все неформальные лидеры были полковниками во главе рот. Армии появятся в следующем году, причем и у неформалов, и у популистов. Но, попытавшись создать из «Народного фронта» Социалистическую партию, марксисты потеряли и федерацию, и «Народный фронт».

СОЦИАЛИЗМ И ПОПУЛИЗМ

В ХОДЕ ЛЕТНЕЙ митинговой кампании были предприняты попытки создать настоящее территориальное самоуправление. Причем предприняли ее сами жители, а не неформалы. Неформалы и реформаторы КПСС лишь создали атмосферу, в которой это стало возможно.

Жители микрорайона Братеево были возмущены тяжелым состоянием окружающей среды – норма загрязнения воздуха

превышалась иногда в шесть раз. Пикеты блокировали строительство новых предприятий в районе. В микрорайоне начались регулярные митинги-сходы. Был создан совет инициативных групп. 11 августа на трехтысячном митинге жителей было принято решение об избрании делегатов на конференцию, которая 4 сентября избрала Комитет самоуправления микрорайона Братеево. Вскоре этот опыт распространился на большинство микрорайонов Москвы и более чем 30 городов страны.

Комитет требовал у райсовета признания своих прав как низового звена власти, прав участвовать в разработке планов развития микрорайона, назначения директоров продовольственных магазинов и так далее. Райсовет не согласился поделить властью, и комитет стал превращаться в одну из ячеек оппозиционного движения. Он вошел в оргсовет «Московского народного фронта», став его единственной массовой организацией.

Успехом «фронтовиков» также стала конференция «народных фронтов» в Ленинграде 26-28 августа 1988 года. На ней присутствовали делегаты 70 организаций, что позволяло создать сеть инициативных групп «Народного фронта» по всей стране. Таким образом популистская фракция (уже без всяких ссылок на социализм) становилась всесоюзной, и федерация ей была больше ни к чему. 30 организаций создали инициативную группу по созданию «Народного фронта СССР». За основу была принята программа оргкомитета.

Если бы у московского фронта и других народных фронтов в российских городах был шанс развиваться как социалистическая партия, проект Кагарлицкого был бы вполне удачен. Но такого шанса не было по двум причинам. Во-первых, раскол социалистов ослабил социалистическое ядро «Московского народного фронта», которое свелось к группе «Социалистическая инициатива». В оставшейся части оргкомитета только у Кагарлицкого и его ближайших товарищей были продуманные конструктивные представления о том, что такое социализм, и какие преобразования позволяют избежать развития по капиталистическому пути. Для остальных неопитов лета 1988 года социализм был синонимом всего хорошего, аморфным мифом, который легко развеялся под напором антикоммунистической критики. В итоге группа Кагарлицкого была затоплена в организации новыми людьми, которые пришли в эту протопартию в 1989-м. Переход

популистской организации на несоциалистические позиции обеспечили как раз те люди, кто в 1988-м голосовал за слово «социализм», а в 1989-м уже стал разочаровываться в нем, так как боролся за рынок и многопартийность – инструментарий либеральной идеологии.

Вспоминает С. Станкевич: *«Каждый раз приходили волны общедемократической публики, и возобновлялся этот сакраментальный вопрос о социализме».*

В конце концов при переходе к более широким, чем «Московский народный фронт», избирательным структурам в конце 1989 года на этот вопрос ответили отрицательно, организация стала общедемократической, но уже без сильного социалистического ядра. Кагарлицкий занялся созданием Социалистической партии. Но время было упущено – с ним осталось слишком мало организационных и теоретических сил.

Во-вторых, массовая социалистическая организация в поддержку перестройки могла сохранять свое социалистическое лицо либо при условии самостоятельности, приверженности определенной ясной идеологии (модель федерации и позднее Конфедерации анархосиндикалистов и Социалистической партии Кагарлицкого), либо при условии прямой смычки с фракцией в руководстве КПСС, которая придерживается идеи «демократического социализма». Но такой фракции в руководстве КПСС не было, так как идеологию «демократического социализма» разделял Горбачев, а формально – вся партия. Реальные фракции в руководстве КПСС формировались как социал-консервативная и либеральная. В дальнейшем демократическое движение замкнется на либеральную фракцию номенклатуры (Б. Ельцин, А. Собчак, Г. Попов и другие). Уже в 1987—1988 годы неформалы «прикрывались» А. Яковлевым, который тяготел к либерализму и эволюционировал в эту сторону. Только в 1990-м в ходе зримого распада КПСС на фракции возникнут предпосылки для выделения в КПСС социалистического центра в организационно оформленное политическое образование. К этому Горбачева звала и социалистическая общественность. Но Горбачев, который все еще хотел видеть себя отцом нации, после серии консультаций с

социалистической и центристской общественностью (под эгидой А. Лукьянова), не решится на выстраивание своей партии за пределами КПСС.

В конце 1988 года сторонники «Народного фронта» взяли курс на поглощение мелких неформальных групп территориальными районными организациями «Московского народного фронта». По существу районные организации фронта должны были стать предвыборными штабами. Несмотря на то что весной 1989 года фронт сумел провести на выборах только одного депутата – С. Станкевича, он стал моделью более широкой общедемократической популистской организации, которая в 1989-м поглотит «Московский народный фронт».

Создание территориальных структур демократического движения открывало перед ним и новые возможности, и новые опасности, связанные с популизмом. Одни неформалы видели в этом деградацию движения, другие – новый, более высокий ее этап.

Население в массе своей лучше всего разбирается в вопросах, тесно связанных с профессиональной деятельностью, хобби и местом жительства. Поэтому обычные люди наиболее политически компетентны не в вопросах большой политики, а в самоуправлении и местной политике. Самоуправление было бы наиболее естественным проявлением общественной активности народа, и в ходе своего развития могло бы выдвинуть новую демократическую элиту, представляющую интересы самоуправляющихся групп населения.

Однако чиновники не желали делиться властью даже на местах. В итоге там, где люди были активны, они быстро вступали в конфликт с низовыми звеньями бюрократии, а значит, и с бюрократической системой в целом. В итоге народное движение, еще не сформировав структуры самоуправления, вынуждено было обращаться к большой политике, становившейся массовым увлечением в 1988—1990 годы. В силу своего малого политического опыта люди лучше представляли себе, против чего они выступают, чем за что. Конструктивные рассуждения неформалов сменялись более простыми, как правило негативными, требованиями «демократов». Надежды неформалов-популистов, что народ именно им доверит формулирование конструктивной программы, не оправдались – люди доверяли более известным «специалистам в области демократии» – «прорабам

перестройки», которые были известны выступлениями в прессе и по телевидению. «Либеральные коммунисты» (в дальнейшем – лидеры «демократического» движения), оценив конъюнктуру, сосредоточились именно на негативных, а не конструктивных требованиях. Эта политика имела свою логику, которая со временем вела к разрушению коммунистической формы режима, но сохраняла его бюрократическое ядро уже в новых, капиталистических условиях.

НИШИ И ЛЮДИ

ТЕОРИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ НИШ

МНОГИЕ ПРОБЛЕМЫ, с которыми сталкивались тогда неформалы, могут быть объяснены с помощью теории функциональных ниш. В основе этого метода анализа лежит несколько простых положений.

› Всякий человек занимает социальную функциональную нишу, которая определяет его поведение наряду с чертами характера и мировоззрением.

› Между людьми даже близких взглядов возникают конфликты, если они претендуют на одну нишу.

› Условием успешной работы организации является обеспечение всех основных функциональных ниш подготовленными кадрами.

Типичный пример – организация, в которой много теоретиков и мало организаторов, неспособна к действию. Эта проблема стояла перед многими политическими группами XX века. Но в современном индустриально-бюрократическом обществе чаще встречается другая крайность – организационная машина. В ней преобладают организаторы, исполнители воли высшего руководителя. Ниши заполняются узкими специалистами в данной области. Первоначально это повышает эффективность организации, но со временем создает множество проблем. Специалист, хорошо выполняющий специализированную функцию, плохо приспособлен для выполнения даже смежных задач. Это парализует кадровую мобильность, что снижает стимулы к работе и в то же время создает дефицит кадров – специалиста нечем заменить.

Если организация готовит кадровый резерв, то неизбежно возникает острое противоборство между действующими кадрами и их потенциальными преемниками, готовящимися занять нишу. В то же время узкая специализация кадров делает организацию неповоротливой, так как изменение условий работы делает узкого специалиста некомпетентным при выполнении новой для него функции. Организации индустриального общества, эффективные как

машины по завоеванию и удержанию власти, обречены на перманентную борьбу на выбывание проигравших (или увольнение, или даже уничтожение, если речь идет об авторитарной государственной структуре), инерцию избранной стратегии, которая сохраняется даже тогда, когда руководство признает устаревание стратегии и пытается изменить курс. Очевидно, что такая организация может быть де-факто только строго иерархической (при наличии формальной демократии), ее члены являются инструментами, слепо исполняющими указания руководства.

Неформалы предложили совершенно иной стиль, когда жесткая специализация отсутствует, разные люди помогают друг другу выполнять одну работу, мотивированы высокой мобильностью, атмосферой общественной микросреды, идеологическими целями. Это создавало атмосферу товарищества, братской солидарности и энтузиазма. Подобные эффекты известны в истории религиозных течений на ранней стадии их развития, революционных организаций до их прихода к власти, самоуправляющихся структур в революционные периоды. Успешные проекты подобного рода со временем перестраиваются в специализированные структуры – по мере «уставания» активистов, прежде готовых вести ежедневную работу на голом энтузиазме, по мере политических успехов, что невозможно без частичного или полного встраивания в систему существующего общества. Неформальные принципы организации отличались от правил эффективности в индустриальном обществе, но без некоторого компромисса с ними нельзя было выполнить основные задачи – ликвидировать монополию КПСС на политическую жизнь и продвинуть существующее общество к желательному, организованному по образу и подобию гражданского общества неформалов. Без учета необходимости специализации и распределения кадров по нишам КПД неформальных организаций оказывался крайне низким.

Чтобы понять, насколько неформалам удавалось обеспечить заполнение необходимых функциональных ниш, необходимо перечислить и кратко охарактеризовать их.

1. Стратеги – разработка идеологии, стратегических идей, основных мифов организации, основ ее пиара и позиционирования. Эта ниша часто заполняется формальным руководителем организации,

но в этом случае ему необходимы один или несколько советников с развитыми творческими способностями («выносные мозги»). У неформалов эта ниша, как правило, заполнялась несколькими лидерами группы, которые находились в режиме ежедневного обсуждения курса организации. Эти люди вместе с ключевыми орговиками составляли лидерскую группу движения, были ее реальными руководителями. Лидерская группа была формально открытой, но в ней существовали старые дружеские связи, что затрудняло проникновение в нее аутсайдеров, даже имевших соответствующие способности.

2. Арбитр – принимающий решение о том, какой из предложенных вариантов оперативного решения будет осуществляться. В эффективно действующей организации решение должно приниматься до определенного момента, после которого оно является запоздалым. Типичная политическая ошибка в демократических организациях – продолжение дискуссий и колебаний после того, как то или иное (даже ошибочное) решение должно начать осуществляться. Противоположная проблема, характерная для авторитарных организаций, когда арбитр (как правило, совпадающий с формальным главой организации) принимает решение без достаточного обсуждения, по собственному произволу. В демократических организациях формально важнейшие решения принимают коллегиальные органы. Но эти органы собираются не настолько часто, чтобы успевать за ситуацией, и к тому же проекты решений готовятся заранее лидерской группой. Поскольку до съезда, конференции и пленума в отсутствие легитимного выбора может возникнуть чреватое расколом равновесие сил, в организации возникает та или иная система принятия волевого решения одним лицом или группой наиболее влиятельных лиц. Иначе организация все время запаздывает. То же происходит и в том случае, если единоличный арбитр склонен к длительным колебаниям (как это происходило с Горбачевым).

3. Оппозиция – группа активистов, как правило, не согласная с решениями лидеров большинства. Оппозиция проводит регулярное оппонирование решений лидерской группы. Оппозиция пытается пользоваться формальными демократическими правами, зафиксированными в Уставе. Остальные члены организации

предпочитают проводить желательные для них решения, лоббируя их через членов лидерской группы. В случае систематических неудач организации оппозиция усиливается, она выстраивается в параллельную организацию со своими нишами – фракцию. В дальнейшем фракция может либо прийти к власти в организации в целом, либо выделиться в отдельную организацию (раскол). В случае если организация работает нормально, то и термометр оппозиции показывает нормальную температуру. Хорошим тоном являются выступления активистов против лидеров оппозиции – своего рода политический тренинг, обкатка аргументов без ущерба авторитету лидеров организации. Лидеры большинства время от времени вступают в эту полемику, чтобы присудить победу в споре своим сторонникам. Но в ходе этого тренинга лидерская группа учитывает аргументы оппозиции и использует их как в своей дальнейшей агитации, так и при выработке курса.

4. Орговики решают задачу обеспечения текущей неидеологической работы. Ниша распадается на ряд направлений, которые реализуются разными организаторами, входящими в этот блок: учет и распределение кадров; поддержание наличной инфраструктуры, техническое обеспечение работы; выстраивание новых и реформирование старых структур.

5. Агитаторы. Это «писатели» (разделены на новаторов и консерваторов – хранителей традиций организации) и эксперты – люди, обладающие журналистскими навыками и ораторскими способностями, которые отстаивают позицию организации и распространяют идеи и информацию об организации через СМИ; пропагандисты, в задачу которых входит вовлечение новых кадров; «политики» – представители организации во внешних структурах (будь то Советы в 1917 году, или оргкомитет «Московского народного фронта» в 1988 году). Функции агитаторов периодически выполняют арбитр и стратеги, но для каждого из этих направлений требуется выделение специальных кадров, чтобы работа велась постоянно.

6. Безопасность. Неформальные организации, пафос которых был направлен против коммунистического режима с его гипертрофированными структурами безопасности, как правило, сознательно обходились без специальных структур безопасности. Иногда в них возникали скандалы, связанные с подозрениями в

сотрудничестве с «органами». Но поскольку основная часть работы велась открыто, наличие агентов не считалось фатальной проблемой.

НИШИ НЕФОРМАЛОВ

КТО ОСУЩЕСТВЛЯЛ основные функции, скажем, в «Общине»?

1. Стратегия «Общины» выработывалась прежде всего А. Исаевым (более радикальная тенденция) и мной (более умеренная). Периодически в этой работе участвовали В. Гурболиков, В. Губарев, А. Василивецкий. Стратеги консультировались с остальными членами группы.

2. Арбитраж был принципиально коллективным. «Общинники», как и большинство других неформальных групп, не признавали наличия у них единоличного лидера и тем более руководителя. В то же время к формально-демократической процедуре голосования прибегали крайне редко, стремясь к консенсусу основных позиций, представленных в лидерской группе. Арбитраж обычно осуществлялся в группе А. Исаев, А. Шубин, В. Гурболиков, В. Губарев. Если в этом кругу согласие не достигалось, то противоречие выносилось на собрание группы в целом, что после обсуждения все же приводило к консенсусу либо вызывало временный раскол.

3. Наиболее последовательно и долгосрочно оппозиционную нишу занимал Петр Рябов, которого в «Общине» называли «моральным дээсовцем» за крайний радикализм и склонность к анархо-индивидуализму. П. Рябов также вел работу по организации лектория и Союза учащейся молодежи – стык ниши орговиков и пропаганды. Проект союза вырос во «внешнюю» организацию, контролируемую «общинниками» через лидеров П. Рябова и Марию Ворожейкину (сестру Т. Ворожейкиной, причастной еще к делу «молодых социалистов» 1982 года). Сначала союз был чем-то вроде группы «Самоуправление», но затем в ходе кампании за отмену обязательных военных занятий в начале 1989 года создал самостоятельную микросреду, связанную со средой лектория, в организации которого Рябов сменил перегруженного другими делами Шубина. Позднее (уже вне связи с союзом и отошедшей от движения Ворожейкиной) эта среда притягивала молодых радикальных

оппонентов лидерской группы и играла важную роль в расколах 1990—1991 годов.

4. Организационная работа велась по нескольким направлениям в «секциях» – издание журнала, внешние связи, лекторий, педагогическая работа, производственное самоуправление, профсоюзные инициативы и так далее. Регулярной работы по распределению кадров не велось – считалось, что люди сами должны найти свое место или создать новое. Фактически менее инициативных «бойцов» пристраивали к работе лидеры или те пропагандисты, которые привлекли их в организацию, а такие кадры уже переходили из группы в группу сами. Большинство секций имело пропагандистские задачи, и их костяк сочетал функции орговиков секции и пропагандистов. Пропагандистские функции в той или иной степени выполняли все члены организации. Основную агитационную функцию нес журнал и его авторы (А. Исаев, А. Шубин, П. Рябов, В. Тупикин (он имел давние журналистские наклонности и наладил также выпуск «Хроники текущих событий»), Л. Наумов, А. Василицевский, Н. Соболев (художник) и другие). Орговиками журнала были В. Губарев, В. Тупикин, С. Ильин, Н. Соболев и другие. Агитационные задачи выполнялись также ораторами на митингах (А. Исаев, А. Шубин, В. Гурболиков, А. Василицевский и другие) и участниками внешней политики группы (А. Исаев, А. Шубин, В. Гурболиков, В. Губарев, А. Василицевский и другие). Как упоминалось выше, ряд «внешних», «дочерних» проектов (сначала «Самоуправление» и «Альянс», затем Союз учащейся молодежи) несли важную пропагандистскую и организационную нагрузку.

Некоторые «внешние» проекты не стали «дочерними», а оставались коалиционными и мало связанными с основной линией «Общины» (например, среди организаторов Партии зеленых было несколько членов, соперничавших между собой и не обсуждавших свою политику в «зеленом движении» в координирующих органах из-за отсутствия интереса к ней у других анархо-синдикалистов).

Новации в организационную работу вносились с двух сторон – уставшие от работы в старых секциях люди либо создавали новую секцию на новом направлении, либо отходили от старой работы и распределялись по другим секциям, перегружая их. В перегруженных нишах усиливались конфликты и хаос. Тогда лидерская группа при

поддержке ветеранов перегруженных секций инициировала на собрании перегруппировку кадров, создание новых секций (из которых часть потом тоже не приживалась). В итоге образовалась группа мигрирующих кадров, пополнявшаяся неопитами.

Как видим, функциональные ниши в работе неформальной организации были заполнены полностью (иногда и переполнены), но заполнение это было неустойчивым и подвижным – без монополии и узкой специализации.

БОРЬБА ЗА НИШИ

ПРИ СОЕДИНЕНИИ неформальных групп в коалицию, которая в перспективе должна была стать работоспособной политической организацией, начиналась ожесточенная борьба за ниши. Команды «Гражданского достоинства» и «Общины» недолго удовлетворялись нишей орговиков Клуба социальных инициатив и быстро стали претендовать также на нишу стратегов (это особенно характерно для «Общины», которую не устраивали взгляды стратегов клуба). Пропагандистские и агитационные задачи разных организаций быстро вошли в конфликт из-за отсутствия авторитетного арбитража, единой группы стратегов и вообще перепроизводства идеологов.

При создании «Московского народного фронта» стратеги «Социадietetической инициативы» увидели выход из этой ситуации в притоке идеологически неискушенных людей, которых можно было выстроить в структуру организационного аппарата, не отягощенную сложными идеологическими размышлениями. Выделение ниши жестко специализированных орговиков (в будущем ставших профессионалами этого дела) могло значительно повысить эффективность работы. Но не с этими стратегами и агитаторами. Аппарат выбрал себе других стратегов и агитаторов, обладавших доступом к СМИ и административному ресурсу – депутатов.

Старые стратеги, оставшиеся без идеологизированных орговиков, оказались за бортом. Им оставалось либо создавать новые группы, которые на фоне развернувшегося массового движения выглядели как секты, либо использовать остатки авторитета в популистском движении, баллотироваться в представительные органы власти, чтобы получить административный ресурс. Но вскоре выяснилось, что этот

ресурс имеет смысл только при встраивании в функциональную систему «Демократической России». Ниши стратегов и арбитров в ней были уже заняты, и стратегам-социалистам в этой структуре места не было.

В то же время неформальные группы, которые имели самодовлеющую структуру, основанную на синтезе организационных и идеологических ниш, могли участвовать в популистском разделении труда только в том случае, если взгляды группы совпадали с идеями либеральных стратегов. Поэтому структура популистской «второй партии» и неформалы (особенно социалисты) объективно отторгали друг друга.

Политические неформальные группы сохранили идейную мотивацию работы актива еще на несколько лет. В то же время демократизм неформальной системы приводил к перегрузке лидерской группы, так как лидеры выполняли сразу несколько важных функций. В итоге в 1991 году наступила усталость старого актива, которая наложилась на изменение социальной ситуации. Работа на голом энтузиазме при нерегулярных приработках уже не устраивала большинство участников лидеров неформалов, и они предпочли профессионализировать свою общественную деятельность на новых, более специализированных и иерархических основаниях. Неформальные группы превратились в команды, составившие костяк современного российского гражданского общества. Однако вокруг этого костяка сохранилась среда, в которой сильны старые неформальные организационные принципы.

Пикет «Мемориала», 1988 г.

«Мемориал» на демократической демонстрации

Экологический митинг

Арест пропагандиста, лето 1988 г.

Плакат горьковских экологов

Начало демонстрации 28 мая 1988 г.

Демонстранты выходят на ул. Горького, 28 мая 1988 г.

Демонстрация 28 мая 1988 г.

Критический момент демонстрации 28 мая 1988 г.

Ожидается митинг, лето 1988 г.

Дээсовцы идут, июнь 1988 г.

Объединенные избиратели

Лужники, 21 мая 1989 г.

Предвыборная кампания 1989 г.

Давка на трибуне, 21 мая 1989 г.

Гавриил Попов готовится вести митинг, май 1989 г.

Ленинград, 28 мая 1988 г.

Демократы против 6-й статьи, 1989 г.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ В ПОИСКАХ ЛИЦА

ОБЪЕДИНЕНИЯ И РАЗМЕЖЕВАНИЯ

АВГУСТОВСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

ПОСЛЕ РАЗОЧАРОВАНИЯ «общинников» в идее «Народного фронта» они сосредоточились на подготовке новой конференции Федерации социалистических общественных клубов. Раз уж фракция Кагарлицкого занялась проектом «Московского народного фронта», появилась возможность забрать социалистическую федерацию. В это время в ней состояло 25 организаций в 15 городах.

Конференция федерации проходила 19-21 августа. Вялые переговоры с партийными и комсомольскими органами о предоставлении помещения кончились после выдвижения встречных условий. С января 1988 года много воды утекло, решили помещения не добиваться и собираться на квартирах.

Заявление представителя «Социалистической инициативы» против «Общины» не было поддержано, лидеры оргкомитета «Народного фронта» не участвовали в работе конференции.

На конференции со всей серьезностью обсуждались организационные вопросы – многие делегаты видели в федерации ядро будущего движения левых сил. Конференция переименовала федерацию – слова «общественных клубов» поменяли на «организаций и клубов» – так звучало более солидно. «Общинниками» была предложена делегированная структура федерации – регионы, региональные советы и федеральный совет из их представителей. Совет должен был организовать информационный обмен, готовить конференции федерации, оказывать методическую помощь, осуществлять представительство федерации, организовать третейский суд, рабочие группы. При обсуждении структуры федерации имелось в виду предстоящее объединение с Всесоюзным социально-политическим клубом. Делегированные предложения «Общины» после краткой полемики были приняты. Большинство присутствовавших настояло на индивидуальном членстве в федерации, несмотря на возражения «общинников».

Затем социалисты перешли к любимому делу – идеологической дискуссии. Этот разговор выявил два крыла: сторонники идеологии «Общины» и те, кто вообще выступает против идеологической четкости. Основатель всесоюзного клуба Сухарев, участвовавший в этой беседе, сказал перед уходом: «Я рад, что встретил столько умных людей. А умные люди никогда не могут договориться по теоретическим вопросам». Сухарев и близкие ему по духу люди создали Независимый философский семинар – для них перестройка уже победила. Но политическим неформалам было еще очень рано успокаиваться.

Многие делегаты из провинции были увлечены идеей «Народного фронта» как широкого объединения. Скепсис «общинников» был им непонятен. М. Солонин из Куйбышева убеждал их: если вам не нравится Кагарлицкий, «создайте свой оргкомитет». «Общинники» изумлялись этому предложению – какой же получится «Народный фронт», если его созданием будут заниматься несколько враждующих между собой клик.

Для себя «общинники» уже решили, что от группы Кагарлицкого – Малютина нужно отмежеваться. Но общее членство в федерации не позволяло это сделать. Будешь раскручивать федерацию – добьешься каких-то успехов, как было с «Народным фронтом», и «кагарлисты» придут по праву полноправных участников организации, потребуют свою долю, пригласят бумажные организации, соберут большинство... Начнется новый раунд интриг и контринтриг. Такие соображения привели «общинников» и их друзей в федерации к выводу о том, что нужно обособиться в свою фракцию и работать на нее. Это позволяло бы более четко определиться идеологически. Кто разделяет антибюрократические, антипартийные и самоуправленческие принципы «общинного социализма» – тот и будет работать вместе.

Еще 20 июля, обсуждая итоги митинговой кампании, «общинники» решили, что «федерация плоха тем, что нет общих методов борьбы», и принялись обсуждать создание своей всесоюзной организации.

Решили создать «федералистскую фракцию федерации» – объединение групп, подобных «Общине». Это была фракция большинства федерации – клубы в 10 городах либо под влиянием пропаганды «общинников», либо в результате самостоятельного

идейного развития пришли к идеям самоуправленческого рыночного социализма и федерализма, практически идентичных программе «общинных социалистов». Иногда к таким выводам приходили даже люди, считавшие себя марксистами-ленинцами^[201]. Некоторые активисты тяготели к умеренным вариантам анархистской идеологии^[202]. При этом анархисты-политики выступали не за немедленное упразднение государства, а за его преобразование в духе «общинного социализма».

21 августа, в последний день работы конференции, неонароднические группы собрались на учредительное собрание новой организации – фракция получила собственное название «Альянс социалистов-федералистов». Название было нарочито политическим, уже безо всяких оглядок на власти. Слово «Альянс» отсылало к наследию Бакунина. Я написал проект декларации новой организации, исходя уже из того, что на этот раз мы создаем не коалицию сторонников разных взглядов, а союз единомышленников.

Декларация федералистов оценивала ситуацию в стране с позиций уже сложившихся идей «общинного социализма». Эта оценка резко отличалась от либерально-западнической: «За социалистической фразеологией проступает стремление влиятельных слоев в партии и государстве перевести нашу экономику на рельсы западного варианта капитализма. На деле это оборачивается чудовищной смесью азиатских, нецивилизованных форм эксплуатации и управленческого диктата, основанного на экономической и политической монополии, на беспрекословном подчинении трудящихся реально не избираемым „менеджерам“. В наших условиях это может означать только сохранение старых проблем и возникновение новых, превращение страны в еще одну экологическую свалку развитых стран, дальнейшее углубление социальных неравенств...»^[203]. Эта оценка оказалась актуальной для всего периода реформ, который не закончился и поныне. Конструктивной альтернативой курсу номенклатуры «общинники» считают социализм – настоящий, совсем не похожий на социальное устройство

*СССР: «социализм – это не беспредельный рост власти государства... Социализм – это последовательно проведенное народовластие, самоуправление во всех сферах общества, максимально широкая политическая свобода»^[204].
Общий принцип разворачивался в программу социалистических реформ, основанную на более ранних документах «общинников» и дополненную экологической частью. Сдвиг к экологическому мышлению позднее приведет к широкому проникновению идей «общинного социализма» в экологическое движение.*

В тот же день прошла совместная конференция Федерации социалистических организаций и клубов и Всесоюзного социально-политического клуба. К этому времени власти, обиженные на нежелание неформалов проводить конференцию федерации под их контролем, решили разгонять несанкционированные встречи вне квартир. Теперь речь шла о собрании под сто человек, и квартиры были бы слишком тесны для него. Иванцов договорился со студентами, у которых был доступ к помещению небольшого ДК на территории Парка культуры. Поскольку помещение предоставлялось нештатными актерами без согласования с начальством, то к месту заседания шли тайными тропами. «Рубить концы» начали еще от метро «Профсоюзная», создавая у людей в штатском впечатление, что делегации направляются в «Факел». У «Факела» уже собиралась милиция, но толпа неформалов исчезла и была обнаружена на метро «Октябрьская», где снова скрылась в проулках. «В ограде парка их ждала известная только для посвященных заветная дырочка», куда Иванцов предложил «влияться змейке идущих за ним делегатов»^[205].

Предварительно на квартирах прошли консультации об объединении двух левых сетей. Здесь «общинникам» пришлось столкнуться с полузабытой за пару лет логикой рассуждений. Так, им был задан вопрос: авангардом какого класса вы являетесь? Марксистско-ленинская догматика, от которой уже далеко ушло общественное движение в столицах, была еще очень влиятельна в провинциальных группах. Преобладавшие во всесоюзном клубе марксисты-ленинцы считали, что являются авангардом рабочего класса (большинство, впрочем, мало с ним сталкивалось).

«Общинники» разъясняли, что их идеология соответствует интересам большинства населения – разве что кроме бюрократии. Такого же мнения о своей идеологии придерживалось большинство неформалов и демократов-популистов. Дискуссии между марксистами-ленинцами и «общинниками» продолжились и на пленарном заседании. Но ее главной задачей было принятие решения о создании объединенной организации, в рамках которой могли расцвести и полемизировать все оттенки социалистической мысли. В качестве оргструктуры этой «социалистической партии» предполагались принципы организации, только что принятые для федерации. На это всесоюзный клуб согласился. В итоге получилась самая многочисленная из неформальных организаций. Но она была рассчитана не на действие, а на дискуссию.

Часа через полтора после начала конференции в парке Горького, когда дебаты уже утихали, нагрянула милиция. Когда в дверь забарабанили, «все заняли свои места, и когда потные, но довольные милиционеры с гончим блеском в глазах ввалились в помещение», то обнаружили представление спектакля «Дальше, дальше, дальше...»^[206] Под аплодисменты зала заканчивались и спектакль, и конференция.

После этой объединительной конференции «общинники» и ленинцы еще пару месяцев продолжали спорить, обменялись полемическими статьями о «детской болезни» анархизма и марксизма-ленинизма в неформальном движении, распространяли по сетям друг друга свои материалы. Но практического взаимодействия, и тем более социалистической протопартии, на основе новой структуры возникнуть не могло. И всесоюзный клуб, пораженный сектантской враждой разных марксистско-ленинских лидеров, и федерация распадались. После конференции Исаев говорил об организационной структуре: «Федерация будет похожа на нашу фракцию как две капли воды». Но зачем тогда нужна федерация со всеми проблемами, исходящими от необходимости общаться с «народными фронтовиками»? После августовской конференции реальная деятельность федерации фактически прекратилась – федералисты работали в «Альянсе социалистов-федералистов», а марксисты – в «Московском народном фронте».

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОХОЛОДАНИЕ

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ после партконференции наступило очередное политическое похолодание. 28 июля Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР». Впервые актом СССР был определен порядок организации митингов и демонстраций. Порядок этот был более суровым, чем даже «временные правила». Заявку нужно было подать за десять дней и через пять получить ответ. В заявке надо было указать форму, цель, место, время, предполагаемое количество участников митинга и так далее. Власти могли переносить место проведения митинга в удаленные уголки города или вовсе отказывать в нем, причем в последний момент. За проведение несанкционированных митингов предусматривались аресты на 15 суток и штрафы на высокую для того времени сумму до тысячи рублей. Одновременно был принят указ Президиума ВС СССР «Об обязанностях и правах внутренних войск МВД СССР при охране общественного порядка», предоставивший им широкие полномочия при разгоне несанкционированных манифестаций.

Вызов «поправовевшему государству» (как выразился неформальный журнал «Община») бросил «Демократический союз». 21 августа и 5 сентября он провел на Пушкинской площади несанкционированные митинги, приуроченные к 20-й годовщине вторжения 1968 года в Чехословакию и 70-й годовщине начала красного террора. Обе исторические даты говорили сами за себя, так что «дээсовцам» можно было ничего не объяснять. Тем более что общаться с собравшейся толпой зрителей все равно не давал впервые примененный ОМОН. «Демократический союз» и ОМОН обеспечивали зрелище для завсегдаев недавно раздавленного «Гайд-парка». Некоторых зрителей омовцы делали участниками шоу, хватая присутствующих без особого разбора. Новым вкладом в митинговую культуру стал символ «новой демократической России» – петровский триколор, которым картинно размахивали митингующие, после чего знаменосец получал удары дубинкой и отправлялся под арест, а флаг изымался. Но на новом митинге триколор возникал вновь. Шоу продолжалось. Всего в 1988 году в Москве прошло более 600

несанкционированных митингов. На Пушкинской площади демократы тусовались по выходным до осенних холодов.

Некоторых консервативных авторов и по сию пору возмущает, что «участников акции лишь ненадолго задержали, а затем вскоре отпустили. По сути, впервые призывы к насильственному свержению существующего в СССР строя не получили действенного отпора со стороны правоохранительных органов»^[207]. Но что бы они рекомендовали правоохранительным органам? Посадить неформалов не на несколько суток, а на несколько лет по уголовной статье? Это вызвало бы кампанию за освобождение политзаключенных и ухудшение внешнеполитической ситуации. Подавить кампанию протеста в 1988—1989 годах можно было только с помощью массовых репрессий, и не только против неформалов, но и против «либеральных коммунистов». Эта угроза воспринималась демократическим движением как основная, и называлась она – конец перестройки, реакционный переворот.

РАСПАД ФСОК И СОЮЗ НЕЗАВИСИМЫХ СОЦИАЛИСТОВ

ФЕДЕРАЦИЯ ВЫПУСТИЛА резолюцию против агрессии 1968 года. «Община» сочувственно писала о «Демократическом союзе». Похолодание заставляло неформалов «жаться друг к другу». Похолодание вызвало и отток случайного актива, всплывшего в эйфории митингов. Многих пугали разгоны, и они уходили из движения, чтобы не подпасть под удар грядущих, как казалось, репрессий. Один из лидеров «Демократической перестройки» А. Фадин писал: «Холодный ветерок скепсиса сильно поубавил энтузиазма у активистов движения, либералов-реформистов в аппарате, да и просто интеллигентов– „болельщиков“»^[208].

«Похолодание» тяжело сказалось на судьбе федерации. Теперь у неформалов сил хватало только на поддержание контактов своего объединения. «Общинники» еще поговаривали, что их организация должна стать «ядром федерации», но на выполнение этой задачи не было сил.

16 октября прошла последняя конференция Московской организации федерации с участием представителей других

городов^[209].

Члены оргсовета фронта довольно искренне рассказывали о своих достижениях и трудностях. Высказывались надежды на то, что удастся наладить контакты структур «Народного фронта» и федералистов. Никто не был против, но никто не хотел сам этим заниматься.

Распад федерации стал следствием летнего раскола неформалов и дальнейшего ухудшения условий их деятельности осенью 1988-го. Это событие имело важные, тогда еще неясные последствия. В 1988 году социалисты вырвались вперед в «партстроительстве», сумели создать массовую всесоюзную структуру с общей конструктивной программой. Это давало шанс на возникновение устойчивой лево-центристской организации, в перспективе – социалистической партии. С распадом федерации это преимущество было потеряно социалистами, и в России уже никогда не было социалистической партии с таким влиянием в общественном движении. Общественное внимание уже было завоевано возникшими ранее организациями либо партиями, имевшими депутатский ресурс.

В 1988—1989 годах судьба социалистического партстроительства зависела от федералистов. Пользуясь тем, что их конкуренты в социалистическом движении были заняты работой по строительству «Народного фронта», «общинники» и их единомышленники в других городах могли взять себе нишу социалистической партии. Федералисты чувствовали неудачность названия «Альянс социалистов-федералистов». Оно было сложным для людей с улицы. Возникла проблема самоидентификации движения. Кто мы?

Новая организация поддерживала идеологию, известную как «общинный социализм» и федерализм. Исторически эти взгляды уходили в традиции антиавторитарного социализма в спектре от Прудона и реформистов-народников до Бакунина и левых эсеров. В современном мире эта традиция представлена в левом социализме и анархизме. Но левый социализм по своей нише предельно близок большевизму, а «общинники» были настроены антибольшевистски – ведь они боролись с коммунистическим режимом и не разделяли основ марксистской идеологии. Они не могли назваться просто социалистами – ведь в это время почти все были за социализм, а социализмом обычно назывался существующий строй. Перед «общинниками» встала альтернатива – или стать левым крылом в

организации всех социалистов (Федерация социалистических организаций и клубов или ее преемник), либо создать собственную отдельную политическую организацию с «общинной идеологией». Но в преддверии выхода к народу в 1989 году (было ясно, что с весенним потеплением политический актив снова выйдет на улицу) нужно было как-то ясно назваться. «Социалисты-федералисты», да еще в каком-то альянсе – это было непонятно. Для фракции это еще годилось, а для отдельной всесоюзной организации – нет.

Как историки, «общинники» обсуждали возможность самоидентифицироваться как эсеры. Но эсеры – террористы, что противоречило принципам ненасилия, которым были привержены «общинники». Обсуждалось название «новые социалисты-революционеры», «чтобы отличаться от Фанни Каплан».

7 октября федералисты создали на базе «Альянса социалистов-федералистов» уже совсем самостоятельную от федерации организацию – Союз независимых социалистов. Л. Наумов так оценивал смысл такого шага: «В этих клубах одновременно и самостоятельно (что само по себе симптоматично) возникло стремление к созданию самостоятельного политического союза, общие принципы которого: самоуправление и федерализм..., требование беспартийного общества... Мне кажется, это является в известном смысле логическим следствием развития федерации – на ее основе сформировалось радикальное политическое ядро, которое нуждается в полной идеологической и политической независимости и самостоятельности... Что означает одновременное зарождение в общем-то одной идеи в разных клубах и разных городах страны?... Это реакция той части интеллигенции, которая до апреля 1985 года (а строго говоря, до января 1988 года) не занималась политикой, ища альтернативу бюрократии в экологии, культурничестве и так далее. Затем наступил период быстрой политизации – создания федерации и теперь – полная идеологическая и политическая независимость и самостоятельность как условие союза с либералами»^[210].

Итак, Союз независимых социалистов был уже почти партией, готовой к полноправной политической игре. Партией он не назывался только по одной причине – федералисты были противниками партийности как таковой. Только в 1990—1991 годы они стали принимать участие в создании партий, приговаривая, что «нам

навязали партийные правила игры». В 1988-м форма (непризнание себя партией) диктовала содержание – организация не могла назваться социалистической партией. К тому же «общинники» так активно обличали «фронтовиков» в самозванстве, что не хотели быть самозванцами сами. Ведь формально социалистами тогда назывались все – от коммунистов до самих «фронтовиков». В верности социализму клялись и будущие лидеры либералов – нужно было сохранять партбилет, который давал доступ к СМИ и был условием сохранения статусности.

Всего через год-два социализм станет парией «демократической» идеологии. Но в 1988 году «общинники» считали, что не могут создать просто Социалистическую федерацию, а должны как-то подчеркнуть свое отличие от остальных федералистов. Слово «независимые» было вялой попыткой такой самоидентификации, но всем было ясно, что это – временное решение. Название «общинный социализм», с которым отождествлялась идеология организации, указывало на связь с народнической традицией, но было совершенно чуждо современности. Ведь общины давно остались в прошлом. Более точным было бы название «социализм советов» или «советский социализм», соответствовавшее программе движения. Но слова «советы» и «советский» тогда имели слишком официальный смысл, чтобы ими можно было обозначать оппозиционное, а не охранительное движение.

Создав организацию, «общинники» стали привычно работать над ее программой, согласовывая свои идеи с киевлянами, харьковчанами, ленинградцами и краснодарцами. Здесь повторилась ситуация лета 1987 года с программой «Общины». Исаев считал, что можно ограничиться эффектной декларацией, а я настаивал на создании подробного проекта преобразований в стране. 7 ноября представители «Общины» и ленинградских групп обсуждали программу-минимум. Ленинградцы, прежде всего А. Ковалев, отнеслись ко всем этим социал-экономическим идеям скептически. Главное – борьба за свободу. Тогда Исаев предложил не принимать программу-минимум. Я настаивал: «Избавление от „монархических“ иллюзий, которые многим принесла XIX партконференция, и вольный ветер, гуляющий по прилавкам магазинов, свидетельствуют о том, что скоро общественно-политическим организациям, в том числе и Союзу независимых социалистов, предстоит большая работа»^[211]. Помимо

общего идеала, если не хотим заразиться «партийной беспринципностью», нужна четкая позиция по преобразованиям, которые следует провести в ближайшее время. Если у нас не будет конструктивной программы, придется выделяться не радикализмом социалистической модели, а радикализмом формы выступлений. Перед «общинниками» стоял выбор, характерный для любой политической организации: что важнее в политике – программа или имидж?

ФРАКЦИОНЕРЫ

ОСЕНЬ 1988 ГОДА оставляла мало возможностей для политической работы. Предвыборная кампания начнется ближе к зиме. Продолжались пропагандистские лекции, но на них ходил один и тот же круг людей, «всплывший» летом. Нужна была новая кампания, чтобы актив не деморализовался, чтобы приобрести новые организационные позиции к весне 1989 года, когда ожидался новый подъем общественного движения.

Это называлось «выбивание площадок» для агитации.

С лета были очевидны две возможные «площадки», помимо обжитого лекционного «Факела» – НИИ культуры, директор которого, Чурбанов, поддерживал создание «Народного фронта», но охладел к идее после раскола неформалов, и структура ВЛКСМ – Комитет молодежных организаций.

«Общинники» попробовали продолжить сотрудничество с НИИ культуры, создав независимое от КПСС «Педагогическое общество». Основой для него должны были стать несколько видных педагогов-новаторов, ученые-культурологи, студенты-педагоги и активные школьники «Альянса». В оправдание «общинников» можно привести только два обстоятельства – они действительно были профессиональными педагогами и действовали в условиях, когда существовал очевидный дефицит независимых от власти профессиональных организаций. Но и этого оказалось недостаточно. Педагоги-новаторы «играли» в общество вяло, и в конце концов оно «увяло» – им перестали заниматься^[212].

Более драматично развивалась последняя попытка «Общины» завоевать на свою сторону часть комсомольского актива. На этот раз

вторжение на поле «комсы» было задумано очень радикально и адресовалось к партийной оппозиции. Неформалы провозгласили «фракцию», как бы призывая старших товарищей сделать то же самое в партии.

25 октября «общинники» и Всесоюзный социально-политический клуб провели организационное собрание Демократической фракции ВЛКСМ. Она потребовала принятия программы КСМ, признание свободы фракций и группировок, свободу дискуссий в организации и выпуск дискуссионного листка ВЛКСМ. Также предлагался эксперимент в духе предложений 1986 года – признание наряду с территориальными организациями ВЛКСМ также общественных групп по интересам. «Являясь оппозицией существующему бюрократическому аппарату в ВЛКСМ, мы подчеркиваем, что этот аппарат на последнем пленуме окончательно встал в оппозицию перестройке», – провозглашали фракционеры. 9 ноября Демфракция объявила дискуссию по программе ВЛКСМ (ведь у комсомола не было своей программы). Тезисы программы предложили «общинники», выдержав их в радикально-социалистическом духе.

Несмотря на то что «общинники» утверждали, что свобода фракций – последний шанс на спасение ВЛКСМ, спасти эту организацию в условиях нарастающей перестройки не могло уже ничто. Речь шла лишь о том, кто станет наследником имущества ВЛКСМ. Разумеется, у самих «общинников» не было шансов, что им самим что-то всерьез перепадет – они не занимались бизнесом. Но был шанс на время получить помещение в центре Москвы и выход на страницы комсомольской прессы, что позволило бы развернуть агитацию ранее аполитичных масс.

Серия дискуссий о свободе фракций в ВЛКСМ была моделью такой же дискуссии, которая позднее начнется в партии. Многие участники обсуждений, инициированных «общинниками», это понимали, о чем говорят записки делегатов-комсомольцев, направленные в президиум конференции ВЛКСМ МГПИ, где обсуждались требования фракции.

С. Золочевский: «К фракционности нас вынуждают не только кризис комсомола, но и требования Основного

закона, запрещающего политические организации». А раз в условиях существующей монополии на политическую деятельность неформалы не могут получить юридических прав, они и «вынуждены действовать также и через ВЛКСМ, имеющий эти права».

«Когда общество станет настолько демократично, что любая общественная организация будет не менее монопольна в своих правах, чем ВЛКСМ, и авторитет организации не будет определять ее „принятость в верхах“, вопрос о фракционности отпадет и все фракции отпочкуются в самостоятельные организации».

Спектр позиций, будораживших молодежную аудиторию, определяют две записки: «Не кажется ли вам, что ругань между редакцией „Общины“ и остальными делегатами на сегодняшней конференции – яркий пример возможной свободы фракции?» Результаты голосования показали, что мнение остальных делегатов в большей степени отражает другая записка, в отличие от предыдущей – подписанная: «Мы слишком долго считали блоком (=фракцией и так далее) троцкистско-бухаринский блок. Ныне – время переменялось. Знаем много о Бухарине, понимаем, что разные мнения в одной организации рождают истину. Нельзя выводить „Общину“ из комсомола. Они во многом правы. Надеюсь, ребята (обращаюсь к „Общине“), вы будете так же работать, отстаивать свои платформы. М. Радионовская. Филфак».

В разгар полемики «консерваторы» решили напомнить, что активисты Демфракции имеют подмоченные выговорами комсомольские билеты. Глава институтской организации ВЛКСМ Ангелин озвучил записку: «Не могли бы вы дать информацию о состоянии персональных дел Шубина и Исаева?» – «А у них по строгому с занесением». Лучше бы он этого не делал. «Общинники», тоже сидевшие в президиуме конференции, выступили и напомнили, что взыскание было политической расправой за их участие в митингах летом 1988 года. Они тут же превратились в «ельциных институтского масштаба», и конференция, явно сочувствуя обиженным, сняла все

взыскания, а затем и самого Ангелина с его поста. Пришедшая к власти Е. Болотова «общинников» уже не трогала. Конференция поддержала основные положения Демфракции.

Раскололся и комсомольский аппарат. Собравшись в Сургуте, несколько влиятельных комсомольских чиновников провозгласили «Сургутскую инициативу» по демократизации ВЛКСМ. Но первый секретарь ВЛКСМ Мироненко заявил о неприемлемости требований Демфракции. Диалога не получилось. «Община» получила доступ к комнатке в Комитете молодежных организаций, и не более.

К концу года в Союзе независимых социалистов шла бурная дискуссия о том, какой быть этой организации. Стань она более умеренной – и Демфракция пополнила бы ее ряды^[213]. Но был избран более радикальный вариант стратегии, и Демфракция растворилась в общедемократическом движении. Исаев даже настаивал на демонстративном выходе из ВЛКСМ, но ему ответили, что для начала нужно закончить институт. Все-таки на дворе был еще не 1991 год. Через полгода, закончив институт, «общинники» покинули комсомол. Пришедшим в школу молодым учителям, как правило, предлагалась общественная нагрузка – руководство школьным комсомолом. Каково же было удивление школьных партторгов, когда они узнали, что МГПИ выпустил из своих рядов некомсомольцев.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОНФЕДЕРАЦИИ АНАРХО-СИНДИКАЛИСТОВ

«ОБЩИНА» И АНАРХИЗМ

В 1987—1988 ГОДАХ путь неформалов от социальной субкультуры к политизированному гражданскому обществу был пройден. Один из маршрутов этого пути провело неонародническое течение «общинных социалистов» (федералистов). Становление движения в 1986—1988 годах предшествовало драматической анархо-синдикалистской фазе в истории неонароднического течения. Существенно, что из «общинников» так и не получилось хрестоматийных анархистов, а в 90-е многие из них вернулись к более умеренным взглядам 1986—1988 годов, значительно расширив поле своей социальной деятельности, прежде всего профсоюзной, экологической, журналистской и педагогической.

Постоянный состав «Общины» был невелик – около 15 человек. Всего в «Общине» обычно числилось 25-50 человек – половина состава была «переменной», люди приходили и уходили. Всего через «Общину» и московское отделение Конфедерации анархо-синдикалистов в 1987—1991 годы прошло около 300 человек^[214].

«Общинный социализм» имеет и собственное специфическое место в истории идей. Он поднял знамена, которые пали в первой половине XX века. Индустриализм, равнодушный к аграрному социализму, и репрессии большевиков покончили с народничеством. «Община» сделала народнические идеи актуальным фактором идейной жизни СССР на закате его истории. Еще в конце XIX века антиавторитарный, либертарный социализм (в том числе анархизм), корнями уходящий в работы Прудона и Оуэна, был вытеснен марксизмом и анархо-коммунизмом. «Общинный социализм» стал его возрождением. При этом «общинные социалисты» учли опыт XX века и пошли дальше. «Общинный социализм» уже в начале развития Конфедерации анархо-синдикалистов соединил народнические, либертарно-социалистические и синдикалистские идеи с достижениями постиндустриальной футурологии. Таким образом,

социалистическим советским идеям была открыта дорога в XXI век. Как бы ни сложилась судьба «общинных социалистов», они продолжили, а не закончили историю идей конструктивного освободительного социализма, которые становятся на закате индустриальной эпохи все более своевременными.

К концу 1988-го «Демократический союз» и Союз независимых социалистов представляли из себя то, что до 1993 года в России называлось партией. Эти партии первого поколения представляли собой сети активистов, которые действовали на энтузиазме и активно отстаивали свои взгляды на внутрипартийных мероприятиях. Это было время праздника многопартийной демократии, который после официального перехода к многопартийности сменился в большинстве случаев бюрократической дисциплиной избирательных машин, выстроенных не под идеологию, а под группу финансирующих проект руководителей. Промежуточной стадией в развитии многопартийности стали партии харизматических личностей и обломки КПСС, которая уже в 1990-м стала рассыпаться на фракционные и клановые составляющие.

Но политическая организация должна иметь броское название, а с этим у Союза независимых социалистов было плохо. Пора было определяться с названием идеологии и политического проекта.

Вспоминает В. Гурболиков: *«В это время очень хотелось провозгласить себя социал-демократами. Но тогда пришлось бы идти на переговоры с другим кругом лиц, который тоже претендовал на эту нишу – с О. Румянцевым, „Перестройкой“, а с ними у нас почти не было ничего общего во взглядах. И человеческого контакта не было».*

В действительности будущие социал-демократы уже тогда были социал-либералами, то есть либералами с социальным окрасом. Когда стало «можно», они отказались и от социализма.

Между тем настала пора предвыборной кампании. Нужно было участвовать. По новой процедуре избиратели не имели права голосовать за любого кандидата. Его должна была выдвинуть

официально зарегистрированная организация, а потом еще и утвердить окружное избирательное собрание.

А. Исаев был выдвинут кандидатом в депутаты СССР от Фонда социальных инициатив. «Общинники» согласовали со Скворцовым предвыборную программу фонда, которая была довольно подробной, затрагивала вопросы экономики, социальных отношений, политики, права, экологии и так далее.

Программа требовала передать большинство предприятий «в полное распоряжение трудовых коллективов». Здесь «общинники» предлагали свою систему ассоциаций предприятий, коллегии которых состоят из представителей советов трудовых коллективов. Эти ассоциации могли бы регулировать рыночное хозяйство наряду с хозрасчетными структурами. Программа предлагала по-разному относиться к трудовым кооперативам, где работники являются совладельцами, и к коммерческим предприятиям (в это время капиталистический сектор начал развиваться под видом кооперативного). Это был компромисс «рыночных социалистов» с противником «кооперативщиков» С. Скворцовым, участником создания Объединенного фронта трудящихся. Под влиянием Скворцова «общинники» согласились поддержать идею замораживания цен. При этом предполагалось создать Федерацию потребителей, которая могла бы контролировать движение товаров и их качество^[215]. Программа включала набор экологических и правозащитных требований, которые в 1989 году станут общепризнанными в демократическом лагере.

Союз независимых социалистов превращался в партию де-факто. Но в это время взгляды Исаева продолжали радикализироваться, и в итоге он рискнул личной карьерой в пользу идеологической радикальности. Исаев решил, что этот союз должен провозгласить себя анархистской организацией, что по тем временам было очень круто даже для «Демократического союза».

А. Исаев вспоминает: *«Мы упорно искали название, которое отражало бы нашу сущность. Но каждый раз название было каким-то блеклым. Обсуждали названия „революционные синдикалисты“, „левые эсеры“. В том числе обсуждались „анархо-синдикалисты“. Мы постоянно отвергали это название как слишком резкое. Решающую роль сыграл Леша Ковалев, который был успешным для того времени общественным деятелем. Разговаривая с Гурболиковым, он сказал: „Конечно, это же яркое название. Тут я выступал в одной аудитории, и мне сказали: „То, что вы говорите, это анархо-синдикалистский уклон, который партия давно разгромила“. „Все уклоны разбила, в результате мы так и живем“, – ответил Ковалев под гром аплодисментов. В результате очень загорелся этой идеей Володя Гурболиков“.*

В «Общине» последовательным стопроцентным анархистом почти никто не был. С одной стороны, анархистами, но своеобразными, считали себя старые лидеры Исаев, Шубин и Гурболиков, но до зимы они видели Союз независимых социалистов более широким движением, в котором участвуют анархисты. Не у всех должны быть такие четкие идеи с такими далеко идущими выводами. Анархистами считали себя молодые активисты «Альянса» и П. Рябов. Они критиковали «вождей» за оппортунизм, за нежелание прямо назвать организацию анархистской. Но многие члены «Общины» не считали себя анархистами, некоторые из них не перешли затем в Конфедерацию анархо-синдикалистов. Свои анархистские позиции давно не скрывал иркутский лидер И. Подшивалов и еще несколько лидеров провинциальных групп, но вокруг них группировались левые социалисты, многие из которых тогда не считали себя анархистами.

Исаев так вспоминает о мотивах принятия самоназвания «анархо-синдикалисты»: *«Между нами разгорелся спор. Я говорил, что мы же с тобой действительно анархо-синдикалисты, а ты отвечал: „Я анархист, и я синдикалист, но я не анархо-синдикалист“. Имелось в виду, что анархо-синдикализм существовал как*

конкретное идейное течение со своими особенностями, некоторые из которых не соответствуют идеологии „Общины“. Впоследствии пришлось доказывать, что именно „общинный социализм“ и есть современный российский анархосиндикализм. В итоге эта позиция и стала реальностью. «В этот период у нас было историческое сознание. Мы переносили на современные реалии известные нам исторические модели. Судьба Бакунина и споры вокруг Маркса волновали нас не меньше, чем современные события. Время от времени мы называли себя анархистами, что было довольно условно в ситуации того времени.

Как это ни парадоксально, накануне принятия решения о провозглашении Конфедерации анархо-синдикалистов у меня наметился даже некоторый отход от увлечения анархизмом, я стал с интересом читать всяких эсеров, народников».

Два обстоятельства сыграли свою роль в этих событиях. Исаев опасался, что в случае острого социального кризиса революционные массы уйдут к «Демократическому союзу». Ожидание революционного взрыва радикализировало «общинников». Одновременно они занялись организацией народной дипломатии – поездок общественных активистов разных стран в гости друг к другу. «Общинники» установили контакты с анархо-синдикалистами из Шведского рабочего центра. Те обещали поддержку анархистскому крылу Союза независимых социалистов. Поскольку в Исаеве все время боролась тяга к анархизму с прагматичностью социал-демократа, такой «прагматический» аргумент перевесил мои «правые» доводы против анархистской самоидентификации.

ПОД ЧЕРНО-КРАСНОЕ ЗНАМЯ

22 ЯНВАРЯ 1989 ГОДА собралась плановая конференция Союза независимых социалистов, которая должна была определиться с названием. Идея Исаева, активно поддержанная Гурболиковым, назваться Конфедерацией анархо-синдикалистов, захватила большинство делегатов.

Делегаты устали от идейных компромиссов, а анархо-синдикализм в интерпретации «Общины» был достаточно последователен и ясен. Очень активно это название поддержал А. Ковалев (через несколько месяцев ему надоело называться анархистом, он отошел от конфедерации и был избран депутатом Ленсовета). Против выступали мы с Корсетовым. Я при этом признавал себя анархистом (он считал себя таковым с осени 1988 года) и отдельно – синдикалистом, то есть сторонником участия в рабочем движении. Но доказывал, что называть организацию анархосиндикалистской нельзя, так как анархо-синдикализм – это определенная исторически сложившаяся идеология, которая не во всем точно соответствует нашей идеологии. В действительности анархо-синдикализм XX века сочетался с анархокоммунизмом, который был чужд «общинникам». Их идеология была ближе народничеству и прудонизму.

Большинство некоторое время колебалось, но более удачного названия не нашлось.

В конце концов придумали такой временный компромисс. Те, кто считает себя анархистом, входят в конфедерацию, а кто нет – в Союз активных беспартийных (аналогия с чехословацким движением 1968 года). В этот же союз входят и касовцы, и он становится аналогом Федерации социалистических общественных клубов. Но энергии на две организации опять не хватало, и «активно-беспартийная» тень конфедерации быстро отмерла. Осталась только Конфедерация анархо-синдикалистов. Идеология и лидеры организации остались прежней, в качестве ее декларации была принята декларация федералистской фракции федерации.

Преобразование «общинников» и их союзников в других городах в анархо-синдикалистов исключало участие в «разрешенной демократии». Кандидатура А. Исаева была тут же отсеяна избирательной комиссией под тем предлогом, что Фонд социальных инициатив не может выдвигать кандидатов.

Когда Конфедерация анархо-синдикалистов 1 мая собралась на свой I съезд, ее ряды заметно выросли. Быть анархистом считалось «круто», и в то же время последовательность идеи максимальной свободы и солидарности привлекала под черно-красные знамена вполне рационально мыслящих людей. В центре обсуждения программы оказался «вопрос о власти», но поставлен он был по-

анархически своеобразно: а нужна ли власть вообще? Теоретики «общинного социализма» (не только московские – особенно активны были харьковчанин А. Рассоха и лидер иркутской организации И. Подшивалов) неумолимо разъясняли неопитам, что путь до анархии не близок, и начинать следует с самоуправления, с организации, а не с хаоса и разрушения. В принятом на съезде программном документе говорилось:

«Анархия – значит безвластие, отсутствие насильственного принуждения человека к чему-либо. Власть, насилие присутствуют и в общественном хаосе, и в насильственных беспорядках, и в банде грабителей. Анархия пробивает себе дорогу лишь там, где отступает власть человека над человеком, и потому она значит лишь одно – максимально возможную свободу для всех, невозможность расширения степени свободы одной личности за счет другой. Зачатки анархии – в творчестве, в последовательной демократии и самоуправлении». А пока нужно бороться за новый социализм путем переустройства общества на основе широкого самоуправления, федерализма, формирования вышестоящих структур из делегатов нижестоящих, безусловного соблюдения гражданских свобод и др. Вошедшие в организацию украинские анархокоммунисты критиковали синдикализм как слишком узкое учение. Москвичи в ответ предлагали трактовать синдикализм максимально широко – как принцип федерации социальных организаций, независимых от власти и капитала...

Размышления на темы общества будущего и знакомство с зарубежной социологической мыслью (в советском пересказе) позволило уже тогда поставить вопрос о перспективе перехода к постиндустриальному обществу. В январе 1989 года эта проблема обсуждалась в статье «Мир на пути к анархии», опубликованной в «Общине». Затем формулировки статьи по предложению харьковского делегата А. Рассохи вошли в программу конфедерации:

«В передовых странах мира начинает размываться важнейшее разделение труда на умственный и физический. Компьютерная революция создает принципиально более совершенные средства коммуникации, согласования различных социальных интересов, окончательно делает

ненужным иерархический аппарат чиновников, созданный для накопления и переработки информации. Разрушение ведомственных информационных ячеек расширяет сферу свободы (анархии) информации, втягивая все новые слои населения в сферу творческого труда... Неспособность бюрократических машин справиться с современными проблемами человечества, и прежде всего с экологической проблемой, приводит к падению авторитета партийно-парламентских систем... Компьютерная революция разрушает иерархию общества и на уровне предприятий, все более вытесняя управление людьми управлением машинами, ликвидируя узкую специализацию. Но сами по себе компьютеры не в состоянии решить проблемы современного производства, они – только орудие в руках человека. Противоречия различных интересов на предприятиях препятствуют свободному обмену информацией, могущей быть использованной различными сторонами друг против друга. Это воздвигает часто непреодолимые препятствия на пути развития производства.

Выход – в участии непосредственных производителей как в прибылях, так и в принятии решений на производстве. Рабочее движение в странах Запада в 50-60-е годы добилось существенных сдвигов в этом направлении, вплотную подвело современные предприятия к грани самоуправления.

... Все большую силу приобретают не партийные движения гражданских инициатив, стремящиеся к децентрализации, распылению власти и территориальной деспециализации, деконцентрации экономики. Это соответствует объективным экономическим процессам, намечившимся в 50-60-е годы. Опираясь на богатый опыт местного самоуправления, мировой процесс демилитаризации, непартийные движения являются силой, способной реализовать объективные предпосылки возникновения того общества, которое теоретики разных направлений называют анархией, коммунизмом, постиндустриальным и информационным обществом.

Но возникновение этого общества не неизбежно. Сопротивление бюрократии может затянуть его становление настолько, что человечество не успеет предотвратить экологическую или социально-политическую катастрофу. В этом смысле судьба мира зависит от индивидуального выбора каждого человека»^[216]».

Конфедерация анархо-синдикалистов оказалась единственной из заметных политических организаций, которые поставили проблему перехода к информационному обществу. В эту проблему, собственно, и уперлась перестройка. Непонимание направления преобразований, необходимого для преодоления научно-технического барьера, предопределило поражение перестройки. Но когда эта проблема наконец начала осмысливаться, общество уже было озабочено разрушением существующей системы без ясного понимания, чем ее заменить.

Назвавшись анархо-синдикалистами, «общинные социалисты» серьезно изменили лицо, характер деятельности и социальную базу своего движения. Конфедерация стала одной из наиболее радикальных организаций времен перестройки. В ее акциях участвовали тысячи людей, хотя вступить в члены организации с таким шокирующим названием решилось к началу 1990 года не более 800 человек. Анархосиндикалисты были заняты организацией митингов, распространением многотысячных тиражей анархистских изданий (ведущим оставалась «Община»), созданием сети информационного агентства независимого рабочего движения КАС-КОР, участием в зеленом и правозащитном движениях.

Очень скоро выяснилось, что название диктует состав организации. В конфедерацию повалила молодежь, для которой анархия была символом не свободного ненасильственного общества, а «крутизны», вызова обществу, радикальной конфронтации с властями, контркультурного образа жизни. Одним из лидеров и ярчайшим представителем этого направления стал ленинградский анархист Петр Рауш (один из создателей Анархо-синдикалистской свободной ассоциации, которая вошла в конфедерацию). Он быстро отошел от анархо-синдикализма и стал утверждать, что жить по-анархически

можно уже в современном обществе, для чего нужно перестать быть зависимым от него^[217].

Все это было чуждо «общинным социалистам» призыва 1986—1988 годов. Между двумя течениями начались конфликты, которые усложнялись участием в них анархо-коммунистов, настаивавших на том, что конфедерация должна строго следовать идеям анархистов начала XX века. Другие анархисты – «ненастоящие».

Несмотря на то, что конфедерация формально существует до сих пор ее бывшие лидеры после 1991 года сосредоточились на работе в профсоюзном и экологическом движениях, журналистике. Большинство покинуло конфедерацию, но в 1989-м появление на политической арене анархистов оказало воздействие на общество – стало ясно, что политический плюрализм отныне не имеет рамок дозволенного.

Через 15 лет А. Исаев так подвел итоги своего спора со мной: *«Мы тогда оба оказались правы в том смысле, что стакан наполовину пуст и наполовину полон. Одна половина стакана: избрание нами названия анархо-синдикализма дало резкий скачок известности, проявился значительный интерес прессы и в связи с этим интерес общественности, приток кадров.*

С другой стороны, оказался прав ты, потому что мы сделали шаг вбок. Мы загнали себя в ограниченную нишу, из которой не было выхода в реальную политику. Мы превратились больше в культурное явление, нежели в политический фактор. Заниматься реальной политикой, добиваться изменений в системе власти организация, именующая себя анархистской, не могла по определению. Можно было быть фактором, привлекающим внимание всеобщей критикой, эдаким «Московским комсомольцем». Весело и остроумно доказывать, что все дерьмо, – это мы могли. Этим решением мы вывели себя из реальной политики и перевели в сферу контркультуры».

А. Исаев говорил в конце 90-х: «Безусловно, не объявив себя анархистами, мы бы выиграли тактически в 1989—1991 годы. Но в

1993-м мы могли бы очень здорово опуститься. Мы не сумели бы повлиять на лидеров Белого дома и разделили бы ответственность за катастрофу. Что Бог делает – все к лучшему.

Сегодня много говорят о том, что идеи свободы сейчас отходят на второй план в связи с необходимостью выживания. Но я уверен, что идеи освобождения личности неизбежно вернутся, когда произойдет экономическая стабилизация.

Что представляют собой взгляды анархо-синдикализма? Это несколько утрированная последовательная демократия. Если избавиться от утрирования, то многое вполне может быть опробовано на практике – и самоуправление, и синдикализм, и федерализм»^[218].

К СВОБОДЕ СЛОВА

В КОНЦЕ 1988 ГОДА возникла возможность вывести на более высокий уровень неформальную прессу. В 1987—1988 годах самиздат перепечатывался героическими машинистками в сотнях экземпляров, и его слепые (по десять копий под копирку) экземпляры зачитывались до дыр. Спрос на порядки превосходил предложение.

Летом 1988 года «ксишники», «общинники», «гэдешники» и эмиссары других групп посетили «Мекку неформалов», которой тогда стала Прибалтика. Здесь национальная идея вывела на улицы десятки тысяч людей, народные фронты стали реальностью, с ними активно сотрудничала часть партаппарата. Как следствие, началось издание непартийных изданий многотысячными тиражами, высокой печатью. Неформалы разных мастей стали намекать своим друзьям-прибалтам, что нужно помочь борьбе «за нашу и вашу свободу». Отношение «общинников» к прибалтийским движениям было различным.

Вспоминает В. Гурболиков: *«Мне понравились эти ребята, они были идеалистами, и борьба их казалась безнадежной. Исаев же, глядя на скандирование лозунгов многотысячной толпой, сказал – похоже на фашизм».*

По размышлению зрелом «общинники» стали поддерживать национальные движения постольку, поскольку они направлены против «бюрократического центра», но критиковали их за нарушение прав

нацменьшинств в своих республиках. Отношения с друзьями-прибалтами были неровными, «Община» иногда неодобрительно высказывалась об акциях Интерфронтов, но защищала литовцев от январских силовых действий 1991 года.

Но в конце 1988-го это было впереди, и к неформалам, путешествовавшим по Прибалтике летом, обратился эмиссар Союза рабочих Литвы П. Вайтекунас с предложением предоставить литовские типографии к услугам русских демократов. Видимо, первое обращение последовало к «либеральным коммунистам», известным всей стране «демократам», но те были еще очень пугливы.

Тогда литовцы предложили неформалам издавать газету всех оппозиционных сил. Но собрать вместе всех было заведомо невозможно, и издавать газету согласились люди, лично хорошо друг к другу относившиеся и символизировавшие широкий идейный спектр. В итоге возник плюралистичный союз из представителей «Общины», «Гражданского достоинства» и других организаций. В. Корсетов подтянул христианских демократов. Эта коалиция оказалась столь разнородной, что долго не могла договориться даже о названии газеты. При этом все участники консорциума убеждали литовцев, что нужно дать возможность каждой группе выпускать свое издание многотысячным тиражом, но литовцы придерживались своей концепции единого народного фронта, которая у москвичей уже вызывала оскомину. Итогом этих прений стал дедушка независимой прессы «Независимый вестник», вышедший 5 декабря 1988 года невероятным для этого времени тиражом в 5 тыс. экземпляров. В качестве вкладки в нем были напечатаны декларации Союза независимых социалистов и «Гражданского достоинства». Эта вкладка потом распространялась как листовка. Устаревшее к этому времени название «Союз независимых социалистов» зачеркивалось, и сверху писали новое – «Конфедерация анархо-синдикалистов».

В основной части вестника были напечатаны различные оппозиционные материалы – о неформалах, польской «Солидарности» – отголосок сохранявшейся надежды на грядущий подъем рабочего движения. К этому времени и литовцы наконец поняли, что выгоднее вести наступление против режима по нескольким направлениям, чем согласовывать каждый материал целым парламентом, тем более что

все участники проекта находились в процессе поиска политического лица, что порождало новые противоречия^[219].

С начала 1989 года несколько неформальных групп получили самостоятельный доступ к прибалтийским типографиям. «Община» (уже как анархо-синдикалистский вестник) и «Панорама» стали выходить многотысячными тиражами. С ними на рынке соперничали «Экспресс-хроника», «Свобода слова», прибалтийские издания. А в 1990 году уже по всей стране хозрасчетные типографии печатали самиздат. Так совершился переход от самиздата к свободной прессе, существовавшей вплоть до приватизации, когда основные печатные средства массовой информации оказались в руках «олигархии».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

НЕОБРАТИМОСТЬ ПЕРЕМЕН

ТЕХНОЛОГИЯ КОНТРВЛАСТИ

ПРИНЦИП ПАРОВОЗА

ЕСЛИ В 1988 ГОДУ демократические выступления происходили вспышками, то в 1989-м возникли постоянные центры оппозиции со всеобщей известностью. Теперь вся страна следила за драматической и, как казалось, неравной борьбой демократов с бюрократическим режимом. И эта борьба на глазах становилась массовой – народ вышел на улицы. Если в 1988-м было неясно, началась ли в стране революция или это – только идеологические заклинания Михаила Горбачева, то в 1989 году обычными стали сравнения ситуации в СССР с Великой французской революцией или, по крайней мере, с 1905 годом.

Первым актом этой пьесы стали полудемократические выборы 1989 года. Все на этих выборах было впервые. Последующая череда избирательных кампаний была развитием событий этого времени: в центр политической жизни вышла фигура демократического депутата.

На выборах 1989 года компартии было не до целенаправленных действий. Ее крылья стремились в разные стороны. Как справедливо говорил Борис Ельцин: «Ведь это иллюзия, что у нас одна партия..., если у нас в одной КПСС состоят Юрий Афанасьев и Виктор Афанасьев, Ельцин и Лигачев, депутат Самсонов и депутат Власов, полные антиподы и по позициям, и по поступкам, значит, мы уже совсем запутались в понятиях и забыли вообще, что такое партия»^[220]. Распадаясь сама, партия становится источником развала политических и государственных структур. Спасти общество от распада можно было только путем освобождения его от распадающейся партии.

В соответствии с поправками к Конституции, принятыми в 1988 году, создавался Съезд народных депутатов. Из 2250 депутатских мест 750 получали общественные организации (как в проекте «Демократической перестройки»). Закон определил, какие организации их займут: КПСС, ВЦСПС, ВЛКСМ, официальные научные организации, творческие союзы и другие всесоюзные организации, признанные государством. Выборы от общественных организаций неформальный журнал «Община» сравнил с

корпоративной системой фашистской Италии^[221]. От этих квот депутатами стало несколько видных «либералов», в том числе Г. Попов и А. Сахаров.

Еще две трети мест должны были быть разыграны на выборах. Кандидат мог выдвинуться от любого учреждения, даже от детского сада. Но если у кандидата не было знакомого директора, то нужно было собрать по месту жительства 500 избирателей. Сложность заключалась в том, чтобы на это дали помещение.

Проведением выборов руководили окружные избирательные комиссии, которые создавались местными органами власти старого созыва. Особое значение комиссий заключалось в том, что они имели право предварительного отсева «неправильно выдвинутых кандидатов» и, что еще важнее, созыва окружных собраний, которые могли уже безо всяких объяснений отсеять всех кандидатов, которые по каким-то причинам были неудобны. Плюрализм должен был быть обеспечен выдвижением нескольких кандидатов, поддержанных КПСС. «Ну ладно, уговорили, – соглашаются наконец начальники, увидев, что давление в котле растет. – Будут вам выборы с выбором. Р-р-равняйся! Смирна! Вольно... Эй, кто там попер из строя?! „Вольно“ – не значит „разойдись“. Будут вам выборы из двух одинаковых кандидатов, как в Америке»^[222], – иронизировал журнал «Община».

Лишь немногие неформалы с партбилетами (например, Сергей Станкевич) смогли обмануть бдительность окружных собраний. Кампания Станкевича стала ключевой для политических неформалов Москвы, поскольку он представлял оргсовет «Московского народного фронта». Другие политизированные группы не смогли или не захотели выдвигать своих кандидатов.

Несмотря на то, что противники оргкомитета «Московского народного фронта» 1988 года не стали ставить палки в колеса Станкевичу, Москва все же обогнала страну по скорости формирования политического плюрализма. Дошло до предвыборной конкуренции между различными неформальными группами в Черемушкинском округе – фактом стала не просто двухпартийность КПСС – независимые (коалиции «демократов» тогда еще не было), а многопартийность КПСС – «демократы» – «патриоты» – экологисты. Из политических неформалов против Станкевича выступила редакция «Хронографа» (В. Прибыловский, С. Митрохин, И. Кудрявцев)^[223].

Удачное сочетание членства в КПСС и в неформальной организации обеспечило Станкевичу и прохождение через сито окружного собрания, и организованную группу поддержки. К тому же Станкевич изучал западные предвыборные технологии, и ему было интересно опробовать их на отечественной почве. Шансов победить было немного, но выборы давали возможность вести агитацию, продолжить летнюю кампанию в легальных формах.

Вспоминает С. Станкевич: *«Убедившись, что закон принят не в лучшем варианте, присоединяясь к критике всех этих рогаток, я все же принял решение, что нужно попробовать. На заседании фронта мы решили, что шансов почти нет, стена перед нами, но нужно использовать возможности предвыборной кампании для агитации. И координационный совет фронта выдвинул меня и Малютину. Собрали людей, обошли дома, приглашали, и 20 января 1989 года меня выдвинули от собрания избирателей. Утвердили меня и Лемешева. Парторганизация активно в собрании не участвовала, выдвигая кандидатов от трудовых коллективов»*^[224].

«Нам было легко вести эту избирательную кампанию, так как она накладывалась на ожидания перемен, наступление которых связывалось с этими выборами. В эту работу сразу включилось значительное число людей. В нашей команде работали более трехсот человек волонтеров, которые помогали нам кто на регулярной основе, а кто от случая к случаю. Они сами нас находили, сами предлагали свою помощь. Люди с машинами часто предлагали помощь в перевозке листовок или еще чего-то. Многие предлагали свои руки: ходили и расклеивали листовки. У них были свои маршруты, свои зоны. Наша квартира на Литовском бульваре быстро превратилась в склад, где постоянно находились груды листовок. Одни люди приходили за ними, другие привозили новые. Причем все люди работали бесплатно»^[225].

Уже при подготовке собрания избирателей сторонники Станкевича обходили квартиры, убеждая жителей поддержать их кандидата. Раздавались маленькие листовки-агитки, так называемая лапша.

Вспоминает С. Станкевич: *«Мы создали летучие группы, метод перемещающегося митинга. Места скопления народа вычислили, отметили на карте. В час пик проводили митинги минут по сорок, ежедневный социологический опрос у метро. Приглашали девочек-школьниц, которые вели эту работу. М. Шнейдер и А. Бабушкин себя тогда показали прекрасными организаторами этих кампаний».*

Судьбы Шнейдера и Бабушкина в дальнейшем сложились по-разному. Оба они активно участвовали в демократических предвыборных кампаниях 1989—1990 годов в составе «Московского народного фронта», Московского объединения избирателей и «Демократической России». В 1990-м Шнейдер стал ответственным секретарем координационного совета движения «Демократическая Россия», а Бабушкин – депутатом Моссовета, где, как бывший коммунар, занялся социально-педагогическими проблемами. На этой ниве, как и большинство депутатов Моссовета, он вступил в конфликт с мэрией, а затем и ельцинистской партией в целом. Шнейдер, напротив, стал одним из ее столпов в Москве. В 1993-м они оказались по разные стороны противостояния. После разгона Моссовета Бабушкин продолжил правозащитную деятельность в качестве директора Московского общества попечителей пенитенциарных учреждений и председателя комитета «За гражданские права». Стал одним из лидеров МО «Яблока». Шнейдер стал помощником Е. Гайдара и аппаратчиком «Демократического выбора России», а затем СПС.

Кампания Станкевича опиралась на «ельцинский пояс» проектных институтов в районе станции метро «Черемушки». Кандидат сразу понял важность связки со сверхпопулярным Ельциным, который мог вытянуть любого своего союзника, как паровоз тянет вагоны.

Ельцин вел кампанию в округе, включавшем всю Москву, и уже поэтому был главным и самым известным кандидатом «демократов». Кто с Ельциным – тот и «демократ». Коньком предвыборных выступлений Ельцина была не конструктивная программа реформ, а обличение партийных привилегий и некомпетентности высшей бюрократии.

Партийное руководство обижалось, и его капризные «наезды» на Ельцина доводили его популярность до экзальтации.

Но пока Станкевич еще сражался по принципу «каждый сам за себя». Он вспоминает: *«Самовыдвиженцев» сначала никто не принял всерьез. Было 12 кандидатов, из которых райком поддерживал трех – директора оборонного предприятия, директора института радиологии, врача, и прежнего депутата от района, академика – директора оборонного предприятия. Власти нас рассматривали как архитектурное украшение. Жители восприняли с интересом – это было в диковинку».*

Казалось, у одного из кандидатов райкома КПСС мандат был в кармане. Но характерно, что райком не сконцентрировал свою поддержку на одной фигуре. Между разными подразделениями райкома существовало даже некоторое соперничество. Так что, с одной стороны, Станкевич получал поддержку, а с другой – ему ставили палки в колеса^[226]. Противостояние с «демократами» еще не волновало партию, она культивировала плюрализм как метод отбора наиболее приемлемого для населения начальника. То, что в финал могут выйти не его фавориты, райкому казалось невероятным.

Вспоминает С. Станкевич: *«Они могли обещать, что отремонтируют дороги и школы, будут развивать здравоохранение. А я стоял в переходах метро, общался с людьми. Лемешев проводил митинги».*

В обычные стабильные эпохи обывательское сознание преобладает, и люди верят, когда начальственные голоса обещают все улучшить, ничего не меняя в системе. Но в революционные периоды люди требуют объяснений: а почему раньше не улучшили и не

построили? Может быть, дело в социальном механизме, который стоит изменить? И за ответом на этот вопрос идут не к начальству, а на митинг или к странному кандидату, который зябнет у входа в метро.

Тем не менее, райком отслеживал, что говорят кандидаты. О многопартийности Станкевич пока предпочитал не говорить (эту тему поднял на знамя А. Мурашев), но вот тему Ельцина отработал по полной программе.

Вспоминает С. Станкевич: *«Линией размежевания было отношение к Ельцину, который тогда стал остро критиковаться в прессе. Тема многопартийности не приветствовалась».*

15-16 марта состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором выступил рабочий В. Тихомиров, который обличил антипартийные выступления Ельцина в ходе предвыборной кампании. Была создана комиссия по проверке высказываний Ельцина. Опальный «правдоруб» снова был обижен. Это вызвало новую волну сочувствия. 18 марта в Москве прошла демонстрация в поддержку Б. Ельцина, в которой участвовало около 10 тыс. человек. На следующий день вдвое большее количество людей собралось перед Моссоветом и скандировало: «Ельцин! Ельцин!» Впервые на улицы Москвы вышло столько народа. Простые лозунги сплачивали недовольных. «Московский народный фронт» и конкурирующий с ним Российский народный фронт попробовали развернуть кампанию митингов в поддержку Ельцина, но проводить их разрешили только на удаленной от станций метро и от центра огромной площадке в Лужниках, где митингующие смотрелись сиротливо, даже если их было несколько сот. Случайных прохожих, которые могли бы пополнить ряды митингующих, здесь не было. Ссылка в Лужники как метод борьбы с легальными митингами понравилась городскому начальству. Это сыграет с ним злую шутку уже в мае 1989 года.

Ельцин меж тем собрался на встречу с избирателями в Братеево, где «демократы» были хорошо организованны по территориальному принципу. Несколько тысяч митингующих было обеспечено. Но, прознав о возможности увидеть «живого Ельцина», народ съезжался в Братеево со всей Москвы – собралось около 20 тыс. человек.

«К сожалению, первые минуты выступления я пропустила, так как лишь с третьей попытки смогла втиснуться в автобус, битком набитый желающими хоть одним глазком взглянуть на «героя нашего времени». Но атмосфера, царившая в автобусе, вознаградила меня за все эти неудачи. То тут, то там среди пассажиров раздавались веселые возгласы, не без угрозы, однако, предлагавшие шоферу ответить: «За Ельцина он или нет?», и, в случае положительного решения вопроса, ехать без остановок. Одной насмерть перепуганной старушке, безуспешно пытавшейся пробиться к выходу сквозь толпу горячих поклонников Ельцина, посоветовали «помитинговать, прежде чем сойти в могилу», а то ведь «70 лет молчали». Но все разговоры неизменно кончались заверением, что Бориса Николаевича мы в обиду не дадим!»^[227], – делилась своими впечатлениями О. Петрова.

И тут в игру удачно вступил Станкевич.

Вспоминает С. Станкевич: «Когда Политбюро создало комиссию по Ельцину, я написал телеграмму в его защиту, что это рецидив антидемократической практики. Подготовил к отправке и позвонил Музыкантскому, координировавшему кампанию Ельцина, чтобы он посмотрел. Он сказал: а что ты будешь один отправлять, давай мы соберем подписи наших кандидатов. Ельцин будет выступать на митинге в Братеево, и там добавим подписей».

В итоге письмо Станкевича убило двух зайцев: Ельцин получил публичную поддержку группы кандидатов, а кандидаты стали «вагонами», прицепленными к «паровозу» Ельцина. Сторонники Ельцина теперь могли определиться, за кого голосовать в более мелких округах.

Для этого нужно было сделать список в поддержку Ельцина достоянием гласности. Как нельзя кстати помог праздник плюрализма

на телевидении. Районные студии давали каждому кандидату по шесть минут на выступление. Настала очередь А. Мурашева.

Вспоминает С. Станкевич: *«Он заявил: „Программа у меня очень короткая – я выступаю за многопартийность, а дальше я зачитаю телеграмму“. Это была бомба, люди записывали ее и распространяли дальше. За неделю до выборов».*

Первый тур дал «ельцинистам» перевес в большинстве округов, где они выдвигались. Но для Станкевича победа была впереди. Фавориты аппарата не вышли во второй тур, и теперь предстояло соревноваться с «патриотами» и экологистами, двигавшими М. Лемешева. Его поддержали И. Глазунов, В. Солоухин, В. Распутин, С. Залыгин. Обе стороны пытались донести свою идею до избирателя с помощью простеньких рекламных стишков. Лемешевцы: «Выберите нас, выберите нас, не хотим носить противогаз». Странники Станкевича: «Станкевич смотрит в корень: плохи у нас вершки, но главная причина – не годны корешки».

Вспоминает С. Станкевич: *«Было противостояние, митинг против митинга, с взаимными обвинениями. Я был „агентом мирового сионистского заговора, ЦРУ и КГБ“. Сейчас бы их альянс (сторонников Лемешева. – А. Ш.) назвали „красно-коричневым“. Лемешева обвиняли в шовинизме, принадлежности к „Памяти“ (Лемешев официально отмежевался от нее. – А. Ш.), заикленности на экологических сюжетах – что все нужно остановить, запретить, в неспособности комплексного взгляда, конкретных предложений по демократизации политической жизни».*

Лемешевцы обвиняли Станкевича в карьеризме и контролируемости горкомом партии, использовании западных методов воздействия на избирателей. Лемешева обвиняли в шовинизме и неуравновешенности.

После того как Станкевич выступил в поддержку Ельцина, в МГК не нашли ничего лучше, как вызвать Станкевича на ковер и под

угрозой исключения из партии потребовать от него выступить против Ельцина. Естественно, Станкевич не мог на это согласиться, зато влияние партийных структур на него было обрублено одним махом^[228]. А Станкевич после этого конфликта получил 57% голосов во втором туре и стал депутатом-» демократом».

«ВТОРАЯ ПАРТИЯ»

ПОЛУЧЕНИЕ ДЕПУТАТСКИХ мандатов частью либеральных деятелей и несколькими (пока не самыми влиятельными в своей среде) неформалами поставило перед оппозицией новые вопросы. За депутатами формально стояли миллионы избирателей, в то время как за любой из неформальных групп – в лучшем случае тысячи. Следует ли становиться группами поддержки «нашей фракции» в парламенте? Будет ли эта фракция действовать в соответствии с позицией гражданского общества? Насколько можно использовать депутатские возможности и подчиняться таким образом горбачевским правилам игры? Каково соотношение парламентских и непарламентских средств борьбы?

Стало ясно, что после выборов сложились предпосылки для создания в СССР «второй партии» – влиятельного блока «демократов» с массовой опорой и позициями в органах власти. Но она была нужна не ради самой себя и ее лидеров, а ради преобразований в направлении большей свободы и успешного решения социальных проблем. Как этого добиться? Можно ли доверить выработку стратегии решения столь сложных проблем тем людям, которых отобрал совсем не демократический избирательный механизм? Единое демократическое движение, претендующее на роль «второй партии», могло возникнуть лишь при условии гармоничного соединения потенциала «демократических» депутатов, либеральных интеллектуалов-шестидесятников и неформалов. Препятствием для такого соединения были неформалы, которые сочетали в своих организациях весь набор функциональных ниш. Они были и сами себе стратеги, и сами себе орговики, и сами себе пропагандисты, и сами себе агитаторы. Депутаты получили очевидное преимущество в средствах агитации, интеллектуалы-шестидесятники стремились быть стратегами движения и «выносными мозгами» депутатов, имели хороший

агитационный потенциал (либерально-коммунистическая пресса). И тем и другим неформалы были нужны в качестве организационно-технической и тактической пропагандистской структуры. Но пока «деидеологизированные» организационные структуры еще не были созданы, и за неимением гербовой бумаги приходилось писать на простой.

Депутаты-реформисты от Москвы принялись формировать свою фракцию, и тут же столкнулись с проблемой – как назваться. Признаться в оппозиционности было еще рискованно. 15 апреля назвали нейтрально – Московская группа. После съезда она станет ядром Межрегиональной депутатской группы. И Московская группа, и Межрегиональная депутатская группа претендовали на роль штаба оппозиционного движения. Куда они собирались вести движение? Какова была идеологическая позиция «межрегионалов»? Формально – общедемократической. Но к демократии апеллирует подавляющее большинство идеологических направлений.

В литературе лидеров Межрегиональной депутатской группы называют радикалами^[229]. Однако это понятие не дает нам понимания их идеологии. К тому же очевидно, что в обществе было множество куда более радикальных формирований. Так, «державники» иногда выступали куда радикальнее межрегиональных депутатов. Более оправданными применительно к этой группе являются наименования «либералы» и «демократы». Однако, называя так, например, Г. Попова и Ю. Афанасьева, нельзя забывать об относительности этих понятий в период перестройки. Демократами депутаты-межрегиональщики были в том смысле, что поддерживали требования народовластия, предоставления власти представительным, выборным органам (Советам), расширения и соблюдения гражданских прав, демонополизации экономики. Эти требования, ясно сформулированные неформальным движением, отражали чаяния широкого оппозиционного движения. В 1989 году в общедемократическом движении, особенно с появлением этого образования, стала преобладать популистская струя. Выступая против опостылевшей и неэффективной власти КПСС, поддерживая демократические лозунги, люди отождествляли их воплощение в жизнь с несколькими известными политическими фигурами. Позднее, в 1990—1993 годах, когда их программа изменится, часть

популистских масс пойдет за прежними вождями, продолжая считать, что раз идет борьба с коммунистическими символами, то это и есть борьба за демократию.

Итогом эволюции взглядов вождей «демократии» в 1989—1993 годах станет отказ многих из них от демократических позиций. Это вызовет горькое разочарование демократического актива, которое много лет спустя выразил один из героев съезда народных депутатов СССР А. Казанник: «Для меня страшнейший удар, что эти идеи предали. Мы были настроены решительно. Но я разочаровался. Первое: Г. Х. Попов стал мэром Москвы, ничего не сделал... Но, конечно, Собчак, и даже скажу, что и Борис Николаевич, которые отступили от этих демократических принципов – вот это было самое страшное. Носители благородных идей, которые их формировали, которые вдалбливали даже их, они их предали»^[230].

Не то чтобы формировали, но вдалбливали – это точно. Лидеры Межрегиональной депутатской группы были демократами недолго, до 1990—1991 годов, обратившись затем к авторитарным идеям сильной исполнительной власти как условия перехода к капиталистическим отношениям. Учитывая этот итог, лидеров этой группы можно считать «либералами», поскольку они проделали эволюцию от либерального (в смысле – допускающего отход от ортодоксии в сторону большей терпимости, индивидуальной свободы) коммунизма к классическому либерализму – апологии частной собственности и многопартийной политической системы. Но в 1989 году эта эволюция еще не была пройдена. Идеология «либералов» (именно в кавычках) соответствовала позициям социал-демократии в спектре от социал-либерализма до демократического социализма. Этот разброс зависел от отношения того или иного депутата к современному западному обществу как норме, которую следует осуществить и в нашей стране.

Сегодня «вожди демократии» стыдятся вспоминать о былой идейной связи с социалистической традицией. Стремись улучшить – значит у тебя явные «тараканы в голове».

«У нас, у межрегионалов я имею в виду, вот в то время в голове было еще слишком много тараканов. Мы говорили и верили, что может быть социализм с человеческим лицом, что вот социализм советского толка или советского разлива можно как-то улучшить»^[231], – вспоминает Ю. Афанасьев.

В 1989 году либеральная односторонность была не в чести, что демонстрировали взгляды наиболее прозападного депутата Московской группы Андрея Сахарова. Летом 1989 года старый товарищ Л. Литинский спросил его: «Какой строй принципиально лучше – социалистический или капиталистический?» Сахаров ответил: «До сих пор не знаю ответа на этот вопрос...» Литинский комментирует: «Где речь идет о сравнительной характеристике двух систем, А. Д. всегда говорит о конвергенции...»^[232] Таков был наиболее радикальный сдвиг к либерализму, возможный в рамках Межрегиональной депутатской группы в 1989 году.

ЭЛИТАРНАЯ ПАРТИЯ – «МЕМОРИАЛ»

НАКАНУНЕ ВЫБОРОВ завершилось организационное оформление круга либералов-шестидесятников, сложившегося во время «посиделок» под крышей «перестроечных» изданий, прежде всего «Московских новостей» и «Век XX и мир». В этот круг входило ядро будущей Межрегиональной депутатской группы. Казалось, что это интеллектуальное сообщество станет мозговым центром «нашей фракции».

В сентябре 1988 года по инициативе А. Сахарова, Ю. Афанасьева и Л. Баткина возникла инициативная группа по созданию клуба «Московская трибуна». К этому времени уже существовало множество дискуссионных площадок, но «Московская трибуна» должна была занять нишу элитарного клуба, объединяющего известных людей. В бюро клуба вошли А. Адамович, Ю. Афанасьев, Л. Баткин, М. Гефтер, Л. Карпинский, Ю. Карякин, А. Сахаров, Г. Старовойтова и другие. 4 февраля состоялось учредительное собрание «Трибуны».

Идея «Московской трибуны» как интеллектуального штаба оппозиции умерла через несколько месяцев после создания клуба. Он не мог руководить неформалами, потому что им не нужен был

интеллектуальный штаб – у большинства групп было достаточно идеологов и теоретиков. «Трибуна» не могла руководить Межрегиональной депутатской группой, потому что депутаты не принимали руководства своих недавних товарищей по идее, ныне не имевших депутатского мандата. Она не была нужна депутатам даже в качестве «выносных мозгов», потому что в депутаты прошел ряд видных интеллектуалов, которые рассчитывали сами возглавить идеологический центр депутатской фракции, которая должна была руководить всем демократическим движением.

Осенью 1989-го в клуб были приняты 35 активистов общественных организаций, что должно было укрепить связи статусной интеллигенции с неформалами. Однако поскольку основной структурой, связывающей лидеров и активистов оппозиции, стали политические движения (прежде всего «Демократическая Россия»), то «Московская трибуна» удовлетворилась ролью дискуссионного клуба московской либеральной интеллигенции.

«Шестидесятническая» модель «второй партии» ориентировалась на общедемократические и правозащитные задачи. Под такую концепцию массовой организации подходил «Мемориал», который во второй половине 1988-го быстро набирал политический вес как структура, соединившая известных «либералов» и значительную часть неформалов.

Разногласия по поводу участия в уличных акциях не минули и «Мемориал» – радикалы, затем вошедшие в «Демократический союз», доказывали, что нужно «не испрашивая разрешения» на митинги, «выходить явочным порядком... показывая пример гражданского мужества»^[233]. Но большинство мемориальцев предпочли искать поддержки более умеренной перестроечной интеллигенции. Это дало эффект – посыпались подписи известных деятелей (Ю. Щекочихин, Б. Окуджава, А. Приставкин, Е. Евтушенко и другие), на «Мемориал» обратили благосклонное внимание «прорабы перестройки». В декабре 1987 года инициативная группа вступила в контакты с ЦК и МГК о возможной поддержке инициативы сверху^[234].

25 июня 1988 года «Мемориал» провел разрешенный митинг, где делегатам XIX партконференции Ю. Афанасьеву и Э. Климову вручили первые 50 тыс. подписей в поддержку создания памятника. На митинге впервые перед народом выступил А. Сахаров. Подписная

кампания увенчалась успехом – Горбачев согласился установить памятник.

Но политическая, просветительская и правозащитная структура «Мемориала» уже приобрела самодовлеющее значение. Одновременно его инициативу подхватили неформальные группы в других городах. Возникла идея создания всесоюзной организации с опорой на организации интеллигенции – учредителями должны были стать официальные союзы кинематографистов, архитекторов, художников, журнал «Огонек» и «Литературная газета».

Вспоминает секретарь Союза архитекторов Л.

Глазычев: *«Ко мне в кабинет явилась троица инициаторов – Юра Самодуров, Лев Пономарев и в виде иконостаса восхитительный ветеран-лагерник. Они предложили мне включиться в оргкомитет. Союз кинематографистов уже дал на это согласие. Идея была хороша, и я быстро убедил первого секретаря союза Ю. П. Платонова принять ее.*

А дальше произошла неожиданная вещь. Я был единственным беспартийным секретарем союзов, участвовавших в оргкомитете, и мою персону предложили в качестве его председателя. Возглавив оргкомитет «Мемориала», я стал ходить между молотами и наковальнями. Снизу меня грызли «мемориальцы», видя во мне номенклатуру, от чего я лез на стенку. А сверху на меня нападали чиновники ЦК и работники Лубянки, к которым я должен был ходить, дабы получить все необходимые разрешения.

Вот я превратился в такого «мидлмэна», посредника, которого тюкают со всех сторон. И хотя старые «мемориальцы» были мне симпатичны, у меня была только одна задача – сжав зубы, довести это дело до конца, чтобы состоялась учредительная конференция». 25 августа 1988 года был создан общественный совет «Мемориала» из видных деятелей культуры, что придало организации более респектабельный вид, чем у остальных неформальных групп. В состав совета вошли А. Адамович, Г. Бакланов, В. Быков, Е. Евтушенко, Д. Лихачев, А. Сахаров, М. Ульянов и другие.

Таким образом «Мемориал» стал наиболее статусной из неформальных организаций, что позволяло ему претендовать на роль центра консолидации «всех демократических сил». На одно из заседаний «скромненько подъехал Борис Николаевич Ельцин, присел к краешку стола. Шло техническое обсуждение подготовки конференции, конкурса на памятник. Борис Николаевич так трогательно скромно улыбался, что поразил всех в самое сердце своей скромностью. Он был так благодарен, что его, такого опального, пригласили, оказали уважение. Насколько я понимаю, с этого момента началось будущее Межрегиональной депутатской группы и всего прочего».

Одновременно в связи с «Мемориалом» началось выстраивание организационных структур реформистской интеллигенции.

Вспоминает Л. Глазычев: *«У меня была и своя задача, которая только отчасти совпадала с „мемориальской“ – горизонтальная связь творческих союзов. На почве „Мемориала“ мы подружались с киношниками, актерами и частью художников. „Мемориал“ был скорее поводом для создания социального субъекта – союза союзов. Это было опасно с точки зрения власти, и она сделала все, чтобы это торпедировать. На наши переговоры направлялись и „засланные казачки“, и откровенные противники такой интеграции. Роль „разваливателей“ играли люди от Союза журналистов во главе с замом редактора „Известий“ Изюмовым, такие деятели, как А. Владиславлев. В этой попытке создать союз союзов участвовали архитекторы, кинематографисты, театральщики, художники и де-юре журналисты, которые в итоге боролись против. Некоторые союзы „просаботировали эту инициативу, так что в итоге она не удалась“.*

По мере приближения конференции в «Мемориале» нарастали противоречия между радикалами, для которых он был инструментом

политической деятельности, и теми, кто считал приоритетной базовую функцию – создание памятника, музея, помощь жертвам репрессий.

Организаторы опасались, что выступления радикалов сорвут все дело, так как для конференции не предоставят помещение.

Вспоминает Л. Глазычев: *«На меня активно напал Вячек Игрунов, Глеб Павловский был наиболее вменяемым, Лев Пономарев между ними, а некоторые с налитыми кровью глазами были просто готовы меня перекусить. Павел Кудюкин доказывал, что надо идти напролом. Неформалы были мне симпатичны, но мне же было важно получить нужные визы, чтобы конференция состоялась.*

У меня была тогда встреча с Бобковым, заместителем председателя КГБ, в конспиративном номере в гостинице «Будапешт». Целый час шел какой-то бессмысленный разговор (хотя с их точки зрения он имел какой-то смысл), который кончился драматической фразой с надрывом в голосе: «Ну вы только Ленина не трогайте». То есть все остальное можно. Я это понял как отмашку – конференция разрешена.

Тогда же началось и малоприятное общение с четой Сахаровых. Его позиция вызывала уважение. Но способ говорения вызывал раздражение своей невнятицей. Зато его досточтимая супруга была супервнятной. У меня возникло ощущение, что это – эксплуатация ребят-мемориальцев, которые мне уже были дороги. В канун конференции Сахаровы развили большую активность, которую я воспринимал как манипулятивную и авторитарную.

Накануне конференции мы проводили множество агитационных мероприятий – и обсуждение по пакту Молотова – Риббентропа, и выставку проектов памятника. В этом было главное содержание нашей работы, от которой переговоры только отвлекали». 29-30 октября прошла долгожданная всесоюзная конференция «Мемориала». Поскольку отношения и между членами оргкомитета, и с ЦК остались недоурегулированными, конференция получила статус подготовительной. «Нам

казалось, что любое неосторожное слово может сорвать мероприятие и привести к его закрытию. Собрались очень разные люди, которые могли просто переругаться. Там были и чистые лагерники со своими проблемами пенсии, жилья, компенсаций, у которых абсолютно не было желания играть в политические игры. Там были и официальные люди, которые должны были приветствовать мероприятие от имени руководства КПСС. Там были и либеральные коммунисты, которые с пафосом говорили о реабилитации Бухарина и других большевиков. Я с трудом сдерживался, чтобы не сказать, что эти разбойники получили по заслугам. Но я понимал, что я должен свой протест спрятать в карман, чтобы все прошло как можно спокойней.

Мы сидели с Андреем Дмитриевичем как два соведущих и решали, кому давать слово. Он продвигал людей с более радикальными взглядами. Я опасался того, что будет сочтено провокацией. До конца некоторых противоречий по документам тогда не сняли».

Споры шли и о том, с чего начинать историю террора – со Сталина или с 1917 года, и о том, употреблять термин «сталинизм» или «тоталитаризм», о том, поддерживать ли Горбачева, и о том, почему в руководстве всесоюзной организации так много москвичей (вечная тема для сотен последующих политических конференций). Радикалы обвиняли умеренных в обслуживании власти, виновной в терроре, в сервиллизме и прочих грехах. Напряжение нарастало и однажды даже переросло в скандал. Виновник происшествия Ю. Скубко предложил резолюцию с требованием возвратить гражданство Солженицыну, напечатать «Архипелаг ГУЛАГ» и превратить здание КГБ в музей. Для того времени эти предложения были слишком радикальными (через два года – уже вполне умеренными) и могли расколоть съезд. «Такие мои предложения вызвали возмущение „сервилистов“, у меня отключили микрофон. Я вышел, кто-то стал кричать, что это провокация и, значит, меня обозвали провокатором». Навстречу рвавшемуся к президиуму Скубко встал кто-то из Союза кинематографистов, и разгоряченный дээсовец ударил его по лицу^[235].

Впрочем, в общем шуме и гаме многие участники даже не заметили этой свары, а резолюция в поддержку Солженицына была принята.

28-29 января 1989 года прошла учредительная конференция Всесоюзного добровольного историко-просветительского общества «Мемориал». Он вовлек в свои ряды большинство оставшихся в стране правозащитников и стал крупнейшей правозащитной организацией СССР. Сопредседателями общества были избраны историк Ю. Афанасьев, писатели А. Адамович и Ю. Карякин.

Январская конференция была спокойнее октябрьской, ораторы старались держаться темы обсуждения устава. В своем вступительном слове на конференции А. Сахаров подчеркнул: «Мы не партия, к власти мы не стремимся, задачи у нас совсем другие»^[236]. Но актуальная политика то и дело прорывалась на поверхность.

В резолюциях конференции было несколько актуально-политических, «партийных» пунктов:

«8. Конференция обращается в Верховный Совет с ходатайствами:

› в ходе правовой реформы изъять из Уголовного кодекса РСФСР статьи 70 и 190-1, а также соответствующие статьи УК союзных республик;

› осуществить пересмотр дел всех лиц, репрессированных по политическим мотивам в послесталинский период;

› отменить Указы Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1988 г. как антидемократические и заменить их действительно демократическим законом о митингах и демонстрациях;

› расследовать события, происшедшие в колонии общего режима № 7 в Латвии в 1988 году, о которых сообщалось в журнале «Огонек» (№ 32 за 1988 г.).

9. Конференция считает необходимым немедленное освобождение из-под стражи членов комитетов «Карабах», «Крунк» и других активистов армянского национально-демократического движения. Конференция выражает особую озабоченность положением тех из них, кто находится в тюрьмах на территории Азербайджана...

12. Конференция выражает поддержку избирательной программе академика А. Д. Сахарова, опубликованной в «Ведомостях Мемориала» от 28 января 1988 г.

13. Конференция призывает к поддержке членов «Мемориала», выдвигаемых кандидатами в народные депутаты СССР: А. М. Адамовича, Ю. Н. Афанасьева, В. В. Виниченко, Е. А. Евтушенко, Б. Н. Ельцина, В. Б. Исакова, А. А. Ковалева, В. А. Коротича, В. Н. Кузнецова, Р. А. Медведева, Р. И. Пименова, В. В. Помазова, Е. М. Прошиной, М. Е. Салье, А. Д. Сахарова»^[237].

«Мемориал» на выборах 1989 года стал ядром формирующейся партии «демократов». Зондировалась возможность включения в «Мемориал» лидеров основных неформальных организаций. Он принимал участие в предвыборных кампаниях, в организации митингов и других мероприятий демократического движения. Однако «Мемориал» не сохранил этой роли в дальнейшем. В силу ряда причин – специфичности задач, элитарности его нового руководства и слишком сильного на вкус неформалов влияния бывших диссидентов – «Мемориал» не стал «приводным ремнем» от «либералов» к неформальному активу. В то же время официальные задачи «Мемориала» и связанный с ними интеллигентский характер руководства не соответствовали тенденции перехода к популистскому этапу движения. Сохранив правозащитную нишу, «Мемориал» терял политическое влияние. Это было частью более широкого процесса ослабления позиций либеральных интеллектуалов по сравнению с «демократическим» аппаратом и вождями из рядов номенклатуры.

ПОПУЛИСТСКАЯ ПАРТИЯ – «МОСКОВСКИЙ НАРОДНЫЙ ФРОНТ»

ДРУГОЙ МОДЕЛЬЮ соединения «видных деятелей демократии» и низового актива была партия как ядро более массового движения. Поскольку наиболее популярными взглядами в этот период были демократический социализм и социально ориентированный либерализм, то само собой напрашивалось, что самая массовая партия будет социал-демократической.

Возрождению социал-демократической партии в 1989 году мешало только обилие претендентов на роль отцов новой российской социал-демократии. Лидеры московской «Демократической перестройки» осторожно шли к созданию партии – так, чтобы не поссориться с либеральным крылом КПСС. Более радикальные (в смысле противостояния КПСС) социал-демократы после раскола Всесоюзного социально-политического клуба создали Социал-демократический союз в Ленинграде, а затем в большинстве своем вошли в «Демократический союз». Но он выступал как радикально-либеральная организация, и тогда остатки Социал-демократического союза и социал-демократы из «Демократического союза» 4-5 февраля на конференции в Ленинграде создали Социал-демократическую конфедерацию, в которую вошло меньшинство неформальных активистов социал-демократической ориентации (А. Болтянский, Л. Воловик, А. Лукашев, С. Храмов и другие).

Большинство неформальных активистов, симпатизировавших идеям социал-демократии, ориентировались на клубы «Демократическая перестройка» (Москва) и «Перестройка» (Ленинград), которые готовились к созданию более солидной организации. Влияние «Демократической перестройки» выросло благодаря участию ее лидеров в кампании А. Сахарова и других «демократов» и элитарных реформистов.

20-21 мая 1989 года клубы «Перестройки» созвали в Москве Межгородское рабочее совещание демократических клубов социальной ориентации. Делегаты понимающе кивали друг другу, мол: всем ясно, что речь идет о социал-демократической ориентации, но в случае чего коммунисты не докопаются и не отнимут помещения, не выгонят организаторов с работы. Совещание показало, что за создание социал-демократической партии выступает многотысячный актив. Было решено для начала создать Социал-демократическую ассоциацию СССР. 10—11 июля в Таллине II конференция Социал-демократической конфедерации, соперничавшей с «Перестройками», согласилась с проектом создания ассоциации. Но и она, и затем партия были созданы уже в следующем, 1990 году, когда формирование многопартийности приняло лавинообразный характер. Многие влиятельные депутаты обзаводились своими партиями.

Эти партии под одного или нескольких лидеров практически исключили создание «второй партии» как партии. Она могла возникнуть только как блок и движение. Это было удобно и для лидеров. Ведь в блоке руководящая роль депутатов очевидна по определению, а движение не имеет возможности призвать депутатов к соблюдению «партийной дисциплины». Строилась лестница, которую легко было обрушить, после того как по ней взберется наверх новая элита.

С одной стороны, «верхи» движения стремились оградить себя от дисциплины, с другой стороны, для выполнения предвыборных задач требовался дисциплинированный и не отягощенный идеологическими спорами актив. Демократическое по названию популистское движение строило авторитарную организацию.

Удобную модель организации «демократического актива» создал «Московский народный фронт». После выборов 1989 года движение народных фронтов оживилось. Массовым оно не стало, но одержало первые победы на выборах: московский провел в депутаты С. Станкевича, карельский – С. Белозерцева, ярославский – И. Шамшева, Добровольное общество содействия перестройке (Апатиты) – А. Оболенского. «Московский народный фронт» участвовал в поддержке большинства демократических кандидатов. Вместо широкого оппозиционного социалистического движения (как мечталось во второй половине 1988-го) «народные фронты» превратились в группы поддержки общедемократических кандидатов.

Серьезной проблемой для «Московского народного фронта» стала конкуренция со стороны возникшего в декабре 1988-го «Российского народного фронта», созданного «патриотом» В. Скурлатовым, который стал антикоммунистической организацией. Его активисты ходили под андреевским флагом, считая военно-морской стяг национальным дореволюционным символом.

В Хартии «Московского народного фронта», принятой в марте 1989 года, говорилось, что «фронт выступает за демократическое правовое государство и гуманное самоуправляемое социалистическое общество...»^[238] «Фронтвики» надеялись обеспечить «гласный общественный контроль за деятельностью

народных депутатов...»^[239]. Большинство требований «Московского народного фронта» были общедемократическими. Он выступал за государственное устройство типа парламентской республики, новый союзный договор. Социалистические требования касались сферы производства: участие работников в управлении предприятиями, наем администрации советом трудового коллектива. Московский фронт поддерживал популярную тогда идею сочетания плана и рынка. Регулировать экономику вместо отраслевых министерств должно было объединение самоуправляющихся предприятий. Его социал-демократическая платформа по существу была тем самым синтезом либеральных и социалистических требований, на основе которого можно было достичь согласия демократических сил уже в 1988 году. Теперь время было упущено. «Социализм», за который выступали лидеры «Московского народного фронта», очерчивался размыто, как набор демократических требований: «равное право всех граждан на участие в политической жизни...», «право трудящихся на участие в принятии экономических решений через систему производственного и местного самоуправления, демократический контроль за центральными органами, принимающими экономические решения» (каким образом?), право на «твердые социальные гарантии»^[240].

20 мая после ряда расколов московских неформалов и длительного согласования программных принципов был все же провозглашен «Московский народный фронт». На момент основания в нем состояло 778 человек, но целых 46 организаций. В координационный совет вошли С. Станкевич, В. Уражцев, А. Бабушкин, Б. Кагарлицкий, М. Малютин, М. Шнейдер и другие. Выступая на конференции, Б. Кагарлицкий признавал недостатки МНФ, но призывал не разрушать уже созданный дом, а использовать его на общее дело^[241].

Без явно очерченной социалистической фракции организация со столь размытыми принципами легко могла соскользнуть на

либеральные позиции. Уже на учредительной конференции часть нового актива снова выступила против термина «социализм» в программе, раз фронт не социалистический, а народный. Противники социализма создали в октябре Демократическую фракцию «Московского народного фронта» (М. Астафьев, А. Артемов и другие). Но вскоре этот демократический уклон потерял смысл, так как фронт, так и не став массовым, растворился в созданном при его участии общедемократическом движении «Московское объединение избирателей». К концу года лидеры народных фронтов стали расходиться по идеологически окрашенным партиям. Б. Кагарлицкий стал создавать Социалистическую партию, М. Астафьев – кадетскую.

Большая часть актива народных фронтов вошла в «Демократическую Россию». Его лидеры имели возможность сами стать депутатами, но их надежды на демократический контроль со стороны низов за депутатами не оправдались – такова уж парламентская система, что не терпит народовластия – депутат быстро отрывается от массы рядовых избирателей и общественных активистов, его интересы сливаются с интересами партийных и коммерческих элит.

Б. Кагарлицкий печально вспоминает: *«Социалисты, собравшиеся под знаменем „Московского народного фронта“, надеялись, что монополия на средства массовой информации в руках либералов будет уравновешена контролем над массовым движением в руках популистов, и тем самым в политической жизни страны возникнет определенный баланс, появятся условия для возникновения реального плюрализма. На деле произошло как раз обратное. Если в 1988 году стихийно складывавшиеся популистские движения блокировались с социалистическими левыми, более или менее явно противостоя либералам, то в 1989-м сложился единый либерально-популистский блок, а левые оказались в изоляции»*^[242]. Таким образом, лидеры МНФ в своем неявном противостоянии либералам готовы были сдать массовое движение популистским, воздям, заняв нишу их «выносных мозгов» (первые признаки такой стратегии проявились уже во время «дела Ельцина» 1987

года). Но очевидно, что либералы для этой роли подходили гораздо лучше. «Для левых такой поворот событий оказался совершенно неожиданным»^[243]. Под левыми здесь следует понимать лидеров «Московского народного фронта», так как для других социалистов подчинение вождям популизма было неприемлемым, а в отрыве депутатов от демократического контроля не было ничего неожиданного. «Таким образом, несмотря на свою постоянно подчеркивавшуюся социалистическую ориентацию, „Московский народный фронт“ в конечном счете вынужден был обслуживать либералов»^[244].

Но весной 1989-го он был еще слишком неформален – его лидеры претендовали на роль стратегов (что было неприемлемо для видных шестидесятников), а актив не мог заменить возможности других неформальных групп в силу своей малочисленности.

Поэтому свою крупнейшую акцию весны 1989 года «либералам» (включая депутатов) пришлось проводить в партнерстве с неформалами.

ЛУЖНИКИ

ПОКА ШЛА ПРЕДВЫБОРНАЯ КАМПАНИЯ, власти пытались усилить механизм управления обществом в части тормозов. 9 апреля был принят указ «О внесении изменений и дополнений в Закон СССР „Об уголовной ответственности за государственные преступления“ и некоторые другие законодательные акты СССР». Статья 7 теперь формулировалась со всей суровостью «демократического времени». Публичные призывы «к свержению советского государственного и общественного строя... в целях подрыва политической и экономической систем СССР... наказываются лишением свободы на срок до трех лет или штрафом до двух тысяч рублей». При отягчающих обстоятельствах, под которую вполне можно было подвести «разнузданную» агитацию неформалов, следовал срок до десяти лет. Но если призывы к свержению в целях подрыва еще можно было как-то обойти, то статья 11 прим была не в бровь, а в глаз: «Публичные оскорбления или дискредитация»

государственных органов и должностных лиц, «назначаемых, избираемых или утверждаемых съездом народных депутатов СССР или Верховным Советом СССР, а равно общественных организаций и их общесоюзных органов... – наказываются лишением свободы на срок до трех лет или штрафом до двух тысяч рублей»^[245]. Указ был сформулирован так, что можно было посадить по нему любого активиста оппозиционной организации и даже неосторожного журналиста. Власть дала понять, что неформалы рано расслабились – за критику режима можно сесть и при перестройке. Одновременно произошел жестокий разгон в Тбилиси, усилилась цензура.

Расчет Горбачева был относительно невинен – уличная оппозиция разгулялась в ходе предвыборной кампании, и теперь следует ввести ее в рамки. Для этого общество пугнули рецидивом репрессивного прошлого. Но вместо расчетного успокоения режим получил отчаянную реакцию сопротивления. Интересно, что события 1989 года ничему не научили кремлевских центристов – та же ошибка в еще большем масштабе повторилась во время ГКЧП. После первого испуга оппозиционные организации решили, что если посадят – то и так посадят, и избежать этого можно, только переломив общественную ситуацию.

21 мая в Москве в Лужниках состоялся небывалый по численности для России митинг в поддержку демократических депутатов съезда. Этот митинг положил начало массовой кампании, которая во многом меняла моральную обстановку на съезде.

Сразу после майских праздников идея проведения такого митинга была высказана на заседании Московского бюро информационного обмена (структура, созданная в 1988 году несколькими членами разных групп и во многом унаследовавшая функции Клуба социальных инициатив) опытным «митинговым волком» В. Золотаревым. Одновременно необходимость массового выступления обсуждалась в штабах статусных либералов в «Московских новостях» и «Веке XX и мире». Идея массового митинга была озвучена на заседании «Московской трибуны» Леонидом Баткиным. Была получена поддержка «прорабов перестройки», которым предстояло стать звездами замысленного неформалами шоу. Заявку на митинг подписали видные депутаты Сахаров, Попов, Станкевич и другие. Но это было полдела. В. Золотарев вспоминает, что «люди, обремененные

неким статусом (вроде А. Гельмана и подобных ему из „Московской трибуны“) явно испытывали некую растерянность перед технологической частью поставленной задачи»^[246].

Решили составить оргкомитет из статусных либералов и неформалов с опытом организации митингов. Неформальные организации и известные «либеральные коммунисты» впервые договорились о сотрудничестве, которое позволило «либералам» получить помощь организационной структуры неформалов, а неформалам – известных всей стране ораторов. К делу подключились «Мемориал», «Московская трибуна», писательское общество «Апрель», «Гражданское достоинство», Конфедерация анархо-синдикалистов, «Московский народный фронт», «Демократическая перестройка». Для неформалов это был хороший повод преодолеть распри прошлого года. Автор идеи В. Золотарев рассматривал митинг как продолжение кампании 1988 года, и много лет спустя после событий считает: «Если говорить честно, то общедемократическое значение тех митингов, которые мы начали организовывать вместе с „Общиной“ за год до этого, в мае 1988-го, было выше, потому что тогда произошел запуск этого широкого процесса»^[247]. Но митинг 21 мая 1989 года, несомненно, придал движению новый масштаб и сделал митинговую кампанию уже практически непрерывной. Теперь власть находилась под постоянным давлением улицы и знала, что попытка усилить авторитарный нажим приведет к немедленному выходу на митинги сотен тысяч людей в столице и других городах.

Поняв, что избежать манифестации не удастся, власти предоставили для нее удаленную от центра и людских потоков площадку в Лужниках. Туда уже «ссылали» митинги «Московского народного фронта», где «фронтвики» сиротливо кучковались на огромном безлюдном пространстве.

На случайных прохожих, как в 1988 году, надежды не было – в районе площадки в Лужниках не бродили толпы случайных прохожих. Чтобы манифестация получилась, нужно было собрать всех неслучайных. Совместными усилиями удалось распечатать тысячи объявлений о митинге и обклеить ими всю Москву.

На роль ведущего планировался Ю. Афанасьев, но он оказался за границей, и представитель неформалов В. Игрунов позвонил Попову. «Он тут же, мгновенно согласился – не глядя! Все телефоны выписал,

какие только можно, чтобы я его нашел под землей, у тещи, я не знаю у кого!... В отличие от Афанасьева. Зубами впился!»^[248]

С утра 21 мая в Лужники от ближайших станций метро двинулись потоки сторонников демократии. К началу митинга обширная площадка была заполнена людьми. Поддержать демократию собралось 150—200 тыс. человек, чего в Москве прежде не случалось. Над поверхностью моря голов развевались флаги национальных движений и политических организаций, включая дээсовский триколор и черное знамя анархии.

Трибуной служил грузовик, на котором висели лозунги: «Вся власть – съезду народных депутатов!», «Завоевания Октября – защитим!» (имелась в виду власть Советов). Эти лозунги были согласованы с Московской группой депутатов, для которых было важно, чтобы съезд начал обсуждение основных вопросов жизни страны, а не превратился в коллегию выборщиков Верховного Совета. Выступающие на митинге заметно расширили эту повестку.

Грузовик был отделен от людского моря легким ограждением и охраной «мемориальцев» и анархо-синдикалистов. На трибуне толпилось около ста претендентов на выступление, что создавало сильную давку.

Между ними происходила упорная борьба за место у ведущего – Гавриила Попова (иногда его заменял Л. Баткин). Попов держал в руках список претендентов и в зависимости от лоббистских давлений передвигал кандидатов выше и ниже по списку, допуская их затем к микрофону. По правую руку от Попова располагалась монументальная фигура Ельцина, смотревшего на людское море, как Петр I на Финский залив. Депутаты с борта грузовика живо общались с ходоками, прорывавшимися через оцепление.

Появление на площади Ельцина вызвало в народе ликование, напоминавшее о временах Керенского и Ленина. Периодически плотная группа людей, расположившаяся ближе к трибуне, начинала скандировать «Ельцин! Ельцин!», заглушая ораторов. Вождь механически двигался, то благосклонно кивая, то обращая взор на теснившихся вокруг людей, желавших пообщаться. Ельцин отвечал односложно и сверху вниз – пока из-за разницы в росте.

В своем выступлении Ельцин заинтриговал народ и власть: у Московской группы есть свой сценарий проведения съезда. Но дальше

заговорил как коммунист, и часть выступления посвятил необходимости проведения внеочередного съезда КПСС. Общество опередило в развитии партию, и партия должна его догнать. Неформалы недоумевали – зачем?

Андрей Сахаров доказывал необходимость передачи всей власти съезду и часть выступления посвятил гдлянновской теме борьбы с мафией. Находившийся рядом Гдлян развил ее с еще большим успехом. По воспоминаниям В. Прибыловского, «достаточно холодно встретили Сахарова и, одновременно, совершенно истерические овации устроили Ельцину и, особенно, Гдлян». В. Золотарев вспоминает, что Сахаров «всегда, к сожалению, очень плохо выступал – заикался, мекал, и выглядело это на митинге очень неуместно. Говорил он плохо, но трогательно»^[249].

«Мострибуновец» Леонид Баткин также развил тему власти, справедливо заметив, что лозунг «Вся власть Советам!» без акцента на первое слово бессмыслен.

Алесь Адамович сравнил предстоящий съезд с французскими Генеральными штатами и пообещал, что депутаты не покинут зал столько, сколько будет нужно для победы демократии. Эти аналогии с Французской революцией понравились и народу, и собравшимся на грузовике дантонам и Робеспьерам.

Неформалы, для которых митингование уже не было в диковинку, стремились организационно закрепить возникшую консолидацию «демократических сил». Михаил Малютин из «Московского народного фронта» предложил создать на базе оргкомитета митинга оргкомитет Объединенных демократических сил. Статусные «либералы» не поддержали эту идею, предпочитая создавать объединение под руководством парламентской фракции. На деле это замедлит консолидацию оппозиции и еще сильнее ослабит в ней дух демократии.

Я выступал от имени Конфедерации анархо-синдикалистов. Ее название шокировало (тем более что Попов не смог выговорить его с первого раза и тем привлек внимание уже начинавшей скучать публики). Впрочем, я не стал звать к разрушению государства, удивив слушателей еще и конструктивностью советского анархизма. Я призвал все политические силы, включая коммунистов, по примеру Восточной Европы собраться за «круглый стол» и выработать

согласованный путь выхода из тупика, в который КПСС завела страну. Предложение сесть за «круглый стол» вызвало гнев официальной прессы, но круглый стол в Москве все же стал собираться – разумеется, без коммунистов, что помогло демократам лучше подготовиться к предвыборной кампании 1990 года.

Вспоминает Глеб Павловский: *«На митинге я почувствовал почти физическое отвращение к происходящему. Я понял, что говорю не то, что я хочу, а то, что они от меня хотят. Я должен говорить то, что ждет от меня эта сосущая масса, которую я должен поддерживать в ревушем состоянии. И я понял, что я этого не хочу».*

Интересно сравнить эти впечатления со своими. Вспоминается народное море до горизонта, подпитывающее оратора напряженное внимание. А дальше выбор – сказать им то, что они и так знают, чему обрадуются. И тебе обрадуются, как родному – наш! Или говорить то, что считаешь нужным. Это оценит лишь небольшая часть собравшихся. Но есть шанс, что кто-то придет к тебе, а не ко всем сразу.

Продуманность предложений, характерная для неформалов, выходила из моды. Популизм предпочитал простые требования. Зато на этом фоне примитивизации идеологии лучше гляделась «мудрость» «прорабов перестройки».

Митинг 21 мая был апогеем неформального и «либерально-коммунистического» движений, продуктом их синтеза, гарантией необратимости перемен. И началом заката той волны гражданского движения, которая раскрутила маховик. В силу вступали новые правила игры.

После гигантских митингов в Москве и съезда народных депутатов стало очевидно, что перемены необратимы. Оппозиция доказала свою жизнеспособность и серьезность. Летом в движение пришли рабочие, развернулся новый раунд борьбы за лидерство, шел выбор направления главного удара на предстоящих выборах, появились новые спонсоры. Эти сдвиги шаг за шагом добивали влияние неформалов. Их время заканчивалось, но им был

предоставлен выбор: или интегрироваться в новую популистскую систему, или нырять назад, в толщу общества. Они сделали разный выбор. Судьбы лидеров политических неформалов первого поколения после 1989 года стали развиваться по расходящимся траекториям.

В «наказе депутатам» митинга 21 мая, заранее согласованном всеми заинтересованными участниками оргкомитета, говорилось, что «съезд не должен расходиться, пока он не заложит законодательные основы для решения» таких проблем, как разгосударствление экономики, введение демократических прав, прежде всего на печать и независимый суд, равное избирательное право. В резолюции содержалось важное требование, которое будет иметь большое будущее: «преобразовать централизованный СССР в содружество действительно свободных и суверенных республик»^[250]. В этой формулировке суверенитет республик – это еще не независимость, а противовес централизму, автономия. Отдельные резолюции выражали солидарность с демократическим движением в Китае и поддерживали борьбу Гдляна и Иванова с «мафиозной коррупцией».

Митинги в Лужниках продолжались все дни работы I Съезда народных депутатов СССР. Депутаты-демократы знали, что если в стенах съезда они в меньшинстве, то на улице их поддерживает народное море. После заседаний многие участники Московской группы и их союзники спешили «зарядиться» – на митинги-встречи избирателей, а по выходным – в Лужники на гигантские манифестации демократов. Это придавало демократам на съезде уверенность в себе, заставляло власть колебаться под натиском меньшинства.

***Итоги съезда** были подведены и на новом гигантском митинге в Лужниках 12 июня: «Съезд народных депутатов продемонстрировал, что правящий в стране партийно-государственный аппарат не смог выработать и представить народу программу радикальных последовательных демократических преобразований... что демократические депутаты, хотя и оказались на съезде в меньшинстве, опираются на поддержку большинства народа. Мы выражаем надежду, что создание Межрегиональной группы народных депутатов послужит объединению всех демократических сил страны, что эта*

группа станет важным звеном зародившегося и набирающего силу широкого общественного движения за демократию, гуманизм, социальную справедливость, против реакции, шовинизма, неосталинизма... В противовес тактики компромиссов реформаторского крыла руководства КПСС с командно-репрессивным аппаратом – тактике, которая неизбежно приводит к преступному использованию силы против мирных граждан, мы выдвигаем тактику мирной демократической революции»^[251].

У зрителей съезд сначала вызвал ажиотаж, а потом довольно быстрое разочарование результатами. Но ситуация в стране изменилась. Политическая борьба стала открытой. Процесс перемен стал необратимым, потому что попытка «реакции» немедленно привела бы к выходу на улицы огромной массы людей. Подавление такого движения силой вело к необратимым переменам как и продолжение горбачевских реформ. Вернуться назад, к обществу середины 80-х, было уже невозможно.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ РАЗВИЛКА – СОЮЗ ИЛИ РОССИЯ

НАВСТРЕЧУ ВЫБОРАМ

КУДА ЖЕ ДАЛЬШЕ? Впереди выборы. Следующий шаг в укреплении позиций «демократии» или решающий прорыв?

Несмотря на подъем гражданских движений, лидеры оппозиции в большинстве своем не ожидали, что КПСС рухнет после первого натиска. Скорее ожидалось, что перестройка станет чем-то вроде революции 1905 года, а затем после нескольких лет реакции наступит февраль 1917-го. Внешние формы революции в 1989-м тоже напоминали 1905-й до декабрьского восстания. Рецидивы авторитаризма вроде статьи 11 прим воспринимались как начало конца перестройки, оппозиционеры продумывали методы работы в подполье, а либеральные депутаты – в оппозиции его величества. Переход номенклатуры на сторону либерализма выглядел маловероятным.

Еще в 1988 году началось обсуждение «сильного хода» против Горбачева и его реформ. Интересно, что вызревала эта идея одновременно в двух изолированных друг от друга интеллектуальных штабах – «либеральном» и «патриотическом».

Вспоминает Г. Павловский: *«В 1988 году начиналось наше расхождение с Гефтером по поводу роли России. Он выступал за ее выделение и автономизацию в рамках СССР, но с переходом реальной власти на республиканский уровень.*

Я считал, что мы должны помочь Горбачеву овладеть партией как некоторым бездушным институтом, играть на Горбачева как на либерального императора. То есть в рамках имперского пространства.

Гефтеру было важно ослабить имперский центр, он искал возможность выделения противовесов ему – республиканских или земель в составе России. Гефтер говорил, что ненормально, когда над рынком царит генеральный секретарь. Мне эта идея как раз нравилась.

Рынок должен быть регулируем. Если его не регулирует государство, то его будут регулировать бандиты. Гефтер опасался реакции, опирающейся на имперский центр. Поэтому пространство общего рынка в СССР можно сохранить, но сильный политический центр – нет. Эта российская идея «вываривалась» в 1988 году. Но тогда еще речь не шла о выходе России из СССР, лишь о выделении влиятельной власти России внутри Союза».

Идее создания внутри СССР автономного (о независимости речи еще не шло) Российского государства оппонировали как сторонники сохранения «либеральной империи» Горбачева, так и противники имперской структуры советского общества, которые в то же время опасались республиканского авторитаризма ничуть не меньше, чем общесоюзного. Они, как, например, Конфедерация анархо-синдикалистов, выступали за многоступенчатую автономию – поддержку местного самоуправления, противостоящего региональным номенклатурным «князьям», и региональной автономии, «растаскивающей» власть республиканских номенклатур, которые могут расколоть СССР на несколько крупных кусков. Идея перезаключения союзного договора и суверенитета одобрялась этой частью оппозиции только при условии учета баланса полномочий Союза, республик, регионов и самоуправления разных уровней по принципу «перевернутой пирамиды»^[252]. Однако, как показывает резолюция митинга 21 мая, сторонники многосторонней автономизации не понимали, насколько опасным для их концепции является требование превращения СССР в свободный союз «суверенных республик». Весной 1989-го это требование воспринималось не как требование самостоятельности России, а как проявление солидарности с борьбой за самоопределение республик Прибалтики и Кавказа.

Впрочем, в 1989-м среди неформалов усиливаются разногласия по поводу отношения к национальным движениям Прибалтики. Для «общедемократов» они были безусловными союзниками, а левые социалисты стали подмечать явный отход «союзников» от демократических принципов. Отражением этих разногласий стал, например, выпуск «Общины», где рядом были помещены материалы,

защищающие «Саюдис» от нападков со стороны коммунистической прессы, и моя статья «Консерватизм революции» с критикой «Саюдиса» за непримиримость в отношении движений национальных меньшинств и за стремление создать «сильное национальное унитарное государство, противостоящее свободе личности»^[253].

«ПАТРИОТЫ» И «ДЕМОКРАТЫ»...

ДО СЕРЕДИНЫ 1989 ГОДА дискуссии сторонников и противников усиления республиканской власти в РСФСР велись вяло. Но ее оживили «патриоты», которые помогли «расставить точки над i». На съезде народных депутатов известный лидер «патриотов» писатель В. Распутин сделал заявление, серьезно повлиявшее на настроения оппозиционных интеллектуалов: «Мы, россияне, с уважением и пониманием относимся к национальным чувствам и проблемам всех без исключения народов и народностей нашей страны. Но мы хотим, чтобы понимали и нас... Здесь, на съезде, хорошо заметна активность прибалтийских депутатов, парламентским путем добивающихся внесения в Конституцию поправок, которые позволили бы им распрощаться с этой страной. Не мне давать в таких случаях советы. Вы, разумеется, согласно закону и совести распорядитесь сами своей судьбой. Но по русской привычке бросаться на помощь, я размышляю: а может быть, России выйти из состава Союза, если во всех своих бедах вы обвиняете ее, и если ее слаборазвитость и неуклюжесть отягощают ваши прогрессивные устремления? Может, так лучше? Это, кстати, помогло бы и нам решить многие проблемы, как настоящие, так и будущие»^[254]. Впервые слова о выходе России из Союза были сказаны с высокой трибуны. Идея развала СССР через Россию не была подброшена с Запада, не была озвучена «демократами». Она была выдвинута «патриотами», заявлена с сильной демагогической аргументацией («помогло бы решить многие проблемы»), с готовой идеологемой «россияне», которую легко было противопоставить «советским людям», сплотивая против советской идентичности русских и нерусских жителей РСФСР.

Два года спустя, когда вполне проявилось значение призыва к выходу России из СССР, ее «независимости от самой себя», Распутин так разъяснил смысл своего выступления 1989 года. «Угрозы выйти из

Союза и оставить Россию у разбитого корыта раздавались неоднократно. Послушать – будто только она одна, расталкивая без стеснения всех остальных, и кормилась до отвала у этого корыта, будто не разделила она общей участи и даже не пострадала больше... Рядом со случайными выкриками просматривалась и продуманная объединенная тактика расчленителей Союза – с краев отваливать действиями народных фронтов (опять „народные“ и опять захватом), а в центре расшатывать опоры государственного здания...

В такой обстановке и прозвучал мой вопрос, в котором имеющий уши услышал не призыв к России хлопнуть союзной дверью, а предостережение не делать с одури или сослепу, что одно и то же, из русского народа козла отпущения»^[255]. Но в 1989 году Распутин говорил не о русском народе, а «рожал» новую идентичность «россиян». Его «предложение» многие приняли за чистую монету, в том числе и его соратники.

«Патриоты» стали азартно раскручивать идею суверенитета российской государственности над союзной. И здесь они нашли активных сторонников в среде номенклатуры. На Пленуме ЦК КПСС 19 сентября, в разгар обсуждения национального вопроса, когда ораторы гневно обличали сепаратистов, секретарь Смоленского обкома КПСС А. Власенко заявил: «Крупнейшая в стране республика – Россия – находится в условиях финансовой, ценовой, экономической дискриминации»^[256]. Если раньше наступление на Союз шло с окраин, то теперь удар наносился в самый центр. Оказалось, что СССР – империя без метрополии. Империя, в которой центральные регионы считают себя угнетаемыми, существовать не может. Это было самое начало агитации за «освобождение» России от самой себя. Как и в случае с речью Распутина, консерваторы таким образом противопоставляли свои претензии претензиям национальных элит. Но теперь они говорили всерьез. Российское почвенничество завоевало на свою сторону значительную часть консервативно настроенной номенклатуры, разочаровывавшейся в коммунизме. В ходе предвыборной кампании 1989—1990 годов лозунг борьбы за интересы России в ущерб интересам Союза будет закреплен. Его будут стремиться перехватить «демократы». Риторика борьбы за суверенитет Российского государства позволяла им наконец снять противоречия с прибалтийскими националистами и выработать новую стратегию

борьбы против горбачевского руководства как против союзного центра. Охранители и «либералы» превращались в объективных союзников в деле разрушения СССР.

Снова вопрос о российском суверенитете встал в связи с перспективой выборов. Считалось, что контроль над ситуацией сохранится за союзным уровнем. Москва и Россия станут подчиненными площадками. Перед кандидатами встал вопрос: куда баллотироваться, в местные или республиканские органы. С точки зрения перспективы сохранения СССР как единого государства (демократизированного и либерализированного), следовало бороться за места в облсоветах и горсоветах. РСФСР при такой перспективе оставалась рудиментом коммунистической системы. Многие лидеры оппозиции так и планировали свою предвыборную кампанию. Но не все.

Вспоминает Г. Павловский: *«Где-то летом – осенью 1989 года мы обсуждали с Олегом Румянцевым, куда лучше идти Ельцину – на Моссовет или в отстойный российский парламент. Румянцев сказал, что скорее второе. Сама идея, что можно сделать российский парламент чем-то значимым, выглядела революционной.*

Сам Ельцин первоначально склонялся к мосссоветовскому варианту.

Но возник соблазн красиво обойти Горбачева на России. Мне очень понравилась технологическая красота идеи. А когда она стала осуществляться, я завопил как резаный»^[257].

Колебания Ельцина были связаны не с выбором либеральных интеллектуальных центров, а с соперничеством в его окружении^[258]. За «московский вариант» выступала команда во главе с доверенным лицом на выборах 1989 года В. Митиной^[259]. В избрании Ельцина не от Москвы, а от российской провинции, была заинтересована свердловская группа поддержки, где лидирующую роль играл депутат Г. Бурбулис. В это время он увлекся «русской идеей» неожиданным для «демократического» депутата образом. В августе – сентябре Бурбулис принял участие в подготовке съезда Объединенного фронта

трудящихся РСФСР^[260]. А в документах этой организации идеи создания самостоятельных российских структур уже вполне заметны^[261].

В последний момент Бурбулис отмежевался от Объединенного фронта трудящихся, поняв, что сближение фронта и Межрегиональной депутатской группы невозможно. Но он не расстался с заразной русской идеей. Раскрутка этой идеи российскими «патриотами» и прибалтийскими националистами толкала в эту сторону и «демократов».

Вес идеи «русской игры», которую сначала в частных разговорах даже называли «русской», резко вырос, когда возникла угроза превращения РСФСР в оплот консервативно-патриотических сил. Угроза русского шовинизма, получающего оплот в структурах РСФСР и начавшей тогда создаваться компартии России, склонил часть либералов и окружение Ельцина к тому, что нужно баллотироваться в Россию.

Вспоминает Г. Павловский: *«Осенью после многочисленных обсуждений было принято решение начинать русскую игру. Под эту задачу стала формироваться структура».*

Предвыборные структуры, впрочем, стали формироваться одновременно под борьбу за все уровни власти. Кто-то шел в горсовет с надеждой начать практические преобразования хотя бы в местном масштабе, а кто-то – в российские депутаты. И здесь мотивы были разными. Кто-то задумал «русскую игру», а кто-то просто хотел повторить успех союзных депутатов, получить административный ресурс, доступ к СМИ и вообще причастность к кругу новой демократической номенклатуры, атрибутом которой стал депутатский значок.

Укреплялась и материальная база оппозиции. Откуда деньги? Их собирали прямо на мероприятиях неформалов (конференциях, лекциях, митингах, собраниях). В ходе избирательных кампаний разовые выплаты производились из фондов государственных предприятий, поддерживавших демократических кандидатов. Иногда приплачивали кооперативы, но нерегулярно и опасно. До 1990 года

занятие бизнесом и политикой совмещалось нелегко – «демократы» не могли предоставить надежную «крышу» своим предпринимателям. Помощь кооператоров в этот период была скорее организационной, чем денежной. Участвовавший в кооперативном движении с 1988 года Г. Павловский вспоминает: «В 1989 году я уже мог опираться на потенциал кооперативного движения. Съезды кооперативного движения не выросли в самостоятельную политическую силу. Но кооперативы помогали решать вопросы по помещениям, брали неформалов на работу»^[262]. Это привело к уходу части неформальных активистов в кооперативный бизнес.

Выпуск и распространение изданий стал одной из основных задач неформальных групп. Издательская деятельность формировала сеть оппозиционных организаций, позволяла находить новых сторонников и тут же загружать их работой по изданию и распространению газет и журналов со смелыми идеями. Хороший сбыт позволял расширять издательский бизнес, открывать новые издания. В России на грани 80-90-х выходило полторы сотни наименований самиздата. Такая конкуренция неподцензурной прессы заставляла и официальные издания становиться все более радикальными.

Так, анархо-синдикалисты помимо своего ведущего журнала «Община» стали выпускать еще газету «Воля» и более десяти региональных журналов. «Демократический союз» помимо газеты «Свободное слово» выпускал Бюллетень совета партии, газету «Утро России», а в Ленинграде – «Учредительное собрание». Издавались и общедемократические газеты, такие как московская «Хроника». В каждой из европейских и закавказских республик СССР выходил свой спектр изданий. Некоторые организации жили, перепродавая популярные оппозиционные газеты.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ

ЕЩЕ ОДНИМ ИСТОЧНИКОМ материальной базы оппозиции была интернациональная помощь западных организаций. Контакты через границу устанавливались по нескольким линиям. Большую роль сыграла общественная организация «Некст стоп СССР», которая с 1989-го налаживала связи народной дипломатии – визиты единомышленников в гости друг к другу. Иностранцев использовали

даже на митингах, особенно с интернациональной тематикой: в знак солидарности с демократами Китая и Восточной Европы. Пока в митинге участвовали иностранцы, их обычно не разгоняли.

Оппозиционеры в СССР и странах Восточной Европы исходили из тесной взаимосвязи событий по разные стороны границы СССР и по мере сил помогали друг другу. Возможности народной дипломатии использовала и дипломатия официальная.

Вспоминает Г. Павловский: *«Создатель КОС-КОРа Адам Михник приезжал сюда, через Гефтера встретился с Черняевым и высказал предложения по компромиссу. Они были приняты здесь в ЦК и осуществлялись, пока после выборов не выяснилось, что за коммунистами в Польше вообще никого нет».*

Если бы советское руководство осознало, что положение в Восточной Европе является критическим, и в любом случае придется уходить оттуда, можно было бы использовать канал народной дипломатии для продвижения встречных предложений по компромиссу, которые можно было закрепить в международных соглашениях до неизбежного краха Варшавского блока. Но осознания такой перспективы у Горбачева и тем более его консервативных коллег не было. Так что народной дипломатией воспользовалась прежде всего оппозиция в СССР.

С середины 1989-го новых политических лидеров приглашали в страны Запада с выступлениями. Эти поездки мало что меняли во взглядах идеологов оппозиции. К 1990 году, когда поездки стали распространенным явлением, лидеры основных идейных течений уже сделали ставки. Либералов эти визиты убеждали в преимуществах капитализма, социалисты выискивали (и вполне успешно) язвы западного общества. Европейские партнеры оказывали помощь своим единомышленникам в России (христианские демократы – христианским демократам, социалдемократы – социал-демократам, анархисты – анархистам).

Зарубежные друзья жертвовали валюту на благое дело борьбы с коммунизмом. Оппозиционеры везли из-за границы горы тамиздата, компьютеры, принтеры и другую оргтехнику. Мне довелось наблюдать

даже переправку в СССР небольшой типографии – формально закупленной кооперативом, где работали неформалы. На этой типографии были отпечатаны два тиража оппозиционного журнала, но затем выяснилось: чтобы окупить расходные материалы, типография должна выполнять коммерческие работы. Вскоре кооператив переключил типографию только на нужды самокупаемости, а обиженные неформалы стали печатать тиражи этого журнала на более выгодных условиях в Белоруссии. Этот эпизод показывает, что техническая поддержка Запада играла второстепенную роль – с ней было легче, но можно было обойтись и без нее. Благодаря этой помощи с конца 1989 года издатели самиздата смогли макетировать свои газеты и журналы качественнее и быстрее.

Значительную помощь «демократам» на выборах 1989—1990 годов оказал Д. Сорос. Вероятно, это было крупнейшее вливание, по некоторым данным миллион долларов. Сегодня за такие деньги какой-нибудь капиталист может разве что зарегистрировать партию, не более того. Но в 1989—1990 годах обстановка была иной – подавляющее большинство актива работало бесплатно.

С согласия Горбачева Сорос создал в СССР фонд «Культурная инициатива», который по замыслу Сороса должен был выстраивать экстерриториальный сектор «открытого общества» внутри советского общества. Таких прав в СССР Соросу не дали, но он заручился поддержкой в Фонде культуры в лице его замдиректора В. Аксенова. Аксенов «пробивал» создание фонда «Культурная инициатива», которое де-юре осуществил к 1989 году.

Диссидентов и неформалов к Соросу сначала не подпускали. Но в 1989-м ситуация изменилась, так как оппозиционеры получили депутатский статус, и Сорос смог установить с ними рабочий контакт. Через статусных «либералов» Сорос вышел на «демперестройщиков» и их союзников.

Вспоминает Г. Павловский: *«Мы обсуждали тему выборов с Румянцевым и Соросом. Ему понравилась идея „русской игры“. Удалось договориться о выделении средств на программу „Гражданское общество“. Я, Пельман и Игрунов были сделаны его директорами. Деньги Сороса были нарезаны на гранты, которые позволили оснастить*

гражданские группы компьютерами, факсами, ксероксами и другим офисным оборудованием. Издавался бюллетень „Выборы-90“. Почти все средства ушли на оргтехнику».

Вспоминает оргсекретарь фонда Л. Глазычев: *«Когда я пришел в фонд, там было 5 тыс. нерассмотренных заявок. Я отдавал себе отчет и считал это полезным, что многие из них преследуют цель поддержки не только культурных, но и культурно-политических проектов. Прежде всего мы предоставляли компьютеры и множительную технику, и было понятно, что на ней будут печатать не только высокохудожественные тексты. Гранты выделялись и на охрану памятников, и на экологическое движение, и на „мемориальскую“ историческую работу, и на педагогические эксперименты, но никакого контроля за тем, что эти люди печатают, дальше уже не было. Наличных денег было немного. Люди запрашивали деньги на работу, а не для самих себя.*

Джордж тоже не был щедрым дядюшкой, и его представители считали каждую копейку. Никакого перекорма не было, и приходилось драться с ними за увеличение финансирования по тем или иным проектам. Это, кстати, иногда приводило меня к интересным открытиям. Так, мне пришлось заняться проблемой качества компьютеров. Большинство наших людей видели компьютер впервые, но все же было и некоторое количество опытных «юзеров». И они стали направлять «рекламации» о несоответствии документации и качества техники. Я, как наивный человек, задался этим вопросом и, будучи в штаб-квартире в Нью-Йорке, отправился по адресу, где должны были комплектовать компьютеры для нас. Там я обнаружил магазин, где продавались пылесосы, кухонные комбайны и компьютеры. Место было совсем непрофессиональным. Когда я имел неосторожность предъявить эту проблему по начальству, то нечаянно разворошил гнездо блата и откатных схем, только не наших, а американских. Но все осталось, как есть.

Я в фонде тоже «блатмейстерствовал», тем более что был уверен в качестве проектов моих знакомых. Решения принимал не я, а правление (Афанасьев, Евтушенко, Гранин, Заславская и другие), но в продвижении проектов я помогал. Мы поддерживали тех людей, с которыми были связи и по неформальным структурам, и по союзам архитекторов и другим».

Была ли западная благотворительность частью подрывной работы, преследующей целью развал СССР? Судя по шагам их дипломатии, руководители западных государств в 1989-м не стремились к распаду СССР. И это было разумно. Если Советский Союз станет капиталистической («открытой», «либеральной») страной, то лучше, если он будет такой целиком, без непредсказуемых межгосударственных конфликтов и новых границ, за которыми смогут существовать «заповедники коммунизма». Предполагалось отделение от СССР Прибалтики и, может быть, части Кавказа, но не Украины, Белоруссии и Казахстана.

Переформулируем вопрос: распался бы СССР без материальной помощи оппозиционерам из-за рубежа? Что она добавила в политический процесс? Компьютеры в 1990-м стали стремительно распространяться в СССР и безо всякой благотворительности. Кооператоры вывозили из страны металлолом, а закупали наиболее дефицитные товары – компьютеры. Компьютеризация была неизбежна и предопределяла обзаведение оппозиционных групп домашними типографиями в виде компьютера и принтера. Деньги на расходные материалы с избытком обеспечивала прибыльность издательского бизнеса.

Оппозиционное движение вполне могло обойтись без зарубежной помощи и уж никак не подчиняло свою деятельность указаниям иностранных центров. Да центры и не настаивали. Их вполне устраивало, что усиливается оппозиция, которая предпочитает ненасильственные методы борьбы бунту и терроризму в ядерной державе. В этом отношении интересы западных центров объективно совпадали даже с интересами коммунистов, хотя чиновникам и не нравилось, что теперь с оппозицией приходится спорить почти на

равных – при соотношении тиражей 1:1000, а не 1:1 000 000, как год назад.

Монополия КПСС на СМИ была подорвана к началу 1989 года, причем практически без поддержки из-за рубежа (но при поддержке Прибалтики). Качество неформальных изданий сначала не имело значения – миллионы интересующихся политикой людей были готовы читать хоть самиздат, напечатанный на машинке. Но в 1990-м можно было договориться и с государственной типографией. Хозрасчетные типографии были рады заработать, тем более что их персонал с интересом читал то, что печатал.

Несомненно, что значительная часть оппозиционного актива отождествляла свои цели с целями Запада, но не потому, что получала там материальную помощь, а потому, что была настроена западнически, считала победу Запада победой «всего прогрессивного человечества» над коммунизмом. Если здесь был корыстный интерес, то в другом – западники полагали, что, сделав Россию Западом, они лучше устроят свою жизнь. Впрочем, они доказывали, что значительно улучшится жизнь всех советских людей. Чтобы капитализм победил, сначала должна была победить либеральная идея. Но и эта идея не требовала в 1989—1990 годах распада СССР. «Российская игра» еще не зашла так далеко, чтобы выдвигать требование независимости России от СССР. Понятие «суверенитет» трактовалось как верховенство решений нижестоящих органов власти над вышестоящими, то есть как делегированная демократия, а не распад страны.

Ветераны партаппарата и КГБ, рассказывая сегодня о том, как их разгромили, грешат на ЦРУ, выставляя тем самым свою Родину страной дураков. Мол, секретные центры разработали идеи, которые затем овладели миллионами соотечественников. Но они не могут привести доказательства того, что какая-то из идей, разрушивших коммунистический режим, была навязана из-за рубежа. Даже наиболее разрушительная для Советского Союза идея перезаключения союзного договора пришла из Прибалтики и стала продуктом не западных идеологических центров, а умеренных кругов национальных компартий.

Лидеры оппозиционного движения были слишком амбициозны, чтобы подчиняться тайным приказам. Отдельные агенты ЦРУ и КГБ,

конечно, присутствовали в «демократическом» движении. Они могли информировать своих хозяев. Но руководить этим движением из единого центра было невозможно в силу его конфедеративной структуры. И консерваторы, и реформаторское руководство КПСС проиграли борьбу за умы не американцам, а гражданам СССР.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И «ВТОРАЯ ПАРТИЯ»

ПОСЛЕ УСПЕШНОГО ОПЫТА сотрудничества на митингах и драматичного I Съезда народных депутатов получило новый импульс конструирование объединенного движения «демократов», «второй партии», сила которой будет сопоставима с силой КПСС. Срок определялся объективно – до осени 1989 года, когда начнется новая предвыборная кампания.

Уже на съезде было объявлено о создании Межрегиональной депутатской группы, объединившей депутатов демократической ориентации. Поскольку частые выступления на съезде либералов-москвичей стали вызывать возмущение (почему дают слово столице, а не провинции!?), то группу решили назвать «межрегиональной» (то есть не московской). Это название удачно обходило вопрос о ее идеологии.

Депутаты, которые после съезда стали героями дня, спешили поставить остальной демократический актив в подчиненное положение. «Межрегиональная депутатская группа стала некой кастой, закрытой от общественной поддержки»^[263]. Общественная поддержка Межрегиональной депутатской группы в реальности росла, но депутаты не допускали выстраивания структур общественного контроля над ними.

Вспоминает Г. Павловский: *«Вячек после первого съезда крайне растерянно мне говорил, что те же самые люди, с которыми мы были на короткой ноге, как только стали депутатами, немедленно отдалились. Возникла стена. Они поднялись в поднебесье. То Попов за нами бежал, просил решить ту или иную задачу. А тут мы должны были за ним бегать. Это резкое изменение произошло и в кругу*

либералов „Московской трибуны“ – между теми, кто пошел в депутаты, и кто в депутаты не пошел».

29-30 июля прошла I конференция этой группы, которая организационно оформила ее. В группу вошли 388 народных депутатов, включая депутатов от Прибалтийских народных фронтов и Интерфронтов (в том числе такие известные в дальнейшем защитники СССР, как В. Алкснис и Е. Коган). Сопредседателями координационного совета группы были избраны Ю. Афанасьев, Б. Ельцин, Г. Попов, А. Сахаров и В. Пальм (от прибалтов). Это было коллективное руководство. Но уже тогда обсуждался вопрос о выдвижении единоличного лидера – потенциального преемника Горбачева.

Вспоминает Г. Павловский: *«Летом произошла серьезная рокировка. После съезда по умолчанию лидером Межрегиональной депутатской группы считался Афанасьев, и Сахаров был готов на него играть. И вдруг Афанасьев взял да и уехал на два месяца в Италию лекции читать. И вернулся в октябре, когда рейтинг Ельцина невероятно вырос. При этом он знал, что обсуждается его выдвижение в фавориты оппозиции на выборах и после них». Впрочем, отказ Афанасьева от соперничества с Ельциным был понятен – видный представитель номенклатурной интеллигенции осознавал, каковы его шансы в конкуренции с Ельциным.*

В это же время Ельцин тоже не сидел дома – совершил свою знаменитую поездку в США. В отличие от поездки Афанасьева она имела громкий резонанс, в том числе и компрометирующий номенклатурного бунтаря. Но как бы он ни подставлялся – все вело к росту «рейтинга». Ельцин воспринимался как «жук в муравейнике», способный разворошить номенклатурную пирамиду. Возвышение Ельцина в 1989—1990 годах было связано с рядом объективных обстоятельств: переход освободительного движения к популистскому этапу, которому полностью соответствовал и имидж, и негативная программа Ельцина, смерть Сахарова, переход на сторону

«демократов» части номенклатуры, для которой Ельцин был психологически своим человеком. Были и другие обстоятельства, которые заставили лидеров «шестидесятников» ставить на Ельцина.

Г. Павловский вспоминает о беседах того времени:

«Мотивом при принятии важных решений тогда были страхи. Так, был страх возвращения эмиграции и овладения ею движением. Солженицын и Буковский нас беспокоили. Приедут и начнут тут рулить – с их неадекватным представлением о ситуации в СССР. С этим был связан страх антикоммунистической революции. По венгерскому варианту. Погромы и люстрации.

С точки зрения этой группы это было недостатком Сахарова. Андрей Дмитриевич сам по себе человек хороший, но за ним придут буковские, и их он не удержит. Радикалы своим потоком «вымоют» умеренных. Этого среди диссидентов очень боялись С. Ковалев и Л. Богораз. Жупелом этого страха была Новодворская.

Этот страх заставил либеральную группу «Московской трибуны» сделать ставку на Ельцина. Если во главе будет коммунист, то нельзя будет бояться антикоммунизма».

В 1989 году гражданское общество в СССР стало массовым. Если в 1987—1988 годах сеть неформальных организаций напоминала тонкую паутинку, то в 1989-м она покрыла всю страну. Почти в каждом областном центре и большинстве городов без труда можно было найти отделения нескольких политических организаций разной степени радикальности, ознакомиться с новинками оппозиционной прессы, обменяться идеями и политическими слухами. Появились независимые профсоюзы, которые действительно занимались профсоюзной работой, комитеты самоуправления, информационные центры. Обычным явлением стали митинги в несколько тысяч человек. Представители нигде не зарегистрированных организаций на равных разговаривали с высокопоставленными чиновниками и возмущались, если ощущали толику неуважения. Но чиновники старались понравиться, потому что не хотели оказаться в осаде народных масс. Они то шли на уступки населению в малом и большом, то разгоняли

толпы, что только подливало масла в огонь. Скандал вовлекал в движение новые тысячи возмущенных людей.

Между тем освободительное движение, став массовым, постепенно разделялось на два потока. Один, в авангарде которого по-прежнему шли неформалы, сосредоточился на расширении гражданского общества, усложнении его структуры и идей. Другой поток, в авангарде которого оказались получившие депутатские мандаты «либеральные коммунисты» и популисты, стал выстраивать систему политической власти. Обличая аппаратчиков, они создавали новый аппарат.

Именно отсутствие собственного аппарата затрудняло переход «либеральных коммунистов» в открытую оппозицию к КПСС. Всем было очевидно, что Межрегиональная депутатская группа – оппозиция. Но ее лидеры продолжали использовать номенклатурные возможности и потому утверждать, что они – не оппозиция.

В 1989 году Межрегиональная депутатская группа, обладавшая парламентской трибуной, была еще рупором гражданского движения. Она в умеренной форме воспроизводила лозунги, выработанные неформалами и «либерально-коммунистической» журналистикой.

Депутаты-демократы приступили к формированию собственного аппарата. Весной эту функцию выполнял комитет доверенных лиц депутатов группы, затем аппаратная работа сконцентрировалась в комитете избирателей Академии наук. Перед съездом по его инициативе демократические депутаты провели «учения». Впрочем, результативность этих тренировок была невелика – два дня прошли в «болтовне», а на третий день депутаты «говорили каждый о своем». Демократическое войско состояло из слишком самостоятельных воинов, чтобы они могли действовать в едином строю.

Вспоминает сопредседатель комитета избирателей Е.

Савостьянов: *«... кто из депутатов в какой последовательности встает, по какому вопросу выступает, что говорит. („Вот выходит Горбачев. Ты поднимаешь руку с мандатом,ходишь к микрофону, просишь слова и говоришь“.) Помню, как выступали на этих репетициях и говорили каждый о своем Оболенский, Бородин, Станкевич»*^[264].

Собрания группы и актива ее поддержки проходили в Доме ученых. Комитет избирателей, в котором было много членов «Московской трибуны», ориентировался на Сахарова, территориальные клубы – прежде всего на Ельцина. К концу года сформировался аппарат помощников депутатов, куда перешла часть доверенных лиц. Это способствовало падению роли и комитета избирателей, и «Московской трибуны».

Неформалы не стали аппаратом депутатов, а без них новый «демократический» аппарат был еще слаб. Это показали митинги весны – лета 1989 года и февраля 1990-го, когда лидеры неформалов требовали (и получали) себе наряду с депутатами право выступления с трибуны. Ведь именно они брали на себя организационную работу. Каждая митинговая кампания предварялась переговорами между «звездами» и «организаторами». «Прорабы перестройки» по-прежнему были союзниками, но не руководителями неформалов, принимавших решения самостоятельно. Конечно, действия неформальных организаций использовались шестидесятниками, в том числе и «либералами» в руководстве КПСС. Но и неформалы каждый раз решали, какую кампанию верхов поддержать, а какую – нет. Так продолжалось до выборов 1990 года.

КОНЕЦ ВРЕМЕНИ НЕФОРМАЛОВ

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ МАШИНА

ГЕНЕРАЛЫ ОРГАНИЗОВАЛИСЬ, дело было за армией. Наилучшим кандидатом на создание популистской организационной структуры были народные фронты. В 1989 году в России уже возникло более 20 региональных народных фронтов и еще несколько инициативных групп.

Но в силу стремления руководить неформальным движением фронты оказались в изоляции от части гражданского общества. У низовых популистов не оказалось организационных ресурсов, необходимых для поддержания общероссийской или всесоюзной структуры. Эту нишу стремились занять «либеральные коммунисты», обладавшие доступом к СМИ. Но у большинства из них не было организационных способностей. Признаком того, что демократ сочетает известность и достаточные организационные способности, считалась победа на выборах (иногда, правда, – номенклатурных выборах от общественных организаций). В итоге такого отбора, осуществленного не только избирателями, но и номенклатурой (таков уж был закон 1988 года), «либеральные коммунисты» с депутатскими мандатами легко замкнули на себя оппозиционную структуру, построенную «народными фронтовиками». Новый популистский актив разбавил «фронтовиков», и под руководством депутатов переварил марксистов, монополизировавших «Московский народный фронт» в 1988 году. Так московский и другие народные фронты сменились «объединениями избирателей» без четкой идеологии.

Объединения избирателей стали возникать сразу после выборов 1989 года уже на «общедемократической основе» и ставили перед собой не идейные, а технологические задачи победы на выборах. В июне возникшие в районах Москвы клубы избирателей стали обсуждать участие в следующей кампании. Программные тонкости оставили круглому столу неформалов и сосредоточились на предвыборной технологии. Не так важно, зачем, а важно, как нанести

поражение КПСС и провести в депутаты как можно больше «своих» – «демократов».

27 июля 1989 года прошел учредительный съезд Московского объединения избирателей. В это объединение вошли клубы избирателей (первоначально клубы поддержки депутатов Межрегиональной депутатской группы) 30 районов Москвы, клуб избирателей Академии наук, избирательный актив «Мемориала», «Московский народный фронт». Идеология и структура Московского объединения избирателей были аморфны, прошлогодние споры о демократическом социализме – отставлены. «Московский народный фронт» фактически растворился в новой структуре. Такая модель партии «демократов» делала депутатов абсолютно неподконтрольными активу; она стала основой избирательной машины в Москве. Они собирались в приемной Ельцина и других помещениях, которыми уже располагали «демократы», распределяли задачи и свой объединенный актив между избирательными округами. Идеологические разногласия при этом стирались, и политический курс депутата теперь не зависел от низового актива.

16-18 сентября в Ленинграде состоялась Всесоюзная конференция демократических движений, которая создала Межрегиональную ассоциацию демократических объединений. В конференции приняли участие 82 организации из 20 городов, включая большинство народных фронтов. Это была новая попытка создать «вторую партию». Но теперь в идеологии организации не было социалистических лозунгов. Эта ассоциация строилась как партия групп поддержки Межрегиональной депутатской группы. Объединяющая идея была негативной – борьба с КПСС: «КПСС, присвоившая себе 72 года назад руководящую и направляющую роль в обществе, несет полную ответственность за свершившуюся в стране историческую трагедию, за всеобщий экономический, политический и нравственный кризис общества, за трагическое обострение межнациональных отношений»^[265].

Пока сохранялось влияние неформалов с их привычкой разговаривать с вождями на равных, полноценная партия с полновластной элитой и послушным активом сложиться не могла. Неформалы не хотели подчиняться союзным депутатам, популисты еще были «заражены» неформальными традициями, оппозиционных

вождей с депутатскими значками было еще мало, и их авторитет в структуре гражданского общества был недостаточен.

Для создания «партии нового типа» и основ нового режима должно было кончиться время неформалов. Его завершению способствовали три обстоятельства. Во-первых, в 1990 году влиятельная часть неформальных лидеров была инкорпорирована в депутатский корпус, который стал основой новой элиты.

В конце 1989-го они уже были кандидатами и психологически стояли на стороне корпорации «демократических» депутатов. Во-вторых, после выборов 1990 года в оппозиционную политику пошли уже значительные деньги, достаточные для оплаты профессионального аппарата «демократов». В-третьих, в 1990-м в СССР восторжествовал политический плюрализм, коммунистическая реставрация, с точки зрения многих неформалов, станет невозможной, что позволит им отойти от активного участия в политике и заняться достраиванием структур гражданского общества. После этого неформалы на некоторое время перестали путаться под ногами своих ставших депутатами партнеров и товарищей. Это позволило депутатской корпорации с помощью профессионализировавшего аппарата выстроить толпы неискушенных в политике сторонников демократии в организацию «Демократической России». В 1990 году, особенно после мартовских выборов в местные и республиканские органы власти, популизм окончательно возобладавал в оппозиционном движении. Но этот финал «восходящего этапа» в развитии освободительного движения перестройки был уже в 1989 году только делом времени.

Осенью 1989 года противники КПСС все еще не доверяли депутатам. Большинство депутатов Межрегиональной депутатской группы все еще состояло в партии, отмежевывалось от слова «оппозиция» и было настроено на соглашение с режимом. Можно ли доверяться руководству таких лидеров? В преддверии II Съезда народных депутатов и во время него «демократы» продемонстрировали радикализм, что заметно сблизит их с внепарламентской оппозицией.

1 декабря депутаты А. Сахаров, В. Тихонов, Г. Попов, А. Мурашев и Ю. Черниченко (снял свою подпись и был заменен Ю. Афанасьевым) призвали демократов провести с 10 до 12 часов дня 11 декабря предупредительную забастовку с требованием отмены шестой статьи

Конституции СССР (о руководящей роли КПСС). В обращении депутатов говорилось: «Собственность – народу! Земля – крестьянам! Заводы – рабочим! Вся власть – Советам!» Все лидеры, подписавшие это обращение (за исключением скончавшегося вскоре А. Сахарова), через два года стали горячими противниками большинства этих лозунгов. Накануне забастовки в Москве прошла десятитысячная демонстрация в День прав человека под лозунгами «От демократизации – к демократии!», «От гласности – к свободе слова и печати!», «От тоталитарного государства – к гражданскому обществу!», «От бюрократического централизма – к свободному союзу суверенных народов!», «КГБ – под контроль Советов!». Забастовка не удалась. Из шахтерских регионов радикальных демократов поддержала только Воркута, в других городах прошли митинги.

Несмотря на скромные результаты самой забастовки, депутаты–«либералы» вышли из нее более сплоченными и теснее связанными с активными оппозиционными структурами, которые окончательно переориентировались на оппозиционный депутатский центр. Кризис недоверия между «либеральными коммунистами» и оппозицией был преодолен, «либералы» с партбилетами доказали, что их вожди достаточно радикальны в своей борьбе против партаппарата. На съезде народных депутатов они наконец провозгласили себя оппозицией.

И в Кремле к оппозиции стали относиться серьезно. 28 декабря член Политбюро В. Воротников говорил А. Лукьянову: «Неформальные общественные организации действуют напористо, активно»^[266]. Интересно, что руководители КПСС опять отставали от ситуации, не заметив ухода неформалов со сцены и изменения характера «общедемократического движения».

КУРС НА «ТРЕТИЙ МИР»

14 ДЕКАБРЯ умер Андрей Сахаров. Его смерть способствовала перегруппировке сил в руководстве «демократов». «Либералы», которые прежде могли маневрировать между линиями Сахарова и Ельцина, теперь волей-неволей должны были спланиваться вокруг Ельцина (тем более в условиях отказа Ю. Афанасьева от претензий на лидерство). Характерной является эволюция позиции А. Собчака: «Выступления Ельцина на съезде и на московских митингах мне не

нравятся: популистский напор в них порой берет верх над здравым смыслом; я считаю, что политика это не украшает». Собчак ориентировался на Сахарова, которого сравнивал с Сергием Радонежским^[267]. После смерти Сахарова Собчак войдет в обойму Ельцина.

Для неформалов-социалистов Сахаров в качестве лидера депутатской фракции «демократов» был более приемлем, чем Ельцин. Академик был открыт обсуждению сложных социальных идей, был настроен на поиск всего лучшего как в социалистической, так и в либеральной идеологии.

После его смерти интеллектуальный центр демократов, состоявший из приближенных к Ельцину депутатов и либеральных экономистов, уже не утруждал себя прорисовкой деталей грядущего общества. Идея прорыва к нормальному капиталистическому обществу проще и потому сильнее. Во всяком случае до тех пор, пока радикальная либерализация экономики не покажет, насколько разрушительной она может быть в среднеразвитой стране, насколько тяжело жить при капитализме большинству населения страны, отброшенного в «третий мир». Впрочем, как мы видели, социалисты предупреждали об этом уже в 80-е годы.

Один из идеологов Межрегиональной депутатской группы Ю. Афанасьев утверждал, что если нынешняя политика руководства страны сохранится, то «будет и кровь, и тот самый бессмысленный и ужасный бунт, о котором тут уже говорили»^[268]. И Афанасьев, и другие демократы действительно в это верили. Социально-экономический кризис углублялся с каждым днем, а Горбачев и Рыжков практически прекратили преобразования. Это действительно могло закончиться взрывом. Нужно было действовать срочно, но вот в каком направлении? «Вождям демократии» казалось, что для улучшения ситуации нужно бросить обсуждение сложных моделей демократического социализма и принять нескольких простых либеральных решений. Затычка реформ вела к упрощению общественной мысли. Простое решение – верное решение. В 1989 году в кругах статусных либералов еще не принято говорить, что эти решения ведут напрямик к капитализму. Ведь тогда придется обсудить неудобный вопрос – к какому капитализму. А эта проблема не менее сложная, чем совершенствование существовавшего в СССР строя.

В этом смысле симптоматичен такой происшедший со мной эпизод. В 1989 году Г. Попов выпустил сборник «Эти четыре года». После выборов 1989-го он «по должности» стал главным экономистом Межрегиональной депутатской группы. Так что его взгляды, не будучи оспоренными, фактически становились экономической платформой общедемократического движения.

Прочитав книгу Попова, я написал статью «Перестройка по Попову, взгляд слева» и попытался напечатать ее в журнале «Община». Как-никак, я был членом ее редакции, а сама редакция была идеологическим штабом Конфедерации анархо-синдикалистов – очень левого движения. Но соредакторы вдруг заартачились: «А надо ли сейчас печатать статью с критикой Попова? Все-таки Попов – крупный экономист, ему виднее, ты же – не экономист». Это была странная мотивировка, так как за последние годы «Община» не стеснялась высказываться по экономическим вопросам, и обычно ее авторы оказывались ближе к истине, чем официальные профессиональные экономисты. Дело было не в уважении к чинам и профессионализму Гавриила Харитоновича. Просто тогда «общинная» команда московских анархо-синдикалистов выдвинула кандидатом в депутаты А. Исаева. Велись переговоры (оказавшиеся успешными) о «блокировании» его с формирующимся блоком «Демократическая Россия». Хотя формально анархо-синдикалист А. Исаев в блок не вошел, но поддержка «ДемРоссии» как союзника использовалась в его кампании. Так что ссориться с Поповым не хотелось. Большинство голосов мою статью решили не печатать. Так я впервые столкнулся с политической цензурой в неподцензурном издании.

Спустя некоторое время я встретил Г. Попова на оргкомитете митинга 4 февраля 1990 года. Настроение за столом было чуть ли не братское. Гавриил Харитонович излучал симпатию к товарищам по борьбе, и я показал ему статью. Просмотрев ее, он сказал, что критика – дело полезное и статью можно опубликовать в «Вопросах экономики», где Г. Попов был главным редактором. Попов дал мне телефон своего зама, который принял статью со всей любезностью. Я еще несколько месяцев вносил в текст разные поправки по просьбе редакции. Статья так и не вышла^[269].

Статья с критикой Попова пролежала полтора десятилетия в архивном фонде, и теперь ее полезно перечитать свежим взглядом.

Ведь либералы конца 80-х утверждают, что вели совсем не туда, куда привела команда Ельцина в первой половине 90-х. Был ли экономический курс Попова и его соратников альтернативой экономической политике Гайдара и Чубайса, или в платформе Попова были видны черты будущего олигархического капитализма?

В 1989 году Попов уже фактически выступал за капитализм, но опасался это сказать прямо. Все-таки партбилет КПСС еще давал немалые возможности, да и массы демократического актива еще были настроены не по «дээсовски». Я комментировал: «Любимая тема Г. Х. Попова – рынок. Причем рынок социалистический, ибо и аренду, и акционерные общества, и кооперативы, и индивидуальные предприятия Г. Х. Попов считает формами социалистической собственности^[270]. Неясно только, чем такой рынок отличается от капиталистического, то есть западного. Привычка социалистического плюрализма мнений мешает прямо сказать: да, мы хотим внедрить западную экономическую модель.

Но по этим правилам игры Запад умеет играть гораздо успешнее нашего – встает вопрос о вторжении иностранного капитала в отечественную экономику. Но в этом ведь нет ничего страшного, считает Г. Х. Попов: «Возьмем рядового гражданина. Ясно, что конвертируемый рубль ему нужен. В экономическом смысле он позволяет ему сбросить иго отечественной экономики и, покупая чужие товары, быстро разгромить всех экономических уродов, возвращенных в теплицах административной системы...»^[271] Да только вот незадача – тот же гражданин и трудится на означенных уродах, кои у нас в большинстве, так что после погрома наниматься придется к победителям на условиях «третьего мира». А такие условия, как показывает Латинская Америка, для нас – не выход. Там все можно найти на прилавках, но не в холодильниках (если есть холодильник). Отсюда и голодные бунты в Аргентине, и партизанское движение под коммунистическими лозунгами в Перу»^[272].

Дело даже не в рубле, а в организации экономики. Бюрократия готовится к захвату предприятий в частную собственность через «социалистические концерны». «Надо же чем-то заменить партийный паек. Новая бюрократия будет, правда, ответственна перед рынком, как старая перед Марксом, но и тут радоваться не приходится – монополии

имеют все возможности преобразовать рынок по своему образу и подобию»^[273].

«Среди всех „социалистических форм“, перечисленных Г. Х. Поповым, подавляющее большинство – обычные капиталистические фирмы... Путь в это оптимистическое завтра предполагается путем продажи „одолженной“ бюрократией у народа собственности тому же народу»^[274]. Распределенная таким образом собственность идет на акции, которые, к сожалению, легко скупаются мафиозными группами^[275]... Пока же страну все сильнее сносит в сторону «третьего мира», где смешанная экономика, государственное регулирование (капиталистического рынка. – *А. Ш.*) и президентство не избавляют от экономических катастроф, нищеты, одичания, доходящего до герильи, периодических диктатур. И к этому – блестящая перспектива превратиться в экологическую свалку мира. Из одного кошмара в другой кошмар»^[276].

У советских социалистов не было возможности довести свои предостережения до большинства демократически настроенных избирателей. Но вожди «демократического движения» не могут пожаловаться на то, что их не предупреждали.

ЕДИНСТВО ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

ВРЕМЯ НЕФОРМАЛОВ ЗАКАНЧИВАЛОСЬ в ходе предвыборной кампании 1989—1990 годов. Главным противником «демократов» на выборах 1990 года «коммунисты» были чисто номинально. КПСС стремительно разлагалась. «Демократы» с партбилетами возглавляли оппозицию. Конечно, можно было бы исключить их из партии, но теперь это только усилило бы авторитет внутрипартийных «борцов за справедливость». Но и охранители не могли быть опорой партии. Они уже не одобряли курс Горбачева, и потому не подчинялись партийной дисциплине. Коммунистические и государственные руководители и их ставленники часто шли как «независимые» кандидаты.

Аппарат «демократов» оказался сильнее, чем у КПСС. Несмотря на то, что у обкомов и горкомов было множество освобожденных аппаратчиков, большинство из них уже думало не о благе партии, а о рыночном будущем. Те, кто работал на совесть, привык решать

вопросы не торопясь. Им была чужда митинговая стихия. Неформалы, породившие ее, обладали здесь и опытом, и готовой инфраструктурой: от связей в государственных типографиях (для распечатки дешевых и бесплатных листовок) до актива, привыкшего агитировать не за деньги, а в силу убеждений. Агитация против демократов в официальных СМИ давала противоположный эффект, тем более что многие журналисты сочувствовали «идейному противнику». Интеллигенция в большинстве своем была на стороне перемен.

МГК КПСС не сумел и не захотел оседлать консервативную позицию и, подчиняясь общему направлению политики Горбачева, выступил на выборах с реформистских позиций: «Мы призываем наших единомышленников и тех, кто не согласен с нами или еще колеблется, подняться над эмоциями, сделать осознанный выбор и проголосовать за беспартийных и коммунистов, выступающих за обновление социализма и демократизацию партии»^[277]. В противостоянии напористых «демократов» и вялых сторонников реформ из МГК население Москвы предпочло более ясную и определенную позицию «демократов».

Более последовательную оппозицию «Демократической России» попытался представить другой блок с условным названием «Патриотическая Россия» (официально он назывался «Блок общественно-патриотических движений России»). 20-21 октября 1989 года в Тюмени группа из 28 депутатов от разных областей России выпустила обращение клуба «Россия». Депутаты-державники требовали от реформаторов не забывать о России и русских. Председателем клуба был избран В. Ярин, лидер Объединенного фронта трудящихся.

5 февраля 1990 года комитеты избирателей, клубы избирателей, блок общественно-патриотических движений России объявили свою программу «За народное согласие и российское возрождение». В блок вошли Клуб народных депутатов СССР и избирателей «Россия», Всероссийский фонд культуры, Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, ОФТ, Общественный комитет спасения Волги, Фонд восстановления храма Христа Спасителя и еще несколько культурнопатриотических организаций. В Москве блок поддержал таких кандидатов, как журналист В. Анпилов (в будущем лидер радикальных коммунистов), художник И. Глазунов, литератор С.

Куняев, режиссер и политолог С. Кургинян, профлидер М. Шмаков (в будущем – председатель ФНПР).

Политическая философия «демократов» и «патриотов» была противоположной. «ДемРоссия» видела причину кризиса «не в том, что разрушаются старые порядки, а в том, что они ликвидируются медленно и с оглядкой, в том, что они своевременно не замещаются новой властью, новой экономикой, новыми ценностями»^[278]. «Патриоты», напротив, видят причину в том, что «бездумно разрушаются сложившиеся управленческие народно-хозяйственные структуры с единственной целью – заменить их стихийным рыночным механизмом»^[279].

«Патриоты» обличают блок сепаратистов и «левых радикалов» (имеются в виду «демократы»), который готов «к расчленению Союза ССР и распродаже западным „партнерам“ наших национальных богатств». Тем удивительнее лекарство, которое предлагают «патриоты» для лечения этой болезни: «Советская Россия восстановит или же создаст заново собственную систему административно-хозяйственного управления, которая прекратит не предусмотренное договором о создании Союза ССР вмешательство союзных органов в дела республики».

«Патриоты» требуют «прекратить бесконтрольное, не санкционированное ее Верховным Советом хозяйничанье на своей территории всесоюзных ведомств»^[280]. По существу «патриоты» сформулировали основы экономической политики Ельцина в борьбе с центром, «противопоставив» отпадению от СССР части окраин идею «выпадения» из его управленческой структуры самого ядра.

Программа «патриотов» требует прекратить дотации другим республикам, поддерживает прибалтийскую идею республиканского хозрасчета. Но «патриотам» тогда казалось, что предрекаемая ими угроза развала СССР не вытекает из экономической самостоятельности России. По существу они делали ту же ошибку, что и «демократы».

В действительности в 1990 году и большинство «демократов», и большинство «патриотов» не мыслили распада СССР в целом, а исходили из того, что от него может отпасть Прибалтика и часть азиатских территорий. Но в деле российского сепаратизма, смертельно опасного для СССР, и «демократы», и «патриоты» при всем различии

их риторики оказались в едином строю. Это была их общая ошибка. Но конкуренция двух течений, видевших друг в друге крайнюю реакцию, заставляла их, оглядываясь на соперника, «раскручивать» тему суверенитета, чтобы ее не перехватил противник.

ОТ «КРУГЛОГО СТОЛА» – К «ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РОССИИ»

РЫЦАРИ «КРУГЛОГО СТОЛА»

ВСКОРЕ ПОСЛЕ гигантских митингов мая – июня, где анархо-синдикалисты выдвинули идею проведения круглого стола политических сил, московские неформалы решили воплотить эту идею в ином «формате». Речь уже не шла о площадке переговоров с КПСС о будущем страны. Горбачев не воспользовался этим шансом, сочтя общественные движения слишком слабым фактором. Но их представители собрались за своим «круглым столом», чтобы обсудить, как доказать власти обратное. 30 июня круглый стол начал работу. Связь неформалов с Межрегиональной депутатской группой поддерживали С. Станкевич и И. Заславский. Тема переговоров была очевидной – близились выборы. Участники этих переговоров представляли не только московских неформалов, но и своих товарищей в других городах страны.

К осени в переговорах круглого стола участвовали «Демократическая перестройка» и Социал-демократическая ассоциация (первая организация породила вторую, но еще сохранялась), Конфедерация анархо-синдикалистов и «Московский народный фронт» (бывшие антагонисты теперь недоверчиво относились друг к другу, но перед лицом нарастающей либеральной тенденции поддерживали былых противников), Клуб социальных инициатив (фактически уже превратившийся в фантом) и Московское бюро информационного обмена (по своим задачам своего рода наследник Клуба социальных инициатив), «Мемориал», обладавший ценными связями с известными представителями интеллигенции, и сами эти представители в лице клуба писателей «Апрель» и «Московской трибуны» (в октябре этот элитарный клуб породится с неформалами, приняв их лидеров в свои ряды), Московский партийный клуб, готовившийся стать фракцией в КПСС, и Московский рабочий клуб, представлявший в Москве интересы рабочего движения.

Наряду с ним на роль российской «Солидарности» претендовал также новый независимый профсоюз «Соцпроф». В переговорах участвовали также Хельсинкская группа и еще несколько менее известных правозащитных структур, а также порожденные «Гражданским достоинством» редакция газеты «Панорама» и Союз конституционных демократов. Эта разнообразная коалиция, возникшая на основе старых неформальных связей, принялась за создание блока демократических сил, который сначала называли «Выборы-90». Идеологи этих организаций сформировали основу «общедемократической платформы». Но, как оказалось позднее, лидеры «демократии» затем легко могли отказаться от принятых на себя программных обязательств. Так что обсуждение программы будущего блока «Демократическая Россия» стало лебединой песней времени неформалов.

Первые круглые столы, проходившие в июне, были посвящены текущей ситуации. Участники обсуждения, представлявшие и неформалов, и статусных либералов, и депутатов, были далеки от оптимизма. Виктория Чаликова из «Московской трибуны» выразила мнение многих либералов: «Митинги внутренне приобретают не тот характер, который намечают их организаторы». На последних митингах «вся основная часть проходила в предвкушении расправы над Горбачевым и Раисой». Опыт истории России не предвещал ничего хорошего в случае победы «партии мщения» в антикоммунистическом движении. Лев Тимофеев с грустью констатировал, что события приобрели инерцию, на которую не рассчитывали борцы за свободу: «Мы пытались сдвинуть вагон, и сейчас он набирает скорость».

Сергей Станкевич и Андрей Исаев были настроены менее пессимистично. Ситуацию можно развернуть к лучшему. Станкевич считал, что «съезд сделал дело, это (уже) не то послушное большинство». В то же время он признавал: «Мы недооценили трудности. Была некоторая иллюзия, что следует сказать правильные слова, и все честное и прогрессивное на нашу сторону встанет». Не встало. Прибалты не хотят советоваться, делают по-своему. Провинциалы страдают «москвофобией»: «Вы нас и на съезде хотите подмять».

Исаев соглашался, что произошли качественные изменения в политической ситуации, возникло два центра власти. Но власть

стремится к реваншу, возможен военный переворот. Либералы идут по пути соглашательства, укрепляя бонапартизм. «Нужен третий центр». Я тогда считал, что третьим центром может стать структура независимых профсоюзов, органов самоорганизации населения, новых политических организаций, возникающих на основе неформального движения. По поводу того, как организовать эти новые движения, на круглых столах также не было единства мнений. С точки зрения Павла Кудюкина, которого поддержали и анархо-синдикалисты, «однородности не будет», нужно создавать новые движения не по территориальному, а по идеологическому принципу. Противоположный взгляд высказал депутат Илья Заславский, поддержанный «народными фронтовиками». Он признал, что пока у прогрессивных депутатов «нет контактов с общественностью. Нужна организованная общественность». Нужно всем входить в клубы избирателей.

В итоге консультаций договорились, что пора готовиться к выборам в местные Советы и Верховный Совет РСФСР. Правда, о нем говорили как о не очень перспективной структуре, и когда кто-то применительно к этой теме употребил слово «Россия», я записал его со знаком вопроса. Что в данном случае имеется в виду? Через несколько месяцев вопросов не останется.

Пока были намечены скромные формы взаимодействия – обмениваться информацией, заняться выработкой приемлемой для большинства участников демократической программы, в ходе кампании отказаться от активного противодействия друг другу, в случае переговоров с властями – привлекать к ним других участников круглого стола^[281].

Активисты гражданских движений, прошедшие долгий путь конфликтов и расколов, могли объединиться вокруг самого общего набора требований. Первоначальный проект декларации круглого стола об образовании блока был на основании предыдущих обсуждений и предложений составлен либералами В. Губиным, Г. Дерягиным, Л. Пономаревым и В. Фадеевым. 25 сентября он лег на стол и подвергся критике со стороны социалистов. Лозунг кампании «За свободу и демократию» оставили, дополнив

его социальным: «От нищеты – к достатку». Ключевые для неформалов-либералов правозащитные требования были поддержаны всеми, решили «привести законодательство в соответствие со Всеобщей декларацией прав человека». Я даже съязвил, что если это сделать, то никакое общество, кроме анархического, все равно не сможет существовать – слишком высоки требования этого документа. Шутку приняли всерьез и стали серьезно объяснять мне, что победа демократов позволит обеспечить свободу передвижения, информации и волеизъявления. К свободе образования партий приписали «и свободных профсоюзов». В области экономики неформалы-либералы не считались специалистами, и предложенная ими формула «обеспечить равноправие всех форм собственности» в результате критики слева дополнилась такими условиями: «при последовательной монополизации экономики, в условиях защиты социальных прав трудящихся и государственной помощи социально необеспеченным». И еще: «Соблюдать приоритет экологии при решении экоэкономических проблем». В целом программа была скорректирована влево, но из нее исчезло положение о передаче средств производства в распоряжение непосредственно трудящимся. Либеральное большинство круглого стола справедливо указало, что это социалистическое положение противоречит равноправию форм собственности. Так при формулировании «общедемократической платформы» либералами была отыграна важная идейная позиция.

По итогам предварительных обсуждений уже в проекте содержалась формула, отличавшая национальную политику неформалов от позиции Межрегиональной депутатской группы, вынужденной искать расположения прибалтов. В декларации говорилось: «Превратить страну в свободный союз равноправных народов» (а не республик). Но в порядке конкретизации этого пункта в платформу попала идея российского суверенитета^[282].

Также было выработано соглашение о совместных действиях избирательного блока – предвыборная технология протопартии «демократов»: координировать действия, избегая конфликтов между своими, стремиться к выдвижению совместных кандидатов в данном округе, совместно выступать против избрания «антидемократических депутатов»^[283]. Обсуждалась возможность использования Московского объединения избирателей как основы предвыборной машины демократов.

Но, хотя многие участники круглого стола участвовали в нем, упоминание этой структуры исчезло из соглашения – блок был открыт для всех, кто не вызывает непримиримого отторжения у остальных участников блока.

Такое соглашение открывало возможность для применения принципа паровоза, когда более известные кандидаты поддерживают список дружественных кандидатов. Тогда избиратели будут голосовать не за более «раскрученных», а за позицию кандидата, освещенную авторитетом «видных демократов». Но для этого дело было за малым – в блок должны были вступить депутаты межрегиональной группы.

23-24 октября декларацию и соглашение круглого стола поддержала учредительная конференция Межрегиональной ассоциации демократических объединений – прототипа общероссийского избирательного блока. Ядро Межрегиональной депутатской группы не вошло в ассоциацию, так как до II съезда депутаты-межрегионалы еще не считались оппозицией. Только провозгласив себя оппозицией, лидеры МДГ открыли путь к созданию «второй партии». У каждого депутата были свои группы поддержки (в Москве организованные в Московское объединение избирателей), но нужно было поделить округа между всеми демократами, чтобы избежать конкуренции. Так что волей-неволей «прорабы перестройки» вступили в переговоры с блоком «Выборы-90», которые успешно завершились в январе 1990 года.

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РОССИЯ

КАК И В 1988 ГОДУ, демократический форум собрался во Дворце молодежи. Но теперь оппозиционеры были здесь хозяевами – никто не ограничивал ни речей, ни решений – предвыборное

мероприятие защищал закон. 20-21 января 116 кандидатов в народные депутаты России и 50 кандидатов в местные и региональные Советы создали блок «Демократическая Россия». В него вошли Межрегиональная ассоциация демократических объединений и большинство организаций круглого стола. Интересы Межрегиональной депутатской группы представляли Г. Попов, С. Станкевич, Н. Травкин, А. Мурашев и М. Бочаров (первые три стали координаторами блока и подписывали его обращения). Программа блока, используя наработки круглого стола, расширила круг источников: «Общую программную ориентацию этого широкого объединения будут определять программные документы Межрегиональной депутатской группы, гуманистические идеи нашего великого современника Андрея Дмитриевича Сахарова, предложенные им Декрет о власти и проект новой Советской Конституции».

Никто не возражал против таких источников. Документы Межрегиональной депутатской группы и Сахарова во многом пересекались не только с декларацией «Выборы-90», но даже с «общественным наказом» 1988 года. Но вектор идейного развития уже сдвинулся от демократического социализма к социал-либеральным «общедемократическим» идеям, и дальнейшая эволюция зависела от новоизбранных депутатов.

В соответствии с программой «Демократической России» новая Конституция должна соответствовать Декларации прав человека ООН, шестая статья должна быть отменена, граждане – получить право объединяться в партии и союзы. Естественно, следовало «отказаться от двухступенчатой структуры съезд – Верховный Совет... Ограничить функции КГБ задачами защиты государства от внешней угрозы и террористической деятельности...» Ссылаясь на мировой опыт, блок выступил за «рынок как регулятор хозяйства» с сохранением государственного регулирования «под демократическим контролем» и с «мощными механизмами экологической безопасности и социальной защиты». Как видим, общедемократический идейный вектор пока не отступил с компромиссной линии Сахарова и круглого стола, которая открывала возможность для развития и либеральной, и социалистической альтернатив после падения коммунистического режима.

Предвыборная программа не стала руководством к действию для лидеров «Демократической России», она была PR-технологией, уступкой демократическому активу, неформалам и разделявшей их взгляды демократически настроенной части населения. Пока вожди «демократического движения» вынуждены были транслировать в массы именно демократические взгляды. В 1991—1993 годах они станут разрушать использованную для продвижения наверх систему советского народовластия.

Дополнение программы в сравнении с идеями круглого стола проводилось под нужды избирательной кампании, что способствовало дальнейшему нарастанию популизма. В итоге ряд положений платформы блока был откровенно противоречив, не рассчитан на выполнение. Рыночные авансы сочетались с «замораживанием цен и сохранением государственных дотаций» «пока сам рыночный механизм не обеспечит приемлемый уровень цен...» Как рыночный механизм может что-то обеспечить, если заморожены цены?

В программу была включена заметная националистическая составляющая, которая должна была помочь «демократам» перехватить голоса «патриотов»: «русский народ... ущемлен, наравне с другими народами Российской Федерации, в своих национальных чувствах». Российские общественно-политические структуры «растворены» в общесоюзных, что лишает народы России «собственной государственности». Что такое собственная государственность, и зачем она нужна народам России, которые и так живут в государстве СССР? Необходимо закрепить суверенитет России, «по новому Союзному договору... в ведение Союза могут находиться лишь те права, которые добровольно переданы ему республиками».

Это был уже существенный отход от «идей Сахарова». Популистская волна замешивала «общедемократические» взгляды с националдержавными.

СМЕНА ВЕХ

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ «второй партии», сопоставимой по влиянию с КПСС, был завершен. Рядом с «номенклатурным аппаратом» работал «демократический аппарат». Правда,

«Демократическая Россия» была еще очень рыхлой, относительно демократичной и трудноуправляемой. Но и КПСС была все более рыхлой, демократичной и трудноуправляемой. Этот политический плюрализм мог вылиться или в хаос, или в советскую демократию, или в либеральный плюрализм, или в авторитарную реакцию. Это зависело от исхода сложной социальнополитической игры. Но это все меньше зависело от неформалов.

Выборы завершили проходивший в летом 1988 – зимой 1990 года постепенный переход к популистскому этапу движения. Перегруппировка в лагере «демократов» завершилась. Теперь его возглавили те люди, которые сумели пройти в депутаты – в большинстве своем бывшие «либеральные коммунисты» и бывшие неформалы. И те и другие – бывшие.

В ходе выборов формировалась альтернативная правящая элита. Ее основу составили региональная бюрократия, номенклатурная буржуазия, «демократический» депутатский корпус, укомплектованный частью статусной интеллигенции, лидеров неформального движения и «либеральной» номенклатуры. Очень многое зависело от того, сможет ли формирующееся гражданское общество и выстроенная снизу советская система взять на себя связи, которые оставались в наследство от распадающейся номенклатуры.

Такая частичная смена элит привела к возникновению в СССР плюралистичного общества с сильными элементами демократии. Гражданское общество могло развиваться настолько свободно, насколько это вообще возможно в условиях сохранения бюрократического государства. В этом отношении политические неформалы выполнили задачу, которую ставили перед собой в 1986—1987 годах.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПАРТИЗАНЫ ПЕРЕСТРОЙКИ...

НА ФОНЕ ГРАНДИОЗНЫХ потрясений прошлого неформалы выглядят несолидно. Ведь они никого не убили, и жертвы с их стороны были невелики. Что такое события 1986—1990 годов в сравнении с Великими революциями, гибелью древних империй или даже какими-то небольшими эпизодами вроде экспедиции Че Гевары. По садомазохистскому счету пролитой крови – ничто. Но может быть для потомков должно быть важнее другое – соотношение масштаба перемен и количества жертв. В этом отношении большое уважение вызывают методы борьбы Махатмы Ганди, сэкономившие немало жизней на пути истории.

Любой результат исторического действия вызывает споры – во благо это было сделано или во зло. Но гибель людей всегда поддается учету, и если можно прийти к результату с минимальными жертвами – это лучше, чем горы трупов.

Масштаб перемен конца 80-х ставит события перестройки в один ряд с важнейшими вехами мировой истории. Поражает бескровность перемен – во всяком случае на территории «славянских» республик. Перемены, которые, как казалось, могли стать результатом только кровопролитнейшей войны (в том числе гражданской), произошли без потоков крови. Эта «ненасильственная война» (в кавычках, как «холодная война») сама по себе является достижением конца 80-х.

Именно неформалы сумели ввести в российскую практику методы ненасильственной массовой политической борьбы (митинги, демонстрации, массовый самиздат и другие) и затем обучили ей официальных «либералов». Эта технология «бархатной революции» (как через год назвали ее в Восточной Европе) могла быть использована в самых разных целях, как показал опыт начала XXI века – и вовсе не революционных. Но она имела очевидное отличие от более привычных методов свержения режима. Это количество крови.

В 1988—1989 годах ненасильственная митинговая революция была не просто технологией, не просто шоу ради смены одного президента другим. Речь шла об основах социального устройства, о переменах во всех сторонах жизни. Тысячи людей приходили на эти митинги, несмотря на опасность преследований, чтобы услышать новое слово, чтобы продемонстрировать властям «силу народа».

В этом отношении неформалы выиграли – они победили коммунистический режим и снизили издержки эпохи перемен. Разумеется, небольшие отряды авангарда не решают судьбу войны, в том числе и ненасильственной. Но без неформалов ненасильственный характер перемен был бы невозможен. Так что если коммунистическому режиму суждено было пасть, хорошо, что ему бросили перчатку неформалы, а не военные заговорщики или бунтующие массы. Если империи СССР суждено было погибнуть, то пусть так, а не в кровавой бане. Если Союзу предстоит возродиться когда-нибудь, или нам предстоят иные качественные общественные перемены, то пусть с помощью ненасильственного массового движения.

«Ненасильственная война» или «бархатная революция» на востоке Европы в конце 80-х привела к разнообразным результатам, многие из которых вызывают сожаление у меня, как и у большинства моих соотечественников. Прежде всего речь идет о распаде пространства СССР. Среди тех, от кого зависит судьба по крайней мере трех европейских стран, вышедших из корня Киевской Руси, стало модным рассуждать:

«Нельзя не сожалеть о гибели СССР, но безумно стремиться к его возрождению». Таково фарисейство. Также рассуждали они на кухнях номенклатурных квартир о свободе. Хорошо бы, конечно, но никак

невозможно – коммунистический режим на века. А когда невозможное стало возможным, они бросились делить шкуру зверя, добывая его.

Ненасильственная революция показала, что ничего невозможного нет, если люди готовы шевелиться ради своей мечты. Возрожденный союз без авторитарного партийного режима – народная мечта, и у нее есть шанс однажды стать явью. Хотя осуществление любого идеала может решить не все старые проблемы и добавить новые. Так уж развивается исторический процесс. Иногда он «доигрывает» незаконченные сюжеты. В 80-е «советское возрождение» не удалось. Но, может быть, оно не удалось с первой попытки?

Неформалы стали стартером массового движения. Уличная оппозиция активизировала действия своих союзников в правящей элите. Неформалы играли роль группы давления в 1988—1989 годах, после чего популистское движение приобрело уже собственную инерцию, и от неформалов мало что зависело. Можно было делать карьеру или пытаться выстраивать структуры гражданского общества. Гражданское общество в современной России – это продукт работы неформалов.

Как в 1986—1987 годах неформалы в качестве доминирующей силы освободительного движения сменили диссидентов (частично поглотив их, отчасти сосуществуя с остатками диссидентского движения), так и популистское «демократическое» движение в 1989—1990 годах сменило неформалов. Раскол неформалов в 1988-м на деле не дал пальму первенства ни одной из фракций – каждая пошла своим путем. Но концепция «большинства» была приемлема для популизма (хотя ведущие лидеры неформалов-«большевиков» после победы популизма были отсеяны новым руководством «демократов»), а концепция «меньшинства» исходила из сохранения традиций именно неформального движения.

На первый взгляд, диссидентское, неформальное и демократическое движения выстраиваются в ряд, подобный знаменитым ленинским трем поколениям освободительного движения XIX века. На практике процесс развития «освободительного» движения в XX веке не был линейным. Эрозия тоталитарного режима привела к образованию неформальной среды раньше, чем диссидентской. Уже в конце 50-х – начале 60-х возникли недиссидентские общественные движения, существующие до сих пор

и считающиеся классическими образцами неформальных – экологическое (дружины охраны природы) и педагогическое (коммунары).

Диссиденты, неформалы и «демократы» представляют собой три волны общественного движения, которые характеризуются различными чертами. Диссидентов отличали приоритет правозащитной тематики и табу на сотрудничество с властями и применение насилия. Демократов характеризовали другие черты: гораздо более широкий спектр политических интересов и ориентация на сотрудничество и даже подчинение той части правящей элиты, которая публично разделяла идеологические постулаты демократии (часто негативные – антибюрократические и затем антикоммунистические, антишовинистические). Несмотря на первоначальную нелюбовь к насилию, демократы быстро избавились от унаследованных со времен начала перестройки ненасильственных «предрассудков» и в значительной своей части поддержали стрельбу по зданию Верховного Совета в 1993 году.

Неформалы, если рассматривать их как явление в целом, обнаруживают очень мало табу и ограничителей. Несмотря на то, что каждая неформальная группа имела свои мифы, стереотипы и табу, общего идеологического контура практически не существовало (за исключением общих с диссидентами принципов ненасилия, разделявшихся большинством). В неформальной среде довольно спокойно общались «демократы», «патриоты», анархисты, монархисты, коммунисты, социал-демократы и либерал-консерваторы различных оттенков. Часто и наиболее тесные связи неформалов устанавливались совсем не по идеологическим принципам, а по направлениям деятельности – защитники памятников, педагоги, экологи и другие. Тем не менее неформалов несложно отделить как от диссидентского, так и от общедемократического движения. В отличие от диссидентов неформалы спокойно относились к взаимодействию с властями, вхождению в государственные и официозные структуры. Они без особых мук совести демонстрировали лояльность к господствующей идеологии, методически разрушая устои режима (иногда, кстати, неосознанно). В отличие от «демократов» неформалы скептически относились к признанным «прорабам перестройки» и «демократическим лидерам» из старой правящей

элиты, предпочитали действия в малых группах, то и дело раскалывая «демократический фронт». Неформалы предпочитали ставить в центр своей деятельности какую-то конкретную социальную работу. При этом почти все неформальные группы имели собственную, подчас весьма оригинальную идеологию, что не позволяло этой среде согласиться на единые идеологические принципы, в то время как диссидентам и демократам легко удалось договориться в основном.

Выделим основные, на наш взгляд, черты неформальной среды:

› преобладание связей горизонтального характера (в отличие от демократическо-популистского движения и партийных структур более позднего времени);

› приверженность социальному творчеству, склонность к поиску новых социальных форм, альтернативизму, «конструктивному утопизму»;

› органический демократизм, стремление к самоуправлению, внутренней антиавторитарности, «коллективному руководству»;

› слабая артикулированность, «прописанность» формальных отношений, формирование внутренней структуры организаций по принципу «корней травы», без системы, на основе личностных связей, стремление к созданию собственной микросреды, стиля жизни (как и диссиденты, но не «демократы», в большинстве своем разделяющие жизнь и «общественную деятельность»);

› отсутствие жестких ограничений на сотрудничество, например, с властью (в отличие от диссидентов и, скажем, народовольцев);

› отсутствие четких идеологических рамок при высокой идеологизированности каждой группы в отдельности (в отличие от диссидентов);

› стремление мыслить глобально, а действовать локально, иметь конкретные социально-ориентированные (то есть направленные на получение социального эффекта, а не прибыли) проекты, подтверждающие идеи или способствующие их воплощению в жизнь.

Все это многообразие признаков можно свести к нескольким простым – социальное творчество, самоуправление, корневая горизонтальная структура, ориентация на сотрудничество, конкретное социальное «делание» при радикализме идей. Нетрудно заметить, что такая среда могла возникнуть (и возникла) сразу после отказа власти

от тотального контроля за обществом (то есть в 50-е). Новым явлением 80-х стало появление политического неформального поля. Ранее политизация неизбежно превращала неформала в диссидента, а с началом перестройки можно было сохранять неформальный стиль, переходя в оппозицию.

Понятно, что такая среда может играть решающую и наиболее заметную роль в начальные периоды общественного подъема – востребуются новые идеи, широкие социальные слои еще только втягиваются в политическую жизнь, но уже готовы поддерживать локальные социальные инициативы. Ранее неформалы предпочитали действовать не высовываясь, позднее их оттесняют «перестроившиеся» правящие элиты и массы, ориентированные на вождя (что для неформалов неприемлемо). Социальные причины снижения массовости неформального движения также понятны – это и завершение революционного процесса (общее падение массовости общественных движений), и социально-экономические трудности (раньше было легче заниматься общественной деятельностью на непрофессиональной основе, а профессионализация приводит к сокращению рядов движения). Неформалы-общественники как явление не имели жестких границ и частично смешивались и с диссидентами, и с демократическими движениями, и со средой официальных организаций (партий, профсоюзов, обществ и т. д.). После того, как популистское демократическое движение оттеснило неформалов с политической арены, неформалы вернулись к своим корням – публицистике, науке, педагогике, в гражданские организации, «третий сектор».

Как часто случается в истории, борьба неформалов кончилась частичной победой и частичным поражением. Враг был разбит, но остался вопрос: «За что боролись?». Неформалы были авангардом армии, которая нанесла поражение коммунистическому режиму. Но они не подчинялись штабу этой армии – они были партизанами перестройки, ее махновцами. Их цели расходились с целями армии Ельцина.

Неформалы не были идеологически едиными. Их либеральное крыло опередило свое время и приближало господство нынешнего идеологического «конца истории». Либералы победили, их языком говорят современные политики и СМИ. Но во всякой тотальной победе

кроется начало будущих поражений – история идей не знает конца. Разочарование в практике либерализма – предпосылка возрождения левых идей, в том числе советской социалистической традиции, выработанной неформалами.

Неформалы-социалисты в составе коалиции победили коммунистов (что казалось невероятным), но проиграли фронту либералов следующий раунд борьбы. Возможно ли было избежать тогда поражения – отдельный сложный вопрос. Но несомненно одно – поражение социалистов никогда не бывает окончательным. Поскольку капитализм победил в современном мире, он создал предпосылки для посткапитализма. Мы живем в эпоху, после которой либо этнократический откат от либерализма в средневековье, либо движение вперед, к посткапитализму, иными словами – социализму. Каким он будет – зависит от конструктивных способностей социалистической мысли, вслед за которой идет социалистическое движение. Работа, начатая советскими социалистами, будет продолжена.

Но значение подъема неформальных движений не ограничивается продолжением истории тех или иных идейных течений. Неформалы сделали гражданское общество постоянным фактором общественной жизни страны. Гражданское общество может быть сильнее, как в начале 90-х, и слабее, как в начале XXI века. Но оно сохраняется, оставляя нашей стране шанс пройти между Сциллой государственного авторитаризма и Харибдой компрадорского олигархического капитализма в пост-индустриальный мир.

notes

Примечания

Вячеслав Леонидович Глазычев в 1963-м окончил Московский архитектурный институт. В 1968 году защитил диссертацию по проблемам дизайна и массовой культуры, кандидат философских наук, автор статьи «Массовая культура» в БСЭ. В 1978 году защитил докторскую диссертацию об организации архитектурного проектирования, но она не была утверждена ВАКом. В 1994 году защитил докторскую диссертацию на тему: «Культурный потенциал городов».

В 1987-1988 годах – секретарь Союза архитекторов.

Здесь и далее воспоминания В.Л. Глазычева записаны во время беседы с автором 2 июня 2005 года.

Подробнее см.: Шубин А.В. От «застоя» к реформам: СССР в 1977—1985. – М., 2001. – С. 336—586.

Глеб Олегович Павловский в 1973 году окончил исторический факультет Одесского государственного университета и стал работать учителем. Участвовал в подпольном кружке, занимал леворадикальные позиции. С 1972 года участвовал в диссидентском движении. Когда это стало слишком заметно, «молодого учителя» уволили из школы.

В 1976—1982 годах трудился столяром.

В 1978—1980 годах входил в редколлегию самиздатского журнала «Поиски».

В 1982 году за участие в диссидентском движении осужден на 5 лет ссылки. После возвращения из ссылки стал заместителем главного редактора журнала «Век XX и мир», председателем совета директоров информагентства «Постфактум» (до 1993 года).

В 1993-м возглавил редакцию журнала «Век XX и мир». С 1995 года – директор Фонда эффективной политики.

Здесь и далее воспоминания Г.О. Павловского записаны во время беседы с автором 29 апреля 2005 года.

Вячеслав Владимирович Игрунов учился на экономиста в Одесском институте народного хозяйства. В 1965—1966 годах входил в подпольный марксистский кружок, затем перешел на либеральные позиции. С начала 1970 года был связан с группой, выпускавшей самиздатский журнал «Поиски». В марте 1975-го был арестован по обвинению в клевете на советский строй, признан невменяемым и освобожден в 1977 году. В июне – августе 1988 года он был одним из основателей Московского общественного бюро информационного обмена, на базе которого в 1991 – м был создан Институт гуманитарных и политических исследований. Стал его директором. В 1993 году избран депутатом по списку «Яблока». В 2003-м, обвинив Явлинского в авторитарных методах руководства и других грехах, создал партию с многообещающим названием СЛОН («Союз людей за образование и науку»). Образование и наука не поняли юмора, и на выборах 2003-го СЛОН успеха не снискал.

В 1973 году студенты исторического факультета МГУ И. Долуцкий, П. Кудюкин и А. Фадин выпустили стенгазету сатирического содержания, за которую Долуцкий был исключен из комсомола и университета, а другие участники подверглись взысканиям по комсомольской и административной линиям (так называемое дело Долуцкого). Кудюкин был инициатором сбора подписей в защиту Долуцкого. Так друзья попали в поле зрения КГБ. Несмотря на это, по окончании МГУ в 1976 году им удалось поступить на работу в престижный институт ИМЭМО, известный тогда как оплот вольномыслия. Кудюкин стал аспирантом и писал диссертацию, а Фадин – младшим научным сотрудником. В начале XXI века Долуцкий вновь оказался в центре скандала как автор идеологизированного учебника истории, который был лишен Министерством образования грифа «рекомендовано».

Павел Кудюкин в 1990 году стал депутатом Ленинградского районного Совета Москвы (избран при поддержке предвыборного блока «Демократическая Россия»), В 1991—1993 годах был заместителем министра труда РФ и занятости РСФСР (с июня 1992 года – заместитель министра труда). В 1994—1995 годах участвовал в организации Социал-демократического союза. Затем отошел от активной политической деятельности. Занимается исследовательской и преподавательской работой.

Здесь и далее воспоминания П. Кудюкина записаны во время беседы с автором 23 сентября 1994 года.

Борис Кагарлицкий был студентом ГИТИСа. В 1979-м он стал кандидатом в члены КПСС. Но КГБ выяснил, что подающий надежды студент ведет «двойную жизнь» диссидента-подпольщика, и в 1980-м Кагарлицкий был исключен как из кандидатов, так и из института. В 1990 году Кагарлицкий был избран депутатом Моссовета. В том же году он стал лидером Социалистической партии, но в силу ее маловлиятельности стремился вместе с другими левыми марксистами и синдикалистами (прежде всего А. Исаевым и А. Шершуковым) создать более мощную левую организацию – Партию труда. Этот проект также не удался. Кагарлицкий сосредоточился на исследовательской и журналистской работе – возглавил Институт проблем глобализации.

См.: Урушадзе Г. Избранные места из переписки с врагами. С. 239—240.

Подробнее см.: Черкасов П. ИМЭМО: портрет на фоне эпохи. – М., 2004. – С. 483—530.

Урушадзе Г. Избранные места из переписки с врагами. С. 241.

Дело Кагарлицкого // Солидарность. – 1991. – № 12; Гласность. – 1989. – № 29; Беседы с П. М. Кудюкиным и Б. Ю. Кагарлицким.

Ранняя эволюция взглядов А. Исаева описана им в беседе с автором и воспроизводится по записи 1986 года.

Исаев А. К. Беседа с автором 21 апреля 1998 года.

Здесь и далее воспоминания В. А. Гурболикова записаны в беседе с автором 21 апреля 1998 года.

Рассказ М. В. Малютина о Клубе социальных инициатив // www.igrunov.ru <<http://igrunov.ru>>

Рождение неформального движения. Беседа В. Игрунова и Г. Пельмана. // www.igrunov.ru <<http://igrunov.ru>>

Там же.

Суханов Л. Три года с Ельциным: Записки первого помощника. – Рига, 1992. – С. 87.

Валерий Хилтунен прошел путь от юного участника коммунарского педагогического движения до матерого журналиста «Комсомолки». До сих пор неутомимый Хилт разыскивает различные проявления общественной активности и рассказывает о них другим. (См. Шубин А. В. От «застоя» к реформам. – С. 526—527.)

Рождение неформального движения. Беседа В. Игрунова и Г. Пельмана. // www.igrunov.ru <http://igrunov.ru>

Там же.

Здесь и далее воспоминания Б. Ю. Кагарлицкого записаны в беседе с автором 30 октября 1999 года.

См. также: Яницкий О. Битва за Лефортово // Москва: город и человек. – Вып. 2. – М., 1989.

Здесь и далее воспоминания В. А. Гурболикova записаны во время беседы с автором 3 ноября 1998 года.

Здесь и далее воспоминания А. К. Исаева записаны во время беседы с автором 12 ноября 1998 года.

Беседа с автором 19 октября 1996 года. Разумеется, инициаторы дискуссий понимали академическую некорректность, на которую указал А. Лубков. В узком кругу они называли делегирование «бакунинским принципом» (в действительности до Бакунина его выдвинул Прудон).

См.: Шубин А. В. Ритмы истории: периодическая теория общественного развития. – М., 1996.

В главе использованы также материалы архива Шубина А. В. Ф. 1986—1987.

Шубин А. В. Партизаны перестройки. Рукопись 1988 г.

Там же.

Устав Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи. – М., 1988. – С. 22.

Предлагают историки // Бауманец. – 1987. – 20 февраля.

Там же.

Шубин А. В. Партизаны перестройки

Предлагают историки // Бауманец. – 1987. – 20 февраля.

Там же.

Там же.

Шубин А. В. Партизаны перестройки.

Там же.

Там же.

Там же.

Неформалы: социальные инициативы. – М., 1990. – С. 106.

По страницам самиздата. – М., 1990. – С. 51.

Там же. С. 58.

Рождение неформального движения.

См. Шубин А. В. Парадоксы перестройки: неиспользованный шанс СССР. – М., 2005. – С. 142.

Кузнецов И. История создания Всесоюзного социально-политического клуба. // Спектр. – 1988. – № 1; По страницам самиздата. – М., 1990. – С. 40.

Сухарев А. Клуб и его вывеска // Община. – 1989. – № 26. – С. 18.

Кузнецов И. История создания Всесоюзного социально-политического клуба // По страницам самиздата. – М., 1990. – С. 40—41.

Кожаринов М. Ю. Эволюция идей во времени, или История системы. Архив Шубина А. В. Ф. 2000. Субкультуры.

Игрунов В. О неформальных политических клубах Москвы // Проблемы Восточной Европы. – 1989. – № 27-28 // www.igrunov.ru

Шубин А. В. Партизаны перестройки.

Мое отечество // Ленинец. – 1987. – № 16.

Община. – 1987. – № 1. – С. 4.

Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

Ракитская Г. Я. Беседа с автором 2 апреля 2005 года.

Кожаринов М. Ю. Эволюция идей во времени, или История системы. Архив Шубина А. В. Ф. 2000. Субкультуры.

В главе использованы также материалы архива Шубина А. В. Ф. 1986—1987.

Здесь и далее воспоминания Н. И. Кротова записаны в беседе с автором 24 июня 2005 года.

Фигуру Шульгина «характеризует, наверное, такой эпизод. После знакомства с членом Заочного социально-политического клуба П. Смертиным он повел нас знакомиться с московскими членами клуба. Узнав о нашем интересе к М. Бакунину, Константин обрадовался и сказал: „А я кропоткинец“ и начал рассказывать нам о том, какой плюрализм и терпимость предполагает анархизм П. Кропоткина. „Позволь, – тихо вставил П. Смертин, также тяготевший к анархизму, а как ты трактуешь этот факт...“ „Замолчи! – яростно проревел на всю комнату Константин так, что всех передернуло. – Так вот, движение могло бы в этом случае...“ „Анархист с такими диктаторскими замашками – это не анархист“, – заметил А. Исаев» (Шубин А. В. Партизаны перестройки).

Шубин А. В. Партизаны перестройки.

Архив Шубина А. В. Тетрадь за август 1987 года.

Архив Шубина А. В. Ф. 1. Декларация Федерации социалистических общественных клубов.

Россия. Партии, ассоциации, союзы, клубы: Сборник материалов и документов. – М., 1993. – Т. 1. – С. 8.

Там же.

Там же. С. 7.

Там же. С. 11—12.

Архив Шубина А. В. Ф. 1987. Декларация рабочей группы «Самоуправление». С. 2.

Шубин А., Исаев А. Тезисы о характере и задачах перестройки. Ч.
2. С. 1

Там же. С. 3.

Там же. С. 9.

Там же. С. 17.

Община. – 1987. – № 2. – С. 9.

Община. – 1987. – № 2. – С. 6.

Уже после ельцинского кризиса мы с Исаевым поменялись местами. Изучив реальную жизнь на предприятии зимой 1987—1988 годов, я стал приходить к выводу, что рабочий класс стремится не к социализму в собственном значении этого слова, а к социальному государству. Рабочие, таким образом, являются не ядром, а одной из сил широкой антибюрократической коалиции. В 1987—1989 годах я работал в Межгородском рабочем клубе – сети рабочих активистов, возникшей до начала массового рабочего движения. В 1989-м рабочее движение наконец стало массовым, прежде всего в шахтерских регионах. «Общинники», к этому времени – анархо-синдикалисты, использовали наработанные в предыдущие годы позиции и синдикалистскую идеологию для создания информационной сети рабочего движения КАС-КОР, фактическим руководителем которой был А. Исаев. Я вошел в совет Конфедерации труда, но в конце 1990-го вышел из нее в связи с поддержкой Конфедерацией программы «500 дней», после чего уже не занимался поддержкой антикоммунистического рабочего движения. КАС-КОР стал ведущим центром информации независимого от КПСС рабочего движения. С этого времени рабочее и профсоюзное движение стало профессией А. Исаева и многих других «общинников». С 1989 года я стал развивать идеи постиндустриального социализма и относиться к революционному потенциалу рабочего класса все более скептически, рассчитывая на возникновение и самосознание нового класса, который будет действительно заинтересован в переходе к принципиально новому обществу («гражданский класс», «информалиат»).

Открытая зона. – Вып. 2 (экстренный). – 1987. – ноябрь. – С. 13.

Там же. С. 14.

Алексей Ковалев – лидер ленинградской группы «Спасение» (группа спасения памятников истории и культуры), пикетировавшей предназначенную к сносу гостиницу «Англетер» в марте 1987 года. Ковалев, таким образом, уже имел опыт уличных акций. Защитник палат Щербакова В. Гурболиков познакомился с защитником «Англетера» на встрече в ВООПик еще в 1986-м и теперь пригласил А. Ковалева поучаствовать в московской уличной акции.

События недели. – 1987. – № 2. – 9-15 ноября. – С. 2. Это сообщение было опубликовано в самиздатском листке «События недели», который стал издавать «общинник» В. Тупикин для освещения текущих новостей в новой драматичной обстановке. В итоге сама «Община» сплотилась теснее, так как люди лучше узнали о работе друг друга. В дальнейшем «События», переименованные в «Хронику общественного движения», были интегрированы журналом «Община».

События недели. – 1987. – № 3. – 16-22 ноября. – С. 2.

Станкевич С. Беседа с автором.

См. например, Шубин А. В. Парадоксы перестройки: неиспользованный шанс СССР. – М., 2005. С. 153—157.

Отражение истории неформальных групп в курсе лекций А. С. Барсенкова «Введение в современную российскую историю» является характерным примером того, что авторы обзорных работ о перестройке уже осознали важность роли неформального движения в событиях этого периода, но еще не нашли времени изучить это явление. В результате при попытке закрасить «белые пятна» получаются такие парадоксы: «Весной 1988 года было объявлено о создании Межклубной партийной группы, в которую вошли „Мемориал“, „Демократическая перестройка“, „Перестройка-88“ и группа „Народное согласие“ (с. 96). Ничего такого объявлено не было, так как Межклубная группа объединяла членов КПСС, а большинство членов перечисленных групп в партии не состояли и войти в такую группу физически не могли. В действительности в МПГ вошли отдельные члены КПСС, состоявшие в перечисленных неформальных организациях.

Открытая зона. – Вып. 2. – 1987. – С. 9.

Прибыловский В. В. Беседа с автором.

Фадеев В. Похождения неформала (очерк 1988 года). – М., 1992. – Вып.1. – С. 22—23. В. Фадеев, предводитель микроскопической Партии мелких и сельских хозяев, состоявшей из двух человек (если третий член был, то остался незамеченным), оставил мемуары, посвященные преимущественно возвеличиванию их автора и обличению «скудоумия» остальных неформалов, не разделявших всю глубину идей В. Фадеева: переделать Россию по образцу Америки. Однако в некоторых фрагментах филолог берет в Фадееве верх над великим политиком, и зарисовки внешних черт событий не лишены остроумия.

Россия. Партии, ассоциации, союзы, клубы. – Т. 1. – С. 14.

Ю. Самодуров, Д. Леонов, Л. Пономарев, Ю. Скубко, В. Кузин, П. Кудюкин, В. Лысенко, В. Игрунов, М. Коваленко, Н. Брагинская, Г. Демин, А. Зверев, Е. Жемкова, А. Вайсберг.

В главе использованы также материалы архива Шубина А. В. Ф. 1987.

Гурболиков В. А. Беседа с автором.

Гурболиков В. Итоги январской встречи // Юго-Запад. – 1988. – № 2. – С. 9.

Гурболиков В. Письмо к Рауфу. Архив Шубина А. В. Ф. 1987.

Гурболиков В. Итоги январской встречи. С. 10.

Пономарев В. Январская конференция ФСОК: репортаж из зала заседаний // Материал для журнала «Левый поворот». Архив Шубина А. В. Ф. 1988 г.

Там же.

На съезде троица в лице Шубина, Исаева и Гурболикова конкурировала с Борей Кагарлицким... Шубин и Кагарлицкий были камерными певцами. Подходили к провинциалам и пытались наедине понравиться. «Давайте контактировать, вы говорили, особенно идеи Грамши...» – склонял Кагарлицкий». (Ихлов Б. Анархия и международный троцкизм // Новый Нестор. – 1994. – № 3. – С. 2.

Ихлов Б. Анархия и международный троцкизм // Новый Нестор. – 1994. – № 3. – С. 2.

Комсомольская правда. – 1988. – 31 января.

Хроника общественного движения. – 1988. – № 1. – 7 февраля. – С. 2.

Волгин Г. С. Свет мирового разума. – М., 2000. – С. 33.

Там же. С. 36.

Большевики, соответственно, понимали под социализмом марксистско-ленинскую модель, которую и отстаивали. Такая абберация памяти понятна с учетом идеологических сдвигов, прошедших с 1988-го до времени написания воспоминаний Г. Иванцова.

Волгин Г. С. Свет мирового разума. – М., 2000. – С. 37.

Хроника общественного движения. – 1988. – № 1. – 7 февраля – С.
3.

Открытая зона. – 1988. – № 3. – С. 1. Комментарий – Архив
Шубина А. В. Ф. 1987.

Открытая зона. – 1988. – № 3. – С. 2.

Община: Новочеркасск. 1-3 июня 1962 г.: Спецвыпуск. – 1988 г.

Хроника общественного движения – 1988. – № 1. – 7 февраля. – С.
3.

Заявка на 13 февраля была подписана В. Золотаревым («Гражданское достоинство»), В. Кузиным («Перестройка-88») и А. Фадиным («Демократическая перестройка»).

«Мемориал», «Гражданское достоинство», «Перестройка-88», «Доверие» и «Демократия и гуманизм» (В. Кузин, Ю. Скубко, Е. Дебрянская и другие герои улицы состояли одновременно в разных группах).

Хроника общественного движения. – 1988. – № 3. – 21 февраля. – С. 2.

Рябов П. Уроки Карабаха // Юго-Запад. – 1988. – № 5. – С. 12.

Хроника общественного движения. – 1988. – № 5. – 6 марта. – С.
4.

Там же.

Фадеев В. Похождения неформала (очерк 88 года). – М., 1992. –
Вып. 1. – С. 20.

Хроника общественного движения. – 1988. – № 5. – 6 марта. – С. 4.

Я был младше их обоих. Но, вероятно в силу темперамента, мой возраст переоценивался. В связи с этим вспоминается такой эпизод. Как-то раз, в возрасте 24 лет, я читал лекцию от общества «Знание» перед территориальной организацией КПСС (то есть перед партийными пенсионерами) о неформалах. Они выслушали очень вежливо и задали вопрос: «Ну хорошо, это ведь все молодежь. А вот с вашей личной точки зрения, человека сорокалетнего, насколько это серьезно?» Я ответил, что это – серьезное движение, и я тоже состою в неформальном клубе «Община». Старики закивали и сказали, что раз так – это всерьез.

Золотарев В. Первые неформалы и политики Советского Союза // www.igrunov.ru

Там же.

Использовался термин статьи А. Исаева «Второй призыв» о событиях истории анархизма.

Почти сразу между стариками и неофитами начались трения. С. Станкевич, наблюдавший неформальное движение с 1987 года, но теперь вступивший в группу «Народное действие», вспоминал о дебюте ее лидера Г. Гусева, в дальнейшем – члена ЦКК КПСС: «Идея Гусева – нужно действие, воздействие на бюрократов конкретно. Его привел Иванцов в подвал „Факел“, где проходила лекция. После нее Гусев изложил программу своей группы – помощь людям, судиться с партократами. Шубин сказал, что не нужно создавать нового, и так много групп. Пора консолидировать силы. Гусев тоже был за консолидацию, но иного рода: не нужно идеологических дискуссий, они не важны». В «Народном действии» Гусева тусовались многие будущие аппаратчики и лидеры «Демократической России» – М. Шнейдер, В. Боксер, С. Станкевич. (Станкевич С. Б. Беседа с автором).

Это был типичный метод работы неформалов, прощупывавших с помощью таких виртуальных проектов готовность как членов своих организаций, так и общества воспринять ту или иную инициативу. Если идея получала отклик в массах, она превращалась в реальное направление социальной или политической работы.

Любопытно, что инициатива с таким «сатанинским» названием способствовала сближению с православной культурой. Дело в том, что рок-музыканты дружили со священником ближайшей церкви, и неформалы сходили на всеобщую, что по тем временам было в диковинку.

Правда. – 1988. – 10 апреля.

Община. – 1988. – № 10. – С. 2.

Там же.

Там же. С. 4.

Там же. С. 5-8.

Московский Ю. В. Беседа с автором 14 февраля 2000 г.

Демократический союз: пакет документов. Москва, 9 мая 1988 года.

Прошлые выходные Жириновский как раз провел на слете федерации, так что технология была отработана.

Открытая зона. – 1988. – № 7. – С. 20.

Фадин А. Холодный август 1988 года, или Беглые заметки о несбывшихся надеждах // Открытая зона. – 1988. – № 7. – С. 6.)

Румянцев О. Г. О самостоятельном движении общественных инициатив: неформальные объединения и их роль в перестройке общественной жизни в СССР. – М., 1988. – С. 46.

От политического монизма – к реальному плюрализму // Неформалы: социальные инициативы. – С. 57—58.

Открытая зона. – 1988. – № 7. – С. 60.

Золотарев В. Указ. соч.

Митрохин С. Рождение «Гайд-парка» // Хронограф – 1988. – № 7.

Московские новости. – 1988. – 5 июня.

Золотарев В. Указ. соч.

Митрохин ошибся. Из фотографий, сделанных «обладателями съемочной аппаратуры», следует, что А. Исаев нес красное знамя. Черное знамя несли В. Тупикин и «альянсисты». В своем описании Митрохин «вручил» красное знамя Исаеву ближе к концу шествия, чтобы таким образом продемонстрировать его «оппортунизм».

Митрохин С. Рождение «Гайд-парка» // Хронограф – 1988. – № 7.

В. Жириновский действительно пришел на Пушкинскую, но слова ему не дали, и он выступал уже после завершения митинга – в самой толпе.

Митрохин С. Рождение «Гайд-парка» // Хронограф – 1988. – № 7.

Видеостенограмма встречи ветеранов общественного движения в ДК «Медик». 1997-й. В «Общине» приведен отредактированный вариант: «Мне 18 лет, все эти годы я живу в СССР, и никогда такого не видела. Как хорошо, что это стало возможным...» (Община. – 1988. – № 11. – С. 20).

Община. – 1988. – № 11. – С. 18—21; Рябов П. Вылазка из подполья, или Социалистический плюрализм мнений на площадях Москвы (размышления об итогах майско-июньской митинговой кампании). Архив Шубина А. В. Ф. Июнь – август 1988; Неформалы. Социальные инициативы. С. 118; Юшенков С. Прощай, Гайд-парк на Пушкинской. // Хронограф-90. – С. 521—539; Материалы фильма «Час откровения». Реж. Кибкало А. В. 1988.

Антонов В. Спорить, чтобы постичь истину // Ленинец. – 1988. – 23 мая.

Золотарев В. Указ. соч.

Община. – 1988. – № 11. – С. 20.

Золотарев В. Указ. соч.

«Час откровения».

Там же.

Солонин М. Разведка боем. Архив Шубина А. В. Ф. 1.

Там же.

Там же.

Хронограф. – 1988. – № 8.

При разгоне пострадала семья В. Губарева.

Золотарев В. Указ. соч.

Там же.

Рябов П. Указ. соч.

См. также: Шубин А. Парадоксы перестройки: неиспользованный шанс СССР. – М., 2005. – С. 218—219, 436—437, 440—441.

Фадеев В. Похождения неформала (очерк 88 года). – М., 1992. – Вып. 1. – С. 5.

Кудюкин П. О демократии и социализме: мини-трактат на злобу дня // Открытая зона. – 1988. – № 7. – С. 111.

Там же. С. 114.

Там же. С. 113.

«Час откровения».

Там же.

Фадеев В. Похождения неформала (очерк 88 года). – М., 1992. –
Вып. 1. – С. 3.

В него вошли А. Исаев, А. Шубин («Община»), Б. Кагарлицкий, М. Малютин, В. Пономарев («Социалистическая инициатива»), А. Верховский, А. Папп, В. Золотарев («Гражданское достоинство»), Д. Леонов, М. Коваленко («Мемориал»), В. Игрунов («Перестройка-88»), Г. Пельман, Г. Павловский, В. Корсетов (Клуб социальных инициатив) и большая группа членов клуба «Демократическая перестройка» – А. Данилов, Л. Волков, А. Медведев, О. Румянцев, А. Приймаги, который привез в Москву идеи «песенной революции» Эстонии. Затем организационный комитет был дополнен представителями всех групп МО ФСОК и новыми группами, «вплывавшими» на волне манифестаций. В его работе участвовали связанные с неформальным движением ученые – Г. Ракитская и С. Станкевич (он входил и в межклубную партгруппу, и в возникшую на волне митингов группу «Народное действие»).

Архив Шубина А. В. Тетрадь за апрель – июнь 1988 г.

Архив Шубина А. В. Ф. 1. Народный фронт.

Открытая зона. – 1988. – № 7. – С. 84.

Общественный наказ партийной конференции. С. 2, 3, 6.

Открытая зона. – 1988. – № 7. – С. 14.

«Час откровения».

«Я сказал, что впервые идет речь, в отличие от четырех предыдущих митингов, о митинге, подготовленном с заготовленным списком ораторов». Экстремизма на митингах больше не будет, так как линия «Народного фронта» «в основном совпадает с линией прогрессивных сил партии», и ораторы из списка «не будут электризовать обстановку». (Хронограф. – 1988. – № 9. Высказывания участников дискуссий этого дня воспроизведены автором «Хронографа» В. Игруновым по магнитофонной записи.)

Хронограф. – 1988. – № 9.

Там же.

Там же.

«Час откровения».

Там же.

Там же.

Хронограф. – 1988. – № 10.

Там же.

Архив Шубина А. В. Тетрадь за июнь – июль 1988 г. О полемике в литературе по поводу раскола ОК МНФ см. Шубин А. Парадоксы перестройки. С. 224.

Известия. – 1988. – 1 августа; Московские новости. – 1988. – 7 августа.

Московские новости. – 1988. – 7 августа. Формально Ильин был неправ – в этот момент «Московский народный фронт» еще не был официально провозглашен. Но на митинге это было настолько незаметно, что статья посвящена акции организации под названием «Народный фронт». Статья вызвала недовольство Б. Кагарлицкого, который раскритиковал «Московские новости», припомнив им «обличительную статью Г. Попова против Б. Ельцина», которую напечатала газета в 1987 году. (Кагарлицкий Б. Указ. соч. С. 109.) Но Кагарлицкий не стал критиковать журналиста и его собеседника Ильина за то, что они пропустили слово «оргкомитет» перед аббревиатурой МНФ. Как говорил Малютин: «С нашей точки зрения, Народный фронт – это уже возникшая реальность». (Архив Шубина А. В. Тетрадь за август 1988 г.)

Кагарлицкий Б. Указ. соч. С. 109.

Павловский Г. Сумгаитчики // Открытая зона. – 1988. – № 7. – С. 105.

Кагарлицкий Б. Указ. соч. С. 109.

Кагарлицкий Б. Ю. Беседа с автором.

Кагарлицкий Б. Указ. соч. С. 110—111.

Например, Рассоха И. Государство и социализм: к вопросу о светлом будущем; марксистом-ленинцем считал себя и новочеркасский член «Общины» П. П. Сиуда.

Наряду с «Общиной» на первый план в федерации вышли немосковские группы: «Спасение» (Ленинград), «Трава» (Краснодарский край), Социалистический клуб (Иркутск), «Шанс» (Харьков) и другие. В каждом из таких клубов было несколько активистов, считавших себя анархистами, что в то время воспринималось в движении как признак особой оппозиционности и идейной смелости.

Там же.

Волгин Г. С. Свет мирового разума. С. 85.

Там же.

Барсенков А. С. Введение в современную российскую историю. – С. 106.

Фадин А. Холодный август 1988 года, или Беглые заметки о несбывшихся надеждах // Открытая зона. – 1988. – № 7. – С. 4.

Обсуждение шло так, как будто люди в действительности собираются работать именно на федерацию. Исаев предлагал спланировать ее и по возможности черпать ресурсы из официальных структур. Иванцов считал необходимым «легализоваться, не поступаясь принципами». Бабушкин, поддерживая линию оргкомитета «Московского народного фронта», также признавал, что у неформалов в условиях спада общественной активности мало собственных сил. Выход – в контактах с творческой интеллигенцией, Ельциным, с «либеральными коммунистами», а также с офицерством. Здесь уже проявлялись две тактики преодоления кризиса неформального движения. Первая («общинная») – в период затишья общественного движения, когда притока масс нет, искать дополнительные ресурсы за счет конструктивного взаимодействия с официозом, пытаться «захватить» часть официальных структур под свой контроль. Номенклатура в это время уже приступала к приватизации официальных структур, и вряд ли неформалы могли надеяться на участие в этом пире. Но в 1988 году это было не вполне очевидно. В 1989-м ситуация прояснится, и сторонники этого подхода будут ориентироваться на создание самостоятельных структур. Вторая линия будет иметь более длинную историю и предопределяет превращение идеи «Народного фронта» в реальность «Демократической России». Эта часть неформалов станет массовой «прорабов перестройки».

Община. – 1988. – № 18. – С. 4.

Шубин А. Нужна ли программа-минимум? Архив Шубина А. В.
Ф. август – декабрь 1988 г.

«Новаторы» позднее, в более свободной атмосфере занялись созданием солидного Союза учителей, который занял эту нишу с большим основанием, но без планировавшейся «общинниками» политизации. От Педагогического общества неформалам остались добрые отношения с НИИ культуры, в помещении которого проводились неформальные мероприятия, и дружба с Тубельским, школа которого стала одной из опорных баз «общинников». Здесь будут проводиться мероприятия анархо-синдикалистов, включая их съезд. От этой школы в 1989 году анархист Исаев выдвинется кандидатом в депутаты Моссовета.

Архив Шубина А. В. В итоге кампании в состав Демфракции вошли Межклубная комсомольская организация, несколько факультетов МГПИ, группы в Москворецком районе, на заводе «Темп» (там работали студенты МГПИ), в МГИАИ, в трех школах, в МОПИ, в Октябрьском районе, в Институте Дальнего Востока АН, в Высшей комсомольской школе, на юрфаке МГУ ИСАА, на истфаке тульского ГПИ, в МХТИ. Эти группы молодых людей затем сотрудничали с «общинниками» и демократическим движением в целом.

В 1988 году в «Общину» входило 30 человек. Как сложились их судьбы? А. Исаев добился преобразования Союза независимых социалистов в Конфедерацию анархо-синдикалистов, стал ее наиболее известным лидером. Он вышел из конфедерации летом 1991-го. Тогда Исаев, к этому времени известный и как редактор информационного агентства рабочего движения КАС-КОР, был приглашен на место редактора газеты Московской федерации профсоюзов «Солидарность». Исаев в 1989—1991 годы активно боролся с официальными профсоюзами и сотрудничал с новыми «независимыми», постепенно разочаровываясь в них. Установив контакт с традиционными профсоюзами, он считал, что они перестроили свою работу как раз в соответствии с принципами федерализма. Так что можно «сменить фронт» и работать со старыми профсоюзами. С тех пор А. Исаев стал идеологом сначала Московской федерации профсоюзов, а затем Федерации независимых профсоюзов России (с 1995 года). В первой половине 90-х «Солидарность» стала «новым ковчегом» социалистической идеологии, в ее редакции работали многие бывшие и действующие «касовцы». Оставшись синдикалистом в широком смысле слова, Исаев в 90-е проделал эволюцию от левого социалиста к социал-консерватору, подтвердив пословицу «кто в 20 лет не левый – у того нет сердца, кто в 40 лет не правый – у того нет ума». С 1993 года Исаев стал православным человеком. Он продолжил политическую карьеру, в 1999 году был избран депутатом Государственной думы от «Отечества». Вошел в «Единую Россию», и после выборов 2003 года возглавил Комитет Государственной думы по труду и социальной политике.

А. Шубин оставался анархо-синдикалистом до 1999 года, после чего заявил, что его взгляды шире. Еще как идеолог Конфедерации анархо-синдикалистов, в 1989 году он начал «обогащать» «общинный социализм»

идеями постиндустриального информационного общества. В 1990—1999 годах был одним из лидеров Российской партии зеленых и других экологических организаций, в 2005-м вошел в руководство

Союза зеленых России. Год отработал советником в аппарате правительства. Время от времени возвращался в политику, но реализовался как ученый историк, написав несколько монографий, учебник и защитив докторскую диссертацию. Работает в Институте всеобщей истории РАН. Остался социалистом и народником. В. Гурболиков с 1991 года работал в «Солидарности». Стал ортодоксальным православным человеком, соредктором журнала «Фома».

В. Тупикин остается членом конфедерации до сих пор. Поработав в «Солидарности», рассорился с Исаевым. Работал как журналист в разных изданиях.

В. Губарев и А. Василивецкий также продолжили карьеру журналистов (в ИМА-пресс). В 2002 году Василивецкий привлек внимание страны, задав Путину каверзный вопрос от имени газеты «Красный тундровик». О. Александрова и О. Петрова в бытность анархо-синдикалистами активно осваивали международные контакты конфедерации, и затем работали представителями иностранных телекомпаний и изданий.

С. Ильин в 1990 году женился и немедленно отошел от движения.

Е. Реутт уехал в Израиль, работает инженером. Ортодоксальный иудей.

Э. Симаконь, пожилая женщина, вступившая в «Общину» с намерением вернуть ее лидеров к марксистско-ленинской истине и увлечь идеей создания «Города Солнца» по заветам Кампанеллы, в итоге стала называть себя анархо-коммунисткой. В 1992 году увлеклась эзотерикой и отошла от движения. П. Сиуда – иногородний член «Общины», житель Новочеркасска, ветеран рабочего движения – сидел за участие в новочеркасских волнениях 1962 года. Большевик и радикальный противник КПСС, вступил затем в конфедерацию. В 1990 году умер (или погиб при невыясненных обстоятельствах). Ф. Борецкий и А. Баранов работали в области компьютерного дизайна и PR. Баранов в начале столетия вернулся к сотрудничеству с Исаевым в системе Федерации независимых профсоюзов России. Ю. Московский в 1990 году перешел на консервативно-державные позиции, работал в Академии управления. В 1999—2005 гг. работал в подчинении Исаева в аппарате «Отечества» и «Единой России», затем – в аппарате Государственной думы.

Ю. Кузнецов в 1990 году тоже перешел на консервативные позиции. Затем стал либеральным экономистом. Сотрудничал с Союзом правых сил.

П. Рябов остался анархистом, защитил кандидатскую диссертацию как философ, занимается преподаванием в МГПИ (ныне ПГУ), участвует в деятельности анархистских групп.

В. Павлов стал либеральным журналистом, публиковал статьи по проблемам профсоюзного движения, где критиковал ФНПР и Исаева. Л. Наумов продолжил работать как педагог-историк. Т. Титова, отойдя от движения, увлеклась исламом.

Т. Истомина, Е. Селивановская и еще несколько очаровательных студенток отошли от движения еще в 1989 году, не желая становиться анархо-синдикалистками.

А. Плотников тоже не стал анархистом. Занимаясь историей XVIII века, проделал эволюцию к либерализму. В 1993 году поддержал расстрел Белого дома. В 2003-м голосовал за коммунистов. Кандидат исторических наук, работает в архиве.

В. Корсетов в конфедерацию не вошел. Стал предпринимателем, входил в РХДД, перешел на либеральные позиции. Сотрудничал с Исаевым и Шубиным как эксперт-экономист.

С. Харламов, историк, давно сотрудничавший с «Общиной», вступил в нее ненадолго. В конфедерацию уже не вошел. Работал как журналист.

С. Крымкин, активист «Социалистической инициативы», во время летней кампании поддержал «Общину». Активно участвовал в работе организации осенью 1988 года, но в конфедерацию не вошел.

Архив Шубина А. В. Ф. август – декабрь 1988 г.

«Община». I учредительный съезд Конфедерации анархо-синдикалистов. 1989. Шубин А. В. «Мир на пути к анархии» (Община. – 1989. – № 30. – С. 17—20).

Подчеркивая свою независимость от современных социальных норм, анархо-маргиналы стали одеваться, как анархисты из советских пропагандистских фильмов – в шинели, папахи и т. д. Тем самым, впрочем, они как раз и укрепили стереотипы анархистской вольницы, с которыми прежде боролись «общинники». Это направление затем растворилось в других контркультурных течениях, придав российскому панку привкус театрализованной политики.

Исаев А. К. Беседа с автором 21 апреля 1998 г.

Так, В. Золотарев выдвинул идею создания партии кадетов. Часть группы (А. Верховский, А. Папп и другие) его не поддержали и создали редакцию независимого издания «Панорама». Группа В. Золотарева сумела привлечь единомышленников по всей стране и создать в 1989 году Союз конституционных демократов, который в 1990-м из-за разногласий лидеров породил сразу два образования – Партию конституционных демократов (В. Золотарев и другие) и Конституционно-демократическую партию (депутат М. Астафьев и другие). Объединить все эти команды под одной крышей было невозможно.

Ельцин Б. Исповедь на заданную тему. М., 1990. С. 74.

Община. – 1989. – № 28. – С. 2.

Федерин С. Гражданская миссия // Община. – 1989. – № 28. – С. 19.

Они утверждали, что Станкевич – ставленник райкома. Участники команды Станкевича это категорически отрицают, но, как мы увидим, ситуация была несколько сложнее.

Кандидат «демократов» С. Станкевич казался райкому вполне приемлемой фигурой. Он был и молодым коммунистом, и молодым ученым, специалистом по политической системе США. В 1987 году вступил в КПСС, в 1987—1988 годах работал на общественных началах в комиссии по контрпропаганде Черемушкинского райкома КПСС. В 1988-м вошел в группу «Народное действие» и Межклубную партийную группу. 10 октября 1988 года Станкевич стал членом координационного совета «Московского народного фронта» наряду с Б. Кагарлицким, А. Медведевым, М. Шнейдером, М. Малютиным, А. Даниловым, А. Федоровским, А. Бабушкиным и О. Ананяном. Райком какое-то время воспринимал общественную активность Станкевича как продолжение «контрпропаганды»; Здесь и далее воспоминания С. Б. Станкевича записаны во время беседы с автором в июле 1993 года.

Харичев И. Избирательная кампания С. Станкевича и другие истории // www.igrunov.ru

Участник кампании Станкевича И. Харичев вспоминает, как типографии отказывались печатать листовки Станкевича даже за деньги (Харичев И. Избирательная кампания С. Станкевича и другие истории. // www.igrunov.ru). В то же время инструктор райкома Н. Кротов рассказывал, как организовывал распечатку листовок Станкевичу и помогал в организации встреч с избирателями. Разрыв отношений между ними последовал после того, как команда Станкевича расклеила листовки о преследовании их кандидата со стороны инструктора райкома Кротова, что было воспринято последним как черная неблагодарность.

Петрова О. Не можем без героя... // Община. – 1989. – № 30. – С. 28.

Подробнее см.: Шубин А. В. Парадоксы перестройки: упущенный шанс СССР. С. 325—326.

Къеза Д. Указ. соч. С. 65. В классификации депутатских групп Джульетто Къезы главное внимание уделено степени их радикализма. Несмотря на попытки введения трехмерности, эта картина все равно остается одномерной: депутаты тянут либо вперед, либо назад. Реальная политическая борьба была значительно сложнее. И депутаты, и политические формирования по-разному видели это «вперед», что приводило впоследствии ко множеству расколов и конфликтов. Для одних «вперед» – это Запад, для других – новый социализм. При этом «державники» также выступали не за возвращение назад, а за новую модель социалистического общества.

Казанник А. И. Интервью в фильме «Съезд побежденных?»

Афанасьев Ю. Н. Интервью в фильме «Съезд побежденных?»

Он между нами жил...: Воспоминания о Сахарове. М., 1996. С. 426.

Скубко Ю. История «Мемориала».

Там же.

235

Там же.

Всесоюзная учредительная конференция «Мемориала». Москва,
28-29 января 1989 года // www.igrunov.ru

Скубко Ю. История «Мемориала».

Хартия Московского народного фронта. М., 1989. С. 3.

Там же.

Там же.

Архив Шубина А. В. Тетрадь за апрель – май 1989 года.

Кагарлицкий Б. Расколовшийся монолит: Россия на пороге новых битв. М., 1992. С. 55.

Там же

Там же

Известия. – 1989. – 10 апреля.

246

Митинг 21 мая // www.igrunov.ru

Там же.

Игрунов В. О становлении политики на рубеже 80-х и 90-х // www.igrunov.ru

Резолюция митинга в Лужниках (г. Москва) 12 июня 1989 г.

Община. I учредительный съезд Конфедерации анархо-синдикалистов.

Община. – 1989. – № 28. – С. 27—30.

Первый съезд народных депутатов СССР. 25 мая – 9 июня 1989 г. Стенографический отчет. Том II. М., 1989. С. 458—459. «Безусловно важным моментом стала реплика Распутина на съезде. После нее обсуждение велось уже в таком ключе – вот видите, они нас опережают, мы отдаем им российскую идею. И это сыграло свою роль в успехе сторонников „русской игры“ среди демократов», – вспоминает Г. Павловский.

Москва. – 1991. – № 2. – С. 17.

Цит. по: Барсенков А. С. Указ. соч. С. 138.

Разумеется, «красивую идею» придумал не Румянцев. Он в это время активно контактировал с кругом Межрегиональной депутатской группы и знал, какие сценарии там обсуждаются. «Российская игра», как мы видели, была в копилке идей уже в 1988-м. В неформальной среде она тоже была не нова и пропагандировалась «Демократическим союзом».

Как раз такие лидеры «либеральных коммунистов», как Ю. Афанасьев и Г. Попов, еще продолжали союзную игру, причем Попов занял место московского лидера демократов после того, как Ельцин сосредоточился на РСФСР.

Суханов Л. Указ. соч. С. 240.

Василевский А., Прибыловский В. Кто есть кто в российской политике. М., 1993. Т. 1. С. 96.

Россия. Партии, ассоциации, союзы, группы. Т. 5. С. 30.

Так, например, организаторами кооператива «Перспектива» в 1988 году стали Г. Пельман (КСИ), В. Корсетов (КСИ, «Община»), В. Аксючиц (редактор православного журнала «Выбор», затем – лидер христианско-демократического движения), В. Игрунов (КСИ, «Перестройка-88») и другие. Первое время кооператив поддерживал неформальные проекты (прежде всего – обмен информацией, распечатку материалов), но затем по закону деления общественных организаций времен перестройки раскололся на ряд отдельных проектов, которые стали поддерживать деятельность разных партий или просто зарабатывать деньги.

Игрунов В. Указ. соч.

Савостьянов Е. О подготовке первого съезда народных депутатов и митинге в Лужниках. // www.igrunov.ru.

Афанасьев Ю. С. Я должен это сказать: политическая публицистика времен перестройки. М., 1991. С. 222.

Воротников В. И. А было это так... М., 1995. С. 338.

Собчак А. Хождение во власть: Рассказ о рождении парламента.
М., 1991. С. 35—41.

Афанасьев Ю. Указ. соч. С. 218.

А вот в «Общине» все наладилось как нельзя лучше. В движение «Демократическая Россия» Конфедерация анархо-синдикалистов не вошла, так что журнал предоставил мне страницы для критики программы «500 дней». Ни у кого не возникло сомнений, можно ли критиковать великого экономиста Г. Явлинского.

Попов Г. Х. Эти четыре года. М., 1989. С. 315.

271

Там же.

Шубин А. Перестройка по Попову – взгляд слева. // РГАСПИ, Ф. 660. Оп. 3. П.1. С. 1—2.

Там же.

Попов Г. Х. Указ. соч. С. 272, 317.

Там же. С. 183.

Шубин А. Указ. соч. С. 6.

Москвичи! Избиратели! Архив Шубина А. В. Ф. 1990.

Создан блок Демократических кандидатов России! // Архив
Шубина А. В. Ф. 1990.

Там же.

Архив Шубина А. В. Тетрадь за июнь 1989 г.

Сравнение проекта и текста декларации блока «Выборы-90» проведено по: Декларация «круглого стола» демократических организаций г. Москвы об образовании избирательного блока «Выборы-90». Проект; Декларация демократических организаций г. Москвы об образовании избирательного блока «Выборы-90». РГАСПИ. Ф. 660. Оп. 3. П. 3.

Соглашение о совместных действиях избирательного блока «Выборы-90». РГАСПИ. Ф. 660. Оп. 3. П. 3.